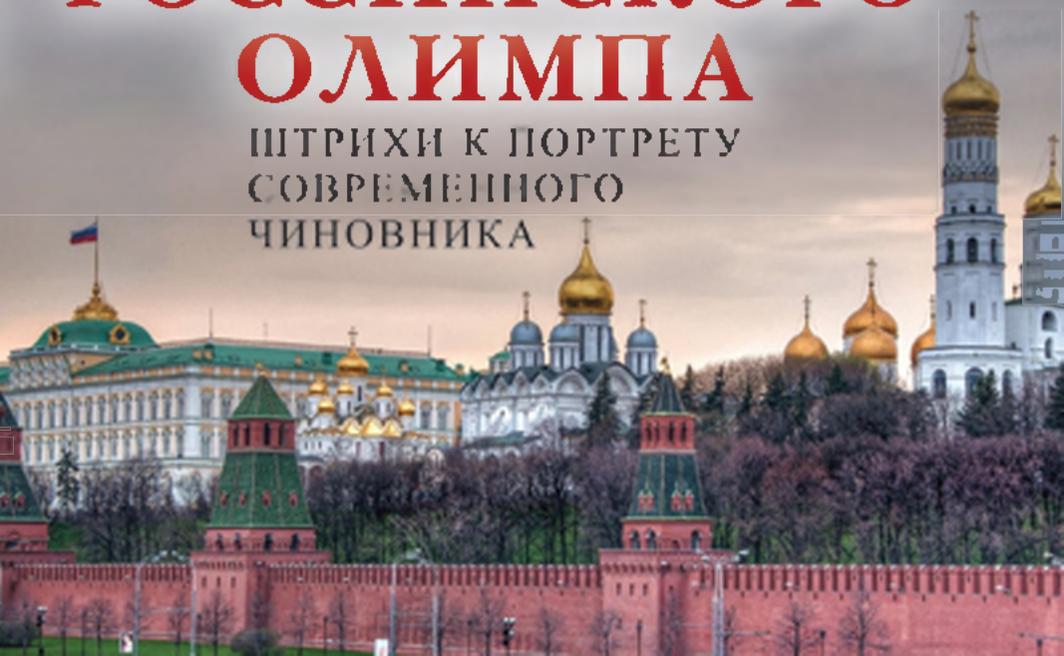

ВИТАЛИЙ ГУЛИЙ

ПОДНОЖИЕ РОССИЙСКОГО ОЛИМПА

**ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
СОВРЕМЕННОГО
ЧИНОВНИКА**

УДК 82
ББК 63.3
Г 94

Автор благодарит Ю.Д. Денисова и В.В. Реброва за помощь в издании книги.

Гулий В. В.
Г 94 Подножие российского Олимпа. Штрихи к портрету современного чиновника. / Виталий Валентинович Гулий. – М.: ООО «Издательство Алгоритм», 2015 – 336 с.

ISBN 978-5-4438-0963-2

Исследование нынешнего современного чиновничества под силу только писателям масштаба Салтыкова-Щедрина и Гоголя. Увы, таких и на далеком горизонте не видно. Между тем, современное чиновничество – явление особенное, отличное от старого – царского и советского. Нынешний чиновник более агрессивен, циничен, беспринципен, свободен от таких качеств, как щепетильность и порядочность. Он ничего не боится, когда ворует с размахом. Родина, Отечество, народ для него не просто пустой звук, это что-то такое, чего... стесняешься. Так утверждает автор, находившийся в среде чиновничества (служил в Администрации Президента РФ) не один год. К счастью, как и везде, и среди чиновничества тоже есть достойные лица.

«Я не ставил перед собой задачу подвести читателя к выводу о бессмысленности существования некоторых высших органов государственной власти, которые порой вынуждены искать и придумывать себе занятие, создавая бесполезные структуры и никчемные дела. Но если у кого-то возникнут подобные мысли, то возражать не стану», – заверяет автор.

УДК 82
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0963-2

© Гулий В. В., 2015

© ООО «Издательство Алгоритм», 2015

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно
и лай.

*Александр Радищев. Эпиграф к книге
«Путешествие из Петербурга в Москву»*

ОТ АВТОРА

Я не претендую на глубокое исследование современного чиновничества. Это работа для ученых-специалистов, а скорее даже для писателей масштаба Салтыкова-Щедрина, Гоголя. Увы, таких и на далеком горизонте не видно. Между тем современное чиновничество — явление особенное, отличное от старого — царского и советского. Нынешний чиновник более агрессивен, циничен, беспринципен, свободен от таких качеств, как щепетильность, порядочность. Он ничего не боится, когда ворует с размахом. Родина, Отечество, народ для него не просто пустой звук, это что-то такое, чего стесняешься.

Как и везде, и среди чиновничества есть достойные лица. Их немало. Однако подавляют их в общей массе «рожи», «свиные рыла». И о тех, и о других будут мои зарисовки.

Я не ставил перед собой задачу подвести читателя к выводу о бессмысленности существования некоторых высших органов государственной власти, которые порой вынуждены искать и придумывать себе занятие, создавая бесполезные структуры и творя никчемные дела. Но если у кого-то возникнут подобные мысли, то автор возражать не станет.

И еще. Когда мои зарисовки были в основном готовы, я рассказал о них одному из давних знакомых, в прошлом тоже журналисту, а затем высокопоставленному чиновнику. О нем, кстати, я хотел упомянуть в положительном контексте. Но он категорически воспротивился «светиться». Сказал, что ни при каких обстоятельствах не стал бы раскрывать «дворцовые

тайны» и выносить сор из избы. Мол, корпоративная этика не позволяет ему так поступать. При этом он мне намекнул, что после публикации я должен быть готов к жесткой реакции своих персонажей. Кто бы сомневался!

Возможно, и прав мой приятель относительно неких этических норм. Хотя, на мой взгляд, этот вопрос далеко не бесспорный, но спорить я не стал. Просто напомнил ему, что в наши с ним молодые годы во многих газетах существовала рубрика «Журналист меняет профессию». И мы, журналисты, на какое-то время перевоплощались в кого угодно: шахтеров, рыбаков, земледельцев, врачей и даже космонавтов. Но чтобы в чиновников — такого не припомню. Так что свой поход в чиновничество я считаю длительной журналистской командировкой.

НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Время «Ч». Кое-что о Чубайсе и его команде

Из героической советской истории хорошо известно о легендарном деде «младореформатора» современной России Егора Гайдара — Аркадии Гайдаре. Известно о нем больше как о талантливом детском писателе, на книгах которого выросло не одно поколение советской ребятни. «Чук и Гек», «РВС», «Бумбараш» и, конечно же, «Тимур и его команда», а также многие другие произведения писателя экранизированы, стали эталоном идеологического воспитания молодого поколения страны Советов. Лейтмотивами его произведений были справедливость, честность, личное мужество и достоинство. Вот такими качествами Аркадий Гайдар (его настоящая фамилия Голиков) наделял своих юных героев, на примерах которых мы воспитывались. Впрочем, и сам автор в юности был героем гражданской войны. В восемнадцать лет полком командовал. Правда, об этом периоде его жизни предпочитали не распространяться. С точки зрения многих наших современников, в том числе либералов, прошлое деда Егора Гайдара было ужасным. Будучи красным командиром, как свидетельствовали очевидцы, он лично расстреливал бунтовавших против советской власти тамбовских крестьян. Даже из партии был исключен за самоуправство и помещен в психиатрическую лечебницу.

Внук наследил в новой истории России куда больше, чем дед. Даже с расстояния всего лишь двадцати лет это очевидно; спор идет лишь о том, какой след он оставил: положительный или отрицательный. Большинство его проклинает, либералы превозносят. Вообще в перестроечные годы происходили странные метаморфозы. Коммунистические вожаки в одночасье меняли марксистские убеждения на прямо проти-

воположные. А диссиденты, вроде известного философа современности А. А. Зиновьева, вдруг стали защищать советский строй.

Егор Гайдар, еще недавно представлявший правящую партийную элиту (был редактором отдела журнала ЦК КПСС «Коммунист», заведомо газетой «Правда»), неожиданно открылся обществу в качестве главного идеолога и проводника западной модели развития страны. На словах — экономической модели, но, как показало время, — модели, меняющей страну, весь образ жизни народа.

Действовал он, как известно, не один, а с командой, которую, видимо, по ассоциации с дедовской книжкой, стали называть: «Гайдар и его команда». Некоторые его соратники (такие, например, как Петр Авен) приписывают Егору врожденные лидерские качества. Лично я, выросший в несколько иной социальной среде, никогда бы не признал вожаком интеллигентного, внешне рыхловатого, да еще причмокивающего при разговоре «ботаника». На самом деле, по моему убеждению, он просто вовремя попался под руку тогдашнего «серого кардинала» и госсекретаря Геннадия Бурбулиса, озабоченного поиском «умных голов», способных хоть что-то предложить Б. Н. Ельцину по выходу из катастрофического положения. И, если мне не изменяет память, подвел Гайдара к Бурбулису Алексей Головкин, руководивший тогда секретариатом госсекретаря. Так что вовсе не лидерские качества и не научная известность выдвинули Е. Гайдара на передний край революционных реформ, а случай.

Одним из влиятельных участников команды стал бывший фарцовщик Анатолий Чубайс. О нем в основном и пойдет речь. Мало кто из политических деятелей, лишившись первых ролей и видимых рычагов власти, смог так долго удерживаться на плаву. А он держится, и все ему нипочем. Ни народное презрение, ни совершенно прозрачные намеки президента о том, что на ЦРУ работал, ни проверки Счетной палаты — ничто не поколебало его самоуверенности, не убавило цинизма. Вот и в отчете палаты за 2012 год приводятся любопытные факты в отношении возглавляемых Чубайсом «нанотехнологов». Их расходы на техобслуживание автотранспорта в

три раза превысили стоимость престижной иномарки водителя. Пресса озвучила этот и другие факты транжирства государственных средств, но до оргвыводов, как всегда, дело не дошло. Более того, на очередном утверждении Госдумой трехлетнего бюджета, в отличие от урезанных социальных статей, расходы на развитие сомнительных технологий не претерпели существенных потерь.

Деятельность Чубайса на всех занимаемых постах исследована под микроскопом. И всюду, где бы он ни приложил свою «реформаторскую» руку, обнаруживаются провалы и убытки государству. На приватизации «нагрелись» избранные, на «электрификации» потери понесло большинство народа. Он даже в аварии на Саяно-Шушенской ГЭС засветился, и, что удивительно, сам признал свою вину. Хотя что-то, а «стрелки» он всегда умел переводить виртуозно. Но даже чистосердечное признание вины на карьере Чубайса никак не отразилось. Создается впечатление, что у власти есть серьезные причины держать его всегда рядом.

Не знаю, помогут ли биографам и исследователям чубайсовского феномена мои заметки, но все же надеюсь внести свой субъективный вклад в раскрытие некоторых сторон неординарной фигуры.

В первый раз мы столкнулись по весьма конфликтному поводу. Я работал в должности представителя Президента РФ в Сахалинской области, А. Б. Чубайс был министром — возглавлял Госимущество страны. Полным ходом шла инициированная новыми реформаторами приватизация государственной собственности, получившая в народе название «прихватизация». О ней написано уже много, но конца не видно. Очень уж болезненно приватизация ударила как по населению страны, так и по самому государству.

На Сахалине, благодаря прогрессивно настроенному губернатору, ученому-экономисту Валентину Петровичу Федорову, все исходящее из Центра установки по линии исполнительной власти не встречали препятствий. Очаги сопротивления порой возникали среди депутатов — законодателей различных уровней, среди которых преобладали коммунисты. Однако многих сахалинцев в действиях губернатора

привлекало то, что он, несмотря на пугающую оппонентов решительность, не рубил с плеча, не сметал с пути старое. Для своей экономической политики он придумал формулу под названием «Три Ф»: «формы, фирмы, фермы». Суть проводимых преобразований сводилась к следующему: внедрять новое, но сохранять то, что доказало свою эффективность. Главным образом это относилось к рентабельным совхозам. Но не только. При В.Федорове процесс приватизации на Сахалине был более или менее понятным и (насколько это реально в условиях полного несоответствия действующего советского законодательства капиталистическим преобразованиям) справедливым.

С уходом В. Федорова с должности губернатора ситуация резко изменилась. Начался, как говорится, большой «хапок». В избранные руки за бесценок попадали лакомые куски собственности по цене, заниженной на порядок. Руководил всей кампанией сахалинский ставленник Чубайса Владислав Рукавец. Бывшего директора профтехучилища в одночасье вознесли на одну из ключевых и «хлебных» должностей: он стал руководителем комитета по имущественным вопросам. И, надо признать, очень усердствовал, дабы оправдать оказанное ему доверие. Впрочем, и его коллеги в других регионах действовали по советскому принципу: «план — любой ценой». «Передовики» пользовались особым доверием, расположением и покровительством Чубайса при любых обстоятельствах. В конечном счете из таких верных соратников сформировался костяк команды Анатолия Чубайса. Например, ярким его выдвиженцем стал Виктор Христенко — бывший руководитель челябинского комитета по имуществу, позже назначенный, невзирая на скандальные «приватизаторские хвосты», вначале министром промышленности страны, а затем поднявшийся и еще выше.

На Сахалине (как и в других местах) контроль хода приватизации осуществляли представители президента. На самом деле этот контроль носил в большей степени условный характер. Запрещать проведение имущественных сделок полпреды не могли, отменять — тем более. Оставалось лишь информировать руководство о перегибах и очевидных нарушениях.

Вот и я, когда понял, что приватизация в области проводится совсем не в государственных и народных интересах, подготовил и направил Б. Н. Ельцину подробную записку с соответствующими выводами. Президент наложил на письмо резолюцию с жестким требованием к А. Б. Чубайсу разобраться в сахалинской ситуации и наказать виновных. Через некоторое время из президентской канцелярии мне пересылают ответ Чубайса и мою записку с его личными пометками. Они же были такого рода: «ложь», «не соответствует действительности», «неправда» и т. д. Признаюсь, меня сильно возмутил формальный ответ министра руководителю государства, а еще в большей мере — эти самые пометки, сделанные его рукой. Выходило, что он обвиняет меня во лжи и заведомом обмане президента. Между тем все факты, изложенные в записке, были проверены и перепроверены. Их устанавливали соответствующие органы, в том числе прокуратура, которую на Сахалине в то время возглавлял Михаил Алексеевич Авдюков, ставший впоследствии прокурором Москвы. Вооружившись документами, я вылетел в Москву на личную встречу с А. Б. Чубайсом.

Разговор с Анатолием Борисовичем получился бурным и мог бы закончиться бог знает чем, если бы вовремя не вмешался А.И. Казаков, работавший в то время начальником управления министерства и курировавший его территориальные органы. Впоследствии А.И. Казаков стал моим прямым начальником и, вспоминая ту первую встречу, признавался, что опасался, как бы дело не дошло до банальной драки.

Меня же поразило и, не скрою, вывело из равновесия открытое нежелание руководителя признавать «ошибки» своих подчиненных и выслушивать аргументы другой стороны. Он априори стоял за «своих», всем видом и поведением подчеркивал, что никакие доводы не помешают ему изменить даже не позицию, а позу.

Словом, скандальное вышло знакомство. Не знаю, что подумал обо мне А. Б. Чубайс, но на меня он произвел тяжелое и неприятное впечатление, которое сохранялось долгое время.

После возвращения на Сахалин пришлось «закручивать гайки» местным приватизаторам. Подключил контрольные службы и отслеживал фактически каждую крупную имуще-

ственную сделку. Удалось предотвратить на некоторое время откровенный грабеж ряда государственных объектов. Но в целом это не повлияло на общий процесс. Лишь притормозило его. Уже после моего отъезда в родном для меня городе Углегорске был пущен буквально «на гвозди» доставшийся еще от японцев уникальный целлюлозно-бумажный комбинат, производящий и экспортирующий газетную бумагу в десятки зарубежных стран.

Да что Сахалин! Его активы — песчинка в океане объектов приватизации, курс которой задавали американские советники Анатолия Чубайса. Его приемник на посту главы Госимущества Владимир Полеванов за голову схватился, когда стал разбираться в принятом хозяйстве. Оказалось, что на государственной службе в министерстве состояли иностранцы (как впоследствии выяснилось — сотрудники ЦРУ). Один из них, Дж. Хэй, купил 30 процентов акций Московского электродного завода и действовавшего с ним в кооперации НИИ «Графит» — единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолетов-невидимок типа «Стелс». После чего, как писал в докладной записке президенту В.П. Полеванов, Дж. Хэй заблокировал заказ российских военно-космических сил на производство высоких технологий. К сказанному следует добавить, что «амурский разоблачитель» (В.П. Полеванов до назначения в Госимущество возглавлял Амурскую область) продержался на посту министра и вице-премьера чуть более месяца. Говорят, что его скоропостижной отставке активно способствовали из США. Весьма правдоподобная, на мой взгляд, версия. Ведь на кону стояли не просто большие деньги, но объекты, обеспечивающие безопасность страны.

Мне известны только два российских деятеля, которые серьезно противодействовали политике, проводимой А. Чубайсом. Это московский мэр Юрий Лужков и приморский губернатор Евгений Наздратенко. С дальневосточным губернатором я был хорошо знаком не только по службе. Он мне рассказывал о многих интригах, связанных с попытками его смещения. В конечном счете, убежден Евгений Иванович, именно Чубайс подвел его к увольнению. Лужков оказался тому не по зубам, продержался гораздо дольше и был уво-

лен без участия Чубайса. Хотя кто знает, как было на самом деле? Во всяком случае, нам так и не объяснили, в чем именно выразилась «утрата доверия», а предположить, что бывшего президента подвигла на это решение страсть мэра к личному обогащению, как-то несерьезно: ну кто из дорвавшихся к власти в этом не грешен?

Со мной тоже приключилась странная история, которая коренным образом изменила дальнейшую жизнь: на меня было совершенно нападение в подъезде моего дома. Этот случай после проверки и следствия расценили как «хулиганский» и списали на заурядную «бытовуху». Разбираться приезжал специально направленный Б. Н. Ельциным вице-премьер С.М. Шахрай. Ему я вполне определенно сказал, что в «хулиганку» и месть местной «братвы» не верю и заказчиков нападения найду: на Сахалине им не скрыться. Позже выяснилось, что нападавшие были «залетные», с материка, выполняли «заказ». И, наверное, мне бы удалось найти доказательства своей версии, отличной от официальной, но вызвали вместе с семьей Москву, где убедили забыть все происшедшее и предложили работу в Администрации Президента РФ. До сих пор мучаюсь над вопросом, правильно ли поступил, дав согласие на перевод? Выбор все-таки был. А с другой стороны, как бы вернулась жизнь, начни я собственное расследование?

Много неувязок было в этом нападении. В «лихие девяностые» покушениями и убийствами трудно было кого-нибудь удивить. Но чтобы хулиганы пытались убить (а этот факт был установлен) высокопоставленного государственного служащего на пороге его квартиры, да к тому же в доме, который заселен «чекистами» (он был построен для работников ФСБ) и другими стражами закона?! До такой наглости вроде бы не доходило. Хотя история получила широкую огласку в стране, истинные причины резонансного происшествия так и не установили. Потому и остались у меня вопросы, кому это было выгодно. И волей-неволей начинаешь связывать это происшествие с выполнением «приватизационного плана» в отдельно взятом регионе.

Тем не менее эти сомнения не помешали работать под началом одного из самых выдающихся, на мой взгляд, членов

команды А. Б. Чубайса — Александра Ивановича Казакова. Так получилось, что вскоре после моего назначения начальником отдела одного из управлений администрации президента А. И. Казаков возглавил это самое управление.

Все знали, чей он ставленник. Но за его спиной была другая школа, другой жизненный опыт. Да и возрастом он был постарше «младореформаторов». Доктор экономических наук, заведовавший в советское время отделом науки одного из московских райкомов КПСС, он обладал не только большими навыками организаторской работы, но и был хорошо известен в научной среде, воспринимаем лидерами оппозиционных сил.

Не хочу преувеличивать, но за многие годы работы с А. И. Казаковым не припомню, чтобы у него были явные враги. Оппонентов — сколько угодно, а вот врагов не было. Не собираясь идеализировать, не могу не отметить его уникальную способность найти компромиссное решение в практически безвыходных ситуациях. «Переговорщиком» он был виртуозным. Мне не раз приходилось быть свидетелем его телефонных разговоров (Казаков включал громкую связь) с Виктором Степановичем Черномырдиным — Председателем Правительства РФ. Администрацию Президента РФ в то время возглавлял Сергей Филатов. У Филатова с премьер-министром отношения не сложились. «ЧВС» (так на чиновничьем сленге звали Черномырдина) предпочитал лишний раз напрямую не общаться с кремлевским руководителем. Своеобразным посредником между ними был как раз Казаков, которому «ЧВС» доверял и симпатизировал и первому в «доступной» для старых аппаратчиков форме выражал недовольство действиями администрации. Затем Казаков передавал черномырдинскую критику (разумеется, в отредактированном виде) непосредственному начальнику. Даже для меня, хорошо знакомого со «вторым» русским языком, оставалось загадкой, как можно было из мата, перемешанного междометиями, воспроизвести нечто связанное и осмысленное? Казакову «перевод» удавался легко.

После перевода из Госимущества А.И. Казаков возглавил территориальное управление президентской администра-

ции. То есть профиль работы у него остался прежний, с той лишь разницей, что влияние его на процессы, происходящие в регионах, неимоверно возросло. Позиция управления по политическим вопросам, кадровым перестановкам и многим другим проблемам при принятии решений считалась основной. Отстаивая свою точку зрения, он мог лично докладывать ее Б.Н. Ельцину. Такое случалось нередко, поскольку понимание у непосредственного руководителя С. Филатова находил не всегда. Разные они люди и по мировоззрению, и по вопросам дальнейшего государственного устройства. И эта разница, как многим тогдашним чиновникам представлялось, была не в пользу Филатова. Что в конце концов привело к первому увольнению А.И. Казакова из администрации президента.

Еще раньше (за несколько месяцев до него) уволился и я. Причины увольнения у нас совпадали — расхождение в позициях с руководителем Администрации Президента РФ. Поводы, правда, были разные. Для меня последней каплей стало решение об увольнении ряда представителей президента по результатам выборов в Государственную думу в 1995 году. Как известно, тогдашняя партия власти «Наш дом — Россия» (ее еще называли «Наш дом — дурдом») получила в Госдуме лишь третье место, после КПРФ и ЛДПР. Но вины полпредов в этом не было никакой. Они по указанию Администрации Президента РФ, как официальные должностные лица, не принимали участие в выборной кампании. За ее результаты отвечали губернаторы. Однако после провала власти на выборах стали искать, как принято, «козлов отпущения» на стороне. С подачи помощника президента А. Корабельщикова, тяготевшего к губернаторскому корпусу, решили «перевести стрелки» на полпредов.

Я категорически отказался визировать соответствующий указ. Хотя некоторые лица из «расстрельного списка» заслуживали освобождения от занимаемых должностей, но заслуживали совсем по другим основаниям. Откровенная подмена виновных и стремление руководства в очередной раз собственные просчеты свалить на подчиненных меня больше не устраивали: надоело быть «винтиком» в разболтанном управленческом механизме. Не удалось защитить коллег, и я написал заявление об увольнении по собственному желанию.

У Казакова тоже конфликт носил затяжной и принципиальный характер. Сам он всегда был последовательным сторонником укрепления президентской вертикали. И когда заигрывающий одновременно и с губернаторами, и с либералами С. Филатов «продал» идею выборности глав исполнительных органов субъектов федерации, Казаков считал для себя неуместным дальнейшее пребывание в президентской администрации. А тут ему предложили пост главы Госимущества и вице-преьера правительства. Через полгода состоялись президентские выборы, которые полностью изменили расклад в команде Б.Н. Ельцина.

Бытует мнение (его, кстати, придерживается один из должителей на посту руководителя президентской администрации А. С. Волошин), что нынешнюю администрацию президента структурно и идейно выстроил Анатолий Чубайс. Это не совсем верно. Да и Александр Стальевич, по свойственной ему манере, явно умаляет свой вклад в строительство и совершенствование президентской структуры. Мне довелось работать с шестью его предшественниками: от Ю.В. Петрова, С.А. Филатова, Н.Д. Егорова, А.Б. Чубайса, В.Б. Юмашева до Н.Н. Бордюжи. Каждый из них что-то строил и надстраивал в доставшейся конструкции на свой вкус и лад. Суть ее от косметического ремонта мало менялась. Могу судить даже по многочисленным записям в своей трудовой книжке. Как бы ни называли при очередной реорганизации наше управление, оно все равно выполняло задачи, связанные с работой полпредов в регионах.

Но, правда и то, что с приходом А. Чубайса в 1996 году на должность главы президентской администрации ее работа приобрела более четкую системность. Прежде всего, потому, что было принято положение об администрации Президента Российской Федерации, определяющее ее как государственный орган. Помощники президента стали подчиняться заместителям главы администрации, аппарат Совета безопасности влился в структуру администрации. Появились новые подразделения, хотя целесообразность создания некоторых вызвала вопросы. Например, было образовано управление по вопросам местного самоуправления. Раньше этими вопросами

занималось территориальное управление, что вполне вписывалось в управленческую логику. Но, видимо, А. Чубайсу понадобилось пристроить соратника по разделу государственного имущества Бориса Минца, вот и создали под него подразделение с высокой должностью. Так, по крайней мере, среди аппаратчиков объяснялось появление в их среде бывшего начальника главного управления Мингосимущества России. С ним вообще любопытная история связана. Несмотря на протекцию Чубайса и тесную с ним связь, Б.И. Минц не имел допуска к секретным документам: спецслужбы не оформляли, поскольку у него было двойное гражданство: российское и израильское. Как ни давил на «чекистов» Чубайс, они уперлись: не положено — и все тут. И действительно, в каком уважающем себя государстве иностранные граждане состоят на государственной службе и знакомятся с государственными секретами?!

Не менее абсурдной выглядела картина, когда офицер спецсвязи приносил секретный документ, передавал его под расписку заместителю Минца, а тот зачитывал содержание своему начальнику. Но Анатолий Чубайс, как уже говорилось, «своих» (я бы уточнил: не всех «своих», а особо приближенных) не сдавал.

Борис Минц продержался в должности несколько лет после ухода своего патрона. Уже Путин его уволил. В последующие годы Минц, занимаясь различными бизнес-проектами, сказочно разбогател. По разным источникам его состояние оценивается в 600 миллионов долларов. Впрочем, на широкую ногу живут многие члены команды Чубайса — организаторы и участники приватизационных схем и залоговых аукционов.

Многие считают А. Чубайса жестким администратором. И это тоже правда. Но я бы добавил к его характеристике еще одну черту: циничность. Для реализации тех целей, которые он ставил перед собой, для преодоления сопротивления оппонентов и игнорирования общественного мнения, которое отнюдь не воспринимало действия реформаторов ельцинской эпохи, требовалась твердость, умноженная на цинизм.

Анатолию Чубайсу приписывают разные высказывания вроде того, что «если в ходе реформ страна потеряет 30 миллионов своих граждан, то ничего страшного не произойдет —

новые вырастут». Чубайс от таких слов отрекнется. А когда он в чем-нибудь признавался? Разве что, как говорилось выше, в случае с аварией на Саяно-Шушенской ГЭС? Но тогда доказательствами, что называется, приперли к стенке.

Стремясь повысить роль администрации, усилить ее влияние на общественно-политические процессы, сделать зависимыми от нее федеральные исполнительные органы власти, А. Чубайс выражал интересы не только своих сподвижников, но и кремлевского чиновничества в целом. В том числе и представителей президента. Увы, такова человеческая природа: если есть возможность возвыситься над другими, то почему бы ею не воспользоваться? Искусный оратор, он мог убеждать людей в правильности своих решений. Признаюсь, сам не раз попадал в плен его логически выстроенных аргументов и, уверенный в их правоте, добросовестно выполнял поручения. Тут необходимо отметить, что, несмотря на твердую руку главы администрации, демократический подход к обсуждению принципиальных вопросов, при нем не был истреблен. Но только, подчеркиваю, на стадии их обсуждения. Существовало такое правило: если не смог отстоять свою позицию — выполняй принятое решение.

Помню случай. После президентских выборов в 1996 году перед Центром встал вопрос, кого из губернаторов поддерживать на региональных выборах. Как участнику проведения минувшей кампании на Дальнем востоке (по линии неофициального штаба, которым руководили помощник Б.Н. Ельцина В. Илюшин и А. Чубайс) А. Казаков, уже ставший первым заместителем руководителя администрации, предложил мне высказать свои соображения. Из представленного списка кандидатур я отклонил фамилию сахалинского губернатора И. Фархутдинова. К нему имелись серьезные претензии в части его личного участия в проведении президентской кампании. В первом туре она на Сахалине фактически была провалена. Губернатор занимался подготовкой собственных выборов и лишь после вызова и «накачки» в Москве сумел во втором туре «получить» нужный результат.

Казаков удивился моей позиции.

— Как так, — спрашивает, — ведь это ты в свое время его рекомендовал?

Однако приведенные факты его убедили, и он пообещал поддержать мое мнение, но с оговоркой.

— Поддержать-то поддержу, — сказал Александр Иванович, — но результат не гарантирую. Решение по кандидатам сейчас принимается коллективно, совместно с членами правительства. А там у твоего земляка уже сильная поддержка имеется. Шойгу за него горой стоит.

Об этой поддержке мне было известно. Она и сыграла свою роль при голосовании, хотя Чубайс (говорю со слов А. Казакова) доложил об имеющихся возражениях. Пришлось выполнять принятое решение, помогать человеку, в котором сомневался. Таковы были правила. Иначе в команде не играют. Другое дело, когда их нарушали сами капитаны, требующие от остальных безусловного исполнения дисциплины. Чубайс в этом смысле (как бы ни утверждали обратное) был нередко непоследователен. Приведу два особо запомнившихся примера из собственной практики.

Как уже говорилось, мне пришлось многие годы курировать работу по подбору и расстановке кадров полномочных представителей президента в регионах. Хотя институт полпредов критиковали все, кто только мог: депутаты, губернаторы, члены правительства, политики всех мастей, — но все вакансии на эту должность отслеживались внимательнейшим образом. Стоило по каким-либо причинам освободиться месту представителя в регионе, как на него сразу очередь выстраивалась. Прежние отъявленные критики будто забывали, о чем говорили вчера, и заваливали президента письмами с рекомендациями «достойных» людей на должность его доверенных лиц. Особо усердствовал в продвижении своих «соколов» Владимир Жириновский. Однако стоило начать проверку его кандидатур, как вместо «соколов» оказывались какие-то «стервятники» с милицейско-криминальным хвостом. Вождь либерал-демократов просто отмахивался от фактов, дискредитирующих его соратников, и писал жалобы на чиновников-бюрократов.

Напомню, что закон о государственной гражданской службе был принят много позже — в 2004 году. Тогда же, до закона, приходилось руководствоваться весьма расплывча-

тыми критериями, нормативно нечеткими. Формально проверялось лишь наличие судимости. Все остальное зависело от того, какая поддержка имела у кандидата на Старой площади или в Кремле. Вот и получалось, что в ближний круг президента подчас попадали его вчерашние политические враги. Какую политику они проводили в регионах, и догадываться не стоит. Копий в администрации по этому поводу было поломано немало, но безрезультатно. С приходом Чубайса положение стало меняться. Во-первых, сразу договорились не назначать (ни при каком давлении сверху и со стороны) на должности представителей президента проигравших выборы губернаторов. Во-вторых, удалось убедить руководство определить критерии оценки кандидатов на должность полпреда. Таких критериев было восемь:

- возраст (от 35 до 50 лет);
- специальность по образованию (приоритет — юрист, экономист);
- профессионализм, опыт работы в структурах управления;
- известность среди населения, деловых, общественно-политических кругов региона;
- «чистота» биографии (отсутствие связи с криминалом, склонности к использованию служебного положения в личных целях, наличия «негатива», известного общественности и т.д.);
- политическая ориентация (гласная и негласная);
- принципиальность в отношениях с региональной властью;
- коммуникабельность, представительность.

Руководство, конечно, удивилось кадровому «ноу-хау», но дало «добро» на использование его в работе. На самом деле ничего нового я не придумал. Все это было использовано и десятилетиями апробировано в советское время, главным образом при подборе и расстановке партийных кадров. Другое дело, что опыт работы с кадрами (как, впрочем, и многое другое) не был востребован новой властью. Думаю, потому, что он мешал расставлять на ключевые посты «нужных» людей. Вот и на этот раз, согласившись с «критериями», их не стали официально утверждать, решили посмотреть, что будет дальше.

Дальше получилось следующее. Многие из предлагаемых кандидатур стали «сыпаться» при первом же тестировании. В основном «горели» на символическом «пятом пункте» (для тех, кто забыл, напомним: в советские времена под «пятым пунктом» подразумевалась национальность, по которой, считается, «отсеивали» евреев). Назначения затормозились. И тут Анатолий Борисович стал изменять им же установленным правилам. Представителем Президента РФ в Алтайском крае назначается В. Райфикешт, в Рязанской области — Г. Меркулов. Оба — бывшие губернаторы этих регионов. Первый из «демократов», второй, наоборот, из «партократов». Оба вчистую проиграли выборы, что как нельзя лучше свидетельствовало об их истинном авторитете среди населения.

Мне не удалось выяснить у самого Анатолия Борисовича, чем он руководствовался, фактически приставив к президенту доверенными лицами людей, которым народ не доверяет? Сделать это протокол не позволял — не положено через голову прыгать. Зато первого заместителя руководителя администрации А. И. Казакова расспросил подробно. Александр Иванович в смущении только руками развел: не мог, дескать, ничего сделать — «сильно попросили».

Так сломалась, не успев нормально поработать, схема по подбору кадров полпредов. Причина, вынужден повториться, состояла в том, что она стала преградой при назначении на государственные должности «своих» людей. Уверен, примени «критерии» к таким личностям, как упомянутый выше Виктор Христенко или ростовский полпред Виктор Усачев, некоторым другим выходцам из Госимущества, — они бы не выдержали проверки по «пятому пункту».

Важнейшим элементом аппаратной жизни является «доступ к телу». Здесь имею в виду не только главу государства, но и любого вышестоящего руководителя. Каждому из них трудно поменять свою позицию по тем или иным вопросам, если она убедительно навязана людьми, на которых он опирается, которым доверяет. В аппарате всегда преимущество у тех, кто вхож к начальству, кто первым открывает двери. Чиновники всегда боролись между собой за право первым доложить президенту, руководителю администрации и т. д. Испытал на

себе сам: если опередят с докладом по какому-нибудь вопросу оппоненты, то приходится тратить много времени и усилий для того, чтобы отстоять свою точку зрения и убедить начальника изменить решение. Удавалось не всегда.

Что тогда говорить о влиянии на главу государства, от указов которого в большей степени, чем от законов, зависело все происходящее в стране! Не все сменившие друг друга за прошедшие годы руководители президентских администраций имели равные возможности доступа к первому лицу. При Б. Н. Ельцине в большей степени это право было у его многолетних помощников В. В. Илюшина и А. И. Корабельщикова. Второй курировал работу с регионами и, как я уже писал, мог лично влиять на расстановку кадров, в том числе и полпредов.

С приходом к руководству администрацией Анатолия Чубайса помощники потеряли свой аппаратный вес. Чубайс старался замкнуть на себя доступ всех чиновников к президенту, отслеживал все направленные главе государства бумаги. Неудобная «крамола» отсекалась и «нейтрализовалась» уже на дальних подступах. Представители президента, которые раньше имели возможность (либо в письмах, либо на встрече) донести своему формальному «шефу» свои соображения-предложения, этого были лишены. Тем самым терялся смысл их существования — быть для главы государства первоисточником информации о положении дел в стране.

А. Б. Чубайс проработал в должности Руководителя Администрации Президента РФ недолго (с июля 1996 года по март 1997 года), но памятные следы оставил. Впрочем, «наследил» он в постперестроечной России так, что его еще очень долго не забудут.

Мне приходилось с ним встречаться и после ухода из президентской администрации. Однажды, когда Чубайс возглавлял РАО ЕЭС, я по просьбе «Парламентской газеты» готовил с ним интервью. В новом качестве он был популярен у журналистов не менее, чем на прежних должностях, и газеты считали удачей заполучить его на свои страницы. Пресс-служба РАО вела строгий отбор желающих, подходя к ним очень избирательно, не распыляя ресурс своего шефа. Мне помог встретиться с ним А. И. Казаков, уже ставший сенатором, но

сохранявший с Чубайсом тесные отношения. Встретил меня Анатолий Борисович сдержанно-приветливо. Узнал и вспомнил... но не о совместной работе в администрации президента, а о Сахалине. Точнее, о «толковом мужике», который там приватизацией занимался. Стал припоминать его фамилию.

— Рукавец, — подсказал я.

— Как он там? — обрадовался подсказке собеседник.

— Вроде неплохо. Депутатом облдумы стал, — поделился я известной мне информацией и перевел разговор на тему, ради которой пришел.

С собой для беседы я принес два диктофона (один для страховки). Однако пресс-секретарь заявил, что они в таких случаях используют свою технику.

— Тогда, может быть, вы сами вопросы зададите и ответы подготовите, а я потом зайду за ними? — спрашиваю хозяев.

Чубайс, поняв, что подчиненные перегибают палку, распорядился не мешать нашей беседе. Честно говоря, через несколько минут я забыл про свои диктофоны, настолько был увлечен рассказом собеседника. Успевал лишь задавать заготовленные и уточняющие вопросы. Чубайс практически не пользовался разложенными на столе бумагами. Так, изредка заглядывал в них, сверяя свою память. Она же у него всегда была великолепной — даже мое сахалинское происхождение вспомнил. Когда пришел черед прощаться, мне опять поставили условие: подготовленный для печати текст подлежит обязательному согласованию с автором. Могли бы и не напоминать. Это главное правило любой уважающей себя газеты, любого серьезного журналиста.

Кто знал, что именно здесь меня поджидает «засада». А дело было вот в чем. Когда я сел за расшифровку записи беседы, то быстро понял, что с подготовкой газетного текста у меня будут серьезные трудности. То, что легко и убедительно воспринималось на слух, в письменном изложении теряло всякий смысл и напоминало абракадабру. Дня два мне пришлось помучиться, чтобы подготовить текст интервью, соответствующий содержанию и стилистике состоявшегося разговора. В редакции газеты его одобрили, а в РАО ЕЭС, наоборот, «завернули» и предложили свой вариант. Теперь редакция

воспротивилась печатать казенный текст. Я уже и рукой махнул на это дело, но тут приносят мой вариант с личным автографом Анатолия Борисовича. Его и напечатала газета.

Чубайс всегда мог произвести впечатление на собеседника. Ни один из заданных в ходе интервью вопросов не поставил его в тупик: отвечал без запинки, уверенно и убежденно. Например, спрашиваю его: «Анатолий Борисович, почему вы убеждены, что именно вы и ваши единомышленники правы, предлагая ответы на вопросы, которые волнуют сегодня страну?».

— Есть такое высокое понятие — патриотизм, — без тени смущения отвечает Чубайс, — А если точнее — российский патриотизм. Так вот, патриоты не те, кто превратил это слово в заклинание и кричит о своей любви к стране на каждом углу. При этом ничего не делает, только путается под ногами и мешает работать другим. О патриотизме, как, впрочем, и о многом другом, нужно судить только по конкретным делам.

Что тут возразишь, какой здравомыслящий человек с этим не согласится? Другой вопрос, что подразумевается под конкретными делами — заслугами младореформаторов? И здесь Чубайс не лезет в карман за ответом. Он у него наготове. Оказывается весь позитив: стабильный профицитный бюджет, сокращение внешнего долга, рост валового продукта и зарплат, снижение инфляции и т. д. — все это возникло благодаря основе, заложенной командой Анатолия Чубайса. К уже перечисленному он добавляет Конституцию страны, новое законодательство России и, конечно же, частную собственность как основу российской государственности. В итоге появляется мысль о том, что путинская команда пришла на готовенькое и только развивает наследство предшественников.

Меня всегда поражала способность отдельных современных политиков забалтывать людей. По-научному это называется демагогией. Большое, кстати, искусство. Равных Чубайсу в нем мало найдется. Ведь какими способностями надо обладать, чтобы заставить народ и руководство страны десять лет верить в то, что после реструктуризации РАО люди наконец получат в дома дешевую электроэнергию. В действительности же «чубайсовская энергореформа» оказалась еще одним

надувательством в особо крупном размере. При этом в очередной раз неслыханно обогатилась кучка лиц, особо приближенная к инициатору и разработчику крупномасштабной аферы. Постфактум лидеры партии «Яблоко» обвинили его в «...использовании системы РАО ЕЭС для достижения целей, не связанных с задачами энергообеспечения, в том числе политических, некомпетентности и непрофессионализме, крупных просчетах при проведении реформ электроэнергетики, корыстной тарифной политике, проводимой государством под диктовку энергетических монополий, самоуверенности и халатности».

Бывший министр финансов РФ Борис Федоров, который позже входил в состав совета директоров РАО и знал ситуацию изнутри, назвал Чубайса «самым плохим менеджером России, который пытается за счет государства и акционеров стать крупным олигархом». Так ведь он им стал. И благодаря ОАО «Роснано» и бюджетным вливаниям нищета ему в обозримом будущем не грозит.

...Многие ломают головы над вопросом о живучести «рыжего Толика» (так его в народе прозвали). Вот и я, испытывая к нему противоречивые чувства: от неприязни до восхищения (были и такие периоды), — не раз об этом думал. Интересно же, какие силы за ним стоят? К «питерской» команде В. Путина его не причисляют, хотя связывающие их фигуры (типа Алексея Кудрина, бывшего министра финансов) всем известны. Известно также, что Чубайс не поддерживал кандидатуру Путина как преемника Ельцина на президентском посту. Да и вообще трудно представить тандем «Путин-Чубайс». Они люди противоположных мировоззрений, в разных школах (в широком смысле этого понятия) обучались, хотя примерно в одно и то же время и в одном и том же городе. Одно время казалось, что новый президент постепенно избавится от доставшегося ему кадрового наследия, против которого настроено общественное мнение. Кое-кто действительно покатился с Олимпа под горку. Но эти фигуры были столь незначительны в глазах общественности, что о них вспоминаешь с трудом. О Чубайсе не забудешь, даже если он начнет пивом торговать в ларьке на окраине столицы, — слишком заметная личность.

Существует весьма правдоподобная, на мой взгляд, версия об американской поддержке. В ее пользу свидетельствуют уже приведенные факты о «цэрэушных» советниках Чубайса, внедрение им экономического курса развития страны, разработанного под диктовку из Вашингтона, и многие другие вещи. Люди, подобные Анатолию Чубайсу, имеются во всех государствах, представляющих интерес для США. Эти люди — инструменты, посредством которых реализуются геополитические цели и задачи. Американцы, как и во всем, очень рациональны в использовании кадрового инструментария. Зачем от него оказываться, если он хорошо заточен и калиброван и в определенный момент может пригодиться? А поскольку наша страна вынуждена прислушиваться (если не сказать больше) к заокеанскому «партнеру», то стоит ли копыя ломать из-за одной, пусть и одиозной, фигуры? Возможно, в отношении Чубайса так дело и обстоит.

Мне же представляется, что дело еще и в его «команде». Основная ее часть все еще на плаву. Самое близкое окружение Чубайса остается практически неизменным. Долгие годы рядом с ним отъявленный телевизионный полемист Леонид Гозман, бывший министр экономики Яков Уринсон, а также Андрей Раппопорт, Леонид Меламед, Олег Киселев и прочие клеманзоны и кацнельсоны. Почти все из перечисленных членов «чубайсовской команды» состоят в руководящих органах Российского еврейского конгресса (РЕК). Не хотелось бы указывать на «еврейский фактор», но куда денешься, если он так и прет даже из тех, кто носит русскую фамилию. В этой связи меня всегда удивляло, как православный Александр Казаков попадал самый ближний круг Чубайса. Но как попал, так со временем и выпал. Не вписался, выходит.

По национальным признакам объединяются многие социальные группы и команды. Что естественно и объяснимо. Но в данном случае объединены люди не просто состоятельные, а очень состоятельные. Все они во многом преуспели в жизни благодаря своему «патрону» и различным манипуляциям с бюджетными деньгами, залоговыми аукционами и прочими аферами. Они, что называется, повязаны во всем и будут держаться друг друга до конца.

К тому же у Чубайса осталось много скрытых сторонников, которые из тактических соображений дистанцировались от своего лидера. Знакомые кремлевские чиновники и сейчас видят руку Чубайса в решении некоторых важных вопросов. Чему удивляться? Ведь в свое время во властные структуры различных уровней было внедрено много его сподвижников. Они по-прежнему обеспечивают членам своей команды благоприятный режим в случаях возникновения проблемных ситуаций и ждут своего часа — часа «Ч».

...В конце нашей беседы я спросил А. Б. Чубайса: кем он войдет в историю? Он ответил, что надеется на справедливые оценки потомков. На справедливые оценки надеюсь и я.

Путин. Мимолетное знакомство

С Путиным я был знаком дважды. Первое знакомство длилось ровно два месяца. И произошло оно, когда В. Путин был назначен первым заместителем руководителя администрации президента и одновременно куратором двух управлений: по работе с территориями и по координации деятельности полномочных представителей президента в регионах.

Во втором управлении я занимал должность заместителя начальника. Фактически был освобожденным замом и отвечал, кроме прочих обязанностей, за кадры полпредов и их аппаратов.

В то время полпреды президента имелись практически во всех субъектах Российской Федерации. Не охваченными «институтом наместников» оставались только три республики: Татарстан, Башкирия и Якутия.

Как и везде, «кадровый вопрос» у нас был проблемным и «больным». Над законом о государственной службе только начиналась работа, четких критериев подбора кадров не существовало, все они нарабатывались практикой. Поэтому на ответственные государственные должности подчас попадали люди случайные, совершенно не соответствующие ни по деловым, ни по моральным качествам тем задачам, которые на них возлагались. Но это тема для отдельного разговора. Я о

ней вспомнил лишь в связи с тем, что она стала предметом обсуждения и знакомства с моим очередным начальником Владимиром Владимировичем Путиным.

О нем, конечно, в кабинетах президентской администрации слышали и знали, но особого значения его фигуре не придавали, несмотря на то, что перед новым назначением он возглавлял контрольное управление президента. Влиятельность его не бросалась в глаза, а если и была, то какой-то незаметной.

Известно было о его близкой дружбе с бывшим петербургским мэром Анатолием Собчаком. Но этот факт ставился ему скорее в «минус», чем в «плюс». К Собчаку на Старой площади всегда относились неоднозначно, хотя для некоторой части общества он был чуть ли не символом российской демократии. Однако на Старой площади о нем знали гораздо больше, чем могли сказать, что, видимо, и накладывало определенный отпечаток на отношение к его ближайшим сподвижникам.

Еще одна деталь, характерная для кремлевских чиновников определенного ранга. Уровень их контактов с регионами обычно сводился к общению с губернаторами либо с их замами по конкретным направлениям. Внешнеэкономическая деятельность, которой занимался Путин в питерской мэрии, в компетенцию Старой площади, по большому счету, не входила и узнаваемости ему не прибавляла. На поприще главного кремлевского контролера он тоже не успел отличиться особыми делами. Мне, правда, он запомнился проверкой по вопросу ограничения дрифтерного лова в российской экономической зоне. Сегодня эта тема является актуальной, получила общественное звучание, а тогда она, кроме рыбаков, никого не волновала.

Деятельность нашего управления часто соприкасалась и пересекалась с работой коллег из контрольного управления. Если заглянуть в историю образования обеих структур администрации, то легко обнаруживается их «родственная» связь. По сути, координаторы полпредов были отпочковавшимся звеном контролеров. С их прежними руководителями мы работали в тесном контакте. В том числе и по кадровым вопросам. С приходом Путина эти контакты как-то улетучились. Из-

менилась и доверительная атмосфера взаимоотношений с коллегами. Чем это было вызвано, сейчас уже и не припомню.

На первую встречу с новым шефом я шел, не представляя, о чем конкретно пойдет разговор. Да и о чем он, собственно, должен был идти, как не о полпредах? А о них я знал почти как о себе. И предложения по кадровым заменам давно имелись. Только не удавалось их реализовать с бывшими начальниками. Терялись мои служебные записки в ящиках чьих-то столов.

Я начал свой доклад с общей оценки ситуации на полпредском «фронте». Путин сидел за массивным столом, слегка откинувшись в кресле. Слушал, не перебивая, изредка задавал уточняющие вопросы. Но все это время с его лица не сходила полуулыбка, напоминающая полуусмешку. У меня возникло ощущение, будто он не вполне верит сказанному: мол, давай, вешай лапшу на уши, но мы-то знаем, как на самом деле все обстоит. Не знаю, был ли это один из его «приемов» ведения разговора, но меня он очень смущал.

Его поза и выражение лица изменились, когда речь дошла до Ленинградской области. Дело в том, что тогдашний полпред в этом регионе уже несколько лет был не только моей личной «головной болью». Его за многочисленные «подвиги» давно нужно было, как говорится, «гнать взащей». Но поскольку нормативная база была в то время очень хлипкой, то формальных причин для увольнения всегда не доставало. Виновный прикрывал свои прегрешения то медицинской справкой, то пускал в ход свои связи на Старой площади или в других высоких кабинетах. Словом, Путину я сразу сказал, что здесь требуется замена.

— А какие проблемы? — спросил он и продолжил: — Вы докладывали об этом руководству?

— Разумеется, — отвечаю. — На вашем столе лежали как минимум две докладные записки на имя ваших предшественников.

Путин некоторое время помолчал, а потом сказал: «Готовьте проект указа об освобождении». А после еще одной короткой паузы спросил: «Надеюсь, у вас кадры на замену имеются?».

— Конечно, — подтвердил я.

Дальше доклад пошел уже в другом формате и стал больше похож на заинтересованную беседу. Охватившее было меня легкое напряжение, вызванное ироническим взглядом начальника, исчезло. Потом, проанализировав наш разговор, я пришел к выводу, что своей позицией по ленинградскому «кадру» попал в точку. Питерец Путин не мог не знать о личности своего областного земляка и, судя по всему, разделял мое отношение к нему.

Уже на следующий день ко мне в кабинет зашел постоянный помощник Путина И. И. Сечин. С годами, сделав рядом со своим неизменным шефом головокружительную карьеру, он получил в правительстве уважительное прозвище — «Настоящий Игорь Иванович». Тем самым подчеркивалось его отличие от тезки, также вице-преьера Шувалова.

Близость Сечина к «патрону» известна всем. Ее не нужно ни выпячивать, ни подчеркивать. На моей памяти сам он этого никогда и не делал. Наоборот, в нашем управлении он вел себя скромно и уважительно по отношению к сотрудникам. Пальцы веером не распускал, голос не повышал, обращался со всеми исключительно на «вы».

На иерархической лестнице мы с ним стояли на одинаковых ступенях. Но он, как и любой помощник, находился гораздо ближе к «телу» шефа, чем иные чиновники. Не раз приходилось наблюдать, как «особо приближенные» помощники изображали из себя крутых и всемогущих начальников, вызывали «на ковер» людей чином гораздо выше их самих. Сечин подобных вещей не позволял. Прежде чем обсудить наедине какой-нибудь вопрос, он предварительно звонил, интересовался, не занят ли, а затем сам приходил в кабинет.

И в тот раз он пришел после предварительного звонка. Передал просьбу шефа: он хочет познакомиться с кандидатурами на должность представителя президента в Ленинградской области. Я вытащил из сейфа «объективки» на трех человек в порядке приоритетного рассмотрения. Под номером один значился будущий председатель Госдумы Борис Грызлов. В то время — директор учебно-методического центра Балтийского государственного технического университета. Вторым на очереди стоял Георгий Полтавченко — началь-

ник управления федеральной службы налоговой полиции по Санкт-Петербургу. Третьим — вице-губернатор Ленинградской области Анатолий Смирнов.

Игорь Иванович не стал спрашивать, по каким критериям подбирались кандидатуры, но мне показалось, что людей этих он знал. Уходя, он спросил: имеются ли кадровые предложения по Санкт-Петербургу? Я назвал также три фамилии, среди которых была фамилия Сергея Миронова, тогдашнего заместителя питерского законодательного собрания.

Когда был готов проект указа президента об освобождении действующего представителя, Игорь Иванович пришел с указанием подготовить документы для назначения на эту должность Георгия Полтавченко. При этом шуточно заметил, что шеф приятно удивлен тем, что, оказывается, в нашем управлении еще и... работают с кадрами. Видимо, подразумевалось, что не только пьют. Меня такое замечание несколько не обидело. С юмором всегда дружил, а замечание лишь подтверждало правильность наших действий.

В моем рабочем кабинете стоял отдельный телефон, обеспечивающий прямую связь (без посредников — секретарей и помощников) с первым заместителем руководителя администрации президента. Как правило, такую связь имели только начальники управлений. Но я не помню, чтобы пользовался ею для разговора с В. В. Путиным, и сколько раз он меня набирал, а придумывать не хочу.

Для решения оперативных вопросов мне хватало моего непосредственного начальника Антона Федорова, а если с ним возникали разногласия, то обращался к И. И. Сечину, с которым мы стали работать в плотном контакте. Впрочем, продоллось это недолго. 25 июля 1998 года В. В. Путин был назначен директором ФСБ. А еще через год он уже возглавлял правительство страны.

Два месяца совместной работы с будущим президентом сохранились в памяти главным образом по первому разговору. После него удалось избавиться от некоторого балласта в институте полпредов. Никаких кадровых революций, конечно, не произошло, но несколько одиозных фигур лишились высоких должностей. Да и что можно сделать за два месяца? Они пролетели как мгновение.

...Следующая наша встреча состоялась 29 февраля 2000 года в Кремле на совещании с исполняющими обязанности полномочных представителей Президента Российской Федерации в регионах Российской Федерации.

Мы все тогда исполняли обязанности. После отставки Б. Н. Ельцина весь аппарат его администрации был, как говорится, выведен за штат. В. В. Путин к тому времени почти два месяца исполнял обязанности президента страны.

Любые перемены наполнены волнениями и переживаниями. Когда они происходят на самой вершине власти, то касаются прежде всего тех, кто обосновался у подножия этой самой вершины, — кремлевских чиновников. Полпреды — те же самые чиновники, только находящиеся на расстоянии от центра. Конечно, каждый из них неуютно чувствовал себя в регионе, имея официальную приставку к должности «и. о.».

Однако надежды многих в отношении своего будущего и перспектив института полпредов в целом были оптимистичными. Объяснялось это до наивности просто: Путин, хотя и совсем немного, но побывал в роли их фактического начальника, значит, не может упразднить «институт заместителей». Подправить, подремонтировать — может, но ликвидировать...

Так в основном рассуждали на местах. Примерно так думал и я, правда, руководствовался несколько другими соображениями. Прежде всего принципом целесообразности. Мне казалось, что ослаблять вертикаль власти новому президенту в начале своей деятельности совершенно невыгодно во всех отношениях.

Вокруг этой темы и состоялся разговор на совещании. Это был действительно заинтересованный разговор, а не задача указаний и наставлений подчиненным. У меня сохранилась стенограмма. Читая ее по прошествии более десятка лет, зримо представляю лица и, кажется, даже слышу голоса давних соратников. В свое время они были фигурами весьма заметными как на региональном, так и федеральном уровнях. Но большинству из них в новой команде места не нашлось, и они ушли в политическое небытие.

Доклада, как принято на подобных мероприятиях, не было. Мои «писательские» старания оказались напрасны-

ми. Дело в том, что, по заведенной в администрации практике, проект выступления первому лицу готовило управление, курирующее обсуждаемое направление работы. В нашем управлении «писателем» почти всегда назначали меня. Ну кому еще, как не журналисту, перо в руки давать? Назвался, как говорится, груздем...

Заготовив, как положено, «болванку», передал ее И. И. Сечину, второй экземпляр оставил себе и поглядывал в него, слушая и. о. президента. Само выступление В. Путина было достаточно коротким. В бумажном варианте оно уместилось на шести печатных страницах. От моего текста там фактически ничего не осталось. Да он и не заглядывал в бумаги, говорил свободно, просто, доходчиво, без заумных оборотов речи, не претендуя на ее изящность. Тем не менее чувствовалось, что человек знает тему глубоко, владеет нюансами.

Главным вопросом, безусловно, были предстоящие президентские выборы. Путин с первых же слов обозначил, чего он ждет от своих коллег на местах: способствовать тому, чтобы выборы прошли в нормальной обстановке, «...удержать административные органы всех ветвей власти и уровней от того, чтобы включиться в прямую активную политическую деятельность».

Далее он подчеркнул, что упор в работе должен быть сделан на то, чтобы все представители государства действовали исключительно в рамках закона, помогали избирательным комиссиям и администрациям организовать эту работу, способствовали обеспечению явки на избирательные участки и созданию равных условий для всех участников этого процесса.

Воспроизвожу указания и. о. президента и. о. полпредов фактически дословно. Делаю это для любителей кивать на использование административного ресурса. Разговор, подчеркиваю, был закрытым, без участия прессы. На нем обсуждались вещи деликатного характера, как бывает в кругу единомышленников. Кстати, часть полпредов была разочарована таким подходом Путина. Кто-то рассчитывал, что он попросит иной помощи: сделать все возможное для его победы на выборах. Принцип «победителей не судят» использо-

вался в выборных кампаниях его предшественника. Правда, сам Б. Н. Ельцин так прямо не говорил и подобных указаний не давал. Зато его ближайшее окружение не стеснялось выдавать соответствующие установки.

Разговор пошел о так называемой вертикали власти. Путин поделился своими наблюдениями от контактов с руководителями регионов по поводу их назначений либо избраний. При этом он отметил, что Кремль не является инициатором такой дискуссии, не поддерживает ее, а он лично старается от нее уходить. Тем не менее проблема есть, губернаторы ее ощущают на себе, они видят, что «вертикаль» нарушена и ее надо укреплять.

— Они, — сказал В. В. Путин, — будучи людьми умными и достаточно опытными, исходят из того, что вообще нормальный человек такого положения терпеть не должен. А поскольку ваш покорный слуга на полного идиота не похож, то они как бы делают следующий естественный вывод, что сейчас что-то начнется. И, стараясь предугадать возможное развитие событий и повлиять на него, сами начинают эту дискуссию и предлагают различные варианты. ...Но, если честно, у меня нет никаких подпольных мыслей, говорю вам совершенно открыто, нет ничего потаенного, такого, чего бы я не мог сказать прямо, чего-то такого, о чем я не мог бы заявить публично. ...Мы, конечно же, должны искать варианты улучшения взаимоотношений между центром и регионами, искать баланс соотношения властей, баланс компетенции, баланс ответственности всех вместе друг перед другом и всех вместе перед народом, перед страной. Мы должны найти такую систему взаимодействия, чтобы она была эффективной и не направлена была бы на обслуживание конкретных лиц.

В заключение В. В. Путин призвал полпредов к совместной работе на эту тему и попросил представить соответствующие соображения. Что же касается института представителей президента, то и. о. президента успокоил собравшихся, сказав, что пока не произойдет укрепление «вертикали», «мы и я лично не считаем возможным менять ту ситуацию, которая сегодня у нас есть с институтом представителей президента».

— Если мы добьемся изменения, то хочу сразу обратить ваше внимание на то, — заверил В. В. Путин, — чтобы вы не переживали, такие люди, как вы, всегда будут востребованы и в эту систему вмонтированы, во вновь образуемую систему.

Воодушевленные и ободренные начальством полпреды с пытливым энтузиазмом включились в предвыборную кампанию. Замечу как один из их оперативных руководителей и координаторов работы: действовали они в строгом соответствии с полученными указаниями. «Отсебятины» никто не порол.

В нашем управлении была постоянная связь с главным штабом кандидата, который возглавлял Дмитрий Медведев. Я в это время остался «на хозяйстве»: мой начальник Антон Федоров попал в больницу с сердечным приступом. Пришлось перебраться в его кабинет: там имелась комната отдыха, где можно было ночью часик-другой вздремнуть. В штаб я не ходил, хотя и полагалось. Ходил другой заместитель — Александр Акульчев. Он и докладывал штабистам информацию, полученную от полпредов со всей страны. Конечно, в штабе были и другие источники: ФАПСИ, чекисты, губернаторы... Однако своей информации мы доверяли больше и знали о событиях, без преувеличения, в каждой деревне. Причем информация была не отретушированной, а реальной. В моем архиве до сих пор хранятся эти сообщения. По ним можно воспроизвести ход выборов президента в стране буквально по часам. Важно, что прогнозы полпредов во многих регионах совпали с окончательными результатами.

Не помню, получал ли я приглашение на празднование победы нашего кандидата, но точно там не присутствовал, как не присутствовали и полпреды. За них, признаюсь, было обидно. Вовсе не собираюсь преувеличивать их роль в подготовке и проведении президентских выборов, но, считаю, умалять ее было по меньшей мере необъективно и несправедливо. Но не зря же говорится, что у победы много отцов, только поражение всегда сирота.

Институт полпредов в том виде просуществовал совсем немного: два с небольшим месяца. 13 мая 2000 года были образованы семь федеральных округов. Их возглавили семь полномочных представителей президента, которых сразу же прозвали «семь самураев». Но об этом другая история.

Самураи на службе сюзерена

Кто такие «ППП»?

Вынесенная в подзаголовок аббревиатура расшифровывается так: полномочные представители Президента Российской Федерации. Согласно Конституции РФ, президент «назначает и освобождает полномочных представителей Президента Российской Федерации». Где и как назначает-освобождает, Основной закон не поясняет. Все это растолковывают подзаконные акты — президентские указы. В таком уязвимом правовом положении (статусе) представители президента находились с момента возникновения. Как их только в народе не обзывали... И «наместниками», и «оком государевым», и «надзирателями», и «самураями» (но это позже), и «генерал-губернаторами» (правда, без соответствующих полномочий), и «опричниками», и «смотрящими» (что было ближе всего к истине)... В общем, у кого насколько фантазии хватало, так и именовали.

Мне довелось стоять у истоков формирования нового института государственного управления — института представителей Президента РФ в субъектах Федерации. Затем, по должности и функциональным обязанностям, — много лет заниматься вопросами, связанными с созданием и совершенствованием его нормативной базы.

Он был образован в 1991 году в период радикального изменения политического и государственного устройства России, когда после моментального отстранения КПСС от рычагов управления возникла реальная угроза паралича власти. После семидесятилетнего правления коммунистов в стране, как грибы после теплого дождя, стали возникать многочисленные партии и общественные организации, претендующие на роль политического лидерства. Первому Президенту России Б. Н. Ельцину понадобились инструменты для овладения и удержания власти. И кое-что придумали сами, а кое-что позаимствовали за границей. Получился в результате сборки отечественных и зарубежных деталей некий симбиоз. В основном французского происхождения. Правда, во Франции

представительство центральных органов в органах местного самоуправления имеет давние традиции: там оно осуществляется институтом префектов, введенным еще в 1800 году Наполеоном, и на протяжении двух столетий является стержнем французской государственности.

Французский опыт мне пришлось изучать непосредственно на месте во главе солидной российской делегации. В нее, кстати, входили многолетний начальник Главного правового управления Л. И. Брычева, начальник Управления кадровой политики Президента РФ С. В. Мацко, руководители других подразделений президентской администрации и несколько полпредов. По итогам этой поездки в Положение о представителе президента был привнесен «французский акцент». С годами он усиливался в сторону укрепления центральной власти. Менялись не только названия самого института (представители в субъектах, представители в регионах, полномочные представители и др.), но и полномочия представителей, их функции. Аналогичные перемены происходили и в президентской структуре, которая осуществляла оперативное руководство полпредами. Из моей трудовой книжки можно сделать вывод, что я был заместителем начальника трех управлений администрации президента, хотя это всегда было одно и то же подразделение. Смотри на него хоть спереди, хоть сбоку — все оставалось в основном в прежнем виде: и люди, и закрепленные за ними функции.

Может показаться, что если полпреды назначаются президентом, то они только ему и подчиняются. На самом деле ими всегда руководили кремлевские чиновники. Они спускали в регионы задачи (согласованные, разумеется, с президентом, но в общем плане), контролировали их исполнение, оценивали работу представителей, вносили предложения по их назначению и освобождению с занимаемых должностей. Немыслимо, чтобы всей этой работой занимался глава государства. Он ею и не занимался, если не брать в расчет периодические встречи-совещания.

Понятно, что вырабатывать серьезные решения с сотней (без малого) человек невозможно. Советская практика съездов, конференций носила показной, демонстрационный ха-

рактер. Решения-то (все знали) принимались в другом месте и другими участниками. И аппарат всегда играл в этом не последнюю роль. Перебирая в памяти встречи с Б. Н. Ельциным, могу вспомнить только несколько случаев, когда представители «переламывали» ситуацию. Один из них связан с намерением объединить в единой федеральной структуре «ментов» и «чекистов». Если не ошибаюсь, то инициатором этой сомнительной идеи выступил Виктор Баранников — тогдашний министр МВД. Затея была, мягко говоря, «сырая» и непродуманная, но на первых порах нашла поддержку у президента. Он же, как известно, к чекистам относился настороженно. Они это знали и обратились за поддержкой через своих территориальных начальников к нам — представителям президента на местах. Так получилось, что коллеги поручили мне выступить по этому вопросу на очередной встрече с Б. Н. Ельциным. Борис Николаевич очень внимательно отнесся к нашим доводам и тут же на совещании отменил ранее принятое решение. В остальных же случаях встречи в основном представляли ритуальные собрания, на которых была возможность засвидетельствовать сам факт общения с непосредственным работодателем — главой государства, так сказать, «засветиться».

Люди среди представителей были разные. Хотя определенные критерии отбора все же существовали. В процессе становления новой системы государственного управления и выработки курса радикальных экономических реформ представитель президента являлся политической фигурой. Его главная задача состояла в том, чтобы дать импульс реформам в своем регионе и постараться убрать «завалы» на их пути. Исходя из поставленной задачи формировался кадровый состав нового института. Его деятельность часто подвергали резкой критике. Представителей обвиняли в непрофессионализме, чрезмерной политизации и т. д. С подобной критикой если и можно было согласиться, то лишь в малой ее части. Безусловно, они были политизированы. Но по меньшей мере странным выглядело, если бы президент приглашал проводить реформы их противников. Что же касается профессионализма (в первую очередь политического), опыта работы с населением, властными структурами, то о них свидетельствуют такие факты: 32 представи-

теля являлись народными депутатами РСФСР, 10 — народными депутатами СССР, оставшиеся — депутатами иных уровней, хозяйственными руководителями. Важно отметить, что кандидаты в представители президента «первой волны» подвергались глубокому тестированию по новейшим методикам. Тестирование (которое и я проходил) выявляло интересные вещи. Например, ряд наиболее известных своими радикальными высказываниями депутатов на самом деле, оказавшись в конкретной ситуации, тяготели к консервативным решениям, способны были к взвешенному поиску выходов из ситуаций. Первые назначенцы прошли специальную подготовку на двухнедельных курсах. То есть подход к подбору кадров, на мой взгляд, был продуман. Но и отсеб кандидатов был немалый.

К сожалению, системной работы хватило ненадолго. В ход пошли иные критерии отбора претендентов — через связи. В результате в кадровой обойме стали появляться люди с разной политической начинкой и ориентацией, немало популистов и любителей поговорить. Иной до трибуны доберется, его оттуда чуть ли не силком стаскивать приходится. Заикнется на своей «больной» теме, а про повестку забывает, не говоря уже о регламенте. Были такие «штатные ораторы», с которыми предварительную работу проводить приходилось, чтобы не тянули руку.

Читаю стенограмму последнего совещания с исполняющим обязанности президента В. В. Путиным и встречаю знакомые фамилии тех, кто всегда «готов слово сказать». Например, Алексей Кулаковский не пропускал случая поднять «кавказский вопрос» и к месту и не к месту. И показал-таки себя: стал замначальника одного из управлений администрации.

Сейчас думаю, что Путина смутила главным образом многочисленность отряда региональных помощников. Наверное, он задумался: а как ими управлять? Опять отдать на откуп аппарату? А там, как уже говорилось, всегда свой расклад, свои игры, свои интриги.

В среде полпредов было немало людей творческих, далеко заглядывающих вперед. Прежде всего, выделялась группа ученых, защитивших диссертации в советские времена. И, как правило, именно они в силу своей интеллектуальной под-

готовки были постоянными инициаторами различных проектов, касающихся совершенствования нового института в системе государственного управления.

Особо увлеченным идеей создания федеральных округов оказался представитель в Санкт-Петербурге Сергей Цыпляев. Он будто бы предвидел, что за ними будущее. Мы в управлении его понимали, идею не отвергали, но считали ее несвоевременной. Взвешивали аргументы «за» и «против», но определяющим стало мнение, что рядом с губернаторами должен постоянно находиться президентский человек. И сейчас я уверен в том, что в период правления местных князьков необходимость в этом была острейшая. Нужны были надсмотрщики! «Самостийность» тогда перла изо всех закутков страны. А какой пригляд можно должным образом осуществлять из округа, если подвластная ему территория больше иных крупных европейских государств? Впрочем, идея Цыпляева не нашла поддержки прежде всего у самих полпредов. Ведь реализация ее практически лишала их должностей. Да и нам, аппаратчикам, большие перемены не сулили ничего хорошего.

Новый президент рассудил иначе: в мае 2000 года принял решение об оптимизации института полномочных представителей и создании семи федеральных округов, во главе которых встали семь отборных «самураев».

Зачем нужны «временщики»

Кто-то может посчитать сравнение полпредов с самураями неточным. Да, любое сравнение, как известно, хромает. А на мой взгляд, суть названия верна. У японцев самураями считались и крупные князья, и мелкие дворяне. Это были служивые люди с военной косточкой, преданные своему сюзеру. Ниже я расскажу о персонах первой семерки полпредов федеральных округов, а пока отмечу, что больше половины из них прежде носили военные или полувойенные мундиры. Другие были крупными чиновниками, что можно приравнять к старому сословию — боярству либо дворянству. Кто подкинул эту идею Путину? Не знаю, но, думаю, без питерцев и здесь не обошлось.

Над мотивацией создания новой структуры государственного управления, мне кажется, никто серьезно не задумывался. Ограничились объяснением: их задача — привести законодательство субъектов федерации в соответствие с федеральным. Но разве с такой задачей не справился бы прежний состав полпредов? Уверен в обратном. Справлялись с не менее сложными поручениями, и гораздо меньшим числом. Но указы президента не принято обсуждать. Президентская администрация подверглась очередной реорганизации, в результате которой я оказался в должности заместителя полпреда Дальневосточного федерального округа (ДФО) генерала К. Б. Пуликовского.

В команде боевого генерала (участника первой чеченской войны) пришлось поработать несколько месяцев. Но и их хватило для того, чтобы понять и усвоить принципы действия нового инструмента государственного управления, сравнить с прежними. Тем более что работал я в постоянном контакте с бывшими коллегами. Например, в Центральном федеральном округе (ЦФО) «приземлилась» значительная часть сотрудников нашего управления во главе с его бывшим начальником А. Ю. Федоровым. Он тоже стал заместителем полномочного представителя. Другой наш управленческий заместитель, Александр Акульчев, оказался в таком же качестве в Южном федеральном округе (ЮФО). Правда, дислоцировался он всегда в Москве, а на подведомственной территории бывал лишь в командировках. Изначально и мне была уготована подобная участь — осуществлять взаимодействие с центральным аппаратом администрации президента. Но не сложилось по ряду обстоятельств. Стоило только попасть в Хабаровск, где уже несколько месяцев наводила порядок команда армейских сослуживцев Константина Пуликовского, как с головой утонул в аппаратной рутине. Курировал я внутреннюю политику в округе, который по территории составляет половину Европы. Времени на то, чтобы осмотреться, освоиться, не давали ни дня. Не с корабля на бал, а с самолета прямо в «бой» — на подготовку выборов. Они начинались практически во всех субъектах округа. Где губернаторы избирались, где — депутаты различных уровней: от областных до мунци-

ципальных. Сроки поджимали, а общая картина — сплошной туман. В главном штабе — полпредстве — нахожу лишь отрывочные сведения с мест событий: системно никто этим не занимался. Тогда я и понял суть настойчивого предложения генерала работать «вахтовым методом»: неделю в Хабаровске, две в Москве. Меня «летучий режим» с постоянной сменой часовых поясов совсем не устраивал (налетелся за свою жизнь с Сахалина в Москву) и я внес встречное предложение: провести выборы, наладить системную работу, а затем постоянно находиться в центре, выезжать в регионы только по мере необходимости. На том и договорились с Константином Борисовичем. Однако и двух недель не прошло, как командует он ехать с ним в столицу на встречу с заместителем руководителя администрации Президента РФ Владиславом Сурковым. Зачем вдвоем, какой толк от меня там будет, если полпред сам едет? Генерал загадочно молчит, ссылается лишь на указание сверху.

Тут я, конечно, призадумался. Не понравился мне этот внезапный вызов. Из опыта знал: так просто Москва не срывает с мест людей в разгар предвыборной кампании. Видать, «накосячил» я где-то, или очередной «навет» (как это уже не раз бывало) руководству поступил. Формально надо мной стояло два начальника. Назначались и увольнялись заместители полпредов распоряжением руководителя Администрации Президента РФ, но по представлению полпреда.

Честно говоря, на новом месте я уже успел «отметиться», несмотря на короткий срок пребывания в должности. Дело было так. На следующий день после прилета выхожу на службу и узнаю от сотрудников, что остался самым главным «на хозяйстве» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Оказывается, все руководство полпредства во главе с генералом Пуликовским улетело на зафрахтованном самолете в командировку (то ли на Камчатку, то ли в Магадан — не припомню). Примечательно то, что меня об этом никто даже не предупредил. Ну, думаю, начались «армейские штучки» с проверкой на выживаемость. О них уже приходилось слышать, но к себе не примерял. Несерьезно как-то получалось. Тем не менее пришлось несколько дней вырливать из различных си-

туаций. Пошло на пользу. Смог прочувствовать атмосферу во круг полпредства, узреть слабые места в его работе. Выводы сделал не самые благоприятные. Особенно после разговора с губернатором Хабаровского края В. И. Ишаевым. С ним был знаком много лет и поддерживал добрые отношения.

Виктор Иванович Ишаев — один из немногих российских региональных руководителей, с которым всегда считался Кремль (вынужденно или нет — другой вопрос). Когда мы с ним в тот раз встретились, разговор состоялся откровенный, без обиняков. Ишаев не являлся сторонником создания федеральных округов с полпредами во главе (вот ирония судьбы: сам он в конечном счете закончил карьеру полпредом и министром одновременно). Тем более, как руководителю самостоятельному, знающему себе цену, ему было как минимум неприятно иметь под боком «надсмотрщика». Усугубляло ситуацию и отсутствие «человеческих отношений» между губернатором и «генерал-губернатором». Каждый из них — сильная личность, с устоявшимися взглядами на жизнь, на происходящие в стране процессы. Словом, оказались два медведя в одной берлоге. Внешне они не конфликтовали (по крайней мере, не помню подобных случаев), сохраняли «дипломатию», но противостояние, как пришлось убедиться, было нешуточное. В первую очередь на уровне аппаратов обеих сторон.

Мне же при встрече Виктор Иванович сразу сказал, что попал я не в ту команду и долго здесь не задержусь (так, впрочем, и вышло).

— Ты нужен дальневосточникам, но не здесь, а в столице, — продолжил он.

Когда же я рассказал о наших с полпредом договоренностях, губернатор пообещал мне помогать. Забегая вперед, скажу, что и он и все губернаторские чиновники на мои обращения отзывались с готовностью, препятствий никогда не чинили. Только благодаря губернатору удалось провести в Хабаровске Всероссийское совещание по вопросам информационной безопасности. Меня, ответственного за его подготовку и проведение, отправили контролировать ход предвыборной кампании на Сахалине. Созданная в полпредстве по моему настоянию рабочая группа могла работать лишь по-

сле хорошего «ускорения». А тот, кто его мог задать, мотался между Хабаровском и Москвой, а потом под благовидным предлогом и вовсе уклонился от участия в мероприятии, инициированном Кремлем. А ведь оно собрало не только кремлевских чиновников, но и ведущих журналистов со всего Дальнего Востока. Видя такое отношение генеральской команды, нетрудно было догадаться, что меня собираются «подставить» перед руководством. Что делать? Звоню с Сахалина В. И. Ишаеву, объясняю ситуацию и прошу помочь. Он тут же распорядился оказать мне содействие в решении всех организационных вопросов. И мероприятие удалось, все участники остались довольны. Но в этом случае свою роль сыграл личностный фактор наших с губернатором отношений. Когда же дело доходило до взаимоотношений местных чиновников с полпредством, то там ставили палки в колеса друг другу при каждом удобном моменте. Обычное дело, когда подчиненные видят, что руководители «не контактат» между собой. Повторю, в нашу первую встречу на хабаровской земле Виктор Иванович Ишаев откровенно сказал, что за несколько месяцев работы полпредства он убедился в том, что генеральская команда ничего не смыслит ни в экономике региона, ни вообще в жизни дальневосточников, а приехала сюда с одной целью: «нарубить капусту».

Время показало, что в его словах содержалась большая доля истины. Про «капусту» говорить не стану, свидетелем не был, хотя о скандалах с коррупционным запашком писалось много. А вот с отсутствием профессионализма в организации управленческой работы столкнулся в первый же день, когда остался «на хозяйстве». Приведу только один пример. Звонит ректор Дальневосточной академии госслужбы и спрашивает: придет ли полпред на открывающийся сегодня международный форум, в котором принимают участие послы ряда европейских стран? Я об этом мероприятии ни сном ни духом, начинаю выкручиваться. То есть вру: дескать, полпред срочно по заданию сверху отбыл в служебную командировку.

— А кто будет приветствовать участников, ведь была договоренность? — следует вопрос.

Принимаю решение ехать. Едва успеваю к открытию, опять придумываю причины отсутствия своего шефа. Стыдно, а что делать?

За несколько дней руководства полпредством набралось штук пять организационных «проколов». В администрации президента каждый из них получил бы соответствующую оценку, вплоть до освобождения виновного от занимаемой должности. «Орговик» точно бы лишился кресла. Об этом я и сказал на совещании, которое провел К. Пуликовский на следующий день после приезда. При этом предупредил собравшихся о том, что любой промах в нашей работе отслеживается и откладывается в «специальную корзинку», чтобы при удобном случае вывалить ее содержимое на голову полпреда. Увы, но таковы «правила» аппаратных игр. Константин Борисович повел себя как опытный командир. Он сразу пресек попытку кое-кого возмутиться моими резкими оценками, сказал, что у меня свежий, «незамыленный», взгляд и нужно делать выводы из критики. Но осадок остался у всех присутствующих.

Именно этот эпизод вспомнился, когда я размышлял о причинах неожиданного вызова в Москву. Оказалось, дело совсем в другом. В кабинете Владислава Суркова, где кроме хозяина присутствовали К. Б. Пуликовский и начальник территориального управления администрации президента С. Н. Самойлов, меня ждало заманчивое предложение: стать сенатором. Сурков поручил мне подобрать кандидатуры в дальневосточном округе для формирования нового состава Совета Федерации и быть координатором дальневосточной «фракции» нового сената. Мне же в нем, по его словам, предстояло представлять родной Сахалин. Предложение было как лестным, так и неожиданным. Поэтому я прямо спросил у сидевшего напротив меня К. Б. Пуликовского: «Я чем-то вас не устраиваю?».

Он меня тут же успокоил, сказав, что совсем наоборот — вполне устраиваю, но формирование верхней палаты произойдет через полгода, в марте (разговор состоялся в сентябре), а там я принесу больше пользы дальневосточникам. Следующие вопросы я задавал В. Ю. Суркову. Меня интересовало, по каким критериям (кроме общеизвестных) следу-

ет подбирать кандидатов. Ответ был предельно понятным: «привязка к региону» и «узнаваемость в центре». С аппаратного сленга переводилось так: кандидат должен знать территорию, которую будет представлять (либо иметь местные корни, либо какое-то время там проживать и работать), а также иметь опыт работы в федеральных структурах власти. Остался последний вопрос: как руководство сумеет подвинуть на такое решение сахалинского губернатора Игоря Фархутдинова, с которым у меня на тот период были достаточно сложные отношения? И Сурков, и уверенно поддержавший его Пуликовский заверили: проблем не будет, «построим» губернатора. На том и расстались. Однако события развернулись не по кремлевскому сценарию. Так тоже случалось. Выиграв губернаторские выборы, И. Фархутдинов воспротивился моему назначению. Правда, и свою кандидатуру в Совет Федерации он не провел. В результате Сахалин стал представлять в палате регионов Валерий Горегляд, совершенно далекий от Дальнего Востока и Сахалина, но близкий к заместителю руководителя президентской администрации человек (говорят, они были знакомы по «комсомолу»). К его чести будет сказано: сахалинские интересы продвигал активно. Что при его статусе (он вскоре стал заместителем председателя Совета Федерации) было несложно. Но все это случилось гораздо позже, а пока мне приходилось заниматься выборной кампанией, проводить различные мероприятия и вместе с коллегами из других округов пытаться встроить в новую форму института полпредов те элементы, которые были при спешке изъяты, что ощутимо ослабило вертикаль власти.

Речь вот о чем. Лишившись глаз, рук и ушей на местах, полпреды вынуждены были мотаться из одного региона в другой. То есть работать, не слезая с колес. Эффект подобной работы только внешний, показной. В нашей стране всегда отдавалось предпочтение ручному управлению. На мой и не только мой взгляд, корни многих проблем кроются именно здесь. Что касается института полпредов в округах, то, выстраивая его как системную структуру, упустили из виду региональное звено. Полпредов на местах упразднили, а взамен ничего поначалу не придумали. Первыми почувствовали

отсутствие этого звена в Центральном федеральном округе, где полпредом был Георгий Полтавченко, а его первым заместителем — мой бывший начальник Антон Федоров. В основном благодаря их усилиям, а также другого нашего коллеги из Южного округа Александра Акульчева, было реанимировано «государево око» в субъектах федерации. В несколько измененном виде, с урезанными полномочиями оно стало называться «главными федеральными инспекторами» (ГФИ). Воспринимались они на местах уже не так, как прежде. Понижение статуса, урезанные полномочия значительно убавили их активность и самостоятельность в принятии решений. Раньше и они могли, как уже говорилось, выполнить поставленную перед новыми полпредами главную задачу: «выровнять законодательство». Если бы ее определили как первоочередную и неотложную, то полпреды, фигурально выражаясь, землю бы рыли, но задание бы выполнили.

Причина оптимизации института полпредов представляется в том, что многочисленным, шумливым и противоречивым отрядом помощников управлять значительно сложнее, чем компактной группой дисциплинированных и проверенных в различных делах соратников. Они не будут устраивать дискуссии, а будут выполнять команды сверху на «есть» и «будет сделано». Почти как в армии. Но и ситуация в стране требовала армейской дисциплины и строгого исполнения указаний президента. Взять экономику, «социалку», международные отношения — везде все трещало и рвалось по швам. Поэтому упорядочение законодательной базы в регионах служило лишь внешним поводом для обоснования появления новой административной структуры.

Три года работы «самураев» прошли в умирении «губернаторской фронды», подтягивании регионального законодательства к федеральному, выстраивании «вертикали». Сказать, что вся эта работа была проведена успешно, трудно. Особенно если вспомнить, ситуацию в Приволжском федеральном округе, где полпред Сергей Кириенко (бывший премьер страны), даже несмотря на «черный пояс» по карате, не смог противостоять националистическим настроениям. Татарский и башкирский «бабаи» М. Шаймиев и М. Рахимов — опытней-

шие политические бойцы, сумели отстоять в республиканских конституциях положения, отличные от федерального законодательства. Они же до последнего оставались главными лицами, контролирующими политическую ситуацию в своих регионах. Кириенко, оказавшись в этой борьбе на лопатках, переключился на «легкие» вопросы: захоронение химических отходов, судебные тяжбы с журналистами.

Что касается других округов, то «губернаторской фронды» там действительно поубавилось. В некоторых случаях это происходило после применения армейских методов воспитания. Мне пришлось быть свидетелем, как К. Пуликовский на совещании (последнем для меня) с губернаторами округа «построил» вновь избранного сахалинского губернатора, позволившего себе усомниться в правильности «линии партии». Причем сделал это генерал в корректной, не унижительной, но такой жесткой форме, что и присутствующие «мастодонты» типа хабаровского В. Ишаева и приморского Е. Наздратенко в смущении за молодого коллегу опустили головы. Генерал умел показать, кто в доме хозяин. Наведя в губернаторском строю армейскую дисциплину (по крайней мере, внешне), боевой генерал со своей командой столкнулись с извечным вопросом: что делать дальше? Тут очень кстати проявился северокорейский лидер Ким Чен Ир, решивший на бронепоезде прокатиться по России. Нашлось занятие для полпреда — сопровождать соседа, а заодно и книжку об этом написать.

Другие персоны

Способы воздействия на региональную элиту у «самураев» были, конечно, разные. Кадровый дипломат Леонид Драчевский из Сибирского федерального округа старался действовать больше убеждением, проводить многочисленные переговоры с местной правящей элитой. Бывший чекист (хотя бывшими, как известно, чекисты не бывают) Виктор Черкесов вел себя в Западном округе как-то незаметно, не привлекая внимания ни прессы, ни общественности. Будто на чужой земле действовал, стараясь не засветиться. Отдельного похвастования (больше в негативном плане) заслуживает деятельность полпреда Южного федерального округа генерала

и «героя чеченской войны» Виктора Казанцева, но о его скандально закончившейся карьере в свое время было много написано, а повторяться не хочется. Но все же добавлю две-три личные строки к уже известному, поскольку чуть было не стал у него советником. Даже написал под уговоры своего коллеги Александра Акульчева (он работал тогда заместителем полпреда) заявление о приеме на работу. Мне повезло: совершенно случайно по телевизору увидел и услышал выступление полпреда на пресс-конференции, где он нес такую ахинею, что я тут же по телефону отозвал свое заявление.

Милицейский генерал Латышев, возглавивший Уральский округ, «революционных преобразований» тоже не совершил. Ходили разговоры, что он метил в «главные милиционеры» страны. Отсюда, видимо, и был перевес правоохранительного курса (борьба с религиозным экстремизмом, наркоманией, коррупцией и пр.) в деятельности полпредства. Без особых, правда, успехов. В чем Петр Михайлович через три года самокритично признался, заявив, что его работа по борьбе с коррупцией в округе оказалась недостаточно эффективной. Долгое время полпред занимался созданием... флага Уральского федерального округа. Чем закончилась эта работа — неизвестно.

Наиболее примечательной в этой «семерке» была фигура Георгия Полтавченко — полпреда Центрального федерального округа. Мне он знаком по Ленинградской области, когда работал там полномочным представителем. Профессиональный чекист, возглавлявший до первого назначения областную налоговую полицию, он считался (по-моему, и сейчас считается) одним из ближайших соратников президента. Но дело даже не в этом. Георгий Полтавченко (единственный из семи) успел поработать полпредом в регионе. Кроме того, его «правой рукой» стал Антон Федоров — многолетний координатор всех прежних российских полпредов. Федоров, в свою очередь, привел в полпредство округа фактически две трети подготовленных сотрудников аппарата бывшего управления. Полтавченко не пришлось, как его коллегам, заниматься организационными вопросами, на которые у кое-кого ушло по полгода и больше. Он пришел практически на готовую базу и с ходу взял-

ся за выполнение поставленных президентом задач. В результате полпредство быстро стало центром принятия решений в округе. Даже московский мэр (политический тяжеловес) Юрий Лужков если не снимал перед полпредом кепку, то к его мнению прислушивался и ни в чем не противодействовал. Полтавченко сумел объединить вокруг себя губернаторов и влиять на региональные процессы, в том числе и через федеральных инспекторов — обновленного во многом по его (повторюсь) инициативе института «наместников». Он сделал очень грамотный организационно-политический ход: создал Совет округа, возглавил который не полпред, а выбранный коллегами губернатор — глава Орловской области Е. С. Строев. Совет и принимал важные для округа решения.

Все это в совокупности дало возможность сосредоточиться на общих региональных проблемах, а не только контролировать деятельность «воевод». С подачи полпреда, например, была создана первая в стране зерновая биржа. И не в столице, а в Тамбове. Опыт подхватили в Орловской области, других регионах. К нему сразу проявили неподдельный интерес иностранные инвесторы.

В разговорах многие работавшие с Полтавченко губернаторы связывают улучшение инвестиционного климата в Центральном округе именно с его личностью. Вспоминают и о других добрых совместных делах. Вспоминают с долей сожаления, потому как сменившие его преемники — О. Говорун и А. Беглов — повели иную политику, более напоминающую деятельность временщиков.

*Полезным ли для страны и ко времени ли
оказался институт полпредов?*

Даже и не сосчитаю, сколько раз на моей памяти его упраздняли. И обзывали полпредов как кому в голову взбредет. Даже «аппендиксом в организме государственного управления». Но ведь и аппендикс, как доказано медициной, несет определенные полезные для здоровья человека функции. Иначе бы он сам давно отпал без хирургического вмешательства.

Считаю, институт полпредов необходим президентской власти. Пусть даже в «замороженном» виде. Да, порой он

выглядит как лишнее звено в системе административного управления. Но ведь и сама система, мягко говоря, далека от совершенства. Если хорошенько покопаться, то подобных избыточных и отслуживших свое инструментов, которых можно спокойно выбрасывать за ненадобностью, наберется немало. Однако бывает и так, что рачительные хозяева берегут их... на всякий случай. А вдруг пригодятся! Нечто подобное сегодня происходит и с институтом полпредов. Опять вспоминается старый анекдот про чемодан без ручки, который и нести тяжело, и выбросить жалко.

Уже после трех лет существования округов наблюдатели стали дружно предекать их скорую гибель. Даже конкретное время указывалось: после того, как весь губернаторский корпус будет переназначен президентом. Вроде логично: зачем приглядывать за назначенцами? Александр Казаков, фактически руководивший в свое время полпредами, уже в качестве председателя Комитета Совета Федерации по региональной политике одним из первых поставил под сомнение целесообразность содержания аппарата полпредов. Владислав Сурков, замглавы президентской администрации, признавал, что при назначенных губернаторах конструкция выглядит странно, поскольку губернаторы фактически являются полномочными представителями главы государства. Более резкую и откровенную позицию по этому вопросу занимал спикер верхней палаты Егор Строев. По всем признакам дело шло к соответствующему президентскому указу. Да и президент Медведев, судя по поведению его ближайшего окружения, готов был к оптимизации громоздкой и затратной государственной структуры. Что помешало? Думаю, позиция В. В. Путина. Видимо, он еще не совсем был убежден в абсолютной лояльности местных «князьков». Увы, риск возникновения «очагов сопротивления» остается всегда. Кому же их гасить? Что бы ни говорили, но более эффективного инструмента управления в современной России еще не придумано.

И в субъектах федерации, а затем в округах полпреды проводили в жизнь (с той или иной степенью успеха) директивы сюзерена, невзирая на сопротивление местных воевод. В стабильные периоды осуществляли контроль, координа-

цию действий региональных структур федеральных органов власти, решали кадровые вопросы и, конечно же, обеспечивали президента информацией. О качестве этой работы разговор отдельный, потому что оно в разные периоды зависело от многих причин, связанных с постоянно «плавающими» полномочиями и политической конъюнктурой текущего момента. Например, одно время только полпреды представляли президенту кандидатуры на назначение губернаторов. Затем их лишили этой функции. Соответственно авторитет наместников среди местных элит пошел на понижение. Или взять взаимодействие с правительством. Несколько лет его решения, затрагивающие интересы федерального округа, не согласовывались с полпредом. Ну не абсурд ли?! Наверху — тандем, но при этом правая рука не знает, что делает левая.

Правовая неопределенность сопровождала институт полпредов с момента его возникновения. Сколько помню, в положения о них постоянно вносились какие-нибудь изменения и дополнения, уточнялся в зависимости от политической погоды на дворе их правовой статус. Создается впечатление, что этот инструмент еще проверяется на пригодность в различных ситуациях, настраивается на возможное использование при форс-мажоре.

Подтверждением сказанному может служить создание восьмого по счету федерального округа — Северо-Кавказского. Рассказывая о встрече В. В. Путина с исполняющими обязанности полпредов в 2000 году, я писал, что тогда кавказский вопрос увел разговор в сторону от главной темы. Сейчас думаю, что именно тогда эта проблема засела в голове будущего президента и стала началом формирования нового подхода к решению кавказских проблем, приведшего к созданию отдельного округа и назначению полпреда с небывалыми прежде полномочиями: вице-премьерскими. Восьмой полпред предстает в двух властных ипостасях: президентской и правительственной. Теперь он может влиять на любое решение, принимаемое федеральными исполнительными органами власти в отношении входящих в округ территорий. Правда, сколь ни увеличивай полномочия, все равно их не хватает для того, чтобы коренным образом переломить сложившуюся

ся в регионе ситуацию. Бывшему успешному менеджеру и губернатору крупнейшего в стране Красноярского края А. Хлопонину за эти годы не удалось добиться перемен. Чечня не в счет, там другая политика... Пример и опыт восьмого округа использовали теперь и на Дальнем Востоке. Дай бог, чтобы на моей родине он завершился успехом.

Сегодня у полпредов Северо-Кавказского и Дальневосточного округов полномочия и функции приближаются к генерал-губернаторским царских времен. Не следует ли из этого сделать вывод о некоей тенденции к изменению государственного устройства — созданию крупных губерний, о которых в свое время пророчествовал Владимир Жириновский? Думаю, не исключено, только говорить об этом вслух не принято. Думаю также, что при подборе полпредов следовало бы руководствоваться долгосрочными мотивами, а не так, как зачастую происходит сегодня: возникла нужда кому-то пересидеть в ожидании нового кресла, пусть пересидит в кресле полпреда. Любопытства ради посчитал, сколько замен произошло в округах после того, как их возглавили первые «семь самураев». Оказалось, двадцать, не считая А. Хлопонина, возглавившего новый округ. Для одних «пересидка» оказывалась недолгой, до года (В. Матвиенко, В. Яковлев, О. Говорун). Затем они передвигались по горизонтали. Матвиенко сменила Яковлева на губернаторстве в Санкт-Петербурге, а тот, около семи месяцев поруководив Южным федеральным округом, стал министром регионального развития страны. Через несколько лет на этом посту оказался О. Говорун, предварительно пройдя девятимесячную обкатку в Центральном федеральном округе. Другие задерживались в округах по нескольку лет. Самым продолжительным и, как уже отмечалось, наиболее эффективным оказалось пребывание в должности окружного полпреда Георгия Полтавченко.

Опыт организации работы полпредства Центрального федерального округа может служить наглядным подтверждением известного высказывания о том, что все решают кадры. Действительно, какие бы цели и задачи не ставил глава государства перед своими особо доверенными лицами, выполняют их, в конечном счете, профессионалы, то есть аппарат.

И здесь, по моему убеждению (основанному в значительной мере на личном опыте), находится «ахиллесова пята» всех неудач и ошибок в деятельности большинства полпредов. С чего новые полпреды начинали свою работу? С чистки кадров, оставшихся от предшественников. Презумпция недоверия закладывалась изначально к абсолютному большинству старых сотрудников. Как правило, менялись все заместители. Мне известны только три человека: А. Акульчев из Южного, Л. Гильченко из Приволжского и В. Казаков из Сибирского федеральных округов, — которые чудесным образом за эти годы сумели удержаться на своих должностях. Опытные аппаратчики, искусные в подковерных играх, они сумели убедить череду меняющихся начальников в своей полезности. В результате их и передавали, как эстафету, из рук в руки. То есть, то, что должно быть правилом на государственной службе, продолжает носить исключительный характер. Новые назначенцы предпочитают начинать работу в «чистом поле» и «с чистого листа» с людьми, подобранными, как правило, по непонятным критериям, в большинстве своем не имеющим отношения к региональным проблемам. Неужели достаточно лишь личной преданности и близости к полпреду?

...Когда дописывались эти заметки, СМИ сообщили, что в Дальневосточном округе уволены восемь из девяти главных федеральных инспекторов. Невольно возникает вопрос: неужели все восемь госчиновников занимались, мягко скажем, предосудительными делами? Если так, то это же черт знает что, это банда какая-то...

В ПАЛАТЕ РЕГИОНОВ

Справка. Федеральное Собрание — парламент Российской Федерации — является представительным и законодательным органом Российской Федерации. Статья 95 Конституции РФ гласит:

1. Федеральное Собрание состоит из двух палат — Совета Федерации и Государственной Думы.

2. В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органа государственной власти.

То есть никакого сената и сенаторов, согласно Основному закону, у нас в стране не существует. Последний раз они были в России при царе-батюшке, до Октябрьской революции (или переворота — кому как угодно). Но вот понравилось представителям величать себя сенаторами, так и повелось. СМИ подхватили. И вправду: куда ведь благозвучнее звучит, чем, скажем, «член», которому в русском языке находятся разные толкования. Зато чиновниками сенаторы себя не хотят считать. Говорят, что они политические деятели, и отсылают к нормативным документам. Возможно, по форме они и правы, но чиновничья суть их нисколько от этого не меняется. Как бы они ни обзывались.

От «Мироныча» до «Иваныча»

«Мироновщина» в Совете Федерации стремительно покатила к закату после дружного залпа питерских «едросов» по ее жожаку. К ним тут же примкнули «жириновцы», почувывшие возможность легкой расправы с политическим оппонентом. Коммунисты тоже не отказали себе в удовольствии

попинать конкурента, все последние годы оттягивающего у них существенную часть голосов электората. «Небритого социалиста» (как окрестил в свое время Сергея Миронова «дядя Зю») били все, кому не лень. Даже в своих, питерских, законодательных рядах образовалась группа раскольников-«справороссов», с потрохами сдавших своего вождя противнику. Не за просто так, конечно. Формально же лишение Миронова сенаторских полномочий (а следом автоматически и председательского поста) питерским законодательным собранием, которое он представлял, объяснили неудовлетворительным исполнением своих обязанностей перед органом, делегировавшим его в палату регионов.

Чушь полная! Если кто больше и лоббировал в стране интересы города на Неве, так это президент и премьер-министр. Но эти питерские выходцы, в отличие от С. М. Миронова, обладали колоссальной распорядительной властью. Росчерком пера могли в родной город повернуть финансовые потоки, переместить федеральные органы власти. Но и Миронов вносил лепту в дело процветания своих земляков: список его заслуг затмил бы любого другого регионального представителя в Совете Федерации.

Конечно, причина крылась в ином. Третье лицо в государстве (по конституции) и лидер партии, претендующей на оппозиционность, — вещи в нынешней России несовместимые. К тому же Сергей Михайлович переступил ту черту, за которую ему не дозволено было переходить. Не за свое дело взялся, решил власть во второй столице заменить. Только, видимо, забыл спросить разрешения у того, кто эту власть там устанавливал. Одним словом, заигрался.

Да и как не удивиться, например, тому, что сегодня «двуликий Янус» подмахивает законодательные акты, исходящие от правительства, а завтра, отъехав за сто верст от столицы, опустившись до народа, разоблачает «антинародную» сущность исполнительной власти. Клиника какая-то...

Последствия известны: питерская «сосуля» (одно из прозвищ Валентины Матвиенко, данное за ее оговорку) в своем стремительном полете прямо-таки снесла своего земляка со спикерского кресла. А что оставил ей Миронов в наследство?

Я хорошо помню палату регионов до ее реформирования и избрания С. Миронова председателем. Когда в нее входили главы субъектов федерации и руководители региональных парламентов. Когда глава правительства Евгений Примаков (пожалуй, самый авторитетный премьер современной России) приходил в Совет Федерации договариваться с губернаторами и соглашался поделить бюджетные доходы пополам: половину центру, половину регионам.

В те годы верхняя палата действительно, а не понарошку, активно участвовала в решении ключевых вопросов страны, отстаивала интересы регионов и могла сказать последнее слово вопреки мнению Кремля.

Достаточно вспомнить нашумевший скандал с освобождением от должности генерального прокурора Юрия Скуратова. Уперлись сенаторы и не увольняли прокурора. Даже появление на трибуне Александра Стальевича Волошина — руководителя администрации президента — не напугало их. Наоборот, только раззадорило участников обсуждения очень деликатного вопроса. Высыпали Стальевичу, что называется, по полной программе. Он покинул трибуну в большом смущении. Мне, присутствующему на этом заседании, было крайне неловко за своего бывшего начальника, которому я симпатизировал и которого уважал.

Были и другие яркие и значимые моменты в деятельности палаты, характеризующие ее как независимый, самостоятельный законодательный орган страны.

Все это исчезло, испарилось после нового формирования Совета, с приходом к его руководству питерцев во главе с Сергеем Мироновым.

Я не случайно пишу «питерцев» во множественном числе. Речь не о сенаторах. Их-то всего двое было: от исполнительной и законодательной власти, соответственно. Но, как известно, во все времена управлять процессом можно только через чиновников, т. е. аппарат. Сенаторы участвуют в видимой сфере деятельности палаты: ее заседаниях, заседаниях комитетов и комиссий. Скрытой для общего обозрения, как у айсберга, остается основная часть жизнедеятельности высшего органа власти: от законотворчества до обеспечения

жильем, автомобилями, командировками по стране и за рубежом, представления к наградам и т. д. Все это оказывается в руках чиновников, а точнее, главного над ними начальника — председателя Совета Федерации. Миронов эти вещи прекрасно понимал и потому сразу подтянул на ключевые аппаратные посты своих людей, в основном питерских. Ну а откуда еще, спрашивается, профессионалов брать, как не с берегов Невы? Дошло до того, что и водители питерские появились, и секретарши в приемных. Стоило кому-то из земляков председателя получить какую-нибудь, пусть даже завалющую должность, как тут же рядом появлялись свои люди. А им ведь и жилье полагалось за государственный счет.

Все это не могло, мягко говоря, не раздражать. Едва начала стихать волна недовольства засильем выходцев из «второй столицы» в президентских и правительственных структурах, как началось еще одно пришествие варягов. По Москве даже анекдот-предупреждение ходил: тем, кто имеет прописку на Ленинградском проспекте и созвучных улицах, менять-де ее надо, а то, когда питерских погонят, разбираться не будут.

Однако подобная кадровая политика была по-своему логичной и оправданной. Управляемость палатой была практически идеальной. И это главное, что требовалось от Миронова. За это ему позволялось иногда фрондировать, поиграть в вопросах назначения сенаторов, чем он небезуспешно пользовался для финансового укрепления созданной с помощью Кремля партии, высказываться с публичной критикой.

Между тем палата отходила от своего главного назначения — защиты интересов регионов, обрастала не свойственными ей направлениями работы, разменивалась на сомнительные политические инициативы в ущерб законодательным. Возникло множество комиссий и подкомитетов, целесообразность создания которых далеко не всегда была очевидной. Большинство они создавались под конкретных людей, которых нельзя было оставлять без должностей. Таких, например, как Михаил Одинцов — «крахмальный» бизнесмен, близкий знакомый бывшего главного идеолога страны Владислава Суркова, а впоследствии самый богатый аудитор Счетной палаты, Борис Шпигель — фармацевтический

олигарх, Виталий Мутко — президент футбольного клуба «Зенит», ставший затем министром спорта, Вячеслав Фетисов — прославленный хоккеист...

Вскоре рядовых членов палаты можно было по пальцам рук пересчитать. Все остальные ходили в каких-никаких, но начальниках и могли рассчитывать на определенные привилегии, как то: персональный автомобиль, отдельный кабинет и т. д.

Это была продуманная внутripалатная политика спикера. Раздавая «пряники» сенаторам в обмен на их лояльность и поддержку, он мог не только управлять законотворческим процессом, но и решать другие вопросы. В конечном счете высший орган законодательной власти стали сравнивать с машиной по штамповке президентских и правительственных законопроектов. Если в Думе еще оставалось место для дискуссий, то деполитизированный (поскольку ни партийных фракций, ни оппозиции там формально не существовало) Совфед голосовал всегда дружно и, за редким исключением, единогласно.

Естественно, что подобные характеристики исходили не только от меня, но и от многих действующих членов Совета. Конечно, не публично, а в узком кругу, в кулуарах.

...Питерская градоначальница одолела спикера верхней палаты, безусловно, не в личной борьбе. Фигуры они были разновесовые. Не обошлось, как повелось, без скрытой поддержки самых знаменитых земляков. Впрочем, для того чтобы ей оказаться в сенате, надо было соблюсти нормы законодательства. И их соблюли.

Вдруг срочно потребовалось избрать депутатов в двух питерских муниципальных районах. В одном из них пожелала стать депутатом Валентина Матвиенко — час назад командовавшая всеми городскими районами. Какое падение! И она, конечно, получает под сто процентов голосов, а законодательное собрание Петербурга тут же утверждает ее сенатором. Ну, а в верхней палате уже сенаторская очередь выстроилась под нового спикера. Тошно было наблюдать, как вчерашние яростные сторонники Сергея Миронова сдают его. Не стесняясь, не пряча глаза, выпрыгивая, как говорится, из собственных штанов.

О времена, о нравы!

Несмотря на то, что избрание председателя Совета Федерации прошло гладко и единодушно, осадок остался. Валентина Ивановна, будучи человеком искушенным во многих дворцовых интригах, не могла не понимать уязвимость своей легитимности.

По натуре очень деятельная (что говорить, школа у нее за плечами будь здоров), она сразу начала с комплексного реформирования работы палаты и установления новых взаимоотношений с Госдумой — благо там тоже руководство поменялось: вместо Бориса Грызлова, полагавшего, что парламент — не место для дискуссий, пришел более дипломатичный Сергей Нарышкин.

За десять лет работы в администрации президента лично я пережил девять реорганизаций. Меняется руководитель, и все сотрудники сразу выводятся за штат. Новая метла начинает мести по-новому. Как это отражается на людях и результатах их работы — никого не волнует. Важно показать, что новый начальник лучше прежнего знает, как решать стоящие на повестке дня проблемы и задачи. А поскольку преемники мало чем отличались от предшественников (они ведь из одной колоды тасовались), то ничего революционного не совершалось. Убирались очевидные глупости, и проводился косметический ремонт в прямом и переносном смыслах.

Валентина Матвиенко сразу выделила три основных направления «перестройки» во вверенном ей хозяйстве: сокращение числа комитетов и комиссий, повышение дисциплины среди сенаторов (в основном это касалось их посещений заседаний палаты и комитетов) и, разумеется, традиционный ремонт здания.

Справедливости ради следует отметить, что все три направления давно нуждались в выравнивании. Например, число сенаторских комитетов и комиссий перевалило за двадцать и почти вдвое превышало аналогичные думские. Никто не задавался вопросом, зачем множатся различные аппаратные структуры. Ответ лежал на поверхности — кого-то нужно пристроить на руководящее кресло. Ну, не престижно ходить в рядовых сенаторах, скажем, бывшему губернатору. Люди,

мол, не поймут. Будут говорить, что «опустили» его. Для таких вип-персон в лучшем случае создается структура, и они ее возглавляют. Как вариант — назначаются заместителями председателя комитета или комиссии в ранге руководителей каких-нибудь подкомиссий.

К концу «мироновского правления» в верхней палате рядовых сенаторских должностей практически не осталось. Все ходили в каких-нибудь начальниках. И все были довольны. Спикер — потому что получил должника, который будет ему обязан. Сенатор тоже выгоду свою получил. Во-первых, статус в глазах земляков повысил, во-вторых, маленькие привилегии приобрел в виде персональной (а не по вызову) машины, кабинета с приемной.

Дисциплина у сенаторов всегда на «тройку» тянула. Некоторые месяцами не показывались в стенах палаты. Настоящих «пахарей», добросовестно корпевших над законопроектами, всегда можно было по пальцам пересчитать. Их знали в лицо все сотрудники. Красноярского Вячеслава Новикова, который всегда имел собственное мнение, часто расходящееся с официальным, дотошного Владимира Мельникова из Читы, аксакала Рыжкова Николая Ивановича — одного из последних руководителей правительства Советского Союза, и еще нескольких человек, авторитетных по жизни и профессиональным знаниям. Но больше было таких, кому палата служила крышей, местом «на всякий случай». Скажем, разве должности нужны были миллиардеру Керимову? Он сам по себе должностью являлся. Господин Керимов и вовсе не появлялся на своем официальном рабочем месте, коим был кабинет члена Совета Федерации.

«Спикер в юбке», которую за твердость в проведении задуманного стали называть «Иванычем», всякую вольницу пресекала, невзирая на авторитеты. Появились оценочные показатели деятельности сенаторов. С них стали требовать отчеты о работе. Многим это не нравилось, но сопротивляться пытались лишь единицы. Отмашку сверху на наведение порядка «Иваныч» получила и на протесты не обращала внимания — гнула свою линию.

Чем хороша реорганизация для нового руководителя? Она дает ему возможность перетрясти кадры, доставшиеся от предшественника. Все сотрудники выводятся за штат и начинаются аппаратные игры. В такие периоды работа если и не парализуется совсем, то эффективность ее резко падает. Множатся различные интриги. Борясь за насиженные места, чиновники из кожи вылезают, чтобы понравиться начальству и не попасть в «черный список». Начальству это на руку, из сотрудников в это время можно веревки вить.

Никого не удивило появление в Совете Федерации новой волны «питерских» в ближайшем окружении Валентины Матвиенко.

Ожидалось, что первым «на выход» последует руководитель аппарата Владимир Свинарев. По крайней мере, я считал, что для этого имеются объективные основания. Он нес персональную ответственность за организацию всей работы палаты. А она с точки зрения эффективности управленческих решений не выдерживала никакой критики.

Однако состоялись замены в секретариате председателя, в управлении кадров и делами, других подразделениях, а главный аппаратчик оставался на месте. Могу только предположить, каких усилий и связей ему это стоило. Видимо, чекистская масть сыграла не последнюю роль. Кстати, он поднялся здесь в звании от полковника до генерал-лейтенанта. Да и сама Валентина Ивановна тяготела к «конторе». Во время питерского губернаторства рядом с ней в качестве советников и помощников находились отставники федеральной службы безопасности. Судя по всему, наследники «железного Феликса» с приходом откровенно симпатизирующего им спикера решили взять под более плотную опеку высший законодательный орган. Речь здесь не о вмешательстве в законотворческий процесс. На такое творчество, как пришлось в жизни убедиться, способны единицы представителей элиты силовиков. А вот управление кадровой политикой — это всегда было их стихией. И в подтверждение сказанному: начальником управления кадров Совета Федерации назначается полковник ФСБ А. Б. Корчак (сразу получил погоняло «Колчак»).

Я тогда поинтересовался у знакомых отставных генералов-чекистов: кто таков и чего от него можно ожидать? Меня предупредили, что ничего хорошего от него ждать не стоит.

Действительно, новый кадровик о специфике гражданской государственной службы имел весьма отдаленное представление. Зато преуспел в другом: всюду, где мог, расставил своих осведомителей, прикомандированных из родной «конторы». Старые аппаратчики сразу оценили высочайшую некомпетентность новичков и настроились работать если не за троих, то за двоих.

Вместе с коллегами по службе я недоумевал и пытался объяснить этот кадровый феномен. Самое простое объяснение: в недрах могущественной службы готовится крупная реорганизация и сокращение штатов. Мне уже приходилось сталкиваться с этим в период работы в ельцинской администрации и помогать трудоустройству толковых офицеров, оказавшихся за бортом. Другая версия — усиление борьбы с коррупцией внутри государственных органов. Так или иначе, главный кадровик стал самым информированным лицом в стенах палаты. Первым знал о том, что происходит в аппарате, и всегда мог блеснуть перед начальством своей осведомленностью.

Не менее интересной была замена управляющего делами. Вячеслав Киселев, прежде занимавший эту хлопотную, но всегда «хлебную» должность, был освобожден в одночасье и переведен в заместители управляющего. Самостоятельность потерял, но курить в кабинете, несмотря на общий запрет, не перестал, чем и был симпатичен таким же злостным курильщикам, как я. У него можно было обсуждать все вопросы с сигаретой, сочетая полезное с приятным. Но всем было понятно, что его песенка спета. В замах он продержится ровно столько времени, сколько понадобится новому начальнику для освоения с делами. Ждать пришлось недолго.

Новым управделами стал, конечно, питерский по фамилии Кутепов. Я его сразу прозвал белогвардейским потомком и при ближнем знакомстве, шутя, постоянно выпытывал, кем он приходится известному по истории генералу от инфантерии Александру Павловичу Кутепову.

«Потомок генерала» не был лишен чувства юмора и снисходительно относился к моим подколкам на предмет совместности «красных и белых». Возможно, просто еще не мог освоиться в необычной для него обстановке. Ведь прежде он занимал незначительные, по совфедовским меркам, должности: занимался вопросами строительства в качестве советника группы по обеспечению деятельности заместителя управляющего делами Президента РФ в Санкт-Петербурге. Название и выговорить сразу невозможно. Я даже и не предполагал, что со времени моего ухода из администрации президента такие должности там появились. Впрочем, чему удивляться, для родного Питера всегда порадеть можно. Где еще кадры брать? Подрастили молодого строителя, обкатали на административной работе. Около двух лет он возглавлял Приморский район Санкт-Петербурга. Тот самый, вошедший в историю современной России муниципальный район, где одержала триумфальную победу в борьбе за депутатский мандат Валентина Матвиенко. Очень непростой мандат. Ведь он стал проходным билетом на вершину политического олимпа. Такое не забывается. Но не только это.

Андрей Кутепов давно был связан с семьей спикера. Ранее он работал в строительной фирме, принадлежащей известному питерскому банкиру и сыну Валентины Ивановны. А поскольку она, возглавив палату, решила произвести и грандиозный ремонт здания, то ее кандидат в конкурсах не нуждался.

По правде сказать, инициативы В. Матвиенко были в определенной мере обоснованы и мотивированны. В том числе и пресловутый ремонт, превративший (когда это у нас строители в установленные сроки укладывались?!) работу чиновников в сущий ад. Что и говорить, сенат выглядел несолидно. Внизу торговые точки. Большинство рабочих кабинетов как сенаторов, так и сотрудников, вызывали у проходящих сюда жалость и сочувствие. Были, конечно, и оазисы в этом унылом пространстве. Некоторые состоятельные сенаторы обустроивали свои рабочие места самостоятельно. Делали за свой счет ремонт, привозили мебель. С «пионерским» почином здесь выступил Валентин Завадников. А ведь не из биз-

неса, с госслужбы пришел в Совет Федерации. Что тут говорить о сенаторах- бизнесменах, таких как О. Оганян. Тот даже персональный туалет к кабинету пристроил. С большой помпезностью, размахом и шиком отделал свои апартаменты Борис Шпигель, полагая, что пробудет здесь долго и что место красит человека, а не наоборот. Таким сенаторам много чего позволялось. Ведь они считались спонсорами (иначе говоря, «кошельками») партии, которую возглавлял С. Миронов.

С другой стороны, всем было известно о намерении властей построить единый парламентский центр. Решение вопроса, как водится, откладывалось из года в год, но планы не отменялись. Стоило ли при этом идти на многомиллионные траты ради наведения косметического блеска здания, которое придется бросать? Поползли различные слухи. В том числе и такой: при переезде здание будет отдано под банк сыну спикера. Не случайно ведь на стройку поставлен его приятель Кутепов. Он, кстати, с поставленной задачей справился неплохо. С ним мы позднее встречались, и он не скрывал, что ему неинтересно здесь стало.

— Нет размаха, — говорит, — одна рутина. Скучно.

А начиналась его служба на новом месте очень даже «весело». Нервов извел немало. Вспомнили занятный случай.

Одно из первых распоряжений председателя верхней палаты касалось размещения всех сенаторов в основном корпусе, расположенном на Большой Дмитровке. Некоторые из них держали кабинеты в здании на Новом Арбате. Кстати, несравненно лучшие, чем в основном корпусе: большие, с приемными. Но кое-кому такая отдаленность от штаба и высокого начальства не нравилась. Видимо, хотелось быть на виду, да и гостей приглашать не на задворки. Словом, разыграли амбиции, но не рациональный подход. Спикер на первых порах старалась по максимуму оправдать оказанное доверие, и началось очередное «великое переселение»: аппараты комитетов освобождали кабинеты, и их тут же готовили для переселенцев.

Мне, руководителю коллектива экспертов ключевого комитета (как, впрочем, и всем другим коллегам), вся эта затея, в угоду появляющимся два раза в месяц сенаторам, очень не понравилась. Безусловно, современные коммуникации по-

зволяют управлять всеми процессами, в том числе и законодательскими, дистанционно. Так-то оно так. Но куда деться от человеческого фактора? Работа над законопроектами — труд коллективный, требующий постоянного обмена мнениями, сверок, поправок, уточнений. А если сроки поджимают, то ни факсимильная, ни электронная связь не выручит. Начальственный пригляд по-прежнему дает эффект гораздо больший.

Словом, уперся я и стал размышлять, как выйти из предстоящей борьбы с управлением делами с наименьшими потерями. О победе и не помышлял. На поддержку председателя комитета Н. Федорова не рассчитывал. Он к таким вещам относился без энтузиазма. Приказали, значит, нужно выполнять. Тут и возникла идея отдать два кабинета бывшего аппарата комиссии, возглавляемой Б. Шпигелем. Формально они числились за комитетом, но фактически там находились его помощники, штатные и нештатные. Со Шпигелем никто связываться не хотел. Себе, как говорится, дороже. И если бы размещением занимался прежний управляющий Вячеслав Киселев, то из моей задумки ничего бы не вышло. А тут новенький начальник, да еще питерский, грех не попробовать. В общем, замутил я так, что даже благодарность от него получил за понимание и государственный подход. По большому счету, наш комитет остался в выигрыше. Отдали один кабинет, а приобрели несколько на Новом Арбате. На вырост, так сказать.

Мина замедленного действия сработала уже после моего перевода в Минсельхоз. Говорят, это было нечто. Шпигель рвал и метал громы и молнии на головы тех, кто осмелился покуситься на вложенные им инвестиции. Как и следовало ожидать, он свои кабинеты отстоял, причем крови управленцам попортил много. Такое не забудешь.

...Задумка В. Матвиенко о выравнивании численности совфедовских структур, по аналогии с думскими, не достигла поставленной цели. Госдума после выборов передумала жить по-старому и увеличила почти вдвое количество своих комитетов. Кто мог предположить, что оппозиционные партии увеличат свое присутствие в законодательном органе и потребуют себе дополнительные должности? Они там тоже в большой цене.

С дисциплиной в сенате все же стало действительно лучше. Опасаясь карательных санкций, сенаторы стали регулярно появляться на своих рабочих местах, а если пропускали заседания, то запасались оправдательными бумагами.

Но все это побочное, сопутствующее выполнению основного предназначения высшего законодательного органа страны — утверждению законов. Здесь же не изменилось ровным счетом ничего.

На примере нашего комитета могу утверждать: если и предпринимались попытки отдельных сенаторов высказать по особо резонансным законопроектам отличное от идущего сверху мнение, то дальше комитета оно не выходило. На пленарном заседании при голосовании редко кто рисковал даже воздержаться.

Для иллюстрации расскажу, как принимался так называемый закон о политических партиях, который гарантировал регистрацию партии при минимальной численности 500 человек. Информационное поле от такой идеи, вброшенной сверху по указанию президента Д. Медведева, буквально взорвалось по всем фронтам. Политологи, поддерживающие их сенаторы и депутаты недоумевали: к чему это «почкование»?! Все равно ведь в реальной жизни оппозиционное движение в России имеет, по выражению известного пиарщика Олега Солодухина, «не столько политический, сколько правозащитный характер». Незамысловатую хитрость властей узрели сразу все: и правые, и левые, и прочие оппозиционеры. Совершенно очевидно было, что предпринимается очередная попытка разрушить еще не окрепшую политическую структуру страны. Цель ее одна: размыть (через создание многочисленных мелких партий-спойлеров) политическое пространство, занимаемое оппозицией, и тем самым укрепить пошатнувшиеся позиции партии власти — «Единой России».

Когда законопроект поступил на рассмотрение в наш комитет, то первоначальная реакция на него большинства членов комитета была отрицательной. В числе голосовавших против принятия закона в представленном виде был и председатель комитета Н. В. Федоров. Однако уже вечером я по его поручению обзванивал членов комитета и собирал их

на внеочередное заседание, на котором затем было принято противоположное решение. Правда, председатель комитета воздержался от голосования, но и своим мнением не давил на присутствующих. Таким образом, Федоров хоть как-то пытался заявить о своем несогласии. Другие просто меняли, как ни в чем не бывало, одно мнение на другое, будто испачканные перчатки.

Причина здесь одна — боялись попасть в «черный список» Старой площади. Дело в том, что на каждом заседании, где рассматривались резонансные законопроекты, обязательно присутствовали представители администрации президента. Их роль сводилась к тому, чтобы своевременно сообщать наверх о происходящем в комитетах. Проще говоря, это были «стукачи». Они тут же «сливали» своему начальству информацию обо всех, кто голосовал против. И если не удавалось «переубедить» несогласных, то к ним применялись соответствующие меры, вплоть до «увольнения». На воздержавшихся тоже ставилась метка. Тут, как говорится, не забалуешь.

Рассмотрение отдельных вопросов вообще представляло собой целое театральное действо, наполненное драматизмом, острыми сценами борьбы положительных и отрицательных персонажей, и благополучно заканчивающееся для всех его участников. Такой спектакль разыгрывался ежегодно при отчете Генерального прокурора перед Советом Федерации.

Прокурорские игры

Генпрокурора Ю. Чайку в последние годы его работы на этой должности не пинал, как говорится, только ленивый. И было за что. Одно только нашумевшее «игорное дело», по которому под следствием оказались около десятка подмосковных прокуроров, могло стоить должности главному надзирателю за законностью в стране. Однако, на удивление многим, резонансное дело спустили на тормозах, а козла отпущения нашли в совсем другом огороде. Им стал мой старый товарищ заместитель руководителя ФСБ Вячеслав Ушаков, курировавший в своей «конторе» следствие. Ему вме-

нили превышение должностных полномочий, повлекшее за собой утечку в СМИ информации о прокурорах — крышевателях подпольного бизнеса. Указ об увольнении генерала издал президент Д. Медведев. Именно с ним связывала молва непотопляемость генпрокурора. Говорили, что особые услуги президенту позволяли Юрию Чайке держаться на плаву. Другой на его месте давно бы камнем на дно пошел.

Так или иначе, но многочисленные (в т. ч. и в парламенте) недоброжелатели генпрокурора питали надежду, что вернувшийся на президентское место Владимир Путин откажется от его услуг. Поэтому вокруг очередного ежегодного прокурорского отчета развернулась подковерная борьба его сторонников и противников.

В главном правовом комитете палаты силы разделились примерно поровну. Роль комитета в этом вопросе состояла в том, чтобы подготовить и внести на утверждение Совета Федерации проект постановления по докладу генпрокурора. Этот документ, по сути, оценивал предыдущую работу ведомства и его главы и устанавливал вектор работы высшего надзорного органа страны на целый год.

В жизни главным оппонентом прокурора является адвокат. В комитете было три известных адвоката: первый заместитель председателя комитета А. Александров и члены комитета М. Капура и Е. Тарло. Все титулованные юристы, профессора, доктора наук. А. Александров отличался исключительной политической гибкостью, особой чертой, присущей представителям нетрадиционной сексуальной ориентации. Для прокуратуры он не представлял никакой угрозы. Равно как и другой первый зам Б. Шпигель, который давно сидел у прокуроров на большом крючке.

Главная опасность исходила от группы сенаторов, которая была солидарна с М. Капурой в оценках деятельности прокуратуры и считала необходимым откорректировать формат взаимоотношений с ней. Широкой публике личность М. М. Капуры стала известна пару лет спустя после описываемых событий. И все благодаря скандалу с «наездом» на московского нотариуса Ольгу Капура со стороны сенатора-олигарха Ралифа Сафина. Тогда-то СМИ и раскрыли «темные» пятна биогра-

фии экс-сенатора Михаила Михайловича Капуры. Оказалось, что он вовсе не Михаил, а Самир. И даже не Михайлович, а Музафарович. И фамилия у него раньше другая была, а нынешняя — это жены. Впрочем, если эти сведения для кого-то и стали сенсацией, то для многих (в том числе для соответствующих органов) они были «секретом Полишинеля». Кстати, и я прежде знал Капуру под именем Самир. Ну, изменил человек имя, и что? Закон ведь не нарушал, всевозможные проверки проходил, от публики лицо не прятал, от прессы не шарахался. Наоборот, его активность, четкая профессиональная позиция, работоспособность в верхней палате постоянно в пример ставились. В частности, Валентиной Матвиенко. А она щедростью на похвалы не отличалась.

За два месяца до заседания комитета по инициативе «Махал Махалыча» (так прозвали сотрудники Капуру) в регламент Совета Федерации были внесены изменения, касающиеся порядка назначения на должность первого заместителя и заместителей Генерального прокурора Российской Федерации. Новая редакция регламента устанавливала, что по представленным на вышеназванные должности кандидатурам профильный комитет, а также комитет по обороне и безопасности могут запрашивать дополнительную информацию у Генерального прокурора и руководителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Безобидная, но логичная, по сути, поправка вызвала бурную негативную реакцию в стенах генпрокуратуры. Оказывается, для нее было совершенно неприемлемым и недопустимым, чтобы сенаторы копались в прошлом назначаемых руководителей прокуратуры. То есть получалось, что интересоваться теми или иными заслугами рекомендуемых (а они, как правило, были выходцами из регионов, где оставляли свой неизгладимый след) — нельзя, а рекомендовать к назначению — нужно. В общем, голосуй за kota в мешке...

Ю. Чайка направил по адресу В. Матвиенко возмущенное письмо, в котором просил вернуть все на круги своя. Председатель палаты спустила письмо в комитет с поручением разобраться в сложившейся ситуации. Прокуратуру на состоявшемся по этому поводу заседании представлял заместитель

генерального прокурора С. Кехлеров. Его я знал по прежней жизни. Правда, знаком был шапочно, но наслышан премного. В генпрокуратуре он считался «серым кардиналом» и главным идеологом, способным отстоять интересы ведомства в любой ситуации и в любой аудитории. Потому и выпускали его, когда надо было подключать «тяжелую артиллерию».

Опытный полемический боец С. Кехлеров уже в начале заседания попытался перехватить инициативу в развернувшейся дискуссии с главным оппонентом М. Капурой. Дошло до того, что в голосе прокурора прозвучали недвусмысленные угрозы по адресу адвоката. Председательствующему на заседании Н. Федорову пришлось «разводить» противников, благо они сидели через стол и не могли дотянуться друг до друга. Не исключалось, что в ход могли пойти, вместо словесных, и другие аргументы.

И тут вдруг заговорил всегда молчавший (по причине перенесенной операции на горле) Юрий Станиславович Бирюков. Старейший работник прокуратуры, он покинул ее в должности первого заместителя генерального прокурора, но по-прежнему пользовался среди коллег большим авторитетом. Казалось бы, в данной ситуации он должен был занять сторону своего бывшего ведомства. Однако вышло совсем наоборот. В полнейшей тишине Бирюков тихим, но жестким голосом поставил на место бывшего коллегу. Аргументировано и убедительно показал, чем должна заниматься прокуратура, а чем — высший законодательный орган государства.

...И вот в такой нервной обстановке готовилось постановление по докладу генпрокурора. Остроты прибавляла неопределенность в вопросе: оставит ли Ю. Чайку новый-старый президент в своей команде или нет? Зная о непредсказуемости В. Путина в принятии кадровых решений, никто не предполагал, как выйдет на самом деле. Поэтому «играли» и на Чайку, и против него. К нему в кабинет зачастил «получекист-полумент» (сокращенно «ПЧМ») А. Лысков. Поговаривали, что он не только давал генеральному советы, как бороться со своими коллегами-сенаторами, но и подготовил проект того самого письма за подписью Чайки на имя Матвиенко, из-за которого разгорелся весь сыр-бор.

Н. Федоров взялся лично редактировать представленный прокуратурой проект постановления. Была создана рабочая группа из сенаторов и сотрудников аппарата. На меня возложили персональную ответственность за качественную и своевременную подготовку документа. Дело, по большому счету, для меня не новое и не сложное. Проблема состояла в том, что позиция самого председателя комитета неожиданным образом резко изменилась. Изначально он утвердил один вариант проекта, а по ходу развития «спектакля» и встреч с Кехлеровым стал «менять показания».

В конечном счете на утверждение палатой было вынесено постановление, практически полностью продиктованное генпрокуратурой. Подобные документы еще называют «проходными». Они из года в год фактически копируют друг друга. Голосуют за них сенаторы в автоматическом режиме. И на этот раз законодатели дружно признали достижения прокуратуры на поприще надзора за соблюдением законности в стране. Всем стало понятно, что генпрокурор получил «добро» на очередной срок и может продолжать свои «игры».

Что же касается скандально известного «игорного дела», то его благополучно развалили. Несмотря на большой общественный резонанс, прокуроры отделались легким испугом.

Полпреды от Совфеда

Наряду с законотворческими обязанностями сенаторы исполняли и многочисленные представительские функции. Сейчас трудно вычислить, кто надоумил С. Миронова ввести институт полномочных представителей Совета Федерации. Однако задумка, надо признать, не была лишена смысла. Направляя своего представителя в тот или иной высший орган власти (в основном это были суды и правоохранительные структуры), председатель верхней палаты как бы говорил: «Господа, мы за вами приглядываем, помните: с нами лучше дружить».

И на самом деле полномочные представители, кроме Конституционного Суда, могли только присутствовать на заседа-

ниях тех или иных органов, куда их делегировал Совет Федерации. Ни выступать со своим мнением официально, ни что-либо рекомендовать тем же судьям Высшего Арбитражного суда они не имели права. За спиной их называли «смотрящими». Но если в уголовной среде «смотрящий» представляется фигурой значимой, наделенной властью и особыми правами, то роль полпредов сводилась в основном к доносительству, как и у кремлевских чиновников, обосновавшихся в палате. В редких случаях их использовали в качестве посредников между предстоящими встречами первых лиц.

Словом, скоро стало понятно, что образование это искусственное, в большей степени декоративное, как и многое другое, созданное при Сергее Миронове. Бог бы с ними, если бы эти полпреды существовали автономно и не касались работы аппарата, которому приходилось их обслуживать. Самостоятельно «пишущих» среди них, кроме М. Капуры, не замечалось.

Между тем после задуманных новым спикером структурных преобразований численность аппарата только нашего (образованного из трех) комитета сократилась втрое. Задачи же остались прежние, и нагрузка на каждого сотрудника, при той же зарплате, увеличилась также втрое. Ни меня, ни председателя Н. В. Федорова это не пугало. Ведь дело не в количестве работников, а в их профессионализме и в организации работы. Но как можно эффективно выстроить законотворческий процесс, когда экспертов то и дело отрывают на подготовку каких-то полпредовских отчетов-сообщений с места событий? Ссылаясь при этом на изданное еще прежним председателем палаты соответствующее распоряжение.

Особо «затратным» для аппарата оказался полпред в Конституционном Суде А. Александров. Ему, как и другим двум первым заместителям председателя комитета, было дозволено оставить на свое усмотрение одного из прежних сотрудников. Имелись в виду, конечно, профессионалы в различных направлениях законодательства. Но получилось так, что «профессионалы» на поверку оказались кем угодно, но только не специалистами в области конституционного, граждан-

ского и уголовного права, и выполняли они весьма специфические задачи, о которых говорить неприлично.

Заседания КС в Санкт-Петербурге проходили фактически еженедельно. На подготовку к ним отвлекались как минимум два сотрудника аппарата. Они готовили не только заключения по рассматриваемым вопросам, но и выступления полпреду. А когда он по различным причинам (что происходило очень часто) не мог присутствовать в суде, то и выступали вместо него.

Подобные функции комитета представлялись, мягко говоря, избыточными, а весь институт полпредов — искусственным и бесполезным образованием. Однако, руководствуясь поговоркой о том, что слона надо кушать частями, я не стал сразу «наезжать» на всех полпредов. Риск «подавиться» таким куском был слишком большим. Поэтому я решил проанализировать деятельность полпредства в Конституционном Суде. Курирующая ее главный советник Е. Винородова (дама, знающая себе цену) посматривала на всех свысока: профессор, доктор юридических наук — что тут скажешь. Она принесла отчетные документы за последние три года. Не без скрытой иронии предложила облегчить работу и сделать краткий отчет. Вежливо отказавшись, я просидел несколько вечеров над юридическими «талмудами». И не зря.

В ходе кропотливой работы с бумагами выяснилась любопытная закономерность, которую я не поленился вывести в таблицу для пущей наглядности. Выходило, что по большинству рассмотренных судом дел у полномочного представителя, представлявшего одну из сторон судебного процесса — Совет Федерации, иная, противоположная, в конечном счете, решению высшего судебного органа страны позиция.

— Как такое может быть? — задал я наивный вопрос профессору-юристу.

В ответ — получасовая лекция, суть которой сводилась к тому, что Совет Федерации — это независимый государственный орган, и он вправе иметь свою позицию по любому вопросу. С этим-то я как раз и был согласен. Сомнения возникли в другом.

Предмет рассмотрения Конституционного Суда — соответствие Конституции страны федеральных законов, принимаемых Госдумой и Советом Федерации. Утрируя, можно изобразить этот процесс следующим образом. Высокий суд (выше только Господь Бог) исследует «предмет», находит в нем изъяны и рекомендует изготовителям их устранить. Один из изготовителей (Госдума) соглашается с замечаниями, а другой (в лице полпреда Совфеда) идет в «отрицаловку». При этом выясняется, что собственное правовое управление Совета Федерации, где собраны опытейшие юристы, дает по рассматриваемому вопросу заключение, совпадающее с судебным решением.

— Как такое может быть? — с настойчивостью въедливо-го студента, повторяю свой вопрос профессору.

И тут профессор, что называется, «поплыла», не выдержала экзамена, устроенного бывшим учителем русского языка и литературы. Забегая вперед, скажу, что не выдержала она экзамена и по предметам, которые я вел после института в средней школе. Во время очередного утверждения В. Зорькина председателем Конституционного Суда я попросил ее подготовить проект выступления для Н. Федорова. Вообще-то он свои речи всегда сам готовил, но тут был особый случай: требовался фактический материал, основа, так сказать.

Прочитав страничный «труд» мэтра права, я, признаюсь, схватился за голову и за свой любимый учительский красно-синий карандаш, чтобы орфографию и стиль выправлять. Потом бросил это бесполезное дело, заперся в кабинете на полтора часа и написал свой вариант проекта выступления. Н. Федорову представил оба.

Мой начальник оценил творения следующим образом: «Соберите аппаратное совещание и проведите мастер-класс, какие мне выступления надо готовить».

Впрочем, это был не комплимент в мою сторону. Федоров себе подготовил выступление сам, с цитированием любимой латыни и прочими стилизованными вывертами, чем и сорвал в который раз аплодисменты у сенаторов.

Но и я, в свою очередь, тоже не воспользовался его рекомендацией. Просто предложил профессору написать заявле-

ние об увольнении по собственному желанию. Не без усилий она это сделала и перешла работать советником в... Конституционный Суд. Видимо, плацдарм для отхода готовился заранее.

Между тем свои соображения я изложил в служебной записке на имя руководителя аппарата Совета Федерации В. Свинаярева. Познакомил с ней Н. Федорова. Тот не то чтобы отмахнулся, но дал понять, что эта проблема его не волнует и из-за нее он копыа ломать с руководством не будет. Мол, если так принято, чего лезть на рожон.

В. Свинаярев — человек очень осторожный (недаром из чекистов), хотя и согласился с моими аргументами, долго не давал записке ход. Но в конце концов обеспечение деятельности полномочного представителя в Конституционном Суде возложили на правовое управление. Тут нашли применение и одному из моих предшественников в аппарате комитета — доктору юридических наук, профессору А. Саломаткину, которого полгода держали за штатом.

Однако других полпредов из числа членов комитета изменения не коснулись. По-прежнему они представляли Совет Федерации в Верховном и Высшем Арбитражном Судах, Генеральной прокуратуре, Следственном комитете, Общественной палате, Минюсте, при Уполномоченном по правам человека. В соответствии с действующим распоряжением председателя палаты они ежеквартально должны были представлять отчеты о проделанной работе. Сотрудникам аппарата, которых подряжали на эту бестолковую работу, приходилось напрягать всю свою фантазию, чтобы создать правдоподобное бюрократическое произведение, судьба которого была одна — в мусорную корзину.

Мои работодатели

«Душка Саша» (2003–2005 гг.)

Из сообщений СМИ 2013 г.: «Глава верхней палаты В. Матвиенко заявила, что стоит продолжить процесс укрупнения регионов. По ее словам, 83 региона для России — “это очень

много". Но слиянию тех или иных субъектов Федерации в один регион мешают амбиции местных политиков. Некоторые из них "хотят быть царьками, губернаторами, председателями Законодательного собрания". "Я думаю, что процесс укрупнения все-таки пойдет рано или поздно, жизнь заставит к этому вернуться", — сказала Валентина Матвиенко».

Мало кто, кроме политологов и специалистов-региональщиков, знает о том, что микроскопическая Эвенкия (около 20 тысяч жителей) и многомиллионная Московская область (6,5 миллиона человек) — абсолютно равноправные субъекты федерации. Так записано в Конституции страны. В Совете Федерации, например, оба региона имеют по два представителя.

Теоретически подобные субъекты (а их у нас немало), представляющие абсолютное меньшинство населения страны, могут законодательно диктовать свою волю большинству. Как-то не очень вяжется это с понятием равноправия. Да и о балансе интересов между регионами говорить не приходится. Но таково государственно-территориальное устройство России, закрепленное Основным законом. Сейчас, правда, вместо 89 субъектов стало 83, что, в принципе, ничего существенным образом не изменило в устройстве страны. Назвать его удобным и оптимальным с точки зрения государственного управления язык не поворачивается.

Прежде всего следует сказать о чрезвычайной дробности нашего государственно-территориального устройства. В самом деле, в мире нет другой страны с таким количеством высших административно-территориальных единиц, как в России.

Справка. В двадцати федеративных государствах мира среднее соотношение в системе федеральный центр — субъекты федерации составляет 1:22. По количеству регионов к нашей стране приближаются лишь США, имеющие 51 штат и один федеральный округ. Но и это на одну треть меньше, чем у нас.

В Бразилии всего 27 территориальных образований высшего уровня (штаты, федеральные территории, округ), в Индии — 32 (штаты и союзные территории).

В Китае, население которого превышает население России более чем в десять раз, всего 30 административных единиц высшего уровня (провинции, автономные районы, города центрального подчинения).

Мало того, что российская система дробная, она еще и нерационально дробная. Выделение административно-территориальных единиц высшего уровня не поддается никакой логике. Взять, к примеру, такой важнейший показатель, как средняя численность населения республик, краев и областей. У нас она составляет 1,9 млн человек. Это значительно меньше, чем в более или менее сопоставимых по населению странах. Скажем, в Японии этот показатель составляет 2,7 млн человек, в США — 5,3 млн, Бразилии — 6,1 млн.

Ну, а о колоссальном разрыве численности населения между отдельными регионами я уже говорил. Обо всем этом было известно высшему руководству страны еще в советские времена и в «лихие девяностые». В преддверии принятия новой конституции предлагалось учесть в ней «неудобства», связанные с существующим государственно-административным устройством страны.

Тогдашний начальник территориального управления Администрации Президента РФ А. И. Казаков, что называется, язык стер, доказывая очевидную нелепость существующей схемы государственного управления. Его доводы внимательно выслушивались, в том числе и Борисом Николаевичем Ельциным, но решение важнейшего вопроса откладывалось до лучших времен, когда «созреет общественно-политическая ситуация» для проведения административно-территориальной реформы. И вот, похоже, ситуация созрела...

...Почти год проболтавшись на вольных хлебах, перебиваясь на жизнь журналистикой и иными случайными заработками, я от такой жизни подустал. Захотелось чего-то стабильного и постоянного. Поскольку человек я по натуре командный, а не волк-одиночка, долгое время проработал в системе, то, естественно, тянуло туда, где можно было применить свой опыт и знания.

В то время я в основном вращался в стенах Совета Федерации. После путинских кадровых чисток здесь обосновалось много моих старых знакомых из числа бывших губернаторов, полномочных представителей президента и просто личных друзей. Один из них — Валентин Андреевич Логунов, создатель и первый главный редактор «Российской газеты», руководил секретариатом заместителя председателя палаты М. Е. Николаева. Валентин всегда был не только человеком с большим чувством юмора и великолепным рассказчиком (кстати, именно он автор большинства «трудов» бывшего якутского президента), но и неиссякаемым генератором различных идей и проектов. К ним он меня и привлекал по старой дружбе.

Однажды узнаю, что в Совет приходит представителем от законодательного собрания Ростовской области Александр Иванович Казаков. Мой бывший прямой начальник по работе в администрации президента, с которым мы огонь и воду прошли. Встретились, конечно, с неподдельной обоюдной радостью. Расспросив, что да как, Александр Иванович сразу сказал:

— Хватит дурака валять. Иди ко мне помощником для начала, а дальше посмотрим. Серьезные темы намечаются.

Согласился я без раздумий. Оклад мне он положил максимально возможный (из штатных помощников я был один, так что получал львиную часть сенаторского фонда), и ежемесячно мне причиталось еще пятьсот рублей, но уже «зеленых», американских, из так называемого «общака». Сразу после назначения на должность Казаков собрал комитетских олигархов (банкира С. Пугачева, крупных бизнесменов Р. Сафина, С. Деревы и др.) и обложил их ежемесячным оброком общей суммой 10 тысяч долларов. Те не роптали и года два исправно платили «дань», таким образом откупаясь от выполнения своих прямых обязанностей. «Левые» деньги пускались на оплату работы внештатных экспертов, а также на премии сотрудникам аппарата комитета. Служивый народ был чрезвычайно доволен.

Александра Казакова женщины называли за глаза «душкой Сашей». Впрочем, располагал он к себе не только жен-

щин. Ради него и многие мужчины готовы были горы свернуть. Была у него непонятная мне до сих пор особенность. Где бы он ни работал, люди к нему тянулись и сильно привязывались. Он будто приручал их к себе. Но когда он менял место работы, то никого с собой не звал. Проверенных, надежных, преданных ему — оставлял вместе с их проблемами. Единственным человеком, кто всегда сопровождал его на трудовом пути, была помощник-секретарь Галина Георгиевна Каравайцева. Подобных секретарей я встречал только в советские времена. Высшая школа, как говорится. Без нее, думаю, Казаков бы потерялся в житейском море.

...Чиновный люд не сразу стал проявлять рвение. Прежде чем показать «пряник», председателю комитета пришлось и «кнутиком помахать». Но делал он это с присущим ему изяществом. Ни грубого слова, ни тем более оскорбления никто и никогда от него не слышал. Однако выходили от него прощрафившиеся с чувством глубокого стыда и желанием незамедлительно исправиться.

Со мной Казаков после таких воспитательных бесед делился:

— Что за бестолковый народ здесь, откуда их только набрали? У нас таких не было... — вспоминал он совместную работу в администрации президента.

Я это воспринял как намек и предложил себя в качестве руководителя аппарата.

— Тебе это надо? — удивился Казаков. — Ты свое уже отпахал. Пусть учатся работать. Подсказывай, если хочешь. Но мне ты нужен в другом деле. Как тебе реформа административно-территориального устройства страны? «Греет» тема?

Знал ведь, что «греет», тут и спрашивать не стоило. Но я на всякий случай уточнил: а «отмашка» из Кремля имеется?

— Иначе и разговора бы не было, — подтвердил Александр Иванович и продолжил: — Волошин сам попросил раскрутить тему.

Тут нужно пояснить, что у Казакова даже после ухода из администрации президента сохранились очень хорошие отношения со многими кремлевскими чиновниками. С ним час-

то советовались по различным вопросам, несмотря на охлаждение со стороны Кремля к «чубайсовско-гайдаровской» команде. Казаков хотя и относился к ней, но занимал там особое место. Разделяя в определенной мере либеральные подходы к политическому и экономическому реформированию страны, он тем не менее оставался государственным. То есть был убежденным сторонником укрепления государственной вертикали власти на данном этапе развития страны.

Напомню, что его уход из власти был связан с решением не назначать, а избирать губернаторов, с ошибкой, которая была признана более чем через десяток лет и которая фактически на этот же срок тормозила развитие страны, создав в ней удельные княжества и породив неслыханную коррупцию.

С руководителем администрации президента Александром Стальевичем Волошиным у Казакова были давние дружеские отношения. Волошин даже сделал его своим помощником на общественных началах, чтобы тот мог, когда нужно, по удостоверению беспрепятственно проходить в Кремль.

Кремлевская «отмашка» — это что-то вроде индульгенции на разработку и публичное обсуждение актуальной проблемы. Разумеется, вектор устанавливался за кремлевской стеной, но допускались импровизация и столкновение различных точек зрения. Воспользовавшись предоставленной свободой, А. Казаков быстро восстановил старые связи в научно-экономической среде столицы. Главными разработчиками концепции нового государственного устройства стали Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН и Совет по изучению производительных сил — организация, созданная еще в дореволюционные времена, но в современной России оказавшаяся на задворках внимания власти.

Выводы ученых и накопленный опыт свидетельствовали, что 89 дробных субъектов Российской Федерации — слишком много для того, чтобы можно было:

– выйти на оптимальный баланс интересов как по вертикали (между федеральным центром и субъектами федерации), так и по горизонтали (между регионами);

– выстроить эффективную систему государственного управления, обеспечивающую оперативное и четкое принятие решений или их практическую реализацию.

Вызывала вопросы целесообразность существования сложносоставных субъектов федерации.

И все же главная причина неэффективности нынешнего государственно-территориального устройства состояла и состоит (несмотря на прошедшие за эти годы укрупнения ряда субъектов) в его несоответствии требованиям федерализма. Мировой опыт свидетельствует, что федеративное государство жизнеспособно, когда субъектами федерации являются экономически самостоятельные регионы. Только при этом условии субъект федерации в состоянии выполнять функции, закрепленные за ним конституцией, обеспечивать должный уровень жизни населения, устойчиво развиваться. В качестве примера можно сослаться на опыт Германии. Там нет и конституционно не может быть земель с таким разрывом в уровне жизни населения, как у нас. Достаточно сказать, что треть российских регионов относится к категории высокодотационных территорий. По мнению экспертов, огромные диспропорции между субъектами Российской Федерации не только не сокращаются, но и усиливаются. Иными словами, богатые регионы становятся богаче, бедные — беднее. Если эта тенденция сохранится, то под угрозой окажется сама целостность страны.

Еще одной угрозой является постепенное экономическое отдаление российских окраин от Центральной России. Поясню, что имею в виду. Социологические исследования показывают, что, например, большинство дальневосточников и жителей Калининградской области никогда не бывало на «континенте», то есть в центральной части России, включая ее столицу. Зато приморцы и мои земляки-сахалинцы часто ездят в Японию. Амурчане вообще из Китая не выезжают. Многие благовещенские пенсионеры сдают свои квартиры китайцам, а сами снимают жилье на противоположной стороне Амура. Так выгоднее для обеих сторон. Жители западного анклава едут отдыхать в Польшу, Литву, Германию.

Экономическая жизнь российских окраин все больше переориентируется на прилегающее зарубежье. С большой помпой проведенный дальневосточный саммит (со скандальным строительством мостов и дорог), беспрецедентное выделение средств на развитие Дальнего Востока почему-то мало влияют на мировоззрение местных жителей (и особенно молодежи). У них формируется собственное видение геополитических реальностей, места своего региона в современном мире, своих личных перспектив. Россия для них не столько живая, осязаемая реальность, сколько символ, причем достаточно абстрактный.

Понятно, что такая ситуация создается действием рыночных механизмов, которые делают взаимодействие с ближайшими зарубежными странами гораздо более эффективными экономически и социально. Конечно, можно назвать это одной из форм интеграции России в мировую экономику. Да что-то настораживает в подобной интеграции. Больше это похоже на отрыв наших окраин от России. Сначала экономический, а потом и политический. В мире такого сценария развития событий ждут многие.

Сдержать этот процесс можно, уравновесив и обеспечив развитие российских окраин как органической составной части России, ее народнохозяйственного, социального, культурного комплекса. Окраины в своей основной массе экономически маломощны, они разделены жесткими административными барьерами, преследуют узко региональные интересы. То есть для решения такой масштабной задачи требуется целенаправленная государственная политика. А для ее реализации необходимо взаимодействие сильного федерального центра и действительно экономически мощных пограничных регионов. Но таковых на российских окраинах нет.

Из сказанного следует, что имеющиеся производственные, научно-технические, кадровые ресурсы значительной части субъектов Российской Федерации не обеспечивают их экономическую и социальную самодостаточность. Многие субъекты представляют собой не жизнеспособные хозяйственные комплексы, а простые «учетные единицы», являю-

щиеся частями скорее административного, а не экономического пространства.

Огромное число субъектов Российской Федерации порождает для федерального центра немалые управленческие, да и политические проблемы. Создание федеральных округов и принятие ряда соответствующих законов позволило ослабить некоторые из этих проблем, но и только. Главное — экономическая слабость большинства регионов, их неоднородность и неравноправность, — остается. Разделение регионов на «богатые» и «бедные» углубляется.

Таким образом, напрашивается вывод о необходимости радикальной реформы существующего государственно-территориального устройства страны. В ее основе должен лежать принцип, в соответствии с которым каждый субъект Российской Федерации должен стать экономически самостоятельным регионом. Это означает, что он должен быть в состоянии обеспечить каждодневные потребности своего населения, содержать госаппарат, отвечать по своим обязательствам и т. п. за счет собственных ресурсов. Все остальные факторы — размер территории, количество населения, исторические связи, национальный статус — должны учитываться, но не являются главными, решающими.

Мне могут напомнить, что в истории нашей страны были неоднократные попытки реформирования административно-территориального устройства России. Да, это так. К началу 30-х годов прошлого века в РСФСР насчитывалось 14 крупных областных образований (края, области, АССР). Однако по мере усиления директивного централизованного управления административно-территориальное деление раздробилось, число областных единиц постепенно росло. К 1941 году их стало 57, а к 1990 году увеличилось до 71. Правда при этом органы центральной власти СССР выходили на 15 союзных республик, что обеспечивало определенную стройность и управляемость в структуре государственного устройства. А внутри РСФСР устойчивость управления достигалась за счет «обкомовской вертикали».

...Идея создания «самодостаточных регионов» по определению не могла быть принята однозначно «на ура». Актив-

ное сопротивление региональных элит и «удельных князьков» ощущалось на всех стадиях ее обсуждения. Особенно деликатным становился национальный вопрос. Почти два года разъяснительной работы комитета во главе с А. И. Казаковым принесли определенные плоды. Убедительные аргументы плюс не афишируемая, но всеми ощущаемая кремлевская поддержка способствовали созданию в обществе атмосферы понимания необходимости реформирования административно-государственного устройства России. В целом общественно-политическая ситуация в стране благоприятствовала проведению такой реформы.

Но тут вмешался пресловутый человеческий фактор. Он почему-то всегда оказывается решающим, когда надо погубить какое-нибудь здоровое начинание. В кремлевской администрации поменялся главный идеолог. А. Волошина сменил на этом посту Д. Медведев, будущий президент, куратор ряда амбициозных по размаху государственных программ по развитию здравоохранения, образования, сельского хозяйства и т. п. — всех не упомнишь. Сменился куратор, поменялись приоритеты. Работа над проектами административно-государственного устройства отошла на второй план, а затем и вовсе тихо сошла на нет. Укрупнили всего шесть субъектов федерации, что потребовало внесения изменений в Конституцию страны. Впрочем, на большее никто и не рассчитывал.

Было бы заблуждением думать, что объединение регионов всегда хорошо, всегда во благо. В каждом конкретном случае такое объединение требует тщательных экономических оценок и обоснований. Чисто механическое объединение соседних регионов может не только не дать ожидаемого эффекта, а, напротив, затормозить развитие успешного «региона-донора».

Совет по изучению производительных сил разработал методiku нахождения оптимальной конфигурации регионов. В основу ее положен принцип достижения экономической и социальной эффективности. Предложенная схема предполагала создание в стране 28 самостоятельных губерний. Почти по Жириновскому. Но нужно знать Владимира Вольфовича. Свои, порой очень оригинальные, идеи он берет не с потоло-

ка, а у серьезных ученых и первым озвучивает в свойственной ему манере то, что через определенное время находит поддержку. Но это уже политические приемы.

Так или иначе, с рокировкой в кремлевских коридорах представленная концепция реформирования государственно-территориального устройства России легла под сукно. Биться с ветряными мельницами желающих не нашлось.

Многоопытный и искушенный аппаратчик А. Казаков понял, что ветер дует не в его паруса, и решил заняться обустройством собственных территорий. Надо заметить, что в этом он преуспел. Уйдя в государственно-коммерческие, а затем и вовсе в чисто коммерческие структуры, быстро обзавелся немалой собственностью не только в стране, но и за рубежом. Корить его за это — язык не поворачивается. Если власть не ценит тебя по достоинству, остается работать на себя.

Тульский мечтатель (2006–2009 гг.)

Разные люди приходят в Совет Федерации. С разными целями и разными намерениями. Бывает и так (увы, нечасто), что некоторые из них искренне желают что-то изменить, улучшить, исправить. Конечно, и себя при этом не забудут, что-то поимеют. Что ж, и в советские времена такая гармония общественных и личных интересов неофициально приветствовалась. Расскажу об одном из таких людей — Викторе Соколовском, сенаторе от Тульской области. Но сначала — экскурс в тему, которая очень увлекла Соколовского, а с ним и меня.

Когда летишь самолетом из Москвы на Дальний Восток, над Сибирью ночью можно наблюдать удивительное зрелище. Все сибирское пространство (за исключением гор) полыхает многочисленными огнями. Поначалу их путаешь с огнями городов и населенных пунктов и только потом узнаешь: горят газовые факелы на нефтяных месторождениях. Тысячи газовых костров не переставая освещают ночное сибирское небо. Американские спутники их дотошно фиксируют и пересылают на Землю. «Мониторят» экологическую обстановку на планете.

Занимаясь вопросами экологии, я не мог не обратить внимания на проблему, которая приобрела в последние де-

сятилетия катастрофический характер в нашей стране. Речь идет о попутном нефтяном газе (ПНГ). Его использовании и неиспользовании.

Справка. При разработке нефтяных месторождений происходит выделение из нефти газовых компонентов — попутного нефтяного газа, к которому может добавляться и газ, прорывающийся из газовых «шапок». Объем ПНГ может колебаться от 5 до 300 кубических метров на тонну нефти, а при наличии на месторождении газовых «шапок» достигает более 700 кубических метров на тонну нефти.

Этот газ извлекается вместе с нефтью и является ценным углеводородным сырьем. Ежегодные его потери в результате сжигания составляют у нас более 12 млн тонн. А экономика теряет более 24 млрд долларов. Сегодня Россия является мировым «лидером» по сжиганию ПНГ.

Услышав о таких деньжищах, сразу хочется найти им применение в стране. Там, где у госбюджета всегда не хватает средств. Или пустить их на какой-нибудь особенный проект. Скажем, построить для детей хороший парк чудес по аналогии с американским Диснейлендом, но с российскими персонажами: Бабой-ягой, Змеем Горынычем...

Об экологии отдельный разговор. Вред от сжигания попутного газа надо определять только с периодической таблицей Менделеева. В остатке человеку и окружающей его среде достаются: сажа, оксиды азота, бензапирен, бензол, фосген, тяжелые металлы (ртуть, мышьяк, хром) и многие (более 250 опасных химических соединений) другие вредные вещества, которые природа «переварить» не может. Посчитано (но, думаю, весьма приблизительно), что совокупная площадь нарушенных почв от воздействия выбросов горящих факелов составляет 100 тысяч гектаров.

Бездействию и безразличию властей есть несколько объяснений. Во-первых, российская нефтяная промышленность — «золотой телец», обеспечивающий почти половину поступлений в госбюджет. Поэтому, что бы ни творили нефтяники на разработках «жидкого золота», им все сходит с

рук. Если и критикуют их, то весьма сдержанно и дозированно. В том числе и борцы за экологию. Во-вторых, сами сибиряки попривыкли к газовым кострам на своей огромной территории и мало обращают на них внимание. Впечатление такое, будто им даже интересно такое соседство. Не рядом же с домом горит. Ну и в-третьих, для выявления «таблицы Менделеева» требуется специальная аппаратура и серьезные материальные затраты. А это уже вопрос к государству.

Если проводить аналогии с решением этой проблемы в других странах, то наиболее интересным представляется опыт нашего соседа — Казахстана. О США, Канаде, Великобритании, Норвегии и других высокоразвитых государствах говорить много не приходится. Там с этим дело все, или почти все, в порядке. В США, например, утилизируется (т. е. перерабатывается в нефтехимической промышленности в нужную для населения продукцию) 98 процентов ПНГ. С Казахстаном же нас роднит общий вектор движения, как в политике, так и в экономике. Но почему-то соседнее государство по многим вещам хоть на шаг, да опережает нас. Султан там, что ли мудрее?

Вот и в вопросах развития законодательства в нефтегазовом секторе и утилизации ПНГ Казахстан впереди России. Там введен запрет на промышленную эксплуатацию нефтегазовых месторождений без утилизации ПНГ. Благодаря этому в стране удалось существенно увеличить уровень переработки попутного газа, построить и ввести в эксплуатацию новые газоперерабатывающие мощности, привлечь инвестиции и запустить международные проекты.

Что же в нашем государстве делается в этом направлении? Мой журналистский интерес привел меня туда, где я мог воочию убедиться, как решаются вопросы, жизненно важные для населения, на высшем уровне, а именно — в комиссию Совета Федерации по естественным монополиям. Возглавлял комиссию Николай Иванович Рыжков. Личность историческая, бывший Председатель Совмина СССР, он пользовался авторитетом и уважением и у новой власти. Врагом ее он не стал, более того, получил кресло, где мог контролировать деятельность государственных монополий в сфере энергетики, дорог и др. Он, конечно, меня по прежней жизни не пом-

нил, хотя приходилось не раз встречаться, когда были народными депутатами СССР. Да и мне было тоже не до воспоминаний. Отношение к бывшему премьеру великой страны сложилось у меня неоднозначное. Признаюсь, что к полученному им в один из съездов прозвищу «плачущий большевик» я тоже руку приложил. Кто тогда знал, что пройдет десяток лет и многие, вроде меня, осознают, что были инструментом в чьих-то руках.

В комиссии Н. И. Рыжкова я помогал тульскому сенатору Виктору Владимировичу Соколовскому. Он возглавлял подкомиссию по вопросам нефтегазового комплекса. Кое-кто за глаза называл его «тульским пряником». К производству кондитерских изделий он никакого отношения не имел, но в кабинете всегда держал по несколько штук огромных (от одного до пяти килограммов весом) пряников и одаривал ими всех коллег-именинников. Отсюда и прозвище появилось. Сам он был выходцем из системы Мингазпрома СССР, ранее управлял трестом «Союзцентрغاز», а после его приватизации «дочкой «Газпрома» — АО «Центрغاز».

Когда Соколовский пригласил меня на работу и предложил заняться проблемами утилизации попутного нефтяного газа, я сразу согласился. Признаюсь, было лестно поработать в одной компании с таким «авторитетом», как Н. И. Рыжков.

К чести Николая Ивановича, его убеждать не приходилось. Он сам инициировал многие вопросы, связанные с переработкой попутного газа. Еще работая в Госдуме, Н. И. Рыжков вместе с группой депутатов подготовил соответствующий законопроект, который пролежал там под сукном несколько лет. «Похороненную» законодателями тему удалось реанимировать достаточно быстро. В центральных газетах за подписью В. Соколовского появились статьи о попутном газе, проводились тематические встречи с нефтедобытчиками и переработчиками газа, вопрос многократно обсуждался на различных форумах, в том числе и международных. Активное участие в законотворческом процессе приняло Российское газовое общество во главе с заместителем председателя Госдумы Валерием Язевым. Тут и президент свою позицию очень кстати обозначил.

На совещании по вопросу развития нефтегазовой отрасли 6 августа 2007 года В. Путин сказал: «Нельзя откладывать и решение другой застарелой проблемы. По самым минимальным оценкам, у нас каждый год сжигается более 20 миллиардов кубометров попутного газа. Такое расточительство недопустимо! Меры, которые необходимо предпринять, хорошо известны и уже доказали свою эффективность во многих странах мира: это введение системы учета, увеличение экологических штрафов, ужесточение лицензионных требований к недропользователям. Нужно создать такие условия, когда выгодно будет работать в этом направлении. Сегодня выгодно сжигать, а перерабатывать невыгодно — вот и сжигают».

Все в точку. Емко и содержательно определил проблему и пути ее решения. Но, напомню, сказано это было еще в период его второго правления.

Воодушевленные указаниями первого лица государства, объединенные Н. И. Рыжковым законодатели (из числа сенаторов и депутатов) с новой энергией взялись за разработку закона о попутном газе. Два с лишним года прошло в различных бюрократических согласованиях. В. Путина сменил на президентском посту Д. Медведев. Но и к нему «достучался» неутомимый Николай Иванович. Во время оглашения очередного президентского послания произошел беспрецедентный случай. Когда речь зашла о развитии топливно-энергетического комплекса, президент оторвался от текста и обратился в зал к Н. И. Рыжкову с просьбой довести начатое им дело до конца и в короткие сроки подготовить соответствующий закон.

Казалось бы, после такого поручения главы государства никто не посмеет мешать законодателям. Примечательно то, что на этом законе объединились политические противники: коммунисты и «единороссы». Первых представлял Н. И. Рыжков. Он, хотя официально уже и не состоял в компартии, но ее идеи разделять не переставал. На другой стороне была знаковая фигура Валерия Язева, заместителя председателя Госдумы. Но была еще и третья сила — топливно-энергетический комплекс, который курировал вице-премьер И. И. Сечин. «Настоящий Игорь Иванович», как его звали в правительственных кругах в отличие от полного тезки И. И. Шувалова. И эта

«третья сила» через бюрократические засады сломила и большевиков, и либералов от экономики. На Николая Ивановича Рыжкова было жалко смотреть. Он опять чуть не плакал, переживал сильно.

Чего добились, в конечном счете? Правительство пошло на увеличение штрафов за сжигание газа. Но для нефтяных гигантов эти штрафы как слону дробинка. Им гораздо выгоднее штраф заплатить, чем вкладываться в переработку. «Лидером» по сжиганию попутного газа (50 процентов) является НК «Роснефть», которую не так давно возглавил «настоящий Игорь Иванович».

...Мой тульский работодатель Виктор Соколовский, кроме борьбы с сжиганием миллиардов в газовой топке, очень любил путешествовать. И, особенно, чего скрывать, «на халяву». В Совете Федерации такую возможность редко кто не использовал. Да и в Госдуме тоже. Под зарубежные вояжи придумывались различные официальные структуры. Например, Соколовский возглавлял группу по работе с парламентами африканских стран. По несколько раз в году он, прихватив с собой одного-двух сенаторов, объезжал африканские страны. Возвращался, наполненный впечатлениями выше крыши, и потом долго делился ими со всеми заходящими в кабинет. Первыми и главными слушателями его рассказов об экзотических странах были, конечно, два помощника. В мою обязанность к тому же входила подготовка краткого отчета о прошедшей командировке. Писать Виктор Владимирович не любил. И если бы я не знал, что он доктор экономических наук и заведует кафедрой в Тульском университете, то заподозрил бы, что за перо он брался в последний раз в школе. В конце концов накопился такой объем информационного материала, который потребовал серьезного анализа и не менее серьезных выводов, связанных с международной политикой России на африканском континенте.

Тезис о сходстве России и Африки, на первый взгляд, может показаться некорректным. Применяется он, в основном, когда надо подчеркнуть наши собственные недостатки. Скажем, по уровню коррумпированности чиновников. На самом деле наше сходство состоит в обладании несметными природ-

ными богатствами. Африка — это не только крокодилы, бегемоты и кокосы, сафари и прочие экзотические развлечения, модные у «новых русских». Африка обеспечивает 92 процента мировой индустрии в платине, 70 процентов — в алмазах, 35 процентов — в марганце, 34 процента — в кобальте и т. д. Тем, для кого Африка ассоциируется с песками Сахары, трудно поверить, что ее экваториальные леса являются, образно выражаясь, третьими «легкими планеты». По площади и биомассе лесов Африка уступает только лесам России и Латинской Америки. Сходство также состоит в том, что все эти богатства, по большому счету, находятся в стадии освоения (за исключением, пожалуй, нефти и алмазов), они только-только вовлекаются в хозяйственный оборот. То есть мы не конкуренты друг другу. Зато при установлении плотных отношений можем быть очень даже взаимополезны.

Возвращаясь после очередной африканской командировки, В. Соколовский наполнялся еще большей решимостью двигать Россию в сторону Африки. Он убеждал всех и вся, что нас там ждут и встретят более радушно, чем представителей других государств. Понятно, что за подобными утверждениями стояла не особая любовь бог знает где находящейся России. Канули в Лету те времена, когда европейцы и американцы туземцев на бусы и спирт «разводили». Все отношения между государствами давно строятся в основном на трезвом экономическом расчете. Ясно, что приход российских инвесторов в Африку даст дополнительный импульс развитию африканских государств, откроет возможности альтернативных вариантов в экономике и политике.

Но не следует сбрасывать со счетов и субъективный фактор — особое отношение африканцев к России. Оно сохранилось как в среде власть имущих, так и среди простых людей. Оно являет собой наследие тех времен, когда Советский Союз проводил на африканском континенте политику, которая снижала ему имидж надежного и щедрого друга африканских государств. Тогда тракторы, автомобили, станки, оборудование, гуманитарная помощь, военная техника и оружие — все это широким потоком шло на Африканский континент, хотя под-

час самим приходилось пояса затягивать. Побывавшие в африканских странах россияне рассказывают, что там до сих пор встречаются наши «Уралы», «Мазы», «КамАЗы», другая техника советского производства. Все старое, донельзя изношенное, но работает. Тысячи специалистов в десятках африканских стран получили подготовку в вузах, техникумах, училищах СССР. Образ России как верного друга Африки пустил глубокие корни в умах и сердцах людей не только старшего поколения, но и молодежи, тех, кто пришел в государственное управление, политику, бизнес, силовые структуры уже после распада Советского Союза.

Наши официальные делегации редко нуждались в переводчиках. Почти все высокопоставленные африканские лица знают русский язык. Многие из них (как диктаторы, так и демократы) обучались у нас. Так почему не воспользоваться благоприятной ситуацией? Тем более что африканцы предлагали нам возобновить поставки российских промышленных товаров, продукции гражданского машиностроения. Из-за низкой квалификации рабочей силы они предпочитают что-нибудь попроще и понадежнее. Типа наших знаменитых «уазиков». То есть то, в чем мы преуспели и не имеем конкурентов.

Надо заметить, что соответствующие записки, которые сенатор направлял по инстанции председателю Совета Федерации С. М. Миронову, а тот докладывал премьеру и президенту (и такое было), всегда получали положительный отзыв. Это заставляло нас, членов группы по работе с африканскими парламентами (я уже числился в ней ответственным секретарем), с еще большим энтузиазмом искать нестандартные решения по установлению связей со странами далекого, но перспективного континента.

Одно из таких решений подсказал заместитель начальника управления по международным связям Андрей Глебович Бакланов. Кадровый дипломат, он пришел в Совфед из Министерства иностранных дел, где возглавлял африканский департамент. К Африке, в странах которой Бакланов дважды был послом, Андрей Глебович не просто относился с любовью, но и профессионально оценивал взаимные выгоды со-

трудничества с ней. Он и предложил проработать идею «развития горизонтальных связей». Суть ее — развитие связей по схеме «российское предприятие — африканское государство». По такому пути пошли китайцы.

Справка. За десять лет товарооборот Китая с африканскими странами вырос в десять раз и достиг 40 млрд долларов (у нас он фактически застыл на одном, довольно низком уровне. — Прим. авт.). В Китае разработана государственная стратегия укрепления позиций на африканском континенте. Она изложена в документе «Политика КНР в отношении Африки», которая была опубликована правительством КНР в январе 2006 года. Упор сделан на оказание помощи Африке в наращивании ее собственного экономического потенциала, облегчении долгового бремени, на сотрудничество в сфере инвестиций в целях развития инфраструктуры, сельского хозяйства, туризма, освоения природных ресурсов.

Одним из главных объектов интереса китайских компаний — энергоресурсы. В 2005 году Китай стал вторым после США импортером африканской нефти. Китайский бизнес открыл в Африке 11 центров содействия инвестициям и торговли. Китайские банки учредили под эгидой Госсовета КНР специальную группу торгово-экономического сотрудничества и координации отношений со странами Африки.

Третий международный форум «Китай — Африка» собрал 48 делегаций из 53 африканских стран, 35 из них возглавляли президенты. Некоторых из них на Западе называют кровавыми диктаторами, но Пекин это абсолютно не смутило.

А что же мы, россияне, чем мы хуже «братьев навек»? Наша страна традиционно воспринимается в мире как поставщик сырьевых ресурсов. Мы как будто забыли, что они не восполняемы, и недалек тот час, когда в отечественных сусеках и для собственных нужд ничего не останется. Авторитетные эксперты предсказывают, что в ближайшее десятилетие будут исчерпаны эксплуатируемые запасы марганцевых и хромовых руд, бокситов, вольфрама и нефти.

Похоже, мы уверовали в неисчерпаемость запасов нефти на территории России. Транжирим ее в рамках сахалинских проектов, продаем направо и налево, крайне медленно снижаем энергоемкость отечественной экономики. В то же время многие страны — обладатели запасов нефти объявили ее стратегическим ресурсом, предпочитают пользоваться нефтью, импортируемой из других стран, включая Россию.

Африканские страны предлагали нам резко расширить участие в разработке и эксплуатации месторождений углеводородов, поскольку испытывают нарастающий дефицит электроэнергии. Справедливости ради надо отметить, что флагманы отечественного капиталистического производства (такие как «Русал», «Алроса», «Ренова», «Норильский никель», «Лукойл») зашли со своими интересами на африканский континент. Но отнести этот заход к государственной стратегии язык не поворачивается.

Символическими по своему значению можно назвать и двусторонние документы, подписанные с рядом африканских государств. Отдача от них крайне мала. Равно как и от смешанных комиссий по сотрудничеству.

Отсутствие концепции долгосрочной политики Российского государства, концепции, которая бы формулировала цели, принципы, основные направления и механизмы такой политики, — вот что является главной проблемой в развитии российско-африканских отношений. Ну и, конечно же, неразвитая правовая база, слабая работа наших государственных организаций в Африке, недостаточная поддержка экономической экспансии отечественного бизнеса со стороны государства.

...В планы нашей африканской группы проведение грандиозных по масштабу и дорогостоящих форумов, подобных китайскому, не входило. Была мысль собрать на большой разговор на площадке Совета Федерации хотя бы африканских послов. Такие встречи прежде никогда не проводились. Однако на разговор нужно было выходить с конкретными предложениями. Вот тут и заработала идея о горизонтальных связях.

Бросили клич в регионы. Написали официальные письма руководителям субъектов с просьбой дать сведения о предприятиях, которые могут предложить свой товар афри-

канцам. А. Г. Бакланов подключил своих коллег — мидовцев, они, в свою очередь, — наших послов в африканских странах. И пошел поток встречной информации по схеме «спрос — предложение». Даже сами не ожидали так всколыхнуть региональную Россию. Только и успевали забивать в разработанную таблицу поступающие сведения. Подготовились тютелька в тютельку к утвержденной С. Мироновым встрече с африканскими дипломатами.

Но... В это время происходили события, которые даже предположить невозможно было. Оказывается, за спиной группы велась подковерная аппаратная интрига. Пока готовилась встреча с послами, никто нам не мешал и не путался под ногами. Но африканцы так высоко оценили состоявшийся разговор, что настояли на создании постоянного совместного органа для продолжения конкретной работы. А Виктора Соколовского и вовсе окрестили «мистером Африка». Он был, конечно, чрезвычайно горд такой оценкой заслуг и не подозревал, что на такое звание имеется другой претендент.

Формально парламентская группа, возглавляемая В. Соколовским, хотя и занималась международными вопросами, но имела самостоятельный статус. И это очень не нравилось председателю комитета по международным делам М. В. Маргелову. Он к тому же был спецпредставителем президента в арабских странах и считал себя «главным арабистом» если не России, то Совета Федерации — точно. Человек, безусловно, неглупый, владеющий несколькими языками (разумеется, и арабским), он был хорошо профессионально подготовлен. Часто разъезжал по зарубежным странам, любил комментировать события на Ближнем Востоке и в Африке, потому как возглавлял российскую организацию «Общество солидарности и сотрудничества народов Азии и Африки» (ОСНАА). По ряду причин с Маргеловым не ладили не только коллеги и не только по палате, но и в самом комитете по международным делам всегда была напряженная обстановка, переходящая время от времени в конфликты. Умел председатель создавать их на ровном месте. Фактически всю работу комитета вел первый заместитель председателя Василий Лихачев.

Председатель же бывал на основном рабочем месте наездами, во время которых «наводил порядок» во вверенном хозяйстве, дабы подчеркнуть свою руководящую роль. Его привычки «переводить с больной головы на здоровую» и приписывать чужие заслуги себе, а собственные промахи другим, знали все. В международной дипломатии это, возможно, считается виртуозностью профессии, но в коллективе ни к чему хорошему не приводило.

Впоследствии мне пришлось в качестве помощника Н. Федорова работать с аппаратом комитета. Пару раз столкнувшись с бестолковщиной и тупым бюрократизмом «дипломатов», я сказал своему начальнику, что больше туда ни ногой. Правда, это уже было после ухода В. Лихачева, не выдержавшего подковерных интриг своего председателя.

Мы совершили стратегическую ошибку — наступили на интересы, а главное, на амбиции М. Маргелова. После успешного проведения встречи с африканскими дипломатами Соколовский направил С. М. Миронову записку, в которой предложил создать некоммерческую организацию «Российско-африканский Совет (РАС)». В задачи неправительственного органа входило бы создание коммуникативного пространства (постоянный и доверительный обмен информацией, оценками и мнениями), содействие развитию деловых связей между российскими регионами и странами Африки, управление репутацией компаний и людей, формирование в России независимого экспертного сообщества африканистов. Узрев, что от «окучиваемой» им азиатско-африканской поляны отваливается очень даже плодородный кусок, Маргелов воспользовался аппаратным приемом и «провел» решение палаты о подчинении африканской группы комитету. В. Соколовский, поставленный перед свершившимся фактом (вот в чем «высший пилотаж» интриги), обиделся и снял с себя полномочия руководителя группы. После чего она осталась только на бумаге. Об Африке вспоминали один раз в год, в день ее независимости.

Что касается моего работодателя — «тульского пряника» и «мистера Африка» В. В. Соколовского, то его сенаторские полномочия (а вместе с ними и моя работа) прекратились из-за... взятки.

То, что сенаторские должности (равно как и депутатские) продавались и покупались, не знал лишь тот, кто не хотел об этом знать. Но я знал наверняка, что Соколовский за свой мандат не платил, хотя был человеком далеко не бедным (а кто из руководителей газпромовских структур на жизнь жалуется?). Это «Единая Россия» должна была ему приплачивать за то, что получила в свои ряды такого авторитетного и уважаемого в Тульской области члена партии. У него был один из самых высоких среди избирателей рейтингов. Но когда пришла пора очередных выборов в областное законодательное собрание, его председатель О. Татаринов, сославшись на тогдашнего губернатора В. Дудку, обозначил Соколовскому цену вопроса.

— Три миллиона долларов! — возмутился в кабинете мой шеф. — Они совсем там с губернатором о...ли от жадности!

Вне себя от гнева он пошел на прием к боссам-единороссам В. Володину и С. Неверову. Те выслушали, тоже возмутились «неслыханным» безобразием и пообещали поставить коррупционеров на место. Действительно, вызвали О. Татаринова, пропесочили его на совещании и наказали ему включить Соколовского в списки кандидатов в областные депутаты.

На том весь властный пыл и иссяк. Тульский губернатор продиктовал высокопоставленным партийцам свои условия: либо он сам формирует команду на выборах, возглавляет ее и несет ответственность за результаты, либо он умывает руки, а ответственность за проигрыш «единороссов» ложится на центр.

Тульская область всегда была проблемной для властей. Там традиционно сильные позиции занимали коммунисты, да и «жириновцы» всегда забирали существенную часть голосов электората. Вся надежда была на пресловутый административный ресурс. Условия губернатора, бывшего полковника-оружейника, были приняты. Активный боец партии был предан ради общей победы на выборах в регионе. Весьма сомнительной, кстати говоря, победы. Но кто там сказал, что цель оправдывает средства?

Таким образом «мистер Африка» лишился своего звания и должности, а губернатор Дудка не увеличил свое состояние

на приличную сумму. Страна в очередной раз упустила открывающиеся возможности для установления прочных отношений с далеким, но очень нужным ей континентом.

Напоследок... Тульский губернатор все же попался на взятке. Его привлекли к уголовной ответственности и присудили ему девять с половиной лет колонии строгого режима. Но это произошло через четыре года после описываемых событий. И это уже другая история, с Африкой не связанная.

Зачем «трижды хану» верхняя палата?

Когда я в очередной раз оказался не у дел, друзья посоветовали мне пойти помощником к сенатору от Карелии Давлетхану Медетхановичу Алиханову. Условия и режим работы у него меня устраивали: я в то время сынишку рано из детсада забирал, сидеть в кабинете «от и до» никак мне не подходило.

Прежде чем зайти в кабинет, несколько раз повторил про себя трудные для произношения имя и отчество. Никто ведь не любит, если коверкают их имена. Зашел, представился, хотел рассказать о себе — кто, откуда... Девлетхан Медетханович прервал: «Это лишнее. Мне уже о вас рассказали уважаемые люди, а их слово лучше всяких рекомендаций».

Рекомендовала меня Валентина Пивненко, возглавлявшая тогда один из комитетов Госдумы. А ее, в свою очередь, попросил посодействовать моему устройству старый товарищ по полпредству Вячеслав Ушаков. Он высоко «поднялся» за это время: от полковника до генерал-полковника, заместителя руководителя ФСБ. Прежде же был представителем президента в Карелии. А после создания семи округов вернулся в родную «контору», где не только до высокого звания дослужился, но и орденами украсил свой чекистский мундир. За какие заслуги, я не интересовался, но знал, что он был частым гостем в «горячих точках». Как я уже говорил, через год обошлись с ним по сложившейся в современной России традиции. Когда на всю страну прогремело скандальное «игорное дело», из которого торчали уши не только генпрокуратуры, но и других органов, он оказался крайним. Обвинили его в утечке информации в прессу, а заодно и других «собак» на-

вешали. Многие тогда сделали из этого вывод: в волчьей стае по-волчьи вой.

Но я отвлекся...

— Давайте лучше о нашей совместной работе поговорим, — предложил Алиханов. — Мне характеризовали вас как опытного аппаратчика. Так вот, я хочу на очередном заседании выступить с законодательной инициативой. Вы могли бы мне ее подготовить и оформить как нужно?

Речь шла о таможенном оформлении поставки круп на экспорт и избыточных при этом таможенных требованиях. Новоиспеченный законодатель надумал помочь экспортерам российских круп, внеся ряд поправок (справедливых, кстати) в действующий закон о государственном контроле над качеством и рациональным использованием зерна и продуктов его переработки. Конечно, населению республики, да и в целом страны эти поправки нужны как мертвому припарки. Не оценят и даже не заметят. Но лоббист, безусловно, знал, что уж торговцы-то зерном оценят, да еще как оценят снижение административных барьеров в продвижении своих товаров. Я не удержался и спросил:

— Вам что важнее — авторство или результат?

— Конечно, результат, — последовал ответ.

Пришлось разъяснить порядок подготовки и оформления законодательных инициатив, которым регламентом поставлены многочисленные барьеры — с ходу не преодолешь. В заключении сказал, что рассчитывать на положительный результат можно только в двух случаях: либо законодательная инициатива готовится совместно с представителями думского большинства (единороссами), либо с правительством. Последний вариант предпочтительнее, поскольку правительственным законопроектам Дума обеспечивает первостепенное прохождение.

Смотрю, после моих пояснений потускнел сенатор.

— Да, — говорит, — у вас здесь бюрократизма даже больше, чем у нас.

— Все в ваших руках, — ободрил я своего начальника. — Вы же теперь законодатель, исправляйте правила.

Пока притирались друг к другу, я навел справки о новом работодателе. И выяснил для себя много любопытного о простом дагестанском парне-лезгине, который сделал головокружительную карьеру. Кое-что рассказал Виктор Николаевич Степанов, бывший глава Карелии. Мы оба заядлые курильщики и часто пересекались в специально отведенной для курильщиков комнате.

— Непростой этот кооператор, — сказал Виктор Николаевич. И добавил: — Не остановили его в свое время, хотя и прокуратура занималась. А теперь поздно, он уже на Олимпе.

В свое время многодетная семья Алихановых перебралась из горного аула в город Каспийск, где юный Девлет окончил (с отличием!) среднюю школу. Поступил в Московский кооперативный институт — малоизвестный, но все же солидный, поскольку столичный. По распределению попал в Карелию. И там стал делать торгово-кооперативную карьеру. Да так успешно, что обратил на себя внимание Карельского обкома КПСС. А засветился молодой кооператор партийными членскими взносами: ежемесячно отстегивал в партийную кассу столько, сколько все вместе взятые работники обкома. Дело по тем временам неслыханное и удивительное. Ведь о частном предпринимательстве только разговоры начали ходить, законов еще не было. Поэтому последовали прокурорские и иные проверки. Но ничего криминального они не выявили. А тут и закон о производственных кооперативах подоспел; многим он помог выбиться в «большие люди»: Березовскому, Дерипаске, Фридману, Абрамовичу...

По Алиханову можно писать новую историю Карелии. Какую сторону жизни республики ни возьми, везде он присутствует. Будь то экономика, политика либо криминал. Везде он оставил свой неизгладимый след. Политические пристрастия у него своеобразные. Лет пять был членом ЛДПР. В этом качестве стал депутатом республиканского законодательного собрания. В законодательном органе некоторое время находился в активной оппозиции, но представляя уже фракцию «Яблоко — НПСР». Одновременно через созданную и финансируемую им общественную организацию «Попечительский совет Древлянки» провел нужных ему депутатов в горсовет

Петрозаводска, создав мощное лобби и фактически взяв совет полностью под свой контроль.

В очередной раз в 2006 году избравшись (что неудивительно при существенно приумноженных финансовом и административном ресурсах) в высший законодательный орган республики, Алиханов, окончательно выйдя из ЛДПР, примкнул к фракции «Справедливой России». Региональное отделение этой партии он финансировал несколько лет и рассчитывал на соответствующую отдачу. Но, видимо, запросы его оказались чрезмерными, и местные «справедливороссы» его поддерживать на выборах мэра Петрозаводска не стали. Между тем проведенные накануне рейтинги подтверждали, что шансов стать мэром больше у Алиханова, чем у представителя «Единой России». Возникла ситуация для хорошего политического торга. Профессиональный торговец быстро вычислил свою выгоду и успешно продал себя правящей партии. Он снял свою кандидатуру в обмен на кресло в Совете Федерации. Но при этом, нужно отдать ему должное, сумел сохранить прежнее влияние на горсовет уже при новом мэре.

Однако с переездом в Москву получилась довольно продолжительная заминка. Несмотря на утверждение кандидатуры Алиханова республиканским законодательным собранием, Совет Федерации не спешил подтверждать его полномочия. Вообще, в данном и аналогичных случаях надо иметь в виду, что Совет Федерации не имеет права не подтверждать полномочия утвержденного в регионе сенатора. Действующий тогда закон оставлял за палатой только формальное подтверждение полномочий нового члена. Но, как говорится, дьявол прячется в деталях. Без удостоверения в Совет не зайдешь, а тем более в зал заседаний. А там электронная карточка нужна, чтобы голосовать. Да и вообще, без кабинета какой ты парламентарий? Решение вопроса зависело только от одного человека — спикера Сергея Миронова. А он был на карельского перебежчика в большой обиде и с июня 2009 года по март 2010 года тянул с подтверждением его полномочий. На этой почве Миронов серьезно разругался с лидером «единороссов» Борисом Грызловым. По всей видимости, Миронову крепко по голове настучали наверху, и он спустя поч-

ти год сам инициировал повторное голосование по кандидатуре Алиханова в региональном собрании, ссылаясь на то, что прежде была нарушена процедура. Надо же было как-то выйти из положения...

Между тем сенатор продолжал молотить личную копну (а для чего он прорвался в высший законодательный орган!?). Как-то утречком он попросил меня помочь его дагестанскому родственнику восстановиться в должности в правоохранительных органах, из которых пламенного борца с коррупцией (по словам сенатора) уволила местная «чекистско-ментовская» мафия вкуче с примкнувшей к ней прокуратурой.

Я в своей жизни разных просьб наслушался, но от такой пришел в замешательство. Мысленно прокрутил в голове картинку, как прихожу к заместителю руководителя могущественной конторы и прошу восстановить в должности человека, о котором знаю лишь то, что он родственник сенатора. В лучшем случае пальцем у виска покрутят...

Но Алиханов настаивал:

— У вас же друг в ФСБ высокий пост занимает. Один звонок от него, и там сразу все сделают. У нас в Дагестане народ понятливый.

Позже моя коллега, тоже помощница этого сенатора, присутствующая при телефонном разговоре родственников, рассказала о его содержании. Звучал он примерно так:

— Слушай, дорогой, ты не переживай. Решим мы твой вопрос. Даже платить много не надо будет. У меня помощник есть крутой. Он раньше в администрации президента работал, а сейчас у меня. Так у него друг генерал, заместитель председателя ФСБ. Скажу помощнику, он все решит, у него все схвачено наверху.

Я попытался объяснить, почему не смогу решить такой деликатный вопрос. У нас так не принято. Дружба дружбой, а служба службой. Меня просто не поймут. Подумают, что у меня с возрастом крыша стала съезжать. Сенатор промолчал, вероятно, подумав при этом: а зачем в таком случае ты, такой щепетильный, нужен мне? Через два дня через коллегу передал, что в моих услугах не нуждается, поскольку нашел себе специалиста по экономике, которой будет заниматься страте-

гией развития республики. Бог, как говорится, в помощь, может, новый специалист окажется менее щепетильным.

Продержался «трижды хан», как он себя любил называть, на senatorской должности всего несколько месяцев после моего ухода. Видимо, неприбыльно стало.

Чувашский президент

Прежде, работая в Совфеде, я не особо вникал во внутреннюю жизнь более чем тысячного коллектива. Интересовался только тем, что мне по службе нужно было. Особых друзей я здесь не завел. Близкий мне товарищ Валентин Андреевич Логунов уже на пенсию вышел. Другой аксакал из моих друзей-наставников, Юрий Николаевич Солодухин, подрабатывал помощником у сенатора из нефтяных олигархов. Так и он не знал, что вокруг творится, потому что постоянно что-то писал для своего начальника и по поводу, и на всякий случай. Тот без заготовленной шпаргалки никогда не выступал. Правда, и платил за это прилично. На шесть-семь пенсий действительно государственного советника тянуло. А с теми, с кем мне приходилось встречаться, разговоры велись в основном по делу, перемешиваясь с трепом на политические темы либо о кадровых перестановках. И однажды услышал я, что сенатором от Чувашии будет Николай Федоров. Меня это очень заинтересовало. Дело в том, что его я знал давно, еще с советских времен. Мы оба были народными депутатами СССР. Даже над законом о печати вместе работали. Мне он тогда очень импонировал. Прежде всего, независимостью своих суждений и позиции. Я тогда состоял в межрегиональной депутатской группе, а Федоров, хотя в нее формально не входил, но тяготел к ней в большей степени, чем к правящей верхушке власти. Закон же о печати инициировали «межрегионалы».

Я к нему сразу стал присматриваться и выделять среди других, не менее ярких депутатов. В нем чувствовалась серьезность и основательность, а не стремление к популизму, свойственное большинству народных избранников того периода. В нем, а также в Юрии Болдыреве я видел будущих государственных деятелей высокого ранга. Признаюсь, даже по-хорошему завидовал этим парням, их интеллектуальному

уровню, эрудиции, умению выступать на публике и аргументировано убеждать аудиторию. Я признавал их превосходство перед собой, хотя и тот и другой были моложе меня на шесть лет. Поэтому для меня было не удивительным, а, наоборот, правильным и логичным решение Б. Н. Ельцина назначить одного из них заместителем начальника Контрольного управления Администрации Президента, а другого — министром юстиции. И по сию пору убежден, что это были одни из немногих верных кадровых назначений Бориса Николаевича. Однако созданная им же самим система власти не приняла молодых принципиальных политиков и под разными предлогами избавилась от них.

Николай Федоров выдержал все обрушившиеся на него тяготы, конкретными делами в небольшой и бедной республике доказал свою состоятельность и как политик, и как государственный деятель. Что много говорить, вон и Владимир Путин назвал Чувашию лидером по реализации национальных проектов.

Почти пятнадцать лет Николай Федоров стоял у руля республики. Накануне очередного срока заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру. Новость вызвала неоднозначную реакцию в различных политических кругах. В обществе явно назрела потребность в обновлении региональной элиты, значительной части губернаторов, занимающих свои должности с ельцинских времен, но не добившихся существенных позитивных изменений в жизни людей, зато обогативших как самих себя, так и своих приближенных. Федорова к этой категории можно было отнести только по одному признаку — по срокам нахождения на должности. Если и имелся на него какой-либо компромат, то только не коррупционного плана. Но самое главное — результаты многолетнего правления. Они налицо. О них даже оппозиция говорит.

Тогдашний генсек «единороссов» Борис Грызлов публично назвал Федорова одним из лучших представителей партии и заявил, что партия обеспечит ему назначение на соответствующий заслугам и опыту федеральный пост. Несколько месяцев ожидания были полны всевозможных предположений о дальнейшей судьбе бывшего чувашского президента. Я вни-

мательно следил за развитием событий. По своим каналам «пробивал» ситуацию, поскольку она меня интересовала.

На самом деле назначение руководителя одного из продвинутых регионов страны рядовым представителем в «верхней палате» выглядело необычным. Как в глазах политизированной общественности, так, наверное, и в глазах самого новоиспеченного сенатора. Да и предварительные прогнозы по его назначению не предусматривали такой поворот событий. Наиболее реальной мне казалась версия о полпредстве в Сибирском округе. Руливший там несколько лет генерал Квашнин себя исчерпал, ему искали замену. Федоров был вполне подходящей по всем статьям кандидатурой. И регионал, и федерал в одном лице, у него богатый практический опыт, в чем-то даже уникальный. Такие кадры, как говорится, на дороге не валяются. Их в кремлевском кадровом запаснике раз-два и обчелся. Я был практически уверен, что именно это место уготовано Николаю Васильевичу. Тем более что буквально за два дня до назначения нового сибирского полпреда из достоверных кремлевских источников мне стало известно, что в проекте президентского указа стоит фамилия Федорова. И вот тебе на — переиграли в последний момент. Какие силы вмешались — не знаю. В подобных случаях обычно не обходилось без больших денег. Признаюсь, сей факт меня очень огорчил, поскольку я намеревался предложить будущему полпреду свои профессиональные услуги на работе, которую не понаслышке знаю и где мог быть полезен. Однако не срослось. Тем не менее попросил нашего общего знакомого еще с депутатских времен Валентина Логунова напомнить обо мне и моем желании поработать с бывшим коллегой. Как мне рассказал потом Валентин Андреевич, Федоров меня не вспомнил, но встретиться согласился. Встреча закончилась приемом на работу.

Став помощником Н. Федорова, я начал больше общаться с местным чиновничьим людом, дабы всегда держать нос по ветру и при необходимости демонстрировать шефу свою осведомленность. Конечно, не только этим желанием руководствовался. Аппаратная жизнь — штука порой весьма опасная. Прежде всего, в силу своей коварности. Мне ли, испы-

тавшему ее не раз на собственной шкуре, этого не знать. Новый мой шеф — человек прямолинейный, порой резковатый в оценках и суждениях, своего критического отношения к Совету Федерации в целом и его председателю в частности не скрывал. И это могло интерпретироваться как угодно скрытыми врагами, завистниками и просто лизоблюдами. А они, разумеется, везде есть, и в немалом количестве. Для многих сенаторов, мечтающих о какой-нибудь должности в довесок к званию, продвинутый коллега — потенциальный конкурент. Никто не верил, что бывший министр юстиции, бывший глава республики, ранее занимавший сенаторское кресло и запомнившийся своим отказом голосовать за новый государственный гимн, не имеет карьерных устремлений. Такое не соответствовало логике большинства чиновников. Мне же амбиции Федорова были известны. Он сам мне рассказал о разговоре на эту тему с тогдашним заместителем руководителя администрации президента Владиславом Сурковым — главным кремлевским идеологом и ответственным за внутреннюю политику. На предложение Суркова посодействовать в назначении на какую-нибудь должность Федоров ответил, что его устраивает только одна — председателя Совета Федерации, но поскольку вакансия занята, то он предпочитает оставаться на рядовых позициях.

Без малого через год, уже при новом председателе, ему все же пришлось возглавить правовой комитет палаты регионов. Но в данном случае предложение исходило от первых лиц государства, отказывать которым не принято, да и себе дороже. Впрочем, изначально было ясно — назначение носит временный характер. Впереди замаячили президентские выборы. Но об этом позже.

Вначале нужно было обустроиться на новом месте. А это дело не такое простое, как может показаться со стороны. Кабинет нам достался запущенный, как говорится, до антисанитарного состояния. Прежде его занимал со своими помощниками сенатор В. Слуцкер. Представлял он, как и Федоров, Чувашию. Более того, исполнительный орган власти республики, а значит, ее главу. Получалось, что Федоров в свое время выдвинул Слуцкера в Совет Федерации, а после занял его место.

Такое бывало сплошь и рядом. Для почетной отставки губернаторам всегда расчищали места в Совете Федерации. Ранее подобная практика имела место быть и в администрации президента. В свое время там целая плеяда отставников обосновалась: «красный» камчатский губернатор Владимир Бирюков, саратовский фрондер и несостоявшийся посол в братской Белоруссии Дмитрий Аяцков, новгородский «демократ и либерал» Михаил Прусак. Назначили их помощниками руководителя администрации. Чем они занимались, мало интересовало. Главное — под присмотром находились, не мутили воду в бывших регионах и под ногами не путались. Вот такое к ним было отношение.

Мне, конечно, интересно было узнать о подоплеке чувашской рокировки, но такта хватило не спрашивать об этом своего работодателя. Порой достаточно одной незначительной реплики, чтобы понять отношение к человеку. И она, эта реплика, прозвучала, когда мы вошли в кабинет.

— Да-а, — протянул Федоров, оглядев открывшуюся картину. — Свинюшник какой-то! И чем они только здесь занимались? — И уже обращаясь ко мне, сказал: — Попросите службы соответствующие, чтобы порядок элементарный здесь навели. Работать в таких условиях невозможно. Заходить даже противно. Аура какая-то неприятная.

Он и не заходил, не появлялся в кабинете, пока его не освятили. Без священника, правда. Произошло это так. Моя коллега по прежней службе православная тувинка Айлана была очень щепетильным человеком в вопросах духовной чистоты. И очень тонко чувствовала ауру помещения. Зайдя в наш кабинет, она сразу отметила, что в нем витает дурной дух, и предложила провести известные ей процедуры очищения. Я подумал, что хуже не будет, и разрешил.

Не знаю, что там делала со свечками, иконками и молитвами православная азиатка, но дышать в кабинете действительно стало легче. Но еще долго раздавались телефонные звонки по еврейским вопросам. Владимир (он же Моше Шломо) Слуцкер был президентом Российского еврейского конгресса (РЕК), вице-президентом Европейского еврейского конгресса, активным адептом каббалы — древнееврейского

мистического учения. Кстати, тогда каббалой очень многие из представителей власть имущих увлекались. Известный журналист Владимир Соловьев просто целые радиопередачи на «Серебряном дожде» посвящал каббале и Слуцкеру. Ни тот, ни другой не скрывали, что одной из своих задач они считают пропаганду и продвижение еврейских традиций в России. И надо признать, немало в этом преуспели. Даже в Совете Федерации умудрились держать филиал своей штаб-квартиры.

Само собой разумеется, Слуцкер был очень богатым человеком. До сенаторства он руководил британской компанией, швейцарской фирмой и, прежде чем заняться парламентской деятельностью, возглавлял совет директоров инвестиционной компании «Группа Фининвест». Однако никакой привязки к Чувашии у него не было. Он сам по этому поводу говорил, что является «одним из двух евреев в республике». Про второго, правда, не уточнял, кого имеет в виду. Не самого же президента Федорова? Тот такого намека не простил бы никогда. Думаю, что и согласие по весьма неоднозначной кандидатуре Николай Васильевич давал вынужденно. Видимо, попросили те люди, которым он не мог (ни по политическим, ни по экономическим соображениям) отказать. Поскольку у Федорова были тесные связи с Лужковым и столица существенно участвовала в развитии республики, то вполне допустимо, что за Слуцкера попросил тогдашний московский вице-мэр и влиятельнейший авторитет в еврейских, и не только в еврейских, кругах Владимир Ресин. Во всяком случае, к фигуре Слуцкера Федоров относился с иронией. Особенно после его громкого семейного скандала с женой — известной спортсменкой и владелицей сети спортивных клубов Ольгой Слуцкер.

Когда же Федоров узнал об «освящении», то даже как-то потеплел и посветлел. Сам он веры православной. Причем, как я заметил, с Богом связан крепко и искренне, не то что многие из современных политиков, для которых вера в Господа — это лишь дань моде, не более.

Своего критического отношения к Совету Федерации в целом и его председателю Сергею Миронову в частности Федоров не скрывал. С одной стороны, мне импонировала его откровенность, с другой — напрягала. Но я его понимал: мы

оба помнили прежнюю палату регионов, до ее реформирования.

Федоров же в прежние годы всегда отличался своей эксцентричностью. Мог в одиночку поплыть против течения. Как, к примеру, было при голосовании за новый российский гимн. Или публично назвать главными коррупционерами в стране руководителя президентской администрации А. Волошина и его правую руку Д. Медведева, к этому времени ставшего уже президентом и, убежден, взявшего на особую заметку чувашского коллегу.

Впрочем, напрягался я в отношении своего шефа напрасно. За прошедшие годы эксцентричности в нем значительно поубавилось, больше стало дипломатичности и философского воззрения на происходящее вокруг. Вообще, у меня складывалось впечатление, что он живет в режиме ожидания очередного поворота судьбы в его сторону. При этом сам никаких активных действий по изменению сложившейся ситуации не предпринимал, хотя многим было очевидно, что не на своем месте человек находится. Политиков с таким опытом и репутацией в стране раз-два и обчелся.

На заседаниях палаты Федоров старался не задерживаться и до конца не высиживал. Поначалу ни в какие комитеты и комиссии не записывался, но однажды попросил отнести заявление в комитет по международным делам. На мой вопрос, с чем это связано, сказал: «Просьба председателя палаты, в комитете людей не хватает». И добавил с усмешкой: «Вы же понимаете, что я не могу всегда отказываться».

Разумеется, как и он, я понимал, что по-иному жить и работать в системе нельзя. Есть правила, гласные и негласные, и их надо соблюдать. В противном случае система выплюнет тебя, несмотря на былые заслуги.

Мы поговорили о комитете и его председателе М. В. Маргелове. Для Федорова международная политика не являлась новой и неизведанной сферой деятельности. В свое время, будучи членом Совета Федерации, он как раз ей и занимался и входил в состав российской делегации ПАСЕ. Другое дело, с кем в одной упряжке эту политику реализовывать. Ведь не случайно комитет (единственный в палате) оказался неуком-

плектованным кадрами. А ведь в свое время туда, как в Госдуме, а еще раньше в Верховном Совете, очередь желающих стояла. Желающих в основном, конечно, за государственный счет по миру покататься. Но тем не менее комитеты считались очень престижными, и работали в них серьезные международники и яркие личности. В Думе, например, К. Косачев, в Совете Федерации — А. Дзасохов, В. Лихачев. А тут недобор, как в хиленьком вузе.

— С чего бы это? — поинтересовался у меня Федоров.

Пришлось рассказать и про «африканскую тему», и про главу комитета, которого плохо переваривают не только рядовые сенаторы, но и в руководстве не жалуют, но по каким-то причинам терпят. Вспомнил историю с уходом Василия Лихачева — первого заместителя М. Маргелова, его конфликтные отношения с заместителем председателя палаты Светланой Орловой. Что больше половины состава международного комитета составляли представители кавказских республик.

— Словом, — подвел я итог, — проблемы у вас не исключены.

— Поживем, увидим, — философскиотреагировал Федоров.

Через какое-то время он вернулся к этому разговору. После очередного заседания комитета он сказал мне, что М. В. Маргелов предложил ему кресло первого зама, сославшись при этом на то, что вопрос согласован как с Мироновым, так и в Кремле — с Сурковым.

— Ну и что вы думаете по этому поводу? — обратился ко мне Николай Васильевич.

— Откровенно? — уточнил я.

— Разумеется, — подтвердил Федоров.

Думал же я на сей счет следующее. Работать замом — значит пахать от и до. Рассматривать не только письма и обращения, коих поступает немало, но и заниматься в полном объеме оргработой, готовить заседания комитета, вносить законопроекты, организовывать различные международные мероприятия и встречи. Никто другой из членов комитета этим заниматься не будет. Просто в силу своей неподготовленности и слабой компетентности. Они способны только на

озвучивание идей или предложений, которые неизвестно откуда возникают. Есть, правда, аппарат комитета. Но, как правило, и в соответствии с Положением об аппарате, он подчиняется руководителю комитета. А тот, как известно, любит своими поручениями озадачивать сотрудников. Ведь кроме председательской должности у Маргелова были еще и другие. Он являлся спецпредставителем президента, возглавлял разные международные общественные организации. И вообще постоянно в зарубежных командировках находился. Всю работу тянул его заместитель — Василий Лихачев. На нем вся ответственность за промахи и ошибки лежала. Зато все лавры за успехи без ложной скромности приписывал себе председатель. Такая у него особенность.

— Вам это надо? — спросил в заключение.

— Логичный вопрос, — ответил Федоров и добавил: — Примерно так и я думал. Поинтересуюсь все же у Суркова, что он скажет по этому поводу.

Как оказалось, Владислав Сурков ничего не слышал о таком предложении и никто с ним вопрос не согласовывал.

Так Федоров и остался на некоторое время рядовым сенатором. К моей, признаюсь, большой радости. Меня совершенно не устраивала перспектива за двадцать с небольшим тысяч рублей работать наравне с начальником. Жалкая зарплата компенсировалась свободным режимом работы. Николай Васильевич, в отличие от многих знакомых мне сенаторов, не требовал от своих помощников торчать весь день на службе. Даже удивлялся, что вообще можно там делать, когда нет заседаний. Приходилось объяснять, что нужно быть в курсе всего происходящего в стенах палаты.

...Незадолго до избрания председателем комитета Н. В. Федоров получил «бонус» от властей. Я пишу «бонус», имея в виду поощрение не за заслуги (их-то как раз за год работы в парламенте у Федорова не прибавилось), а как аванс на будущее.

Не за горами уже были очередные президентские выборы, на которые нужно было идти с новыми идеями. Под рукой у главного претендента на свое старое место Владимира Путина имелась самая многочисленная партия — «Единая

Россия». Но из нее почему-то со временем (как и предрекал незабвенный Виктор Степанович Черномырдин) получилась КПСС. Причем в далеко не лучшем ее варианте. Избиратель стал разочаровываться в партии власти, обзывать ее «партией жуликов и воров», что совсем близко к истине.

В. В. Путин, руководивший тогда правительством, пригласил к себе скромного чувашского сенатора Н. В. Федорова и в ходе разговора предложил ему возглавить институт социально-экономических и политических исследований, который создавался специально для разработки предвыборной «Народной программы». Это назначение не означало сложения сенаторских полномочий. Новая работа носила как бы факультативный характер и допускала совместительство. Да и институт формально считался фондом с таким названием. А Федоров в нем числился председателем совета директоров.

Предложение будущего (кто бы сомневался) президента в переводе с аппаратного языка на обычный, человеческий означало: «Мы все время наблюдали за вами, Николай Васильевич. Вы вели себя достойно, власть не критиковали, хотя обида она вас незаслуженно. Но вот сейчас перед вами открывается возможность на конкретном деле показать, способны ли вы участвовать в управлении страной. Дерзайте, и новый президент вас не забудет».

Этот монолог я придумал, но ведь примерно так и было.

За лето со вкусом отремонтировали один из архитектурных памятников в центре Москвы. Н. В. Федоров лично набрал штат сотрудников и утвердил исполнительным директором института некоего Чибиса, юриста по образованию, ранее работавшего в Чувашии. Вообще земляки Федорова составили костяк небольшого «научно-исследовательского» учреждения. Правда, титулованных ученых среди них не замечалось. Зато на привлечение к работе «авторитетов» из различных областей науки выделялись очень серьезные деньги — тридцать с половиной миллионов рублей в год. Да какой там год! На семь месяцев работы эта сумма рассчитывалась. За такие деньги не только известных экспертов, целые коллективы нанимать можно.

На широкой публике фонд позиционировал себя чуть ли не добровольным обществом содействия правящей партии и ее кандидату в президенты. На самом деле бесплатно там никто не работал. Наоборот, штатные оклады были существенно выше, чем аналогичные на государственной службе.

Признаюсь, когда я увидел зарплаты сотрудников института, то довольно прозрачно намекнул Николаю Васильевичу, что совсем не против поработать в новом учреждении под его руководством. Федоров было призадумался, но больше к этому разговору не возвращался.

К этому времени подоспело образование Общероссийского народного фронта, на который и сместились акценты института. Он начал выдавать первую продукцию — проекты Народной программы. Николай Васильевич попросил меня оценить первый труд творческого коллектива. Прочитав его, я будто побывал в собственном прошлом. Дежавю, одним словом. До боли знакомый с советских времен «шершавый язык плаката», избыточный пафос, парадная отчетность и немислимые планы всех обути, одеть и накормить. «КПСС вернулась, — был мой вердикт, — такая программа не воодушевит людей приходить на избирательный участок».

Федоров, как мне показалось, с некоторой грустью согласился и пригласил меня поучаствовать в обсуждении подготовленного документа. То, что произошло в институте, обсуждением или дискуссией назвать было никак нельзя. Было просто «избиение младенцев» или интеллектуальная экзекуция — как угодно, но только не обмен мнениями. Мнение было только одно. Аргументированное, бесспорное, логичное. И исходило оно от «экзекутора» Федорова. Накануне он очень серьезно поработал с творением своих институтских сотрудников, исчеркал каждую страницу проекта программы своими замечаниями. Присутствующие сидели, поникнув головами, как нерадивые школьники, и молча глотали язвительные замечания своего наставника.

По окончании «обсуждения», уже в машине, Николай Васильевич спросил, что я думаю по этому поводу.

— Да менять нужно исполнительного директора и сотрудников подбирать толковых, — сказал я первое, что в голову при-

шло, но развить мысль не успел. Федоров меня резко оборвал (действительно, чего соль на раны сыпать): «Это я и сам знаю. Времени уже нет. Что-то дельное можете предложить?».

Я подумал и предложил создать негласный экспертный мини-совет, который будет помогать лично ему в работе над подготовкой программы: редактировать (переводить на понятный среднестатистическому избирателю язык) тексты, которые родятся в институте, вносить свои идеи и предложения и подготовить оригинальный вариант программы. Займутся этой работой всего три человека: я, бывший главный редактор «Российской газеты» Валентин Андреевич Логунов и еще один мой давний соратник Юрий Николаевич Солодухин. Оба моих товарища, без преувеличения скажу, были признанными асами своего дела. Разные во многом, в том числе во взглядах на жизнь, на ход развивающихся событий, тем не менее они дополняли друг друга и в спорах помогали выйти на «золотую середину».

Федорову моя идея понравилась. Он по-деловому заинтересовался, во что обойдется наш интеллектуальный труд. И началась «подпольная» работа «спецгруппы». Мы стали нещадно кромсать и править поступающие из института материалы, пока не поняли, что дело это бесполезное и проще сделать свой продукт. Даже два. Валентин Логунов предложил кроме программы подготовить еще и манифест, в котором на доступном людям языке кратко изложить основные пункты программы, дать оценки прошлому. Он и взялся за манифест, а мы с Юрием Николаевичем проложили работу над программой.

Надо признать, что в исходном материале мы недостатка не испытывали. Фактически на «федоровский фонд» работали все государственные и окологосударственные институты: правительственные учреждения, научные коллективы, региональные органы власти. Было много предложений, как раньше говорили, с мест. Не миллион, конечно (откуда такая цифра появилась — непонятно), но значительная часть почты присылалась в Совет Федерации, в ней были интересные предложения от трудовых коллективов, партий, общественных организаций и рядовых граждан. Так что «сырьем» для работы хватало, оставалось грамотно и творчески его переработать.

Великолепный доклад на тему «Стратегические приоритеты и основные направления социально-экономического развития России» прислал Руслан Гринберг из института экономики Российской академии наук. Разработки известного ученого-экономиста легли в основу нашего варианта программы.

В оговоренный срок я предоставил на суд заказчика плод нашего группового труда. Он признал, что этот вариант лучше, но не может быть принят, поскольку механизм согласования уже запущен, и в министерствах обсуждается институтский вариант.

Откровенно говоря, лично я не очень огорчился по этому поводу. Кое-какие мои предложения вошли в «Народную программу». Например, в раздел по экологии. Так что в моральном плане я был хотя и не полностью, но все же удовлетворен. А вот в материальной части выходили какие-то «непонятки». Работа выполнена в полном объеме в установленные сроки, к качеству вопросов нет, пора бы и об оплате вспомнить. Не о себе беспокоился (я уже при должности был), а о своих «партнерах по бизнесу», двух пенсионерах, потративших на это дело немало интеллектуальных сил.

Спрашивать у начальника неудобно, вопрос деликатный, сам должен понимать. А он молчит, как ни в чем не бывало. Правда, через изрядное количество времени я узнал от Валентина Логунова, что он свою «долю» получил. Федоров пригласил его в ресторан и там на прощание вручил конверт с оговоренной зарплатой. По всему было видно, что деньги из собственного кармана сенатора. Ведь никаких формальных договоров с институтом не заключалось. Привыкли по старинке на честное слово полагаться.

Другим участникам разработки «Народной программы» повезло еще меньше. В очень неприглядной ситуации, например, оказался Р. Гринберг. Вот что он писал Н. В. Федорову:

«Уважаемый Николай Васильевич!

По Вашей просьбе в июле 2011 г. мы готовили доклад на тему «Стратегические приоритеты и основные направления социально-экономического развития России» для Фонда «Ин-

ститут социально-политических и экономических исследований". Доклад был направлен Вам по электронной почте 15 июля 2011 г.

Я надеюсь, Вы помните, что после получения Вами доклада мы лично созванивались с Вами и обсуждали подготовленный документ, в том числе и его качество. В нашем разговоре Вы подтвердили, что доклад Вас полностью устраивает, и сообщили, что для оформления акта выполненных работ и оплаты по договору мы должны обратиться к г-ну Чибису.

К сожалению, с момента включения в работу г-на Чибиса между нашими организациями возник спор относительно оплаты по договору. Вначале г-н Чибис утверждал, что он недоволен (кто он такой, чтобы оценивать труд коллектива ученых? — *Прим. авт.*) содержанием доклада. Впоследствии, несмотря на наш с Вами разговор, он уверял нас, что ни он, ни Вы не получали Доклад 15 июля 2011 г.»...

Дальше следует рассказ о разбирательстве в арбитражном суде, где исполнительный директор врал и выворачивался наизнанку, отрицая очевидные факты. Как впоследствии выяснилось, жульничал он не только с оплатой оказанных институту услуг. По юридическому адресу фонда были прописаны несколько «левых» структур, которые успешно занимались делами, совсем не относящимися к разработке «Народной программы». Был скандал, но его быстро замяли. «Единая Россия» на своем съезде приняла представленную Н. В. Федоровым программу как руководство к действию на многие годы. Кандидат в президенты взял ее за основу в своей деятельности по стратегическому развитию страны. А через год, даже раньше, президент Путин стал учинять спрос со своих бояр-министров за выполнение предвыборных обещаний народу. Первой покатила голова (по официальной версии — добровольно) министра регионального развития Говоруна.

Отвлекаясь, скажу, что по этой административной фигуре после его удивительного назначения я держал пари, что он и года не продержится на посту. Спор я выиграл. Да и как могло быть иначе, если в региональные министры определили рафинированного кремлевского чиновника, сделавшего карьеру не выходя со Старой площади. Он регионы знал

больше по отчетам сотрудников да коротким командировкам, заканчивавшимися, как правило, банкетами.

Еще двум министрам вклеили выговоры.

А через год после избрания президент вновь собрал правительство для отчета. После этого разговора засобирались на вольные хлеба непотопляемый политик, высокопоставленный чиновник и автор проекта о «суверенной демократии» Владислав Сурков. Опытный и расчетливый «царедворец» почувствовал, что запахло жареным и пора сваливать.

С чего такая паника случилась на флагманском корабле? Все, оказывается, просто: многое из обещанного — невыполнимо. Нет в государстве таких денег, чтобы исполнить все то, что было заявлено.

Но как же так получилось, что лучшие умы страны, министры-финансисты считали-считали да просчитались? На что же все-таки были потрачены тридцать с половиной миллионов рублей? Предположить могу: на «согласование» с министерствами. Если финансы попадают к таким людям, как Чибис, то трудно ожидать, что они пойдут на благие цели. А с него как с гуся вода. Через год он, получив благодарность от председателя правительства «за достигнутые трудовые успехи и многолетнюю добросовестную работу», был назначен... заместителем министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства страны. Приличных слов не находится все это комментировать. В общем, плакали наши денежки.

Шпигель как зеркало

Анекдот.

— Моня, вы знаете, Изя оказался-таки педерастом!

— Что, взял деньги и не отдал?

— Нет, в хорошем смысле.

Слово «шпигель» в переводе с немецкого языка означает зеркало. Так получилось, что у одного из главных персонажей моих зарисовок оказалась фамилия, отражающая, как в зер-

кале, все худшие черты современного чиновничества: его цинизм, изворотливость, использование государственной службы для личного обогащения...

23 марта 2013 года Совет Федерации принял досрочную отставку пензенского сенатора Б. И. Шпигеля. Не на волне очередной кампании по борьбе с коррупцией в органах государственной власти, не по обстоятельствам криминального характера, а в связи с избранием его президентом зарегистрированной в Страсбурге международной правозащитной организации «Мир без нацизма».

Незадолго до этого события мир Интернета буквально взорвался новостью о давних «подвигах» этого, с позволения сказать, государственного деятеля. Был предан всеобщему обозрению давний документ о том, что в 1982 году Первомайским судом Москвы Борис Шпигель был осужден по ст. 120 УК РСФСР (развратные действия в отношении несовершеннолетних). В решении суда подробно описывались гей-похождения человека, который сделал в современной России головокружительную карьеру, несмотря на судимость.

«Герой-сенатор» отреагировал на растиражированное в СМИ сообщение, я бы сказал, с олимпийским спокойствием. Он заявил: «Комментарии по фальшивкам я не собираюсь давать. Как в свое время генерал де Голль говорил — если про меня что-то плохое пишут, значит, я еще жив. Вот и я такого же мнения. Я не реагирую на подобные вещи...».

Борис Шпигель — личность колоритная и весьма заметная во всех смыслах. В силу своих физических габаритов он передвигался по зданию Совфеда, заполняя собой окружающее пространство. Ходил всегда в окружении телохранителей и смазливых мальчишек-помощников. Если эта масса тел двигалась по коридору, то все попадавшие навстречу рисковали быть смятыми, и потому либо ныряли в открытые кабинеты, либо прижимались к стенам. Вечно потеющий и тяжело дышащий, он почему-то не вызывал сочувствия к своим явным недугам, а наоборот — производил отталкивающее впечатление. Понимаю, что нехорошо заострять внимание на физических недостатках человека, но порой они полностью совпадают с его внутренним содержанием.

Прежде, до совместной работы в комитете, меня он совсем не интересовал. Но, так или иначе, кое-какие слухи доходили. Знал, что это олигарх, сколотивший состояние на продаже лекарств, зал, что он бывший тесть популярного певца Николая Баскова.

Однажды пришлось столкнуться с ним в книжном магазинчике, что располагался на первом этаже здания. Я выбирал какую-то книгу, и тут в комнатенку, где и двоим-то не развернуться, вваливается толпа «книголюбов» во главе с сенатором Шпигелем. Куда вжалась продавец, я не заметил, но мне пришлось чуть ли не между книг втискиваться. Оказалось, сенатору понадобилась книжка в подарок внуку — сыну того самого Баскова. Что-то ему предложили, и он стал расплачиваться. Чужие деньги не считаю, но что увидел, то увидел. Мощная лапа полезла в карман брюк и вытащила небрежно сломенную пополам пачку пятитысячных купюр. Владелец не снисшегося скромной продавщице карманного богатства явно наслаждался произведенным эффектом. Ну, думаю, вытащил бы потихоньку из своей колоды одну купюру, ее бы на десяток книжек с лихвой хватило. Выглядело это просто неприлично. Но для него, как потом выяснилось, было в порядке вещей пускать пыль в глаза, демонстрировать окружающим свою исключительность во всем.

Такой была наша первая встреча. Им, правда, не замеченная. Так бы и стерся в памяти этот случай, как многие другие моменты, с которыми сталкиваешься в жизни, когда сразу же стараешься отряхнуться, как от грязи, попавшей на одежду, и забыть. Но кто мог знать, что судьба сведет нас уже в другом пространстве Совета Федерации — в Комитете по конституционному законодательству, судебным и правовым вопросам, развитию гражданского общества.

Под крышей «Мира без нацизма»

Меня трудно заподозрить в приверженности нацизму. Такого не может быть, как говорится, по определению. Моя семья, как и многие другие советские семьи, не понаслышке знает о фашизме, оккупации и прочих «прелестях» военных лет. Два деда воевали. Одному крупно повезло. У него был

каллиграфический почерк, и его сразу определили в писари. Войну закончил без царапины. Другому тоже очень повезло. Но только в том, что живым домой с войны вернулся: грудь в наградах, на плечах майорские погоны. Но какая там военная карьера — весь израненный. Учителем в разоренной земле в сельской школе.

А вот матушка моя, Анна (на Украине ее Ганной, Ганнушкой звали) свет Ивановна юной девицей, семнадцати лет от роду, подалась на фронт. Вместе с фронтовым госпиталем прошла две войны. Одну закончила в Кенигсберге (нынешнем Калининграде), другую — на Дальнем Востоке. В свои 88 лет она по торжественным датам, посвященным Великой Победе, часами может рассказывать школьникам, которые традиционно приходят ее поздравлять, об ужасах нацизма. При этом ни в каких фондах она не состоит, прибавки к пенсии за свою агитационно-пропагандистскую работу не просит. И когда я напоминаю ей, что у нее высокое давление, что она страдает от своих воспоминаний, она отвечает просто:

— А кто же им расскажет правду о войне? Таких, как я, свидетелей почти не осталось.

Я это к тому рассказываю, что как бы ни были порой хороши по своей сути идеи или идеологические проекты, они никогда не получают должной массовой поддержки, если во главе их исполнения будут поставлены люди, мягко говоря, не соответствующие по своим морально-этическим качествам поставленным целям.

Только имея большое или извращенное воображение, можно назначать человека с более чем сомнительным «шлейфом», педофила руководить международной общественной организацией. Это означает лишь одно: ее ряды пополнятся ему подобными. Нормальные честные люди, даже если бы хотели, туда не пойдут.

Пусть и это прозвучит кощунственно, но мне понятна брошенная журналисткой из «Комсомолки» фраза, смысл которой в том, что она иногда жалеет, что предков некоторых нынешних российских либералов нацисты не пустили на абазуры.

Отбросив в сторону внешний цинизм неполиткорректной фразы, на который «дружно, все вместе», как по команде, отреагировали либеральные СМИ, зададимся вопросом: у нас, в России, что, так остро стоит проблема с проявлением нацизма? В стране, перенесшей самые тяжкие страдания от нацизма, появилась почва для его возрождения?

Ну да, есть и у нас, как и всюду, «неадекваты», которые маляют на стенах и у себя на теле фашистские свастики. Большинство из них, кроме того, что Гитлер был главарем фашистов и «мочил» евреев, ничего не знают. Это полуграмотная люмпен-молодежь, по сути, беспризорная, ей дел не находится в родном государстве. Вот в чем проблема, требующая в том числе и законодательного решения. Но вместо этого усилия законодателей, а вместе с ними и всего общества, направляются в иную сторону, на борьбу с мистическим врагом.

Причем здесь Шпигель? Так ведь он зеркало, в котором отражается весь этот процесс, который он и возглавил. Хотелось бы понять: с чьей подачи и почему? Кто ему все время помогал двигаться к вершине Олимпа?

...В высоком Лондонском суде, где судились за «заработанные» в России миллиарды два российских предпринимателя еврейского происхождения Роман Абрамович и Борис Березовский, долго не могли разобраться с русским термином «крышевание». Слово-то бандитское, как его применить к достопочтенным бизнесменам? Ну нет в современном английском языке подходящего синонима. Зато в нашем, великом и могучем, сколько угодно можно найти.

Зачем Березовскому, одному из самых талантливых авантюристов современности, нужно было признавать, что он и есть «крыша» по отношению к своему бывшему компаньону? Думаю, сделал это от лингвистической безысходности. В противном случае, британская фемида никак не смогла бы понять его ведущую роль в бизнесе партнеров. Впрочем, даже признание в уголовном деянии, по сути, не оставило Березовскому никаких шансов на возвращение многомиллионных долгов. Он проиграл вчистую. Как в суде, так и в жизни.

Но давайте представим на минутку, что вместо конкретного персонажа, к тому же (как бы помягче выразиться)... весьма противоречивого в глазах мировой общественности, выступала бы какая-нибудь солидная международная организация, чьи цели признаны особо гуманитарными. Например, международное правозащитное движение «Мир без нацизма». Судебный исход, не сомневаюсь, был бы predetermined на все сто процентов. Его покровители столь могущественны, что могут повлиять практически на любую ситуацию. Если не сразу, то со временем, но обязательно.

Сами по себе идеи, декларируемые движением, его цели и задачи понятны и благородны. О них говорить много не стоит, они сформулированы в самом названии. Однако, как известно, не всегда благие намерения ведут в рай. Довольно часто они, к сожалению, являются просто вывеской, служат «крышей» для исполнения дальних и потаенных целей, увидеть которые можно только при длительном и внимательном рассмотрении.

На мой субъективный взгляд, сверхзадача «крышевателей» международного движения состоит в том, чтобы выбить из общественного сознания всякие сомнения в отношении истинной роли и участия евреев в мировых процессах. Лучшей структуры (в качестве инструмента для реализации задуманного), чем общественная организация по борьбе с нацизмом, трудно придумать.

Надо отдать должное умным еврейским головам. Они всегда были авторами гениальных (это не означает, что гуманных) сценариев мировых социальных экспериментов (или катаклизмов): от войн до революций. Единственное, в чем они постоянно ошибаются, так это в подборе кадров для выполнения своих целей. Видимо забывают, что кадры не только «решают», но и «ломают» все. То Троцкого из-за океана пришлют все порушить в стране, то раскопают доморощенных авантюристов типа Березовского или Шпигеля.

По размаху мыслей и талантов Шпигель, конечно, далеко не Троцкий и даже не Березовский. Но роднит их многое, не только национальность. Главным образом жажда власти и денег и цинизм по отношению к людям.

Так получилось, что последней инстанцией, поставившей формальную точку в карьере так называемого государственного деятеля, стала землячка Шпигеля по Хмельницкой области Валентина Ивановна Матвиенко. Более того, мне рассказали, что именно она настояла на уходе пензенского сенатора из Совета Федерации после разоблачающих публикаций в Интернете. Видимо, знала, что проверять тут нечего, так оно и есть.

Тем не менее прощание с Борисом Шпигелем в Совете Федерации происходило без каких-либо элементов драматизма, должных быть при обстоятельствах, связанных с подобной отставкой. Наоборот, его проводили с почестями: вручили грамоту Совета Федерации за большие заслуги в законодательной деятельности. Вряд ли кто-нибудь подумал о том, что грамота станет для него «охранной», своеобразным пропуском в дальнейших поисках «теплого места» в жизни. Мне это напомнило советско-партийные времена, когда, чтобы без скандала избавиться от скомпрометировавшего себя работника, его либо переводили с повышением на другое место, либо увольняли, предварительно наградив.

Некоторые сенаторы считали, что расставание со Шпигелем должно было происходить иначе. Пусть без надевания наручников, но уж точно без вручения награды. Он же, нисколько не смущаясь, пообещал бывшим коллегам не забывать их и еще плотнее общаться. При известной сексуальной ориентации Шпигеля подобное обещание выглядело весьма двусмысленною. Кое-кто в зале крестился.

Дорогу в столицу Шпигелю проторил комсомол. Обосновавшись здесь в качестве заместителя директора одного из московских профтехучилищ, он дал волю своим рукам и извращенным фантазиям в отношении несовершеннолетних воспитанников — мальчиков. Получил судимость, после которой благополучно пристроился к фундаментальной науке, связанной с биофармацевтикой. Ученый он, конечно, был никакой. А вот с точки зрения продвижения конечного продукта его коммерческая натура превзошла даже нетрадици-

онные наклонности. Впрочем, при установившейся свободе нравов никто не мешал их совмещать.

Богатея год от года, расширяя связи и финансовое влияние, Шпигель вплотную приблизился к вершинам власти. Стал помощником председателя Госдумы Геннадия Селезнева. Вместе с ним пытался реализовать несколько амбициозных партийно-политических проектов. Вкупе с финансовыми, разумеется. Если не светят барыши — «бизнес» за дело не берется.

Ступенька за ступенькой, и вот уже и «олимп» — высший законодательный орган страны. Примечательно, что дорога к нему не имела каких-то заметных колдобин и ухабов. Впечатление такое, будто их специально для Шпигеля зачищали и убирали. Как, к примеру, судимость. Где были в это время правоохранительные органы? Может быть, они тоже присутствовали среди обласканных олигархом гостей? Тогда понятно, почему провалились куда-то три года из биографии сановника.

В Совете Федерации Шпигель недолго ходил в рядовых сенаторах. Присушие ему сверхактивность, стремление всегда быть на первых ролях, цинизм и безудержность во всем быстро привели его к должности председателя комиссии по вопросам развития гражданского общества. Вопрос о том, зачем такая структура верхней палате, звучал риторически и повисал в воздухе. Тем не менее вопрос был резонный, учитывая тот факт, что в стране уже имелась Общественная палата, цели и задачи которой фактически полностью совпадали с теми, что обозначила в своей деятельности комиссия.

Так зачем же все-таки нужно было огород городить, придумывать структуру-дублера? Серьезные люди пожимали плечами, отводили глаза и говорили примерно одинаково: мол, что тут непонятного, он же партию Миронова финансирует. Какое-никакое, но все же объяснение. Сергей Миронов действительно имел среди сенаторов спонсоров своей партии. Судя по всему, не отказывался и от пожертвований из кошелька Бориса Шпигеля. А тому только это и нужно было для достижения своих целей. Одно дело выступать с инициативами лично, другое — от имени коллектива единомышленников, тщательно подобранного по взаимным интересам. В коллективной (т. е. общей) ответственности легко растворялась

персональная. Имея статус руководителя структуры (с очень расплывчатым и всеобъемлющим названием) высшего законодательного органа страны, можно заниматься практически любыми вопросами и влиять на их исход. Объяснение при этом одно: в интересах гражданского общества.

После образования нового комитета, аппарат которого я возглавил, мне пришлось принимать дела (в том числе архивные) от трех прежних структур. Пришлось перелопатить кучу бумаг, знакомясь с их деятельностью. И вот на что не мог не обратить внимания: на первом месте в работе шпигелевской комиссии стояла проблема... искоренения нацизма во всем мире. И прежде, и впоследствии руководитель международного фонда всегда старался подключить Совет Федерации к мероприятиям, проводимым этой организацией. На них работали не только сотрудники комиссии, затем комитета, но и других подразделений палаты. Бюджетными деньгами покрывались затраты на само мероприятие, на прием его многочисленных зарубежных гостей. Сведущие люди рассказывали, что значительная часть средств оседала в карманах инициатора. На святом, как говорится, деле грел руки.

Вторым по значимости объектом внимания и работы комиссии были некоммерческие организации. Можно сказать, что они находились у Б. Шпигеля под плотным колпаком. Фигурально выражаясь, он мог и карать их, и миловать. Карать ослушников, нелестно рекомендуя их спонсорам (как отечественным, так и зарубежным), послушным — продвигать финансовую помощь. Весьма удобный инструмент для управления общественными организациями. В нужный момент всегда можно и данью обложить. Кто посмеет отказать влиятельной персоне, в чьих руках имеются административные рычаги воздействия?

При проведении Валентиной Матвиенко реорганизации палаты комиссия волилась в состав комитета по конституционному законодательству, судебным и правовым вопросам, развитию гражданского общества. Борис Шпигель, хотя и стал первым (третьим по счету) заместителем председателя комитета, все же оказался на задворках его деятельности. Приоритеты комитета выстроены в самом названии. С комиссией же получилось как в старом еврейском анекдоте про чемодан без ручки: и нести тяжело, и выбросить жалко.

Но и эта ситуация не снизила неумеренной активности Б. Шпигеля. Воспользовавшись организационной неразберихой, неизбежной при спешной перестройке на ходу, он сумел «забить» в план работы комитета столько массовых мероприятий по своей линии, что все потом за голову схватились. Сенатор М. Капура не выдержал и на заседании комитета в сердцах высказался в том духе, что, кроме Шпигеля, в стране борьбой с нацизмом никто не занимается, а комитет впору переименовывать.

Я хотя и руководил аппаратом комитета, но не мог себе позволить на заседании говорить с сенаторами на одном языке. Однако понимал, что отвечать за проведение этих самых мероприятий, совсем не относящихся к законотворческой работе, придется персонально мне.

Попытки договориться с Борисом Исааковичем о том, чтобы он «разгрузил» аппарат от несвойственной работы, ни к чему не привели. Было на то несколько причин. Формально план работы комитета «узаконил» соответствующим решением совет палаты. Валентина Матвиенко на одном из заседаний предупредила руководителей комитетов, что не будет приветствовать изменения в планах. Подошла к вопросу, конечно, по-советски, но с точки зрения укрепления исполнительской дисциплины она была права. Таким образом, у Б. Шпигеля появился «железный» аргумент: план утвержден — аппарат обязан его выполнять. Как и какими силами, его не волновало.

В достижении своих целей Б. Шпигель — человек, мягко будет сказано, очень упертый. Но он по натуре делец или, по-современному, бизнесмен. А в бизнесе, как известно, часто приходится договариваться. Можно было договориться с ним и в этот раз. Только он ставил (и не просто ставил, а ультимативно) неприемлемые условия. У него в подручных постоянно ходили молодые смазливые парнишки. К одному из них он так прикипел, что не жалел никаких сил, чтобы помочь ему сделать карьеру. Буквально с первого дня, когда я возглавил аппарат комитета, Б. Шпигель стал мне навязывать в заместители своего любимца. Я познакомился с личным делом «протезе», навел соответствующие справки и сказал, что у меня заместителями будут работать только профессионалы.

В аппарате правового комитета даже один учитель (в моем лице) — это уже слишком много. А у предлагаемого кандидата мало того, что имелся педагогический диплом с какой-то неизвестной мне сомнительной специальностью, так и опыта работы — кот наплакал.

И вот тут Борис Шпигель показал, на что он способен. Свои грандиозные планы он в конце концов откорректировал. Но не в результате чьих-то уговоров или давления. Просто, оценив ситуацию, понял, что он не сможет «проглотить» все, что «заказал». Потому и отступил. Но по ходу отступления провел один замечательный маневр.

До меня доходили слухи о том, что Б. Шпигель усиленно проталкивает идею о создании при председателе Совета Федерации координационного совета по взаимодействию с институтами гражданского общества. Мне эта идея изначально показалась абсурдной. Она не поддавалась никакой управленческой логике. В нашем комитете имелись соответствующий подкомитет, который возглавлял тот же Шпигель, экспертный совет по вопросам законодательного обеспечения развития институтов гражданского общества. Спрашивается, для чего еще что-то строить?

Но тут мне приносят распоряжение спикера палаты, положение о новом органе при председателе и письмо руководителя аппарата Совета Федерации В. Свинарёва с поручением оказать содействие в работе созданной структуры.

Всякое пришлось повидать в период работы в высших органах власти, но с таким столкнулся впервые. Какой же надо обладать пробивной силой, какие аргументы приводить, чтобы материализовать полную бессмыслицу? И ради чего, точнее, ради кого? Чтобы найти должность своему человеку. Любимого сотрудника Б. Шпигеля так назначили ответственным секретарем этого самого координационного совета. Причем назначили с грубейшим нарушением, вопреки положению о совете, где черным по белому было записано, что на эту должность назначается государственный служащий из числа сотрудников аппарата Совета Федерации. А он не был ни тем ни другим.

По этому поводу я написал служебную записку и лично пришел с ней к Владимиру Свинарёву. Он только руками

развел: приказы, дескать, не обсуждаются. Перевел, значит, стрелки на начальство. Хотя я не думаю, что Валентина Матвиенко владела полной информацией по данному вопросу. Скорее всего, ближайшее окружение убедило ее в необходимости создания никчемной структуры. Но какие «доводы» в свою очередь приводил Борис Шпигель, можно лишь предполагать.

Наши служебные отношения не заладились с первых дней. Но все вокруг чувствовали, что конфликт назревает, и он неизбежен: Борис Шпигель не прощал обид, особенно тем, кто стоял ниже его на иерархической и социальной лестнице.

Однажды в моем рабочем кабинете раздался телефонный звонок, и гневный сенаторский голос сообщил: «Вы не давали мне повода, а теперь дали. Я подниму в комитете и у Валентины Ивановны вопрос о том, что мне препятствуют в выполнении специального задания Президента России...».

Человеку, случайно оказавшемуся при этом разговоре, суть его даже в художественном пересказе может показаться пустяшной, неинтересной, не заслуживающей какого-либо внимания. Но у меня в кабинете находились два моих заместителя, опытные юристы и аппаратчики. Они-то прекрасно понимали: у этого разговора могут быть совсем не шуточные последствия. Достаточно, к примеру, развить мысль о противодействии «президентскому спецзаданию».

В общем, решили детально и обстоятельно разобраться в претензиях сенатора к аппарату. На поверку выяснилось, что Б. Шпигель и его команда помощников постоянно используют статус сенатора для вершения личных дел.

Статистика — вещь упрямая и иногда полезная. В нашем случае она показала, что суперактивность Шпигеля в служебной переписке в разы превосходит такую же переписку его коллег по комитету, вместе взятую. Но и это не все. Львиная доля его обращений, запросов и т. д. не имела никакого отношения ни к деятельности комитета, ни к деятельности самой палаты.

Хорошо помню его письмо министру иностранных дел Лаврову, в котором автор, пространно восхваляя заслуги и достижения возглавляемого им фонда «Мир без нацизма», просит личной встречи. Казалось бы, что здесь крамольного?

Да ничего. Кроме того, что письмо написано на официальном бланке Совета Федерации и подписано первым заместителем председателя комитета. А это уже злоупотребление служебным положением. В целях отнюдь не государственного значения. Впрочем, Шпигель в своем кругу и не скрывал, что собирается «развести» министерство «на бабки» по оплате проведения очередного форума борцов с нацистами.

Он старался «засветиться» где только можно, нимало не беспокоясь о том, уместно ли там его появление. Однажды Шпигель вызвался приветствовать от имени Совета Федерации участников всероссийского совещания судей. Казалось бы, какое отношение имеет сенатор к правосудию (за исключением его судимости, конечно, о которой тогда не было широко известно)? Да никакого. Тем не менее он «пробил» себе эту почетную миссию. И что вышло?

Один из участников совещания в красках рассказывал, как отреагировали судьи на появление экзотической фигуры представителя высшего законодательного органа страны. Самым невинным комментарием из зала была реплика-вопрос: «А Басков будет приветствовать нас?». Когда же дошло до самого выступления, многие заслуженные юристы стыдливо опускали глаза, слушая, как коверкает оратор привычные для них понятия.

Теперь о «поводе», из-за которого разгорелся сыр-бор. Им послужило заурядное (по бюрократическим меркам) обращение активистов одного из общественных антифашистских движений под названием «Гои». Между тем гоями принято называть тех, кто не имеет еврейского происхождения. Чего скрывать, содержание письма носило антисемитский характер. Но бюрократы в первую очередь смотрят на формальные вещи. Это обращение было направлено в 21 адрес. Обычное в практике явление, когда письма под копирку направляются в десятки адресов. Их еще называют «веерными». Одно из них попало в законодательное собрание Пензенской области, которую представлял в сенате Борис Шпигель. Он недолго думая направил растиражированную по стране бумагу генеральному прокурору. При этом сопровождал ее (от имени комитета) гневным письмом, в котором потребовал «иници-

ровать возбуждение уголовного дела... в отношении лиц, подписавших обращение».

Сотрудники аппарата пришли ко мне с вопросом, что делать: обращение в комитет не поступало, в приемной Совета Федерации не зарегистрировано, лично сенатору не адресовано? Наличие даже двух первых пунктов является для сотрудников аппарата (в соответствии с бюрократическим «законом» — инструкцией по делопроизводству) основанием для отказа в работе с документом. Я тоже поступил как бюрократ. Познакомившись с содержанием бумаг, распорядился вернуть их сенатору. Кто бы мог подумать, что это вызовет такую бурную реакцию Шпигеля?

Видимо, дело было еще и в том, что активисты движения «Гои», обвиняя евреев во всех грехах, затронули персону самого г-на Шпигеля. Вот что они ему инкриминировали: «...Глава Всемирного конгресса русскоязычного еврейства, президент российского филиала "Керен хайесол", представитель губернатора Бочкарева В. К. в Совете Федерации Шпигель Б. И. проталкивает законопроект, ужесточающий ответственность за использование нацистской символики. ...Иудейская мафия присваивает себе право устанавливать, какая символика нацистская, а какая не нацистская».

Если абстрагироваться от эмоций и оскорбительного тона письма, а оставить только вопрос об упомянутом в челобитной законопроекте, то его постановка вполне, на мой взгляд, правомерна. Авторы проекта (во главе с Б. Шпигелем) не особо задумывались над юридической стороной формулировок и предлагали ужесточить ответственность за использование символики, под которую с наклейкой «нацистская» можно подвести что угодно. Например, использование свастики в орнаментах одежды. Между тем история ее происхождения имеет очень древние корни и связана с целыми народами, в том числе проживающими на территории нашей страны: славянами, мордвой, чувашами... Где ни покопайся, на свастику наткнешься. Что ж теперь, всех в фашисты записывать?

Словом, опять родилась служебная записка, с которой я познакомил двух своих начальников: Н. Федорова и В. Свинаярева. Оба поинтересовались, буду ли я давать ей официальный ход. Я сказал, что дам, если Шпигель совершит еще хоть

один «наезд» на аппарат. Не знаю, насколько дословно были переданы мои слова, но «наезды» прекратились. Но, как оказалось, до определенной поры.

Что же касается спецзаданий от президента, на которые постоянно ссылался Борис Шпигель, то достоверных подтверждений тому никогда не было. Мне же после размышлений по поводу того, как могла подобная личность проникнуть в высший законодательный орган страны, пришла абсурдная мысль: а вдруг это тщательно спланированная операция по дискредитации сионистского движения? И Борис Шпигель выступает в ней в роли «троянского коня»?

Все встает на свои места, если смысл операции был в том, чтобы раскрутить подопечного на полную катушку, поднять его авторитет как в стране, так и в международных сионистских кругах, а потом... рылом о землю и выложить в Интернете всю правду-матку о нем. Эффектно?

А может быть, спецоперация носила другое кодовое название. Не «троянский конь», а, например, «скунс». Вони от этого мелкого животного, как известно, больше, чем от табуна лошадей. Как знать, где правда кроется?

«Народные» мстители

Анекдот. В дом Абрама ворвались грабители. Перевернули все вверх дном, унесли все накопления. У жены все драгоценности забрали, а дочку изнасиловали. Приходят соседи, спрашивают, что случилось. Абрам рассказывает: так и так, напали, избили, ограбили, дочку изнасиловали.

— И знаете, что они на прощание мне сказали? Сиди тихо, бандит, если кому-нибудь пожалуешься — уьем. Это я-то бандит?! — восклицает с обидой Абрам и заключает: — Мы так хохотали.

Рассказал этот анекдот своему давнему товарищу. С юмором у него был полный порядок, а тут говорит, что ничего не понял. Пришлось выделить два ключевых слова «бандит» и

«хохотали». Анекдот же я привел по поводу, о котором расскажу ниже. Случай действительно анекдотичный.

В Совете Федерации ни для кого не было секретом, что Николай Васильевич Федоров здесь долго не задержится. И даже назначение его председателем нового объединенного комитета никого не ввело в заблуждение. Хотя сам Федоров никогда по этому поводу ни с кем не откровенничал, по разным признакам было понятно, что вопрос по нему будет решен сразу после президентских выборов.

Я тоже никогда не скрывал, что работаю в этой должности ровно столько, сколько будет руководить комитетом Федоров. Причем с ним никаких разговоров о моей дальнейшей судьбе не велось. Он ничего не обещал (это не в его правилах), а я и не просил. Тем не менее оба прекрасно понимали, что стоит ему уйти, как за меня, объединившись, возьмутся все недовольные члены комитета во главе с Борисом Шпигелем и «схарчат» в мгновение ока.

За свое руководящее кресло я не держался. Бывало, и выше сидел, да и шестидесятилетие на носу было. Молодежь, опять же, на пятки наступает, ей тоже надо расти. Словом, морально был подготовлен к собственному увольнению. Но уйти хотелось, конечно, по-хорошему, с получением заслуженных пенсионных льгот. Главная из которых — прикрепление к поликлинике управления делами президента. Все остальное не имело никакого значения, поскольку выглядело очень унижительно. Это в последнее время (с увеличением окладов сотрудников президентской администрации и правительства) выросли и пенсии отдельных категорий госслужащих, на которые можно прожить. Мне же, действительному государственному советнику (президент своим указом приравнивал этот классный чин к генеральскому), полагалось всего десять тысяч рублей в месяц. Не разгуляешься на такие деньги. Так что бесплатная медицина — единственное, за что можно было держаться.

В начале мая 2012 года Н. В. Федоров направил на имя председателя палаты В. И. Матвиенко представление о моем назначении руководителем аппарата комитета. Дело в том, что все это время я исполнял обязанности руководителя. Меня такой статус вполне устраивал. За исключением при-

ставки «и. о.» все было как у утвержденного руководителя: и полномочия, и зарплата. Но, видимо, Николай Васильевич хотел сделать подарок к предстоящему юбилею и обеспечить уход на пенсию с более высокого оклада. Кто мог предположить, что и такие, казалось бы, мелочи отслеживаются добροжелателями.

Накануне своего дня рождения я взял краткосрочный отпуск, чтобы провести маму, живущую в Приднестровье. Там меня и застала новость о назначении Н. В. Федорова министром сельского хозяйства. Новость, которую переваривал несколько дней. Никак не мог представить своего шефа на этой должности. Прежде слышал, что ему предлагали пост министра внутренних дел, начальника главного правового управления президента. По поводу последнего предложения у меня даже был с ним разговор. Я поинтересовался, чем его не устраивает статус фактически «главного юриста страны».

— Мне уже не интересна рутинная юридическая работа. Хочется чего-то живого. Как в Чувашии, например, — ответил Николай Васильевич.

Но сельское хозяйство! Его состояние еще долго будет оставаться в стране плачевным. Лавры там уж точно не снискать. Зато под огнем критики всегда находиться придется. И высшее руководство будет требовать положительных результатов, и оппозиция за каждым шагом пристально следит. Потом пришел к выводу, что, видимо, там и нужен такой человек, как Федоров, — волевой и целеустремленный, знающий не понаслышке сельские проблемы. При этом, не скрою, для себя прикидывал, в каком качестве мог работать при министре.

А в это время в родных, как говорится, пенатах разыгрывались действия, как в дешевом детективе или... анекдоте.

...Сойдя с поезда Одесса — Москва, я сразу направился на службу. Хотелось узнать, что происходит. Едва вошел в кабинет, как попросилась на разговор сотрудница, с которой у меня сложились хорошие рабочие и человеческие отношения. Дело она знала, работала, когда нужно было, не считаясь со временем. Могла организовать выполнение любого поручения даже в авральном режиме. Но имелся у нее один недостаток, который я не терпел: любила поболтать и преувеличи-

вать оценки происходящего. Ну а какая женщина не страдает подобными недостатками? Бывают, конечно, и сдержанные, но таких редко приходилось встречать.

Так вот, с порога она сообщает:

— Против вас готовится заговор.

— Присаживайся и давай подробнее. Имена, явки, пароли и т. д., — в шутовском тоне предлагаю собеседнице.

— В общем, на днях пригласили меня на встречу нескольких членов комитета и просили вас скомпрометировать...

— Стоп, — прерываю я. — Без имен разговора не будет.

— Пожалуйста, — отвечает. — Ваш «любимый» Шпигель, Рушайло, Савенков и кандидат в председатели комитета Клишас. Ну и Лысков вокруг них крутится.

Далее следует «страшилка» о том, как честную девушку заставляли напоить меня, соблазнить и, порвав юбку, изобразить изнасилование с последующим официальным рапортом руководителю аппарата Совета Федерации В. Свиначеву.

Выслушав эмоциональный рассказ и представив, как это могло выглядеть в действительности, я так хохотал. Это я-то пьяница и насильник?! Отсмеявшись, спросил:

— А как меня можно напоить? Они разве не знают, что я не употребляю спиртное? А если я к тому же импотентом окажусь?

— Да сказала я им. Говорят, придумай что-нибудь, не тебя, мол, учить, — отвечает рассказчица, — иначе, говорят, не работать мне здесь. Но я все равно не согласилась. Будь что будет.

Забегая вперед, скажу, что через несколько месяцев после моего увольнения «ушли» и мою собеседницу. Претензий по работе к ней не было. Пошли на откровенный административный подлог: сократили должность, которую она занимала, а взамен ничего не предложили. Выждав нужное время, должность восстановили. Надзирающие за кадровой работой чекисты не только не помешали беспределу, но и поспособствовали ему. Стоит ли гадать, чей заказ они выполняли?

Откровенно говоря, я не придавал серьезного значения услышанному. Повеселился от души, и только. Хотя и не верить оснований не было. Собеседница за время работы хоро-

шо изучила мой характер и знала, что я могу устроить «очную ставку». Так рисковать она просто не стала бы.

Не удивили и названные фамилии. Каждый из упомянутых персонажей, мягко говоря, мне не симпатизировал. Штрихи к их портретам у меня уже наметились. С ними я и хочу познакомиться читателя.

Менты в законе

Поскольку о Шпигеле уже предостаточно сказано, начну с Владимира Борисовича Рушайло.

Рушайло — личность в стране известная, в какой-то степени даже легендарная. За ним тянется огромный шлейф слухов, перемешанных с правдой, полуправдой и откровенными домыслами. Герой России, бывший министр внутренних дел, секретарь Совета безопасности, спецпредставитель президента... На перечисление его послужного списка много времени потратишь. Думаю, что эта полная загадок личность еще найдет своего биографа. Поэтому ограничусь собственными наблюдениями по совместной работе в комитете и нанесу свои штрихи к его портрету.

Во вновь образованном комитете В. Рушайло был сначала рядовым членом. Должности первых заместителей председателя комитета автоматически заняли Алексей Александров и Борис Шпигель (прежде, до реорганизации, руководившие соответственно самостоятельным комитетом и комиссией), третьим (абсурд полный) первым заместителем был назначен сенатор от Кировской области Николай Иванович Шаклеин. Он в этой должности проработал недолго. После выборов его место в сенате понадобилось известной спортсменке из не попавших в Госдуму «единороссов» Светлане Журовой. Шаклеина отозвали в одночасье, неожиданно для всех и без особых церемоний. Между тем он был опытейшим юристом (в свое время занимал должность заместителя Генерального прокурора) и управленцем (руководил Кировской областью). Мне как руководителю аппарата работать с ним было легко и комфортно. Главное, его всегда можно было застать на мес-

те, чтобы посоветоваться и подписать многочисленные ежедневные документы. Бумагооборот в комитете был огромный: обращения граждан, ответы на них, всевозможные запросы, поручения, отчеты и т. д. и т. п. Все это готовилось аппаратом комитета, но в соответствии с регламентом подписывалось председателем комитета либо, в его отсутствие, первыми заместителями. В крайнем случае, просто заместителем. Их же в нужный момент трудно было найти. А Владимир Иванович представлял собой категорию чиновников советской закваски — трудоголиков. Бизнеса за ним не числилось, вот и пропал на службе «от и до». Его уход сильно отразился на аппаратной работе. Нужен был хоть один работающий начальник для оперативного решения вопросов.

Претенденты на приличную по совфедовским меркам должность, разумеется, имелись. В комитете оставались еще два бывших заместителя генерального прокурора: Ю. С. Бирюков (человек достойнейший, но после перенесенной операции практически не говорящий) и А. Н. Савенков (о нем разговор ниже пойдет), а также бывшие министр В. Б. Рушайло и заместитель министра внутренних дел В. И. Федоров, и бывший председатель комитета по правовым и судебным вопросам А. Г. Лысков. Тем не менее председатель комитета Н. В. Федоров сомневался в выборе. Прежде он уже предлагал (из деликатности) эту должность А. Г. Лыскову. Тот отказался. Видимо, посчитал для себя обидным понижение в статусе. Мне тоже пришлось высказаться по этой кандидатуре. Расскажу, почему.

На первом заседании Н. В. Федоров поручил аппарату в сжатые сроки подготовить проект положения о новом комитете. Контроль над выполнением поручения возложил на меня. К концу недели принесли проект документа. В выходные я с ним поработал и пришел к выводу: либо его авторы непрофессионалы, либо меня проверяют на компетентность. Подготовил свой проект (благо имел немалый опыт в этом деле) и решил провести по этому поводу аппаратное совещание. Однако меня опередила одна из бывших сотрудниц аппарата комитета А. Г. Лыскова, которая буквально на лестнице обратилась ко мне с вопросом, как я оценил их работу. Ну я и

сказал в шутовском тоне о своих сомнениях. А подробнее, — говорю, — на совещании.

Через некоторое время в кабинет председателя, в приемной которого я временно разместился, влетает его недавний хозяин А. Г. Лысков. Следом заходит прежний руководитель аппарата комитета А. С. Саломаткин. Не ответив на мое приветствие, Лысков с ходу начинает гневный монолог. Суть его состояла в следующем: все его сотрудники являются высококвалифицированными работниками, на протяжении многих лет доказавшими конкретными делами свой профессионализм. И он, Лысков, никому, а тем более каким-то случайным людям, не позволит унижать этих сотрудников и, если понадобится, в пыль сотрет любого.

Я был, мягко говоря, в недоумении, ничего не понимал, а мои попытки что-то уточнить повисали в воздухе. Посмотрел на коллегу — тот в растерянности пожимает плечами. Но когда прозвучали слова о намерении «стереть в пыль», понял, что это и ко мне может относиться. Решил уточнить:

— Вы эти слова мне адресуете, Анатолий Григорьевич?

— Да, вам, — подтвердил он и, протягивая мне руку, сказал. — До свидания.

Я посмотрел на протянутую руку, потом на него и спросил:

— Вы что же рассчитываете, что после всего сказанного я пожму вам руку? Вы меня с кем-то путаете. Либо вы приносите сейчас извинения, либо становитесь для меня нерукопожатным.

Лысков молча развернулся и ушел. Потом он много раз пытался со мной здороваться, но я в лучшем случае ограничивался кивком, да и то когда люди рядом были.

Напомнив Федорову об этом случае, предупредил его, что с таким человеком не сработаюсь, сразу же уволюсь. Федоров меня успокоил, сказав, что разделяет мое мнение.

Между тем юрист Лысков опытный и очень дотошный. Своей въедливостью постоянно доставлял головную боль экспертам из правового управления. Но вся эта его взыскательность была направлена, фигурально выражаясь, на поиск юридических «блох». Он, как говорят, «бухгалтер от юриспру-

денции». Такие специалисты тоже всегда нужны. Но на своем бухгалтерском месте. По другим представлениям, до большой политики он так и не дорос, несмотря на генерал-лейтенантские погоны, полученные в ФСБ. Начинать же он свою карьеру следователем в органах внутренних дел. Но, странное дело, ни чекисты, ни менты «своим» его не считали. В комитете он держался особняком. Интриговал потихоньку, но оставлял следы, и все знали, откуда уши растут. Постоянно гонял чай со своими бывшими сотрудниками, оценивал шаги и действия нового председателя комитета и руководителя аппарата. Несolidно и мелочно выглядело это со стороны. Сами же сотрудники обо всем и рассказывали. Жаловались, что неудобно отказывать бывшему шефу. Тогда я распорядился прекратить чаепитие на рабочих местах.

Сотрудницу, фактически спровоцировавшую конфликт, я, вопреки прогнозам, оставил в штате аппарата — и не пожалел. Свой вариант проекта положения о комитете дал для ознакомления и оценки Н. В. Федорову и бывшему руководителю аппарата А. С. Саломаткину — доктору юридических наук, профессору. Коллега после изучения материала выразился коротко: ни убавить, ни прибавить. Тогда я предложил доложить об этом председателю комитета. Докладывал профессор более пространно, с соответствующей юридической аргументацией и мотивацией. Федоров согласился, что документ подготовлен основательно и профессионально и будет поддержан членами комитета. В заключение шеф, обращаясь ко мне, сказал:

— Привлекайте Александра Сергеевича к работе. Он ценный для нас человек.

Вся «фишка», как выражается нынешняя молодежь, состояла в том, что Федоров не знал, кто автор документа, и полагал, что он подготовлен Саломаткиным. Тот же в свою очередь, как потом выяснилось, не мог предположить, что я не сообщу начальнику, как на самом деле готовился документ. Тем не менее было приятно ощущать себя равным среди юристов.

Однако вернемся к остальным нашим героям. На самом деле был один член комитета, который по моим критериям вполне годился на роль первого (но третьего по счету) заместителя, — представитель солнечной, степной Калмыкии Ми-

хаил Михайлович (в обиходе — Махал Махалыч) Капура. Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, известный адвокат. Его-то я и назвал, когда Н. В. Федоров решил поинтересоваться моим мнением.

— Я тоже думал о нем, — сказал Николай Василевич, — но его кандидатура не проходит. Перебор с адвокатами получается. Александров — адвокат и Капура — адвокат. Я разговаривал с Валентиной Ивановной, она просила обратить внимание на Рушайло, он уже дважды приходил с такой просьбой. Говорят, что у него «пуля в голове», но какой у нас выбор? Можете с ним побеседовать на эту тему?

— Разумеется, — отвечаю.

С этим предложением я пришел знакомиться с Владимиром Борисовичем. Встретил он меня гостеприимно: с чаем и печеньем. Я ему передал приветы от общих знакомых генералов, отставных, но в свое время хорошо известных в определенных кругах. Сделал это намеренно, дал понять, что не с улицы здесь появился, и чтобы «синдром Лыскова» не повторился.

Информацию о предстоящем повышении Рушайло воспринял спокойно, как должное, не удивившись. Из вежливости задал два-три вопроса о работе аппарата, сказал то, что мне хотелось услышать: о необходимости увеличения его численности. Я тут же показал подготовленную по этому вопросу записку и попросил доложить ее председателю палаты (в разговоре Рушайло как бы ненароком обмолвился, что может заходить в главный кабинет палаты по мере необходимости). Он согласился помогать, но тут же выставил встречную просьбу. Даже не просьбу — условие: зачислить в штат его помощницу.

— Да не вопрос, — отвечаю. — Добьемся увеличения штата, найдем место и вашей помощнице. Тем более что она юрист по образованию. Кстати, какое направление она может вести?

— Вы меня не поняли, — раздалось в ответ, и я столкнулся с взглядом, о котором приходилось слышать: жестким, немигающим, нацеленным в упор на собеседника (ощущение — словно на допросе у опера).

— Речь о том, — продолжил с нажимом собеседник, — чтобы зачислить ее в штат именно сейчас, и работать она будет не в аппарате, а на меня, как на специального представителя президента по вопросам Киргизии.

«Ну вот еще один представитель на мою голову появился», — с тоской подумал я, но решил не поддаваться давлению. Вслух же выразил удивление:

— А разве, — наивно спрашиваю, — администрация президента уже не обеспечивает его представителей помощниками?

Рушайло не придумал ничего лучше, чем сказать, что принято решение устраивать помощников за счет штатов по месту фактической работы представителя. Я даже не стал просить показать бумагу с таким решением. И так ясно было, что ее в природе не существует. Разговор скомкался, дружелюбность исчезла. Оба поняли: тут как раз тот случай, когда коса нашла на камень. Распрощались сдержанно, но я уже знал, что приобрел себе если не очередного врага, то уж точно не союзника.

В конечном счете Рушайло добился своего. Когда комитету после долгих переписок все же увеличили численность аппарата, Н. В. Федоров приказал мне две вакансии отдать под сотрудников, предложенных В. Рушайло и Б. Шпигелем.

— Надеюсь, должность моего заместителя сюда не входит? — уточнил я.

— Заместитель — это ваша прерогатива, — подтвердил мои полномочия начальник и добавил: — А их людям определить направления работы и спрашивайте, как со всех.

Интересная ситуация возникла. Обязанности я-то распределяю, а вот кто их выполнять будет? Я уже успел познакомиться с помощницей Рушайло Мариной Дмитриевной Зуйковой. Тоже, между прочим, генералом полиции. Весьма эффектная женщина. Ей за пятьдесят, но выглядит благодаря массажистам и тренажерам гораздо моложе. После того, как она откровенно мне призналась в том, что в законотворчестве слабовата и ни одно направление не потянет, мне стало ясно, как оказываются генеральские звезды на хрупких женских плечах. Выяснилось: раньше она числилась в штате комиссии Шпиге-

ля. Но тот как-то нелестно отозвался о выполняемых ею у Рушайло функциях. До мордобития дело не дошло, но ледяная стена в отношениях между сенаторами появилась.

Чего было не занимать «генералу Марине», так это умения найти подход к мужчине. Она и мне подсказала выход из создавшейся ситуации.

— Закрепите, — говорит, — для начала за нами эксперта по вопросам административного законодательства. Я поработаю с ним, потом сама справлюсь.

Что оставалось делать, повелся на женскую уловку: выделил в бессрочную «аренду» сотрудницу, которая стала исправно выполнять работу и за сенатора, и за его помощницу-генерала.

Роль самого Рушайло в законотворчестве заключалась в следующем. Возвращаясь к очередным заседаниям комитета и палаты после выполнения «специальных заданий президента» (злые языки утверждали, что большей частью они были связаны с охотой и рыбалкой), бывший главный милиционер страны внимательно слушал комментарии эксперта, уточнял и тщательно все вопросы и ответы конспектировал. Затем на заседаниях все это озвучивал, демонстрируя профессиональные знания и компетентность. Однако профессионалов, типа Михаила Капуры или самого Николая Федорова, подобный моноспектакль в заблуждение ввести не мог. Но существовало негласное правило: друг друга, особенно в присутствии сотрудников аппарата, не критиковать. На щекотливые вопросы отвечали эксперты, а сенаторы, которые не «в теме», с глубокомысленным видом кивали. Они же в первую очередь политики, а уж только потом профессионалы.

«Генеральский» прокурор

Другой «заговорщик» тоже перед тем, как заняться политикой, носил генеральские погоны с тремя звездами и штаны с лампасами. Что ни говори, а военная форма сидела на нем ладно. Да и сам Александр Николаевич Савенков был молодец хоть куда. Статный и румяный. Гренадер, одним сло-

вом. Не помню, за что его освободили от должности (говорят, очень легко отделался) главного военного прокурора — заместителя генерального прокурора, но это и не важно. Важно то, что из обоймы он, как отстрелянный патрон, не выпал. Нетрудно догадаться, почему, когда знаешь, кто его тесть.

Тестем же прокурорского генерала являлся не кто иной, как Егор Семенович Строев. Он всегда на заседаниях комитета справа от меня сидел, а я — по правую руку от председателя. Так протокол предписывал. О Е. С. Строеве написано много, и его имя еще долго будет вспоминаться летописцами истории современной России.

Мне приходилось не раз за свою карьеру пересекаться с «дедом» или, как его раньше называли, «орловским лисом» (политическое чутье у него было отменное) и по делам, и даже за рюмкой «чая» (после решения рабочих вопросов, естественно). В свое время он первым сориентировался в том, что введение института полпредов президента в регионах является мерой если не постоянной, то долговременной. Когда в кремлевских кабинетах возникла идея включить своих представителей в существовавшие тогда межрегиональные объединения губернаторов, Строев после недолгих переговоров идею поддержал, и первой она была реализована именно в «красном поясе», где его авторитет был непререкаем.

Тут стоит сказать, что «переговорщиком» Старая площадь направила меня, со всеми, как говорится, надлежащими полномочиями. Затем кремлевское начальство решило закрепить и развить орловский успех и, не откладывая дело в долгий ящик, отправило меня на Дальний Восток проводить аналогичную операцию. Ее я тоже, благодаря давним и добрым личным отношениям с тогдашним хабаровским губернатором Виктором Ивановичем Ишаевым, завершил успешно. При этом, не скрою, укрепил свой административный вес. И Строев, и Ишаев считались фигурами самостоятельными, сохранявшими независимость от Кремля. Правда, без уступок с нашей стороны не обошлось. Каждый из них получил в представители того, кого хотел. Но это ведь политика. В ней, как известно, без компромиссов не обходится.

Был еще один момент наших соприкосновений. В период очередной (не помню, какой по счету) реорганизации администрации президента группа губернаторов-сенаторов (в основном из числа дальневосточников) и других членов Совета Федерации рекомендовала меня Е. С. Строеву, избранному председателем палаты, на должность руководителя ее аппарата. Инициировал этот вопрос мой земляк, сахалинский губернатор Игорь Фархутдинов. Я в эту затею изначально не верил, но препятствовать не стал. Интересно было посмотреть, как поведет себя «орловский лис». Он вышел из ситуации красиво: позвонил, сказал слова о большом уважении, принес извинения за то, что не может выполнить просьбу очень им уважаемых людей. Вот если бы они немного раньше сказали, а так он уже пообещал....

В комитет по законодательству «дед» (после губернаторства) записался совсем не случайно. При всех его достоинствах и богатейшем опыте юриспруденция не была его стихией. Он прежде всего политик, управленец, хозяйственник — бесценная находка для любого другого комитета. Объяснялось все просто. Ему нужны были выходы на правоохранительные органы и связи в судебной системе, что обеспечивала работа в нашем комитете. Орловская земля начала гореть под ногами ее недавнего хозяина. Один за другим брались под стражу бывшие заместители Строева и люди из ближайшего окружения. Раскрывались действующие при нем коррупционные схемы. Его самого, при безусловной отмашке президента, мягко увели в сторону от грандиозного скандала, посадили в сенаторское кресло, которое, кстати, перед ним занимала его собственная дочь. Ее-то мужем и являлся генерал-полковник Савенков. Рассказывали, что когда над военным прокурором сгустились черные тучи, его пригласил к себе Егор Семенович и сказал:

— У тебя два выхода. Либо тюрьма, либо женишься на моей дочери. Выбирай.

Так прокурор и поменял военный мундир на штатский, сенаторский.

За достоверность изложенного не ручаюсь, но уверен в том, что возглавляемая в то время «красным» губернатором

Владимирская область без вмешательства знаменитого тестя никогда бы не рискнула выдвигать опального прокурора своим представителем в высший законодательный орган страны. Себе, как говорится, дороже.

В Совете Федерации Савенков обжился быстро, действовал напористо и целенаправленно. Дальновидно и своевременно стал «окучивать» благодатную во всех отношениях антикоррупционную тему. На этой стезе заявил о себе как об эксперте от юридической науки по данной проблематике. Он уже докторскую степень имел.

Первоначально при формировании структуры и положения о комитете это направление как самостоятельное не рассматривалось. Однако генерал проявил такую активность и настойчивость, что Николай Федоров, иронически поглядывающий на подковерную возню (цель которой была очевидна для всех — получить должность заместителя), дал отмашку: пусть и у нас будет свой борец с коррупцией. Правда, на счет кандидата на эту должность у председателя было другое мнение. Он попросил меня переговорить с М. Капурой. Однако тот сразу отказался, сказав, что будет работать по любым поручениям председателя без всяких должностей.

Получив небольшой руководящий пост в комитете, бравый генерал тут же вспомнил о своих армейско-прокурорских привычках. Моего заместителя Олега Савелова, совсем не юного человека (под сорок лет ему было), нагружал заданиями, как какого-нибудь новобранца. Потом через него стал передавать мне приглашения зайти. Я наивно удивлялся: он что, сам не может зайти? Ведь ему надо.

Олег специалист хороший, но по-интеллигентски мягкий, из науки на госслужбу пришел, мялся и объяснял: он все-таки генерал.

— И что? — вопрошаю у подчиненного и продолжаю: — У нас в комитете через одного все генералы. Что теперь, бросим работу и будем их обслуживать? У них для этого помощники есть.

— И вообще, — перехожу на официальный тон. — Вы, Олег Павлович, профессиональный юрист, и не мне вас учить, чем нужно руководствоваться в работе. Для чего существуют

регламент, положения о комитете и его аппарате, чьи поручения в соответствии с ними вы и другие сотрудники должны выполнять?

— Председателя комитета и ваши, — как студент-отличник, отвечает заместитель.

Я смягчаю напряжение и перехожу на неформальный тон, который установился в наших отношениях:

— Ты, — говорю, — Олег, не давай себе на голову садиться, денщика из себя делать. У нас своей работы невпроворот, не успеваем справляться. И за нее с нас обоих будут спрашивать по полной программе. Но, понимая трудность твоего положения, перевожу все стрелки на себя. Запомни сам и передай сотрудникам, что любое поручение от сенаторов должно согласовываться со мной. Савенкову же скажи, что я пообещал тебя наказать, если ослушаешься. Я ведь тоже какой-никакой, а «генерал».

Не знаю, в какой форме были переданы мои слова, но Савенков вскоре пришел для выяснения отношений. Следует отдать ему должное — конфликтовать он не стал, видимо, решил, что лучше жить в дружбе, чем воевать с очень уверенным в себе «начальником штаба».

Дружбы у нас не получилось, но отношения до поры сохранялись ровные. Он почему-то был уверен, что от моего влияния (чего в принципе не могло быть) на Н. В. Федорова зависит назначение его первым заместителем. Постоянно просил поговорить об этом с председателем. В конце концов я пообещал. А поскольку привык всегда держать слово, то вышел на разговор с Николаем Васильевичем. Тот не стал даже рассуждать на эту тему, просто посмотрел на меня и спросил:

— Вы сами-то слышите, что предлагаете?

Какую, пришлось врать генералу, придумывать какие-то правдоподобные причины.

Все же одна рабочая стычка между нами случилась. Както из делопроизводства мне принесли кипу бумаг с резолюцией Савенкова: «Прошу подготовить ответы авторам».

— И в чем проблема? — спрашиваю сотрудника. — Наверное, генерал оставался на хозяйстве и расписал. Он лю-

бит это дело. Я сам его иногда прошу, когда других замов нет на месте.

Мне объясняют, что обращения ни в отделе писем Совета Федерации, ни в нашем комитете не зарегистрированы. Адресованы они лично Савенкову, и где он их получил, неизвестно. Стало быть, сам и должен на них и отвечать, не брать пример со Шпигеля.

Неужели, думаю, они действительно объединились? Беру бумаги и в соседний кабинет. Он за стенкой находился, так что мы о присутствии друг друга всегда знали. Решил покуражиться. Хотя мы давно уже были на «ты» и обращались без церемоний, я громко постучал, открыл дверь и попросил разрешения войти.

— Чего это ты вдруг стучишься? — удивился генерал.

Но я уже вошел в роль и продолжаю:

— Товарищ генерал-полковник, разрешите задать вопрос: вы вступили в армию Шпигеля и решили воевать со мной двумя фронтами?

— Что?! — чуть ли не взревел от возмущения «гренадер», — Да я с ним на одном поле...

Дальше последовала длинная ненормативная фраза. Дождавшись паузы, протягиваю ему принесенные бумаги и вежливо спрашиваю:

— Тогда скажите, пожалуйста, как это понимать?

Разобравшись, в чем дело, Савенков, пообещав взгреть помощника, стал молча пихать письма в бумагорезательную машину. Опустив последний листок, повернулся ко мне и спросил:

— Еще вопросы будут?

— Лично у меня нет, — ответил я, разворачиваясь к выходу, и добавил: — Разве что у авторов писем возникнут.

— Это уже мои проблемы, — услышал я, закрывая за собой дверь.

Последний наш серьезный разговор состоялся по следующему поводу. Как-то в апреле после заседания комитета Савенков подвел ко мне нового члена комитета — сенатора от Красноярского края Андрея Клишаса. Познакомил и попросил помочь тому организовать «круглый стол» по обсу-

ждению проекта федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации.

— А как ты себе это представляешь? — спрашиваю Савенкова и уже для новичка напоминаю о существующих правилах: — Ведь проведение подобных мероприятий утверждает совет палаты. Матвиенко к любым изменениям в утвержденных планах относится крайне отрицательно. Вряд ли она поддержит эту идею.

— Да, это так, — вынужден был подтвердить Савенков и попросил (видимо, уже пообещал своему давнему знакомому решить вопрос): — Придумай что-нибудь.

— Хорошо, — подумав, согласился я и предложил провести расширенное заседание экспертного совета при нашем комитете. Мои собеседники охотно поддержали предложение. Сразу договорились, что я беру на себя вопросы обеспечения помещения для работы, а они — все остальное. Договорился о предоставлении зала для заседания, что было совсем не просто, поскольку все расписывалось под плановые мероприятия. Дал соответствующие поручения сотрудникам и занялся неотложными делами. В последний день недели (а заседание совета должно состояться в предстоящий понедельник) мне сообщают, что мероприятие не состоится. Самого Клишаса на месте нет, а его помощники передали, что он решил перенести обсуждение вопроса. Мол, у него другие дела появились.

Иду за объяснениями к соседу. Тот на мой вопрос только руки разводит: дескать, он здесь ни при чем, он только хотел коллеге помочь. Признаюсь, не сдержался. На доходчивом для любого служивого разговорном русском языке объяснил генералу, что он, подписавшись за нового члена комитета, подставил не только меня лично, но в целом комитет. Кто-то обязательно нанесет нам «метку», будет приводить как пример неумелой организации работы. Такова, увы, аппаратная жизнь. Ошибок здесь не прощают. Их накапливают до поры до времени, чтобы в нужный момент вывалить кучей на голову очередной мишени для расстрела.

Я, конечно, урегулировал с соответствующими структурами этот срыв мероприятия, но выводы для себя определенные сделал. Оказалось, не напрасно.

Олигархи-законотворцы

Не знаю, как воспринимают в других странах с развитой демократией тот факт, что законы для народа, большая часть которого, как правило, не процветает, утверждают люди далеко не бедные.

Вот и у нас кому-то в голову пришла мысль, что все наши неудачи от того, что управляют государством личности, которые сами в жизни не добились ничего. Имеется в виду — не разбогатели, состояния не сколотили. Так во власть начали внедрять «успешных бизнесменов».

В начале пресловутых демократических преобразований в стране, да и по сию пору, либералы-экономисты, как мантры, твердили и твердят о том, что государство — плохой менеджер. Не потому, что оно тоталитарное, авторитарное, либо еще какое-нибудь, а по своей природе. И только установление частной собственности, приход к управлению всеми процессами нового класса управленцев (по-современному — менеджеров) приведет нас к светлому будущему. Многие (и я в том числе) поддались на ежечасно вдалбливаемые в мозги заклинания. Просветление наступило не сразу, а через годы, когда «эффективные менеджеры» типа Анатолия Чубайса растащили экономику страны по углам.

Откровенно говоря, меня изначально смущало утверждение о государстве как о плохом менеджере. Полагаю, здесь сказались издержки образования и профессии, поскольку я не экономист, а гуманитарий и работаю большей частью со словом. А слово «государство» носит для меня (как, думаю, и для большинства граждан) абстрактный характер, который конкретизируется через законы, принимаемые властью, и реальных людей, наделенных властными полномочиями и управляющих страной. Таким образом, получаются, что не государство является менеджером, а те, кто застолбил места у властного Олимпа: депутаты, сенаторы, министры и прочая несметная чиновничья рать. Именно они управляют страной по всем направлениям. По моему неэкономическому разумению, с них и должен быть спрос. Чего на государство стрелки

переводить? Оказывается, есть в этом большой резон. Опять же, чисто экономический. А если точнее — шкурный. И вот тому конкретный пример.

Директор Института проблем глобализации, д. э. н. Михаил Делягин (известный экономист и публицист) исследовал вопрос об эффективности участия чиновников в государственных компаниях. Общество давно убеждают в том, что пользы от этих чиновников мало, они-де просто отбывают некую повинность, формально числясь в различных советах. А кое-где еще и деньги получают за факт своего присутствия. Возможно, так оно и есть, сверху-то виднее. В общем, возникло решение избавиться от такого балласта и заменить его на успешных управленцев из бизнеса, имеющих за плечами позитивный опыт. Проводить решение в жизнь было поручено главе Росимущества Ольге Дергуновой. На государственную службу она пришла из бизнеса. Прежде возглавляла российское представительство «Майкрософт», руководила структурными подразделениями различных банков. В бизнес-кругах считается чуть ли ни эталоном эффективности менеджмента. Ей, как говорится, и карты в руки. Да только эти самые «карты» не стали ложиться в кадровую колоду бизнес-леди.

«...Уже через полтора года, — пишет М.Делягин, — в декабре 2012 года правительство... решило вернуть чиновников в советы директоров государственных компаний. Причина смены курса была проста: необходимо было усилить контроль за государственными компаниями».

Надо полагать, воровать стали. Иначе зачем контроль усиливать?

Далее пыливый ученый-экономист выяснил, что «эффективные менеджеры» от бизнеса готовы работать в основном в успешных государственных компаниях, где и без них дела идут более-менее гладко. А вот туда, где их знания и опыт нужны больше всего, — в государственные компании, сталкивающиеся с реальными проблемами, — «эффективные менеджеры» от бизнеса... идти совсем не хотят.

Собственно, удивляться не приходится. Интересы бизнеса и государства совпадают очень редко. Но дело даже не в этом. Меня в исследовании профессора привлек факт, кото-

рый сам автор попытался объяснить в достаточно деликатных выражениях, хотя во многих своих публичных выступлениях он, не стесняясь, называет вещи своими именами. Возможно, здесь он поскромничал в оценках, поскольку речь шла о женщине — Ольге Дергуновой. Точнее, о роли в процессе управления государственным имуществом главной за ним «смотрящей». С подачи управляющей российским добром государственный бюджет недополучил миллиарды доходов от приватизации. Куда же они делись? Оказывается, ушли на поддержку бизнесменов, которые выкупили по очень приемлемой (читай заниженной) цене государственные предприятия. Действовала следующая схема: выручка, полученная государством от приватизации, направлялась не в бюджет, а на развитие уже приватизированных компаний. То есть щедрой рукой госпожи Дергуновой государство одаривало крупный бизнес, лишая регионы возможности хоть как-то закрыть социальные дыры. Правда, число российских миллиардеров неуклонно растет. При этом высокопоставленная чиновница откровенно и цинично заявляла: «Нам неважно, куда пошли эти средства — в федеральный бюджет напрямую или на докапитализацию компании... Для нас эффективная продажа акций — их отчуждение — главная задача...».

Ведая или не ведая того, намеренно или нет, но глава Росимущества призналась в том, что она обслуживает интересы крупного капитала, представителем которого она до недавнего времени была и которым, судя по всему, так и осталась.

Подобного рода «эффективных менеджеров» впору называть «засланцами». Их крупный бизнес расставляет всюду, где появляется возможность нарастить капиталы. В правительстве, рядом с президентом появились фигуры, только задекларированное состояние которых исчислялось сотнями миллионов «зеленых» рублей. В обеих палатах российского парламента финансовые посты на долгие годы «застолбили» скороспелые богатеи. В Думе это, например, бессменный депутат последних созывов Владислав Резник, контролирующий финансовые рынки. Личность, мягко говоря, одиозная. Скандальных историй вокруг него — немерено. Однако непотопляем, как айсберг. И даже тот факт, что его супруга — гра-

жданка США и возглавляет российский филиал одного из американских банков, никого во власти не вводит в смущение.

Совет Федерации какое-то время представлял собой настоящее пристанище миллиардеров. Когда во главе банковского комитета был поставлен один из крупных банкиров Дмитрий Ананьев, я поразился логике кремлевских дирижеров. Ведь это примерно то же, что запустить лису в курятник или просить кота стеречь сметану. А для укрепления ему назначили первым заместителем еще одного банкира — Глеба Фетисова. Видимо, полагали, что в четыре руки на финансовых рынках легче играть будет. Играли они, безусловно, под заказ, идущий из Кремля, но были попытки настроить банковскую систему и в своих интересах.

Как-то комитет по финансовым рынкам обсуждал законопроект о деятельности банков. Сенаторы-банкиры усмотрели в нем ущемление своих интересов и приняли отрицательное заключение. Не успели разойтись, как в Кремле стало известно о назревающей фронде (для этого имелись свои люди). Ананьева срочно вызвали на разборки «за зубцы». Те, кто видел после кремлевской «бани» Ананьева, удивлялись, как у него борода не выпала. Членов комитета по тревоге собрали вновь и переделали заключение, как было велено сверху.

Но ведь за каждым шагом законодателей не уследишь, тем более за каждой запятой в законе. Есть же исторический пример о смертоносном значении знака препинания. Специалисты знают, как благодаря юридической казуистике можно обесмыслить любой закон. Заплати экспертам и кому нужно, и вся недолга.

Утверждение о том, что люди, сумевшие создать себе богатство, доказали на деле свою состоятельность и поэтому лучше других знают, как управлять государством, мне представляется полной чушью. Всем известно, как в современной России создавались миллиардные состояния. Причем в беспрецедентно фантастические сроки. Одним словом, такое обогащение называется воровством.

Интересно то, что государственная служба ни в коей мере не мешала расти состояниям чиновников. Наоборот, формально работая за государственное вознаграждение, они

умудрялись в разы увеличить личное богатство. И это второй аргумент, подтверждающий известную аксиому, что главная цель капитала — умножение и наращивание самого себя.

...В марте 2012 года в нашем комитете появился новый член, красноярский бизнесмен, титулованный юрист Андрей Александрович Клишас. Угадал он со своим назначением ровно к заседанию, на котором предстояло обсудить проект федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Для рядового российского обывателя название этого закона, как и большинства других, мало о чем может говорить. Между тем специалисты считают его вторым по значению нормативным актом государства после Конституции страны. Его называли самым стабильным законом, который за пятнадцать лет после принятия претерпел наименьшее количество изменений.

И вот пришла очередь и его кардинально пересмотреть с учетом сложившихся реалий. Наибольшее количество предлагаемых изменений не затрагивали интересы граждан, а касались бизнеса. Отсюда огромный интерес последнего к новому закону, устанавливающему правила всей предпринимательской деятельности.

Перед заседанием в кабинет к Н. В. Федорову пришел докладчик по вопросу Вениамин Федорович Яковлев. Отечественной и мировой юридической общественности его имя хорошо известно благодаря многочисленным научным трудам. В стране его помнят как председателя Высшего арбитражного суда. Мы с Федоровым его знали с советских времен, когда были народными депутатами СССР. Видимо, по этой причине Николай Васильевич и предложил мне остаться при разговоре. Какие, мол, секреты среди старых знакомых.

То, что рассказал руководитель президентского совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, не носило грифа «секретно», но и в средствах массовой информации отражалось чрезвычайно скупое. Речь шла о беспрецедентном давлении, которое оказывалось на ученых, авторов законопроекта, со стороны представителей крупного капитала.

— А что же президент (им тогда был Д. Медведев. — *Прим. авт.*), не помогает отбиваться? — спросил Федоров и напомнил: — Это же его инициатива — менять кодекс.

— Помогать-то помогает, — отвечает Яковлев, — да что толку. Одну атаку отобьем, с другой стороны наваливаются. Сейчас вроде вышли на финишную прямую. Дай Бог, осенью дума примет наш многострадальный кодекс.

Не угадал, просчитался старый опытный юрист. Ошибся как минимум на год в предполагаемых сроках. И не только в сроках. Значительным образом трансформировались изначально предлагаемые лучшими отечественными учеными-юристами формулировки и нормы. Где-то посредством запятой, а где-то — полностью новым текстом.

Кто вмешался в законотворческий процесс, догадаться нетрудно. Крупный бизнес бросил в жизненно важный для себя бой с государством лучшие свои кадры. Возможно, ключевой фигурой и стал молодой и, безусловно, очень талантливый бизнесмен-юрист Андрей Клишас. На самом деле, нужно иметь незаурядные способности и деловую хватку, чтобы в такие-то годы возглавить крупнейшую не только в стране, но и в мире горно-металлургическую компанию «Норильский никель». При этом еще и преподавать юридические науки. «Спецназ», одним словом. Но понятным его истинное предназначение в высшем законодательном органе стало несколько позднее.

Едва эта незаурядная личность появилась на горизонте Совета Федерации, у меня состоялся разговор о ней с рядом ведущих юристов Совета Федерации, опытных аппаратчиков. Нарботанный годами авторитет позволял им заходить во многие высокие кабинеты и одними из первых получать свежую информацию. Мы часто вели неформальные разговоры «за жизнь» за чашкой кофе. В одной из таких бесед обсуждали кандидатуру красноярского новичка. Я высказал предположение, что он прислан на замену Н. В. Федорову. Предположил интуитивно, без каких-либо доказательств своей версии. Кстати, когда сказал об этом Федорову, он просто отмахнулся: мол, это настолько несерьезно, что и обсуждению не подлежит. Но прожженные аппаратчики оказались менее категоричными. После осторожных размышлений вслух

дипломатично подтвердили, что такая гипотеза имеет право на существование. Понимай как хочешь: соглашаются они со мной или по выработанной привычке оставляют за собой возможность скорректировать мнение?

Но главное состояло в другом: никто из нас не смог найти ответ на вопрос, зачем успешному бизнесмену понадобилось лезть в законотворческую рутину? Это даже не шло на мыло менять. Это самопожертвование какое-то получается. Но в подобные сказки мы давно уже перестали верить.

Все «срослось» и встало на свои места после разговора с В. Ф. Яковлевым и всплеска необычайной активности нового сенатора в вопросах модернизации Гражданского кодекса.

Несостоявшееся заседание экспертного совета, на проведении которого настаивал «новобранец», и стало началом аппаратного конфликта, закончившегося передачей власти над ключевым комитетом законодательной палаты в руки ставленника олигархического капитала. Впору употребить слово «агент». Он взял управление процессом внесения изменений в гражданский кодекс под жесткий личный контроль. Так, собственно, и должно быть. Особенно когда речь идет о масштабных государственных вещах. Вопрос в другом: насколько при этом соблюдаются государственные интересы? Не умаляются ли они в пользу олигархического капитала? И здесь мнения экспертов расходятся.

«Рабочие лошадки» комитета — специалисты, которые занимались внесением поправок в проект Гражданского кодекса, рассказывали, что переписывали его чуть ли не чистого листа. Другой эксперт — сенатор М. М. Капура (при Н. В. Федорове по решению комитета руководивший всей работой над данным вопросом) — остался не у дел. В начале его мягко отстранили от возложенных ранее обязанностей, а затем и вовсе лишили сенаторских полномочий.

Мне было интересно узнать мнение одного из авторов «экономической конституции» В. Ф. Яковлева о внесенных в нее поправках. В первую очередь, на кого они будут «работать» — на народ или крупный капитал?

До самого Вениамина Федоровича дозвониться не смог, сколько ни накручивал правительственную «вертушку», но в

Интернете нашел его достаточно осторожное, но с прозрачным намеком высказывание. Он говорил, что российское общество — это общество с разнонаправленными интересами, и сегодня многие социальные группы способны реально и не всегда позитивно влиять на принятие определенных поправок.

Очень «аккуратно» выразился многоопытный юрист. Прямо-таки эзоповым языком. Никакой конкретики: поди догадайся, кого он имел в виду под «социальными группами», способными реально изменить «вторую конституцию»? Наверняка не учителей, медиков, артистов и прочую творческую интеллигенцию. Не думаю, что к названным «социальным группам» относится трудовой люд в различных его ипостасях и вообще большинство рядовых россиян. Партии тут тоже вроде как ни при чем. Молчат, будто их не касается. Странно то, что и оппозиция неразговорчива по этому вопросу, несмотря на выборную кампанию в регионах и столице страны. Где же все-таки пресловутые «социальные группы», от которых зависит судьба закона, прячутся? Лично у меня ответ только один: в крупном бизнесе.

Но есть в этой истории и другие любопытные совпадения. Они наводят на мысль, что в аппаратной игре замешаны очень крупные игроки и сделаны очень высокие ставки. Настолько высокие, что ставят на второй план высказанную версию. Не буду интриговать читателя: речь идет о крупных медно-кобальтово-никелевых месторождениях в центре России — в Воронежской области. В схватке за них столкнулись два промышленных гиганта страны: «Норильский никель» и Уральская горно-металлургическая компания (УГМК).

Это такие игроки, что им лучше не попадаться на пути: сметут и не заметят. Так получилось, что УГМК, выиграв конкурс на соответствующих аукционах, первой оказалась на хоперской земле и приступила к геологоразведочным работам на перспективной поляне. Только недолго эта разведка проводилась. Вдруг откуда ни возьмись налетели странные экологи в белых масках и с рюкзаками, набитыми «коктейлями Молотова». Под митинговый шумок пожгли, погромили стан геологоразведчиков, уничтожили оборудование, буровые, и

утекли восвояси. Позже выяснилось — в соседние регионы. Полиция только руками разводила: профукали зачинщиков.

Какая связь между законотворчеством и погромами? Да никакой. А вот между появлением на посту председателя правового комитета СФ и происходящими событиями она прослеживается. Так повелось в современной России, что у каждого экономического конфликта имеется свое судебное-правовое сопровождение. И у кого оно крепче, тот, считай, и победил. А где им лучше заручиться, как не в ключевом комитете высшего законодательного органа страны? Разве что в президентской администрации? Но туда попасть гораздо сложнее. И тут очень своевременно, перед началом «боевых действий», оставляет свой пост глава «Норильского никеля» Андрей Клишас и плавно перемещается в кресло председателя правового комитета, через который проходит утверждение в должности руководителей фактически всех высших судов страны. Разве такой маневр не может свидетельствовать об укреплении правовой составляющей одной из воюющих за недра сторон? По-моему, вполне.

Две версии. И каждая из них — отнюдь не из области фантастики.

...Поначалу меня удивило то, что эти люди (по большому счету, презирающие друг друга) объединились против моей скромной персоны. Кто они, а кто я? Чиновник средней руки, а тут — высокопоставленная знать. Пыль, как говорится, под их ногами. Тем более что «пыль» сама сдуваться собирается. Ради чего усилия прилагать? Подожди недельку-другую и дыши в полную грудь.

Мотивация Савенкова была простой и понятной, как армейский устав. Он страстно хотел закрепиться в сенате и получить здесь очередную «звезду». В военной прокуратуре он их нахватал — на погонах едва умещались, а на «гражданке» не получалось. С появлением конкретного претендента на должность председателя комитета — давнего знакомого — открылась возможность укрепить свое положение и смести с пути не очень уступчивого чиновника. Из рассказанного видно, что и у других персонажей не было никаких оснований меня поддерживать.

И все же после некоторых размышлений над этой странной ситуацией я пришел к выводу, что дело, видимо, вовсе не во мне, а в моем бывшем начальнике Н. Федорове. Меня могли считать инструментом в его руках. Никто, мне кажется, не допускал мысли, что мы просто одинаково смотрим на некоторые вещи: на вранье, лицемерие, продажность, коррумпированность, на тот же гомосексуализм.

Не мне, а Федорову не могли простить его компетентность, профессионализм, взыскательность и требовательность. Но он был недосыгаем для «мстителей». Все знали, чья у него «крыша». Потому решили уязвить его через меня. Так представлялось. Мне недвусмысленно давали понять, чтобы я освобождал место. Что я и сделал.

МОИ «КОСЯКИ» В МИНСЕЛЬХОЗЕ

Вместо предисловия

Из сообщения на сайте «FISHNET»: «Из информированных источников в Минсельхозе стало известно о предстоящей отставке советника министра Виталия Гулия, занимающегося вопросами рыбной отрасли. ...Эксперты в недоумении и по-разному оценивают предстоящую отставку одного из приближенных к министру чиновников. Есть неподтвержденное пока предположение, что у него не сложились рабочие отношения с курирующим отрасль замминистра Игорем Маныловым. Явных проколов за советником никто не припомнит. Наоборот, отмечают его доступность, открытость и стремление разобраться в рыбацких проблемах, нечуждых бывшему сахалинцу. ...Похоже, что новая кадровая министерская лодка дает течь не в лучший для себя период взаимоотношений с агентством по рыболовству».

Появление на одном из рыбацких сайтов заметки о моей предстоящей отставке если и стало для кого-то неожиданностью, то только не для меня. О том, что конфиденциальная информация из министерства утекает постоянно, я знал давно. Знал и о том, к кому она с завидной оперативностью попадает в первую очередь. Но разговор с замом был тет-а-тет. Договорились до приезда министра и принятия им решения не распространяться. Как тут не вспомнить штандартенфюрера Мюллера из популярного советского фильма.

Так что расхожая фраза о том, что жизнь полна неожиданностей, не всегда верна. Порой действительно кажется, что в отдельных случаях жизнь застает врасплох. Однако по прошествии некоторого времени и размышлений оказывается, что все эти неожиданности вполне ожидаемы и предсказуемы.

...Приглашение на встречу с министром, с последовавшим затем предложением трудоустроиваться, застало меня на рыбалке. Причем в очень волнующий, эмоционально насыщенный для рыболова-любителя момент. В это время я находился на одном из подмосковных прудов и после получасовой борьбы вытащил четырехкилограммового карпа.

Позвонили от министра, когда достаточно редкую для этого водоема добычу замеряли, взвешивали и фотографировали. Будь звонок во время выживания — точно бы не ответил. А так, как говорится, ноги в руки, наспех смотал удочки и помчался на неожиданную, но, чего таить, очень желаемую встречу. Так в рыбацком камуфляже и появился в приемной министра, чем вызвал немалое удивление присутствовавших там чиновников.

Оформился быстро, но поскольку о конкретном участке работы министр со мной речи не вел, сказав, что определится позже, то пару дней изучал проблемы сельского хозяйства в теории, по документам, хотя определенная практика работы в этой отрасли за спиной все же была. В журналистике я начинал как аграрник. В надоях, урожайности, зяби, озимых, сенаже, силосе и прочих компостах ориентировался неплохо. Благо всегда рядом наставник был — отец. Он всю жизнь селу отдал. Начинал агрономом, закончил крупным по областным меркам агроуководителем.

Пока я прикидывал, где шеф меня задействует, он, встретив меня у кабинета, предложил поделиться соображениями о перспективах развития не отечественного животноводства, а рыбохозяйственного комплекса. Видимо, ему было кое-что еще известно помимо моего увлечения любительской рыбалкой. Впрочем, нетрудно догадаться, что жизнь коренного островитянина не может протекать мимо главной отрасли — рыбной. Действительно, в свое время мне достаточно много пришлось заниматься рыбацкими проблемами: от воспроизводства лососевых до промысла. В разном качестве. И на путине не раз бывал, и в море с рыбаками выходил. И как рядовой рыбак, и как народный депутат великой тогда еще страны. Как представитель главы уже нового государства и как

заместитель полпреда президента на Дальнем Востоке. Так что врасплох меня министр не застал.

Соображения были, равно как и понимание ситуации, которая сложилась в результате передачи ряда функций и полномочий от Росрыболовства Минсельхозу.

Словом, соответствующую аналитическую записку я подготовил и после этого стал восприниматься в министерстве как «советник по рыбе». По факту деятельности, без всяких формальных распоряжений на этот счет. Просто «рыбные поручения» исполнителям стали направляться и мне для сведения.

Конечно же, в роли эксперта по рыбным вопросам я себя не видел и не пытался таковым себя позиционировать. Больше тяготел к аналитике, взаимодействию с профессионалами, контакты со многими из которых сохранил, созданию при министре постоянно действующего общественного экспертного органа. Именно на это обращал я внимание в своей записке, состоящей из двух частей. В первой был сделан анализ положения дел в рыбопромышленном комплексе страны. Во второй высказывались предложения поэтапных действий министерства по установлению контроля и повышению эффективности управления отраслью.

Возможно, это был мой первый «косяк». Я попытался в представленных ниже заметках, подкрепленных записками, направленными министру, проанализировать «косяки», которые послужили, на мой субъективный взгляд, сколь неожиданным, столь же и ожидаемым основанием для моей отставки.

Итак, по порядку.

«Косяк» № 1. Рыбсовет без министра

Как уже было сказано, моя первая записка министру состояла из двух разделов. В первом излагались наиболее актуальные рыбацкие проблемы. Во втором — предлагались некоторые первоочередные меры, которые позволили бы снизить накал страстей по поводу переподчинения Росрыболовства Минсельхозу.

На мой взгляд, не следовало затягивать вопрос с назначением руководителя агентства на должность заместителя министра. Наоборот, стоило бы ускорить этот акт, предварив его манифестом «о самостоятельности», своеобразной декларацией разумной самостоятельности агентства, укрепляющей статус его руководителя.

Далее предлагалось сохранить за ФАРОм полномочия по выдаче разрешений на промысел и закреплению квот за рыбодобывающими предприятиями. В соответствии с законом «О рыболовстве...» передать полномочия субъектам Федерации в части оперативного управления промыслом дальневосточных лососей. Наделить территориальные органы ФАР полномочиями представителя агентства с подчинением ему всех иных структурных подразделений на данной территории (поубавилось бы чиновников на местах, за счет чего можно было бы увеличить численность рыбоохраны).

Но первым шагом должно было стать создание при министре общественного рыбохозяйственного совета в качестве постоянно действующего консультативного органа для обеспечения согласованных действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной субъектов РФ в вопросах развития рыбохозяйственного комплекса.

Иначе трудно было представить, как без привлечения опытных «спецов» (каковых на тот момент в министерстве фактически не было) можно решать поставленные задачи по управлению очень специфической отраслью.

Я писал министру, что, «сохраняя на текущий момент управляемость отраслью, министерство рискует в долгосрочной и даже среднесрочной перспективе ее потерять. Прежде всего, из-за отсутствия полноценного структурного подразделения, способного профессионально и оперативно решать поставленные перед министерством задачи и текущие вопросы». Напомнил, что в свое время соответствующий департамент Минсельхоза насчитывал более 50 квалифицированных сотрудников. Поэтому, воспринимая нынешнее распределение «рыбных обязанностей» внутри министерства как меру

временную, диктуемую обстоятельствами, важно не допустить, чтобы она стала постоянной.

Предназначение экспертно-консультативного совета, по моему представлению, должно было состоять в том, чтобы помочь министру сформировать собственную позицию и личное мнение по важнейшим для рыбохозяйственного комплекса вопросам и сверить их с мнением иных источников информации, которое по разным (как объективным, так и субъективным) причинам может быть искаженным. Роль совета выделась также и в том, чтобы по поручению министра либо давать оперативную экспертную оценку, либо обстоятельно прорабатывать вопрос, имеющий особую актуальность на текущий момент или в перспективе. В качестве примера я привел ситуацию на родном мне Сахалине, где накануне лососевой путины была сделана попытка ввести ограничения на вылов горбуши на ряде промысловых участков. В возникшем споре позиция Росрыболовства, основанная на заключениях его территориальных органов, была диаметрально противоположной позиции местных рыбопромышленников. Кто из них прав — из министерства определить непросто. А если в качестве арбитра привлечь к спору независимых экспертов, территориально близко находящихся к «месту происшествия», то и вопрос можно решить без неизбежных и порой дорогостоящих (репутационно — для министерства, материально — для рыбаков) бюрократических издержек. Забегая вперед, скажу, что так и произошло. Местечковый, по сути, конфликт после того, как рыбаки, не дождавшись от министерства поддержки, вышли на митинги, приобрел всероссийское звучание. В него были вовлечены два министерства, федеральное ведомство, полпред президента, генпрокуратура и президентская администрация.

Структура совета состояла из десяти основных направлений рыбохозяйственного комплекса, «закрываемых» двумя экспертами. Предлагаемый мной принцип формирования совета заключался в вовлечении в него максимума «спецов» при минимальном количестве чиновников. Как министерских, так

и занимающих различные посты в рыбацких ассоциациях и союзах. Участие последних не возбраняется, а, наоборот, приветствуется. Но орган должен быть рабочим, а не представительским. Предложил следующие критерии при подборе кандидатур:

- профессионализм, личный практический опыт (для бизнеса — конкретные положительные результаты);

- неангажированность (отсутствие явных узкогрупповых интересов), выражение независимых мнений суждений, позиций;

- адекватность, способность к разумному компромиссу;

- отсутствие в «истории» эксперта криминала.

Министр без особого интереса, как мне показалось, отнесся к этому письму. Расписал его «для оценки целесообразности» двум своим замам, которые, кстати, к отрасли не имели никакого отношения. Оно пролежало у них без движения изрядное время. И только после того, как «рыбалку» официально закрепили за Игорем Маныловым и он прочувствовал остроту вопроса, мне удалось убедить курирующего зама в необходимости создания «рыбсовета». Пришлось, правда, согласиться с некоторыми коррективами в первоначальный вариант положения о совете. Создавать его решили не при министре, а при министерстве, и возглавил его курирующий заместитель министра. Зато удалось отбить предлагаемую заместителем министра 30-процентную квоту чиновников. Их на 19 членов совета осталось только трое.

На первый взгляд, поправки внесены несущественные, формальные. Но это не так. Создание общественного органа при главе ведомства предполагает некоторую независимость членов этой структуры от других чиновников. В противном случае избежать влияния аппарата на решения совета, как у нас водится, будет гораздо сложнее. Что, собственно, и проявилось после первого же заседания. Решения по обсужденным на первом заседании вопросам подверглись рукой замминистра существенной правке. Благо я успел разместить на сайте департамента оригинал.

Ну а через месяц случилось следующее. Воспроизвожу очередную записку министру.

«Уважаемый Николай Васильевич!

В соответствии с согласованным с Вами планом работы Совета по вопросам развития рыбохозяйственного комплекса при Минсельхозе России очередное заседание Совета было запланировано (письмо о согласовании даты проведения и рассматриваемых вопросов прилагается) на 25 января с. г.

Однако сегодня (15.01.2013 г.) председатель Совета, первый заместитель Министра И. Е. Манылов предложил перенести заседание Совета на неопределенное время. Объяснения причин подобного переноса не последовало.

Между тем члены Совета в соответствии с регламентом информированы о дате заседания почти месяц назад и основательно готовились к обсуждению поднятых ими проблем.

Полагаю, что немотивированные переносы заседаний (особенно в начальной стадии работы) общественного органа, на объективные экспертные оценки которого Министерство не без оснований рассчитывает, не только нежелательны, но и недопустимы.

Невозможность личного участия председателя в заседании Совета не является веской причиной переноса заседания. В соответствии с положением о Совете в отсутствие председателя его обязанности исполняет заместитель — М. О. Орлов.

Должен отметить, что создание при министерстве рыбохозяйственного совета было встречено в рыбацкой среде с большой заинтересованностью. Широкий отклик и обсуждение получили вопросы, рассмотренные на его первом заседании. Рыбакам импонирует открытость, с которой работает совет, его доступность. Состав общественного органа и продекларированные намерения многим рыбакам вселяют уверенность, что их чаяния будут своевременно услышаны, а интересы соблюдены.

В то же время любой сбой в его работе даст повод критикам министерства для обвинений в формализме, создании декоративных структур, что приведет к неоправданным репутационным потерям, которых мы должны избегать.

В связи с изложенным прошу Вас согласовать проведение очередного заседания рыбохозяйственного совета

25.01.2013 г. в Минсельхозе России по утвержденной повестке (прилагается).

Советник Министра,
ответственный секретарь Совета В. В. Гулий.

15.01.13 г.».

Заседание совета все же состоялось в установленный срок, но уже без моего участия и по другой повестке. Руководство в соответствии с новыми веяниями в срочном порядке решило «пропустить» через общественность проект госпрограммы по рыболовству. Проработать четырехсотстраничный документ за два дня не просто даже специалисту. Но, говорят, обсуждение прошло успешно. Кто бы сомневался! В конце заседания председатель сказал, что теперь в совете будет новый ответственный секретарь.

...Через год открываю сайт Минсельхоза и нахожу свою фамилию в составе рыбсовета. Оказывается, меня никто не освобождал от должности ответственного секретаря. То ли забыли, то ли посчитали, что еще могу пригодиться? Скорее всего — первое. В противном случае приглашали бы на заседания (их за год аж три прошло). Так или иначе, общественный орган не стал для министерства тем инструментом, каким он задумывался.

«Косяк» № 2. Палата предъявляет счет

В августе 2012 года вице-премьер А. Дворкович поручил Минсельхозу, а также четырем другим министерствам и ведомствам, рассмотреть доклад председателя Счетной палаты С. Степашина по вопросу поэтапного сокращения дрифтерного промысла анадромных видов рыб в исключительной экономической зоне России.

Справка. Дрифтерный лов — лов рыбы с промысловых судов — дрифтеров. Некоторые рыбы (сельдь, макрель, лососи и др.), обитающие в пелагиали (среде обитания планктона), обычно держатся разреженно. Лов такой рыбы производится

с помощью плавных или, как их чаще называют, дрефтерных сетей, обладающих свойством задерживать прикоснувшихся к ним рыб. Пытаясь пройти сквозь сеть и не ощущая сетного полотна как преграду своему движению, рыба натягивает ячею на себя до плавников, поэтому не может передвигаться дальше вперед. При попытке отойти назад рыба не может снять с себя ячею.

Из сопровождающей копию доклада записки начальника экспертного управления президентской администрации следовало, что сей документ поступил на имя главы государства. Но вот ознакомился ли он с ним — записка ясности не вносила. Скорее всего — нет, поскольку никаких резолюций президент не оставил. Да и вряд ли поддержал бы поступившую петицию, поскольку ранее уже высказывался по этому поводу.

Когда я познакомился с содержанием официальной бумаги (автор назвал ее письмом) руководителя главной государственной контрольной службы страны, то от возникших эмоций пришел в состояние, близкое к шоковому. Возникла масса вопросов к инициаторам проверки и авторам письма президенту. Нестерпимо захотелось посмотреть им в глаза и прямо спросить: господа контролеры, вы на кого работаете? В чьих интересах пытаетесь закрыть добычу дикого лосося, лишив российских рыбаков куска хлеба, а неизбалованных российских покупателей — деликатесной рыбы? Да и вообще, каким боком эта тема относится к расходованию бюджетных средств?

Это были вопросы, что называется, навскидку, по первому прочтению текста. Дальнейшее в него углубление просто множило их практически по каждому абзацу. Поэтому на оперативном совещании у замминистра я вызвался исследовать проблему самостоятельно, автономно от Росрыболовства.

Некоторые представления, в т. ч. и практического плана, о дрефтерном промысле у меня имелись, но я прежде всего рассчитывал на мнения по данной проблеме ученых, опытных и неангажированных рыбаков-дрэфтерщиков, отошедших от этой деятельности.

В итоге на свет появилась основательная аналитическая справка, камня на камне не оставляющая от аргументов контролеров. Ее, со своей сопроводителькой, и направил министру:

«О докладе председателя Счетной палаты РФ
С. В. Степашина по вопросу поэтапного сокращения
дрифтерного промысла анадромных видов рыб в ИЭЗ РФ.

Уважаемый Николай Васильевич!

Занимаясь выполнением Вашего поручения по вышеназванному вопросу, по договоренности с заместителем Министра И. Е. Маныловым и руководителем Росрыболовства А. А. Крайним, я провел независимое от агентства исследование проблемы, которой в свое время достаточно плотно занимался. Поэтому выводы, сопровождающие эту записку, в отличие от выводов Счетной палаты, гораздо более выверенные и приближенные к реальному положению вещей.

Однако от эмоций, уж простите, удержаться трудно. Ведь вопрос, по сути, был закрыт еще три года назад В. В. Путиным. И вот тебе на! — всплывает вновь, аккуратно в разгар лососевой путины и почти через год после аудиторской проверки.

С настойчивостью, заслуживающей лучшего применения, аудитор М. Одинцов вместе с группой экспертов (довольно странным образом подобранных) от имени, пожалуй, самого авторитетного контрольного органа страны предлагают “зачистить” от отечественных промысловиков одну из самых уловистых российских морских зон дикого лосося. Подчеркиваю, именно отечественных, не трогая рядом рыбацких японцев. Выходит, кому-то одной (2009 года) сорванной путины оказалось мало.

Возникает вопрос, ради каких целей разрушается перспективный российский рыбный рынок? Неужто ради спасения птиц и млекопитающих, которых, по заключению проверяющих, ежегодно погибает аж на четверть миллиарда рублей? Кстати, почему бы палате не заняться подсчетом гибели пернатых при столкновениях с линиями электропередачи, либо с окнами высоток? Ведь эта тема также не имеет никакого отношения к исполнению федерального бюджета.

Думается, что интерес организаторов антироссийской кампании и их подельников лежит в иной, и отнюдь не экологической плоскости. Давно не секрет, кто является главным заказчиком Всемирного фонда дикой природы (WWF) и от кого последний получает весьма приличные гранты. Интерес тут исключительно экономический и с откровенно американским уклоном.

Поражает цинизм неправды утверждений официально-го документа. Они не несут экспертной оценки и сколь-либо серьезного анализа. Зато ангажированность налицо.

Рассчитываю, что подтверждением сказанному должна стать аналитическая справка по письму С. Степашина, подготовленная по моей просьбе одним из авторитетных экспертов (по признанию американцев в т. ч.) в области дрейфтерного промысла, ученым и одновременно практиком (для читателей из известных соображений фамилия опускается. — *Прим. авт.*). Другими материалами, коих имеется много, обременять Вас, Николай Васильевич, не стану.

Приложение — 11 л.

Советник Министра В. В. Гулий».

Перечитал свое творение и за голову взялся. Что о себе возомнил! Где ваша политкорректность, г-н советник? Что за стиль в общении с министром? И вообще на кого замахнулся? Сергей Степашин, на всякий случай, один из старинных его друзей-соратников, авторитетнейший государственный деятель (без капли иронии) современности. Неужели не знал? Да знал, конечно. И Сергея Вадимовича не только по телевизору видел. В свое время даже плотно сотрудничать приходилось по линии администрации президента, всегда относился к нему уважительно. Но заострил все, признаюсь, намеренно. В глубине души полагал, что шеф покажет мою записку своему товарищу. Не верилось мне, что председатель палаты — глубоко в теме. Думаю, просто расслабился, передоверился подчиненным, имеющим в этом вопросе свой интерес, и подмахнул бумагу. Так бывает даже в самых высоких учреждениях. К сожалению, достаточно часто.

Не знаю, состоялся ли приватный разговор на высшем уровне, но моя записка была направлена заместителям министра И. Манылову и Д. Юрьеву, а также директору профильного департамента М. Орлову с резолюцией «пр. обменяться мнениями по проблеме и доложить мне».

Прошло около трех месяцев (это к вопросу о сроках исполнения поручения министра), и вот, в знаменательный в недалеком прошлом для советских людей красный день календаря — 7 ноября, замминистра И. Манылов собирает еще одно совещание по сокращению дрифтерного промысла. На него приглашаются представители Счетной палаты, Росрыболовства, ряда департаментов Минсельхоза.

По странному обстоятельству не приглашен только автор записки министру и этих строк. Тем не менее я решил не упускать возможность лично услышать позицию контролеров и явился на совещание незванным, что, как мне показалось, стало сюрпризом для некоторых участников. В том числе и для председательствующего, который, представив всех, забыл про меня, хотя я сел рядом с ним по левую руку.

Попросил слова сразу после доклада заместителя руководителя агентства по рыболовству А. Фомина. Наши позиции во многом совпадали, я напомнил, что занимался исследованием проблемы самостоятельно с привлечением независимых экспертов.

У каждого запрета должны быть веские основания: научные, экономические, политические... Да, при дрифтерном промысле имеют место быть факты приловов, выбросов, избирательного лова, гибели морских птиц и животных и др. Но они ничтожны для постановки вопроса о запрете дрифтерного лова, а абсолютное большинство приводимых в письме Счетной палаты аргументов некорректны и не соответствуют реальному положению вещей.

За полтора десятилетия прибрежные уловы лососей на Дальнем Востоке выросли почти на 200 тысяч тонн, в т. ч. на 60–100 тысяч тонн на Камчатке. В то же время дрифтерные — всего на 4–5 тысяч тонн. На одну тонну вылова дрифтерный промысел дает не меньше рабочих мест и отчисляет налогов,

чем прибрежный. От него нет никакой угрозы для местной экономики, наоборот, он укрепляет ее.

О гибели морских животных. Данные исследований японских специалистов (дрифтерный флот соседей, промышленящих в наших водах, много больше российского) свидетельствуют, что только акулы потребляют около 200 тысяч тонн лососей — почти две трети того, что в хорошие годы дает дальневосточный промысел. Может, с акулами начать бороться? Не получится — защитники дикой природы не дадут.

О гибели птиц не так давно говорилось на всемирной конференции по морскому биоразнообразию. Статистика — впечатляющая. Больше всего птицы бьются об небоскребы — 900 млн, на втором месте ЛЭП — 170 млн, затем автомобили — 100 млн. В рыболовстве же гибель птиц исчисляется порядками ниже — 300 тысяч.

Ни для кого не секрет, куда идет львиная доля уловов от дрифтерного промысла дикого лосося. К сожалению, не на отечественный рынок. Но таковы законы либеральной экономики. Так будет до тех пор, пока у рыбака не появится интерес доставлять добычу на родной берег. И административные меры тут не помогут. Рыба, как говорится, ищет, где глубже, а человек — где лучше.

Известно также и то, что за отдельными нашими промышленниками в этой зоне стоит японский бизнес. Тем не менее вопрос о запрете для японцев почему-то не ставится. Странная какая-то избирательность у спасителей птиц и морских животных. Между тем в 2012 году «губительный» (по выражению г-на Степашина) промысел наряду с 16 российскими судами вели 32 японских.

Поверьте на слово, японцы грешат на море так же, как и наши рыбаки. Так почему же на них запрет не должен распространяться?

Проверяющие беспокоятся о «репутационных потерях для государства» из-за нанесения «ущерба окружающей среде», а вот потеря государственного суверенитета в управлении водными биоресурсами их, видимо, нимало не беспокоит.

Безусловно, никто не против разработки мер по совершенствованию системы управления дрифтерным промыс-

лом, в том числе его экологических характеристик. Они нужны и будут только способствовать наведению порядка в наших территориальных водах. Но приглашенных контролеров и стоящих за ними заказчиков, судя по всему, такой подход не устраивал.

Как стало ясно из выступления начальника инспекции сводного контроля С. Антонова, перед ними была поставлена задача несколько по-иному закрыть «зависший» вопрос. После заседания инспектор-контролер подошел к председательствующему и попросил у него аудиенции. О чем они потом договорились — мне неизвестно. Зато почти достоверно известна реакция аудитора М. Одинцова (его на совещании не было, как объяснили, по причине переутверждения в должности). Мне рассказали, что А. Крайний, поздравляя его с днем рождения, в шутливой форме спросил: когда же прекратятся «наезды» контролеров на Росрыболовство? В ответ услышал: «Когда дрейфтер закрыт будет».

Январь-май 2013 г.

Р.С. Лоббисты запрета дрейфтерного лова лосося не успокоились после провала в Минсельхозе. Они использовали свои связи в профильном комитете Совета Федерации и устроили там слушания вопроса. Проект решения заседания комитета, подготовленный заранее лоббистами, был утвержден фактически без изменений. Мнения независимых экспертов, приглашенных для массовости мероприятия и придания ему демократичности, оказались не услышанными. В этой истории появилось и светлое пятно. Не утвердили в очередной раз в должности аудитора Счетной палаты контролера рыбной отрасли Одинцова. Зашаталось кресло и под Сергеем Степашным. Но после наступившего затишья, связанного с «пересадками» контролеров, атака на дрейфтер продолжилась. На этот раз уже в Минсельхозе решили поддержать его запрет. Первый заместитель министра И. Манылов в канун нового года отрапортовал сенаторам из аграрного комитета о принятых мерах, исполнение которых, по мнению экспертов, приведет к созданию новых проблем для рыбаков, осуществляющих промысел лососей в сахалинской и главным образом

в курительской зонах. Примечательно то, что и министерское, и комитетское решения не имеют под собой никаких научных либо профессиональных обоснований. Мнение профильного ведомства (Росрыболовства), имеющего иную точку зрения, проигнорировано. Научные исследования по заданной теме не проводились. Внешнеполитический аспект проблемы не изучался. Волонтаризм какой-то, да и только. В смысле стремления реализовать желанные цели без учета объективных обстоятельств и возможных последствий. Рыбаки в своей массе народ прямолинейный, изысканностью слога не отличаются, объясняют действия высокопоставленных чиновников просто: опять продались.

«Косяк» № 3. Работодатели, объединяйтесь!

Вся министерская почта, связанная с «рыбалкой», направлена мне (за редким исключением) для сведения. В ней довольно существенное место занимали вопросы социального партнерства, трудовых конфликтов — вопросы, по большому счету, не находящиеся в компетенции министерства. Соответственно, и отношение к ним было в основном формальное.

Не станут же министерские чиновники оставлять нагретые кресла и мчаться по зову авторов писем в холодный Мурманск или далекий Сахалин, особенно когда там путина закончилась. Для этого местные власти есть. В крайнем случае, известно кто с краю от министерства стоит с подходящей фамилией. Словом, советский социализм закончился, оставив многое за бортом, в том числе коллективные договоры и соглашения, а с ними социальные гарантии рыбаков и членов их семей.

Кто в прежние времена занимался этими проблемами? Государство и профсоюзы. В рыночных условиях государство, как работодатель, ушло от них в сторону, а профсоюзы, оказавшись лицом к лицу с частным капиталом, в большинстве своем «легли» под него.

Справедливости ради надо отметить, что государство отказалось не от всех своих социальных обязательств. В 2002 го-

ду вышел закон «Об объединениях работодателей», восставший выпавшее третье звено в классическом треугольнике «государство — профсоюзы — работодатели». Пока он, конечно, еще сильно смещен в сторону государства. И исправить эту деформацию сможет только активный, социально ответственный диалог партнеров.

Названный закон призван на практике способствовать развитию социального партнерства в области регулирования социально-трудовых отношений. Как? Закон разъясняет: через установление основных прав и обязанностей объединений работодателей в отношениях с работниками, профессиональными союзами и объединениями профсоюзов при участии органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Проще говоря, речь идет о разработке согласованных правил взаимодействия участников процесса. По таким правилам сейчас в стране действуют 17 объединений в различных отраслях экономики. Рыбной отрасли в их числе нет. Зато она представлена несметным количеством ассоциаций и союзов, несущих совершенно другие функции...

Что же мешает рыбакам объединиться и стать третьим легальным участником в решении трудовых споров? Причины, на мой взгляд, вполне банальные: боязнь некоторых руководителей рыбацких ассоциаций лишиться своих руководящих мест, которые приносят пусть и не очень большую, но зато стабильную «ренту». Одним из подтверждений сказанному стал попавший мне в руки протокол заседания Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров (ВАРПЭ). На этом заседании как раз и обсуждался вопрос о создании отраслевого объединения работодателей путем преобразования в него ассоциации. Вот что по этому поводу говорили участники:

Сергей Тимошенко, вице-президент ВАРПЭ, председатель регионального отраслевого объединения «Союз рыбопромышленников и предпринимателей Камчатки»:

«...наш передовой в своем развитии сектор экономики до сих пор существует без отраслевого тарифного соглашения,

которое во всем мире считается основой основ деятельности любой отрасли и правовым гарантом для ее работников.

...Если на самом деле ВАРПЭ хочет представлять интересы не группы компаний, которые ее учредили, не директоров, а всех работников, она должна, наконец, пройти это преобразование. В этом случае, даже если работодатель оказывается в положении, когда он не может выполнять перед работником свои обязательства, прописанные в коллективных договорах, в соответствии с ФЗ № 156 мы будем иметь право ставить этот вопрос уже перед правительством».

Владимир Нагорный, председатель Приморской краевой организации Российского профсоюза работников рыбного хозяйства:

«В отраслевом соглашении стороны-подписанты стараются находить такие пути социального партнерства, которые в конечном итоге способствуют созданию в трудовых коллективах социального мира и здорового психоэмоционального микроклимата, что уже объективно ведет к более высокой производительности труда».

Игорь Коваленко, председатель Камчатской краевой организации Российского профессионального союза работников рыбного хозяйства:

«Действующее трудовое законодательство — это норма, закон, единый и обязательный для всех организаций, независимо от формы собственности и сферы деятельности. А отраслевое соглашение, как и коллективный договор, призвано дополнить гарантии, конкретизировать права работников по отношению к основному, базовому документу. Учитывая специфику рыбной отрасли, можно понять, насколько это актуально для нас. К сожалению, по разного рода причинам нам пока не удалось заключить полноценное соглашение на общероссийском уровне».

Однако такой опыт имеется на региональном уровне. Например, в Камчатском крае, где действует трехсторонняя комиссия, состоящая из представителей краевой профсоюзной организации, регионального объединения работодателей и краевого министерства рыбного хозяйства. В результате подобного взаимодействия для работников отрасли на Камчат-

ке установлена заработная плата не ниже прожиточного минимума. Появилась реальная возможность отстаивать права не только самих рыбаков, но и их семей. Соцобслуживание семьи, больницы, детсады, медицинское обеспечение, отдых и даже состояние дорог — вот это теперь находится в сфере деятельности регионального объединения и рассматривается на заседаниях трехсторонней комиссии.

Разговор, из которого приведены выдержки выступления, состоялся в августе 2011 года. С Сергеем Васильевичем Тимошенко мы познакомились и встретились почти через год. Я поинтересовался, какое развитие получило его предложение о создании всероссийского объединения работодателей. «Обсуждаем», — был неоптимистичный ответ.

К этой встрече у меня уже имелись кое-какие наработки по данной теме, и даже поступили конкретные предложения от членов министерского рыбсовета. Один из них, Андрей Голландцев, предоставил проект устава межрегионального отраслевого объединения работодателей и попросил помочь в его создании. Сказал, что согласовал вопрос с некоторыми серьезными инстанциями и с замминистра И. Маныловым, который и порекомендовал сотрудничать со мной. Я охотно взялся за это дело, и за неполный месяц мы набрали необходимое количество учредителей.

Далее последовала очередная записка министру с предложением поддержать инициативу, поскольку ее реализация позволит министерству перенацелить ряд не свойственных ему функций на орган, в компетенцию которого они входят по закону. Двумя днями ранее я направил копию записки И. Манылову.

По сложившейся уже традиции, ответа от министра я не получил, и поэтому, когда он пригласил меня на беседу по другой теме, задал интересующий меня вопрос. Министр сказал, что ему не совсем понятен правовой статус объединения работодателей, и поэтому для прояснения вопроса он направил записку Манылову. Возражать я не стал и решил поискать исполнителей поручения. К своему удивлению, нашел их не в юридическом департаменте, а в депагропроме, который хоть

и курирует рыбную отрасль, но к правовому положению общественных организаций никакого отношения не имеет.

Уже после нашего разговора с И. Маныловым, в результате которого я перестал заниматься «рыбной» тематикой, я позвонил Игорю Евгеньевичу и спросил: актуальна ли тема создания отраслевого объединения работодателей?

— Да, — ответил он.

— А что мне говорить людям, которые спрашивают о дальнейших действиях?

— Направляйте их к нам, — сказал замминистра.

Я бы, конечно, направил, если бы считал, что рыбаки меня правильно поймут. Но они люди серьезные и в аппаратные игры не любят играть.

«Косяк» № 4. Утерянная записка, или Концы в воду

К концу 2012 года ситуация в отрасли тревожно напряглась. Дело было не в общих показателях. Они хотя и снизились по сравнению с минувшим годом, но незначительно. К тому же агентство уверяло, что к отчетному периоду ситуация выровняется.

К сожалению, взаимоотношения министерства с подведомственным ему агентством не претерпели за это время сколь-либо заметных улучшений. Наоборот, они все более ухудшались, что приводило к нежелательным сбоям в работе обоих ведомств: несвоевременному принятию оперативных мер, выпуску приказов и распоряжений, согласованию различных документов и т. д.

Тревожило, что на этом фоне стало остро ощущаться нарастание сомнений рыбаков в том, что министерство способно отстаивать их интересы. Рыбачьи ожидания были связаны прежде всего с внесением в закон «О рыболовстве...» поправок, направленных на упорядочение правил переработки и перегруза рыбопродукции на судах, а также с принятием закона «Об аквакультуре». Оба законопроекта, несмотря на неослабное внимание к ним со стороны рыбацкой общественности, завязли в бюрократических согласованиях, а в неко-

торых моментах трансформировались до неузнаваемости. Словом, на законодательном фронте министерство терпело полный крах. При том что сам министр и его первый зам, курирующий отрасль, являлись опытнейшими юристами, большими специалистами в части законотворчества.

Там, где появляются сомнения, следует ожидать и разочарований. Нужно было что-то срочно предпринимать. Об этом я и написал министру очередную записку:

«Уважаемый Николай Васильевич!

Как Вам известно, в действующем законодательстве недостаточно четко определены понятия “прибрежного рыболовства”, “уловов водных биоресурсов”, отсутствуют определения “обработка” и “производство продукции”, не предусматривается деятельность, связанная с “перегрузом” продукции.

Имеющиеся нечеткости и противоречия приводят к применению контролирующими органами (главным образом пограничной службой) санкций за переработку уловов на борту и перегруз продукции на транспортные суда.

В текущем году в прибрежном рыболовстве ожидается недополучение около 200 тыс. т водных биоресурсов (23 % от объемов), что приведет к потерям доходов рыбопромышленного комплекса до 5 млрд рублей, поступлений в бюджеты всех уровней — более 500 млн рублей.

Рыбачье сообщество через своих представителей в Госдуме и Совете Федерации, путем внесения поправок в законодательство уже более двух лет пытается спасти “прибрежку”. Семь губернаторов прибрежных регионов поддержали данные попытки. Руководство страны продекларировало понимание рыбачьих проблем и стремление оказать помощь в их решении. Внесено семь законопроектов. Главное в них: разрешение рыбопереработки на рыбоперерабатывающих судах и разрешение перегрузов рыбопродукции на рыботранспортные рефрижераторы.

Тем не менее, несмотря на видимую заинтересованность всех участников законотворческого процесса, фактически никакого продвижения к ожидаемым результатам не произошло. До сих пор нет положительного отзыва правительства на вносимые законопроекты, что не позволяет довести их даже

до первого чтения. Совершенно очевидно, что до начала промысла предстоящего года законодательно проблема решена не будет.

Минсельхоз России своевременно утвердил общие допустимые уловы водных биоресурсов для осуществления прибрежного рыболовства на 2013 г. Росрыболовство распределило и довело их до предприятий. Рыбацкие коллективы настроились в первых числах января выйти на промысел, основательно для этого подготовившись, вложив в предстоящую "рыбалку" значительные средства, в основном заемные.

Между тем промысел поставлен под угрозу. Государство в лице ПС ФСБ России, продолжая использовать неоднозначности в толковании прибрежного рыболовства как запрет на судовую переработку и перегрузы, намерено применять карательные меры к рыбакам. Состоявшаяся 18 декабря на "площадке" ФСБ встреча пограничников с рыбопромышленниками (на которую, кстати, не были приглашены ни представители Минсельхоза, ни представители Росрыболовства) не внесла никакой ясности в стоящие перед рыбаками вопросы. В сложившейся ситуации представляется целесообразным:

1. Публично озвучить позицию Минсельхоза по данному вопросу.

2. Предпринять конкретные действия по ускорению согласования отзыва Правительства Российской Федерации на проект Федерального закона "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов" и отдельные законодательные акты Российской Федерации.

3. В целях недопущения срыва прибрежного рыболовства с начала 2013 года разработать и внести в Правительство РФ и в ФСБ России предложения по установлению временного моратория на применение карательных мер, основанных на противоречивом и неоднозначном толковании изложенных в законе "О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов" понятий "обработанные водные биоресурсы" и "продукция из водных биоресурсов", при контроле технологических процессов на судах прибрежного рыболовства.

Советник Министра В. В. Гулий.

20.12.12 г.»

Мне казалось, что реализация этих предложений позволит министерству отчасти сохранить лицо в глазах рыбацкой общественности. Некоторое время ждал реакции министра. До нового года не дождался. После праздников стал искать следы своей записки. Выяснил, что она была по привычке расписана первому заму, а дальше — как в воду канула.

«Косяк» № 5. Непризнанная концепция

Это был даже не «косяк», а «косячок», и тем не менее он также мог сыграть в сложившейся ситуации определенную роль.

В ноябре 2012 года к заместителю министра И. Манылову обратился с письмом председатель «Рыбного союза» Ю. Алашеев. Автор просил найти время для представления разработанной союзом при участии ассоциации добытчиков минтая концепции развития рыбохозяйственного комплекса страны, а заодно включить в рыбсовет министерства исполнительно-го директора организации С. Гудкова.

Мне показалось достаточно странным, что в период формирования (который растянулся более чем на три месяца) рыбохозяйственного совета представители союза никак не проявились, хотя «рыбацкое радио» быстро оповестило об этом (судя по поступившим заявкам) коллег от Камчатки до Калининграда.

Лично с руководителями союза я знаком не был, но организация была, что называется, на слуху. Ранее она объединяла средних и мелких импортеров и переработчиков морепродуктов, конфликтовала с аффилированной с «Русским морем» ассоциацией производственных и торговых предприятий рыбного рынка. Даже обвинила последнюю в попытках монополизировать поставки рыбной продукции из Норвегии и Вьетнама.

Словом, игрок на рыбном рынке был не крупный, но задиристый, как окунь среди щук. Однако статус союза резко поднялся после слияния в 2011 году с союзом переработчиков морепродуктов и вступлением в 2013 году в ряды «Рус-

ского моря». Осведомленным людям не надо объяснять, какой мощный, в т. ч. и административный, ресурс был приобретен в лице «Русского моря» и его хозяев. Порой только их имена заставляют конкурентов отступить, а некоторых чиновников — вставать по стойке «смирно». Не хотелось думать, что замминистра проводит совещание «по звонку».

Но необычным было то, что он решил обсудить вопрос, минуя профильный департамент и без предварительной экспертной оценки концепции. Так вообще-то не делается. Интересных идей и предложений поступает много, но если по каждому из них проводить без предварительной проработки совещания, то времени собственно на работу не останется. Тем более что идеи далеко не всегда оказываются продуктивными.

Замминистра все-таки предоставил свой кабинет для презентации концепции. Обсуждения как такового не было по той причине, что компетентного мнения никто из присутствующих высказать не мог. Когда же мне предоставили слово, я честно сказал, что мне концепция симпатична. Но добавил, что это ровным счетом ничего не значит, поскольку я не специалист.

Что же касается предложений авторов о создании при министерстве постоянно действующей рабочей группы по разработке (при государственном финансировании, разумеется) программы развития рыбохозяйственного комплекса, то тут возникли серьезные сомнения. Для чего тогда создавался рыбсовет? Не правильней ли было бы внести концепцию на его обсуждение и по его результатам принять соответствующее решение? Со мной неохотно согласились.

На заседании рыбохозяйственного совета предложенная концепция поддержки не нашла и была раскритикована. Думаю, что определенную роль здесь сыграли внутрикорпоративные противоречия: между морем и берегом, между добытчиками и переработчиками. Не исключаю и другие субъективные факторы, в том числе и «завязки» авторов с «Русским морем», чья агрессивная политика на рыбном рынке у многих рыбаков, мягко говоря, не вызывала одобрения.

Каким образом этот «косяк» сказался на мне — не знаю. Но есть любопытные моменты, вписывающиеся в общую мозаику. Было очевидно, что у замминистра с представителями «Рыбного союза» имелись свои особые отношения, характер которых мне не был известен. Невольный свидетель поведал о состоявшемся между ними сразу после обсуждения концепции разговоре. Замминистра, как обычно, опоздал и встретился со своими знакомыми в коридоре. Услышав от них об отрицательном вердикте, пообещал все исправить.

И еще. Первым, кто сообщил мне о появившейся 22 января 2013 года на рыбацком сайте информации о моей предстоящей отставке, был... исполнительный директор «Рыбного союза». Совпадение? Но откуда произошла утечка? Больше мне никто из знакомых рыбаков по этому поводу не звонил.

Послесловие. Персона нон грата

Наверное, я не сел бы за эти записки, если бы разговор с министром состоялся до того, как в моих руках оказалось «перо» (по-современному — компьютер). Мне не хотелось отвечать на звонки и объясняться с коллегами, которых я интересовал работой в общественном совете, а потом первым покинул спущенный на воду корабль. Потому и решил «исповедоваться» в эпистолярном жанре, дожидаясь министра, взявшему после зарубежной командировки краткосрочный отпуск.

Он же позвонил, когда материал был практически готов. Неожиданным звонок не оказался, поскольку примерно за час до него замминистра по кадрам интересовался, что ему докладывать шефу? Я сказал о своих предложениях по дальнейшему использованию меня в министерстве, которые изложил на бумаге и оставил помощнику министра.

— Вы ставите условия? — поинтересовался зам.

— Нет, — ответил я. — Никаких условий ставить не собираюсь. Тем более что предлагаю вариант увольнения. Но не по собственному желанию, к чему меня усиленно подталкивают, а по сокращению должности. Хотелось бы знать мнение министра на этот счет. Я же все-таки его советник.

Видимо, мои пожелания были тотчас же доложены наверх. Беседа с Николаем Васильевичем оказалась на удивление спокойной, не сказать чтобы доброжелательной (сентиментальность — это не про него), но корректной. Он не предъявил мне никаких претензий по работе, а просто сказал, что направление, которым я занимался, ему не нужно и не интересно.

— Я как управленец не нуждаюсь в этом направлении, — еще раз пояснил министр и добавил: — А «гуманитарщиной», вы знаете, заниматься не привык.

Уж кому, как не мне, про это не знать. Сразу вспомнил о сокращениях в аппарате комитета по законодательству Совета Федерации. Новый комитет образовали из трех. Задачи оставили в полном объеме, а численность аппарата сократили на треть. Решать вопрос, кого оставить, председатель комитета (им был Н. Федоров) поручил мне, но предупредил, чтобы я «гуманитарщиной» не занимался, сформировал высокопрофессиональный коллектив, за который бы нес полную персональную ответственность. Задача не из простых. Только на первый взгляд по «объективкам» можно составить представление о профессионализме человека. А в нашем комитете через одного собрались титулованные юристы. Вплоть до докторов наук. Кому отдать предпочтение: заслуженному деятелю, которого не «нагрузишь», или «рабочей лошадке», без которой воз законотворческой работы не поедет? Худо-бедно коллектив аппарата я сформировал, но без кадровых ошибок не обошлось. За что и получал от шефа, как говорится, по полной программе. Если и обижался, то недолго. Хотя председатель и не имел привычки прямо извиняться за некорректный слог, но компенсировал свое, порой резкое, поведение предоставлением полной самостоятельности в работе и большим доверием. А это тоже дорогого стоит.

Министр себя называет жестким управленцем. И это правда. На такой машине-корабле, как агропром, должно быть твердое капитанское управление. По-иному нельзя. Разбалансировка судна либо на рифы заведет, либо на мель посадит. Рационализм, практицизм, эффективность — частые слова в лексиконе главы ведомства. А все лишнее отправляется

за борт или, как выразился министр, «вычищается». В общем, никакой «гуманитарщины».

И ведь трудно что-либо на это возразить. Я и не возражал, слушая в телефонной трубке монолог начальника. Лишь в конце вставил пару фраз: поблагодарил за совместную работу и за помощь, которую он мне оказал в непростой для меня период жизни. Сказал искренне, без всякого подтекста. Обиды — никакой. В жизни бывало и похуже.

Но осадок, не скрою, остался, как у всякого нормального человека. Остались и некоторые вопросы. Не убедили меня объяснения министра. Из его слов следовало, что все, чем я занимался, было делом ненужным, а ко мне проявлялась некая благодарность. Вроде как за прежние заслуги по совместной работе. В это как раз и не очень верится. Несмотря на вышеупомянутый практицизм бывшего руководителя, имеется за ним еще одно качество: людей, которым он доверяет и которые его не подводят, он «не сдает». Ключевое слово здесь — «доверяет». Он всегда подчеркивал, что порядочность и честность — понятия для него решающие. Изначально относясь к человеку по принципу «презумпции доверия», он тут же вычеркивает его из своего списка друзей, соратников и т. д., если увидит обман или непорядочность. Так, например, получилось с А. Крайним — руководителем Росрыболовства. Он реально мог быть назначен заместителем министра, если бы не вышел из доверия министра.

Обо мне же таким образом вопрос не ставился. Причины названы совсем другие, что, собственно, и побудило меня сохранить служебные записки. Совсем не исключено, что именно они стали для кого-то сильным раздражителем, а «неуправляемость» и несговорчивость близкого к министру чиновника — досадной помехой для реализации чьих-то интересов. Как знать — где истина? Только время может показать.

P. S. Когда я завершил эти «записки», то решил показать кое-что из них Андрею Крайнему. Хотелось узнать не только его мнение о моих оценках происходящего в отрасли, но и получить подтверждение некоторых фактов, в частности разговора с аудитором Счетной палаты Одинцовым. Прочитав отдельные «косяки», Андрей Анатольевич сказал, что все верно

изложено, а затем спросил, что я собираюсь дальше делать со своим творением? Не долго думая, я ответил: продам кому-нибудь, жить-то на что-то надо! Тут мой собеседник заинтересовался, сколько же я хочу получить за свой «компромат»? Я опять же, не раздумывая, что называется, «от фонаря», назвал сумму: сто тысяч «зеленых».

— Нет, — резко сбавил обороты А. Крайний. — Я в такие игры не играю.

Потом добавил:

— Если понадобится помощь в публикации или трудоустройстве, обращайтесь...

Так мы и «не сторговались». А свои записки я отправил в тот же день по электронной почте по адресам членов рыбохозяйственного совета при Минсельхозе. Разумеется, бесплатно.

Январь 2013 г.

НЕ ПОСЛЕДНИЙ

Актер второго плана

Андрей Анатольевич Крайний займет в летописи рыбацкой отрасли особое и далеко не последнее место в ряду выдающихся деятелей рыбного хозяйства. Человек он очень примечательный и многогранный. Даже его официальная биография читается как план авантюрного романа. Так и хочется поглубже покопаться в том или ином отрезке его насыщенного жизненного пути.

Выпускник Львовского высшего военно-политического училища по специальности военный журналист, он прослужил в Советской армии, а точнее, в военной газете, девять лет. Говорят, что специализировался на контрпропаганде.

В журналистских кругах того времени к коллегам в армейских мундирах относились достаточно снисходительно. На то имелся ряд причин. Пусть меня простят за такое сравнение, но многие из них не только жили, но и писали «по уставу». Никакой вам тут изящной словесности и прочих журналистских вольностей. Не спорю, и среди них попадались талантливые «акулы пера». Примеров достаточно. Выйдут на гражданку, скинут мундиры — и совершенно другими людьми становятся.

Назвать Андрея Крайнего бесталанным «писакой» не могу, хотя не помню ни одной заметки за его подписью. Однако за него «подписалась» «Комсомолка», где он проработал шесть лет специальным корреспондентом и заведующим отделом. В то время «Комсомольская правда» была одной из авторитетнейших газет среди советских читателей. Я с ней сотрудничал на внештатной основе, будучи корреспондентом областной газеты. У меня там осталось много талантливых друзей-журналистов, проявивших себя на газетном поприще

прежде, чем попасть в популярное издание. «Коряво пишущих» туда не брали даже по блату.

А. Крайний же был принят на работу в качестве специального корреспондента. А спецкоры в газетной среде всегда считались особой кастой. Им становились наиболее опытные журналисты.

Так что уровень профессиональной подготовки спецкора, поднявшегося в известной и очень уважаемой в те времена газете до заведомо редакции, лично у меня не вызывает сомнений.

Судя по всему, Андрей Крайний действительно талантливый человек. Он снялся даже в художественном фильме под названием «Штаны» режиссера Валерия Приемыхова. Не в главной, правда, роли. Главного героя исполнял известный советский актер Юрий Яковлев. Крайний по сюжету был его сыном-бандитом. Сыграл, говорят, как в жизни.

В 1994 году он расстается с журналистикой и уходит в бизнес. Возглавляет совместное российско-швейцарское предприятие, затем корпорацию «Агропродснаб», становится председателем совета директоров ОАО «Калининградский тарный комбинат» и Балтийского рыбоконсервного комбината.

Потихоньку в его деятельности начинает просматриваться «рыбная тема». Не напрямую, конечно, но ведь без тары и консервов отрасль не выживет.

Далее следует своеобразный трамплин, который позволил журналисту, актеру, «производителю тары и консервов» сделать прыжок на самый верх. Таким трамплином для дальнейшей карьеры Андрея Крайнего оказался калининградский морской рыбный порт, который он возглавлял около четырех лет. Поскольку данный период его биографии очень любопытен, расскажу о нем подробнее ниже.

Мы не были лично знакомы до моего прихода в Минсельхоз. Но наслышан я был о нем премного. Профессиональные рыбаки, с которыми я не терял дружеских связей, рассказывали забавные истории о новом руководителе агентства по рыболовству. Один мой старый товарищ, Валерий Васильевич Ребров, всю жизнь посвятивший рыболовству и рыболовству, послушав очередное публичное выступление «главного ры-

бака страны», хватался за сердце и долго приходил в себя от негодования.

— Ну о чем он говорит?! — возмущался ветеран рыбной отрасли. — Такого же в природе не может быть!

Не знаю, докладывали ли помощники-советники своему шефу о реакции рыбаков на его оригинальные суждения, но выводов он точно не делал. По-прежнему, и на «голубом экране», и в прессе, и на официальных встречах порой нес то, что в голову взбредет, нимало не беспокоясь, что все это можно проверить и опровергнуть. Говорил всегда гладко, без бумажки, уверенно и убежденно, с открытым взглядом — никак не засомневаешься в его словах, если не владеешь предметом разговора. На этом и строился расчет. Как правило, аудитория (начиная от президента, правительства и заканчивая простыми гражданами), перед которой выступал «рыбацкий Цицерон», о специфике «большой рыбалки» имела весьма смутные представления и посему заглатывала все, что ей подсовывали.

Исстари повелось у придворных вельмож говорить то, что хочет услышать царь-батюшка. И голова целой останется, и в милости окажешься. Времена изменились, а нравы «при дворе» прежние. Современные чиновники в этом смысле мало чем отличаются от царских сановников. Лстить в глаза, правда, стесняются, но врать, выдавать желаемое за действительное — в порядке вещей. Главное при этом держаться уверенно, говорить убедительно, стоять на своем, даже если будут писать в глаза. Артистические способности тут ох как кстати.

Прежде думал, равных завиральному Анатолию Чубайсу в стране не найдется. Однако послушав пару раз Андрея Крайнего, понял, что ошибался. В его лице Анатолий Борисович приобрел достойнейшего последователя.

...Через пару месяцев после своего назначения министр Федоров вдруг решил навестить подведомственное хозяйство — агентство по рыболовству. Я узнал о предстоящем визите из телефонных звонков от сахалинских и калининградских рыбаков за час-полтора до исторической встречи, хотя мой кабинет находился на министерском этаже. Это к вопросу об утечках информации. Почему исторической? Оказывается, никто не помнил, чтобы министр сам приезжал в Росры-

боловство. У рыбаков просто в головах не укладывалось, что министр может просто приехать ради знакомства. И потому возникли самые актуальные на тот момент предположения: от увольнения Крайнего до его назначения заместителем министра. Разговоры и о том, и о другом постоянно звучали в рыбацкой среде.

Сам хозяин арендуемого на Рождественском бульваре старинного особняка также был в недоумении и некоторой растерянности.

— Позвонил неожиданно, спросил, не найдется ли чайку? — делился Андрей Анатольевич, пока мы покуривали с ним в уютном внутреннем дворике рыбацкой резиденции, дожидаясь начальства.

— На самом деле, цель-то у него какая? Вы же должны знать! — обратился он ко мне.

— Не знаю, — честно признался я. — Но думаю, как и сказал, что хочет познакомиться с вами на рабочем месте.

Так, собственно, и вышло. Без каких-либо предполагаемых интриг и оргвыводов. Федоров внимательно выслушал и главу агентства, и его заместителей, но в своем выступлении дал понять присутствующим, что на некоторые вещи он смотрит по-иному и даже сомневается в объективности ряда фактов. Министр не стал вдаваться в подробности, но мне было ясно, что он имел в виду.

Накануне этой встречи у вице-преьера А. Дворковича состоялось обсуждение проекта госпрограммы развития рыбохозяйственного комплекса страны. По просьбе министра я подготовил свои субъективные комментарии к проекту. В ходе его изучения возникли вопросы относительно реалистичности установленных проектом госпрограммы целевых индикаторов и показателей, эффективности набора механизмов для их достижения.

Например, проектом предусматривалось довести «среднедушевое потребление рыбы и рыбопродуктов» к 2020 году до 28 кг на человека. По данным Росрыболовства в 2011 году данный показатель равнялся 22 кг. Рыбаки, мягко говоря, недоумевали по этому поводу. Говорили, что даже в Советском Союзе с его «рыбными четвергами» подобных достижений не было.

Ладно — рыбаки. Росстат, официальное ведомство, приводит совершенно другую цифру — 15,6 кг. Кому верить? И как при таком разночтении можно что-то планировать? Закладывать финансы «на глазок», без выверенных расчетов? Разумнее вначале создать единую согласованную методику расчета целевых индикаторов и показателей, а уж потом просить у государства деньги.

Именно такой подход предложил министр на совещании у вице-преьера. Тот с ним согласился и отдал соответствующие поручения, в том числе и Росрыболовству.

Казалось бы, другой на месте руководителя агентства скорректировал бы свою позицию, исходя из появившихся очевидных нестыковок. Но он словно ничего не услышал и не заметил. Уперся на своем, и все тут. Росстат-де ему не указ, в агентстве считают лучше. Кто спорит, может, действительно лучше. Только это доказать нужно. Так, чтобы всем понятно было: и рыбакам, и чиновникам, и, самое главное, гражданам — покупателям, которые в магазины ходят.

Еще меня поразила на той встрече способность «главного рыбака» превращать свои промахи (это очень корректное определение нижесказанному) в достижения.

Счетной палатой были установлены многочисленные финансовые нарушения при выполнении федеральной целевой программы по рыболовству. Выявилось, например, что многомиллионные государственные контракты заключались с одними и теми же подрядчиками, которые ничего не строили, а деньги «прокручивали».

В рыбацком сообществе ничего нельзя утаить, и оно знало поименно всех приласканных агентством подрядчиков. Известно было об их тесной и более чем дружеской связи с главой ведомства, о его личном интересе и «доле» в подрядах. Тут бы правоохранителям «дожать» ситуацию — и многим бы тюремные сроки «засветили». Но Крайний их опередил, сделал контрход. По всем правилам военной пропагандистской науки.

Росрыболовство расторгает договоры с недобросовестными партнерами и через суд требует взыскания с них государственных средств.

И снова Андрей Анатольевич в белом парадном мундире на белом теплоходе олицетворяет непримиримого борца с коррупцией и защитника государственных интересов. Что тут скажешь — артист! Хотя и второго плана.

Его друзья-партнеры, конечно же, замочились на этом деле. Но им было не впервой. Ведь не прогорели же! Наоборот, даже «наварились», прокрутив государственные миллионы. Где еще так подфартить с кредитом может, как не на государственном подряде?

Рыбная отрасль и в советские времена считалась наиболее коррумпированной, иначе говоря, мафиозной. После распада Советского Союза здесь мало что изменилось с криминальной точки зрения. Хотя рыночные отношения многие вещи, прежде считавшиеся преступными, легализовали, но воровство у государства приобрело невиданный прежде размах.

Изменились лишь формы этого воровства при прежней его сути. В ход пошли технологии и схемы, которые могли ввести в заблуждение и правоохранителей, и проверяющих чиновников.

Наиболее показательны в этом плане сахалинская и калининградская ситуации.

Свои и чужие

Рыбакам известно: там, где водится лосось, прибыль добытчикам гарантирована. В нашей стране основные места обитания лососевых пород сосредоточены на Дальнем Востоке. А там основными поставщиками красной рыбы и деликатесной икры являются Камчатка и Сахалин.

С этих «икроносных» и валютоемких окраин и начала реализовываться с приходом Андрея Крайнего стратегическая схема управления дальневосточным рыбохозяйственным комплексом. Первоначальные решения, исходящие из главного рыбацкого ведомства, не наводили на мысли об истинной цели начатой кампании.

Началось все, конечно, с кадров. На ключевые позиции (рыбвод, территориальные управления, отделения НИРО) были расставлены свои люди, на которых возлагались задачи по выполнению долгосрочной схемы. Собственно, задач было всего три. Они специфические и для непосвященного не совсем понятные. Но авторам проекта это было на руку. Легче объяснять свои действия разным любопытным.

Первая задача состояла в создании и закреплении за определенными пользователями рыбопромысловых участков (РПУ) на реках с целью последующего изъятия рыбы через рыбоучетные заграждения (РУЗ). РУЗы располагаются в устьях рек.

Вторая задача — это установление полного контроля над изъятием кеты на лососевых рыбоводных заводах (ЛРЗ). При этом вводится такое регулирование промысла, при котором ловить кету могут только хозяева ЛРЗ из «своих».

Третья — максимальное сокращение участников «лососевой рыбалки», лишение под разными предлогами квот на вылов мелких промысловиков и перераспределение на аукционах высвободившихся квот «своим» людям.

На Камчатке такая схема была реализована практически без скандалов. Там руководить процессом был приставлен бывший «мент» с очень неоднозначной репутацией, но пользующийся авторитетом в определенных кругах, Е. П. Широков.

Его опыт решили распространить и на соседей — сахалинцев. Однако на острове, в отличие от полуострова, отношения с присланным назначенцем у местных рыбаков сразу же не заладились. Они не восприняли ни самого Широкова, возглавившего территориальное управление, ни проводимые им по поручению агентства реформы. Их сразу окрестили «антирыбацкими».

Сахалинский рыбацкий люд недолго терпел «насильственное обучение» рыбацкой грамоте. Как и следовало ожидать, число обиженных и недовольных стало прогрессировать по мере увеличения аппетита «реформаторов».

Ответная реакция мелких и средних промысловиков стала происходить, когда они почувствовали, что их бизнесу в скором времени придет полный «абзац». А их рыбопромысло-

вые участки на законных основаниях перейдут к четырем-пяти крупным компаниям, умеющим «побеждать» в конкурсах.

Но вот что характерно. «Бунтари» не стали хвататься за вилы и остроги и направлять их на захватчиков своих промысловых угодий. Они действовали вполне цивилизованными методами через арбитражные инстанции. В широком смысле этого понятия.

Главной такой инстанцией у рыбаков (и тогда, и сегодня) призвана быть региональная комиссия по регулированию добычи (вылова) анадромных видов рыб.

Справка. Анадромные виды рыб — виды рыб, воспроизводящиеся в пресной воде, совершающие затем миграции в море для нагула и возвращающиеся для нереста в места своего воспроизведения.

Возглавляет такую комиссию, как правило, губернатор региона. От ее решений напрямую зависит благосостояние всех, кто связан с добычей рыбы на прибрежных промыслах. Квоты, разрешения и ограничения вылова, места добычи лосося — все это компетенция комиссии.

Персональный состав комиссии утверждался не губернатором, а руководителем Росрыболовства, т. е. А. Крайним. Решения комиссии принимались только на основании рекомендаций и заключений трех региональных структурных подразделений агентства: рыбвода, НИРО и территориального управления. А там уже свои люди расставлены. Таким образом, выходило, что губернатор был лишь номинальной главой комиссии.

Когда я решил проанализировать качественный состав сахалинской комиссии, то выяснилось, что в ней преобладают различного профиля чиновники. Из 26 членов лишь четверо представляли рыбацкие ассоциации. Причем три из них были подконтрольными сахалинскому «маяку капиталистического производства» ОАО «Гидрострой», играющему на сахалинской рыбной ниве ключевую роль.

Кто в такой ситуации услышит голос малого и среднего бизнеса? Кому он нужен, когда речь идет о монополиза-

ции очень прибыльной отрасли? Тут впору антимонопольной службе вмешиваться. Туда, кстати, и обратились сахалинские рыбаки.

Но когда дело стало тормозиться (а на носу, заметим, путина, в подготовку которой вложены немалые средства), стали стучаться в двери различных высоких инстанций.

В конечном счете местечковый, по сути, конфликт приобрел всероссийское звучание, причем с политическим оттенком. Люди стали митинговать, выдвигать требования о замене руководства Росрыболовства.

В разборки сахалинского инцидента включились два федеральных министерства, дальневосточный полпред, генпрокуратура и администрация президента. У меня в памяти не сохранилось других случаев, когда мои земляки-сахалинцы так отстаивали свои интересы. Первое впечатление было: японцы пытаются отобрать у них промысловые участки.

Еще в июле 2012 г., перед началом лососевой путины, я направил своему министру Н. Федорову записку о складывающейся на Сахалине ситуации и возможных ее последствиях, в том числе и политического характера. Моя докладная, как и многие другие, затерялась где-то в недрах агентства. Там умели «работать» с бумагами по принципу «пусть отлежится». В данном случае до конца путины. Когда же она закончилась и барыши были поделены между «своими», тогда и отписались наверх. Виновных, как обычно, не оказалось. Были только пострадавшие рыбаки.

Вот такая действовала схема управления рыбным комплексом на крайних территориях страны. Минсельхоз ее немножко подправил, когда взял на себя функции нормативно-правового регулирования рыбного хозяйства и стал утверждать составы «анадромных комиссий» своими приказами. Но толку от этого, по большому счету, никакого.

Численность сахалинской комиссии, например, сократили. Ввели в ее состав нескольких представителей малого бизнеса. Соблюли, что называется «демократию». Но их голос по-прежнему остается не услышанным. Он просто теряется в чужом хоре.

Нефтерыбопорт

Справка. Государственное унитарное предприятие «Калининградский морской рыбный порт» — это мощный инженерный комплекс, обрабатывающий как суда рыбопромыслового флота, так и суда иных ведомств России, а также иностранные суда. Географически порт расположен в центре Европы и связан со многими странами сетью автомобильных и железных дорог. Порт имеет две гавани, что удобно для подхода судов и подвижного железнодорожного состава. Размеры пирсов обеспечивают возможность одновременной стоянки и погрузки более 30 судов. По своему предназначению порт является своеобразным мостом, соединяющим континенты.

Не прошло и пары месяцев моей работы в должности советника министра, как я был буквально завален «компроматом» на агентство по рыболовству и его руководителя. С подобной ситуацией не раз приходилось сталкиваться при смене власти, потому я старался осторожно и критически относиться к многочисленной информации, не использовать ее для сведения счетов с коллегами из подведомственной министерству структуры.

Но одно обращение на двадцати печатных страницах меня не могло не заинтересовать. Собственно, адресовано оно было не министерству, а правоохранительным органам. Речь в нем шла о калининградском морском рыбном порте — предприятии, не подведомственном министерству, находящемся в прямом подчинении агентства по рыболовству.

Читалось это послание, как детектив. Сомнений не вызывало то, что авторы хорошо знают, о чем пишут. Все приводимые утверждения подкреплялись конкретными цифрами и фактами, анализом экономического состояния предприятия. Чувствовалась рука либо экономиста, либо бухгалтера.

Однако наряду с «шершавым языком плаката», присущим большинству деловых бумаг, эта была насыщена эмоциями и образами. Ощущалось искреннее сопереживание авторов происходящему в трудовом коллективе с появлением в качестве начальника Андрея Анатольевича Крайнего. Буду цитировать, сохраняя, по возможности, стиль и орфографию:

«Андрей Крайний был назначен исполняющим обязанности начальника рыбного порта в декабре 2003 года, и тут же назначил на должность заместителя начальника порта по коммерческой работе Александра Белько, который был уволен с Калининградского торгового порта за хищение 100 тысяч долларов из казны предприятия. ...Андрей Крайний с первых же дней своей работы... приступил, на глазах всего коллектива порта, перегонять оставленные старым руководством на банковских счетах денежные средства на счета своих предприятий и других коммерческих структур, применив по расчетам в порту свою противоправную хищническую систему откатов».

Тут же приводятся «явки и адреса»: номера платежей, названия фирм-получателей (кстати, я насчитал 12 фирм, учредителем и соучредителем которых А. Крайний стал в течение семи лет), даты, суммы. Дело за малым — проверь и сажай. Видно же, что вор. Почему же тогда не трогали? А вот почему, объясняют авторы:

«Не занимаясь развитием порта, Андрей Крайний постоянно бравировал перед недовольным коллективом, утверждая, что у него в аппарате Правительства в Москве все схвачено...».

Пока все описываемое относилось к периоду, когда Крайний лишь исполнял обязанности начальника порта, но уже тогда открыто говорил, что сначала будет утвержден в должности начальника, а затем возглавит Росрыболовство — как в воду смотрел! Пока же он, наездами бывая на рабочем месте (150 дней в году находился в Москве), наводил страх и жуть на трудовой коллектив:

«Когда господин Крайний А. А. возвращается из Москвы в порт, все работники прячутся по рабочим местам, боятся даже на него посмотреть. А тот в распахнутом пальто, подняв высоко голову, в сопровождении двоих охранников и двоих адвокатов, словно ветер несетя по коридору порта. Всем

своим видом показывает "аборигенам", кто в порту является настоящим хозяином. Стыдно даже смотреть как этот никчемный, чужой для порта господин даже в туалет ходит в сопровождении охраны. За охрану своей собственной персоны он платит денежные средства со счета порта и относит их на себестоимость предприятия. Так, например, только за 2004 год порт перечислил за двоих телохранителей Крайнего А. А. 658 800,0 рублей. Указанная сумма отнесена на себестоимость порта за отчетный 2004 год.

Коллектив, наблюдая за этим дармоедом, вспоминает былые времена, когда бывшие начальники порта Леонид Петрович Горбенко и Владимир Алексеевич Бойченко в спецодежде в защитных касках вместе с коллективом порта постоянно находились в порту, на причалах, где днем и ночью загружались и выгружались тяжелые суда. Они всегда были со своим коллективом и в бурю и в шторм. Эти честные начальники порта всегда ходили без охраны, им бояться было некого, потому что они порт не грабили и не отнимали у коллектива им заработанные денежные средства. Они вместе с коллективом с профсоюзными представителями их расходовали по закону, направляя их постоянно на зарплату и премию, на приобретение новых основных фондов. И, естественно, перечисляли в бюджет положенные налоги».

Судя по развивающимся в дальнейшем событиям, новый начальник никоим образом не был озабочен вопросами дальнейшего развития уникального российского порта. Он вместе со своим полукриминальным партнером по бизнесу Александром Белько прежде всего интересовался тем, как и какие барыши можно было получить от доставшегося им предприятия. В этих целях они создали на территории порта «свою» коммерческую фирму, которая занялась перевалкой нефтепродуктов на экспорт. Затем приспособили огромные резервуары (емкостью по пять тысяч кубометров каждый), в которых раньше держали артезианскую воду, под хранение светлых нефтепродуктов. Устойчивая вонь от их испарения перебивала запахи и моря, и рыбы, и морепродуктов, и наконец привлекла внимание местных экологов. Они забили тре-

вогу. Крайним занялись транспортные правоохранители. Но он подключил своих московских адвокатов, и те сумели мирно разрешить щекотливый вопрос, несмотря на то, что утечки нефти в залив не прекратились.

Нефтедоллары между тем бесконтрольно стали поступать на личные зарубежные счета мошенников. Солидные доходы они стали получать и от сдачи в аренду помещений порта. Например, от «Автотехцентра». Раньше он приносил предприятию более десяти миллионов рублей (по прежним ценам) прибыли в год. С появлением криминального «тандема» вся прибыль потекла к ним в карманы. Создавались различные фирмы, через которые перекачивалась значительная часть денежных средств морского рыбного порта.

Но главная афера была еще впереди. Суть ее состояла в присоединении к порту Калининградской портовой нефтебазы. Это был очень лакомый кусок, «золотая жила», приносящая доходы в десятки миллионов «американских рублей» и сотни миллионов отечественных.

За неполных два года Андрей Крайний лишил нефтебазу самостоятельности и стал ее фактическим хозяином. Один из сахалинских журналистов, исследовавших «феномен Крайнего», докопался до писем тогдашнего полпреда президента в Северо-Западном федеральном округе Ильи Клебанова своему начальнику, тогдашнему президенту страны, Дмитрию Медведеву. Вот что докладывал полпред по поводу присоединения базы к порту:

«...Правительством Российской Федерации издано распоряжение от 2 июля 2005 г. № 923-р "О реорганизации федеральных унитарных государственных предприятий "Калининградская портовая нефтебаза" и "Калининградский морской рыбный порт" путем присоединения первого ко второму. Распоряжение... противоречит действующему законодательству, поскольку реорганизация стратегического ФГУП "Калининградский морской рыбный порт" может быть осуществлена по решению Президента Российской Федерации.

Принятие такого решения Президентом Российской Федерации было признано нецелесообразным, о чем говорится в Вашем письме от 08.06.2005 г. № А4-10506П. Причем в пись-

ме Государственно-правового управления Президента Российской Федерации от 24.06.2005 г. № А6-5391 разъясняется, что по содержанию такая реорганизация двух предприятий не что иное, как ликвидация высокоэффективного государственного предприятия (ФГУП "Калининградская портовая нефтебаза") со всеми вытекающими отсюда отрицательными экономическими, финансовыми, управленческими и социальными последствиями...».

Забегая вперед, скажу, что последствия такой реорганизации не заставили себя долго ждать, и они были такими, как и предсказывал полпред.

Но вот что удивляет в истории с нефтебазой и вызывает многочисленные вопросы. Получается, что правительство заняло позицию Крайнего — какого-то периферийного менеджера, противопоставив ее главе государства. Вообще, это нонсенс. Однако «уважаемые россияне» и не такое видали. Тем не менее возникают далеко не праздные вопросы. Например, кто конкретно пренебрег государственными интересами ради частных? Какие «завязки» и связи были пущены в ход?

Зная не понаслышке Илью Клебанова, опытного и осторожного «царедворца» из питерской команды, его влияние в те времена во властных кругах, не могу представить, чтобы он встрял в конфликт между главой правительства и главой государства, не будучи на сто процентов уверенным в своей правоте. Может быть, что-то не просчитал? Ведь, как говорится, и на старуху бывает проруха. После этого Клебанов недолго пробыл в должности «ока государева». Как-то незаметно исчез с политического поля и растворился где-то.

Но тогда какой интерес к Калининграду имел председатель правительства (кроме того, что его бывшая жена была родом их тех краев), почему он принял, мягко говоря, нерациональное решение? Невольно вспоминаются строки из письма портовиков, которые писали, что, по словам Крайнего, «...ему в его пожеланиях помогает лично Владимир Владимирович Путин...».

Так или иначе, трамплин, подготовленный Крайним для взятия еще одной властной высоты, оказался очень удачным.

В Минсельхозе знали о ситуации в Калининградском морском рыбном порту. Его прямая подчиненность агентству по рыболовству не мешала министерству провести глубокую проверку деятельности предприятия и сделать соответствующие выводы. Но там чего-то выжидали. И дождались новогоднего привета от Андрея Крайнего. Он сделал ход в своем стиле — упреждающий.

Новогодний привет Минсельхозу

В канун нового 2013 года мне принесли копию документа, направленного Росрыболовством в правительство. Собственно, это был не официальный документ, а просто безымянная аналитическая записка о положении дел в отрасли. Доставивший ее человек заверил, что премьер Медведев уже наложил на нее резолюцию. То есть дал ход бумаге, получившей тем самым статус официального документа.

Зная бюрократические тонкости делопроизводства, я вначале не поверил, что такое может быть. По существующим правилам подведомственная министерству служба не должна, минуя его, ставить вопросы перед правительством и премьером. В противном случае в аппарате правительства просто обязаны завернуть поступившие бумаги обратно с соответствующими разъяснениями.

Однако, как потом выяснилось, мой информатор был абсолютно прав: глава правительства собственноручно начертил на записке поручение разобраться своему заместителю А. Дворковичу. Тот, в свою очередь, растиражировал бумагу по заинтересованным министерствам и службам.

Что же было такого экстраординарного и чрезвычайного в содержании предновогоднего послания, если на него последовала высочайшая и незамедлительная реакция?

Прочитав его трижды с карандашом в руках, я пришел к выводу, что имеет место быть, как сейчас принято говорить, банальный «наезд» на министерство. Причем форма его была далека от той, которую называют корректной. Автор (а скорее всего, авторы) в выборе выражений не стеснялись. При-

веду несколько из них: «Минсельхозом России заблокировано завершение исполнения... плана мероприятий...», «даным ведомством пересматривается принятое решение... что противоречит позиции Правительства... а также собственным заявлениям Министра сельского хозяйства на встречах с рыбаками». «Минсельхозом России саботируется выполнение поручения Президента Российской Федерации...».

От прочитанного возникает впечатление, что в лице Минсельхоза правительство приобрело скрытого врага всем своим реформаторским начинаниям, и, в частности, в одной из стратегических отраслей — рыбной.

Действительно, на это надо реагировать незамедлительно.

На самом же деле все изложенные факты свежестью не отличались. Обо всем этом в министерстве хорошо знали и даже предпринимали попытки кое-что серьезно поправить. Другое дело, что исправление ошибок (сделанных, между прочим, тем же агентством по рыболовству) происходило медленно, с нарушением установленных сроков. Но виноваты в этом были (где в большей, где в меньшей степени) обе федеральные структуры. Им бы между собой разобраться, а не выносить сор из избы. И тем более не привлекать внимание высокого начальства. У того и своих проблем выше крыши.

К тому времени конфликт между первыми руководителями двух ведомств (в который волей-неволей были вовлечены все сотрудники) достиг апогея, и ситуация приблизилась к «войне». Глава рыболовного агентства, как человек, носивший в прошлом погоны, решил атаковать первым. Трудно сказать, на что он, в конечном счете, рассчитывал. Военная история свидетельствует, что далеко не всегда нападающий побеждает. Даже когда нападение совершенно неожиданно для противника.

Тот факт, что «наезд» состоялся в канун новогодних праздников, когда вопросом никто глубоко заниматься не станет, имел как «плюсы», так и «минусы». «Плюс» — испорченное настроение противников на праздники (мелочь, но многим министерским чиновникам вместо отдыха придется поработать). «Минус» — запас времени для подготовки ответной атаки другой стороной.

Так получилось, что в день получения пресловутого «привета от Крайнего» министр решил устроить небольшой предпраздничный фуршет для секретариата и советников-помощников. Не хотелось портить праздничную атмосферу своим сообщением. И все же в конце мероприятия, когда Н. Федоров покидал его, я решился рассказать ему о записке.

На удивление министр даже не стал меня дослушивать. Прервал и с некоторым раздражением сказал, что уже знает от премьера о попытках Крайнего попасть к тому на прием.

— Со мной советовался Дмитрий Анатольевич, принимать его или не принимать? Я сказал, что ничего против не имею. Зачем вы мне это рассказываете? — задал мне министр встречный вопрос.

Я не нашел ничего другого, как ответить, что это обязанность советника — своевременно информировать своего начальника о происходящем. Правда, подумал, но не сказал о том, как бы выглядел премьер, если бы не предупредил министра о предстоящей встрече с его подчиненным. И как бы выглядел сам министр, если бы воспротивился их встрече.

Министр вернулся к этой теме после новогодних каникул. Вызвал меня и спросил, занимаюсь ли я вместе с его заместителем И. Маныловым известной запиской. Я ответил, что не занимаюсь, поскольку никаких поручений не получал. Предложил свою помощь в подготовке ответа. Министр промолчал, и разговор перешел на другие темы.

Через некоторое время у меня состоялся нелicenseприятный разговор с первым заместителем министра И. Маныловым, курирующим в том числе и рыбную отрасль.

Замминистра сразу заявил, что он человек прямой и будет говорить без обиняков. Сказал же он примерно следующее: ему со мной работать некомфортно, а поскольку предстоит «большая война» с Крайним, то в этой ситуации нужен советник из профессиональных рыбаков, который при победе (а в ней замминистра не сомневался) возглавит агентство по рыболовству.

Обменявшись признанием во взаимных «симпатиях», мы расстались навсегда. Я уходил из министерства без обид, но с сочувствием к оставшимся немногочисленным коллегам из

«рыбного» и правового департаментов, которым придется отдуваться за все последствия развязанной «войны».

А она действительно началась нешуточная. По известным правилам аппаратно-криминальных игр.

Для начала было возобновлено пару лет державшееся под сукном уголовное дело против одного регионального чиновника-мздоимца. Андрея Крайнего привязали к нему в качестве свидетеля, но с прицелом вывести в соучастники. СМИ, жадные до скандальных сенсаций, тут же раскрутили «жареную» тему до уровня минобороновской и минсельхозовской времен министров Сердюкова и Скрынник. Но если в двух последних случаях речь шла о миллиардных хищениях, то в этом — лишь о каком-то десятке миллионов рублей, полученных за устройство на работу. Обычная для современного чиновника взятка: такое в любом ведомстве сплошь и рядом происходит. Сюда бы «калининградскую историю» подтянуть, глядишь, и прищучили бы «главного рыбака страны». Но она по-прежнему пылится под сукном, в ожидании своего часа.

Нужно отдать должное Андрею Крайнему. Не знаю, как он чувствовал себя, оставаясь наедине сам с собой, но на публике держался отменно. Вел себя так, будто происходящее вокруг него нисколько его не касалось. Участвовал в различных мероприятиях, ездил в командировки, в том числе зарубежные, где подписывал международные договоры, выступал в Государственной Думе и Совете Федерации. Такое поведение импонировало многим рыбакам, которые, несмотря на критику своего руководителя, не могли не оценить его бойцовские качества.

Исход затеянной «войны» просчитать было нетрудно. В первых, потому, что для ее ведения у министерства не имелось даже «спецназа». Не создав в свое время полноценный рыбный департамент, министерство держало «полтора» специалиста, способных что-то более-менее внятно сказать о проблемах отрасли. Общественный рыбохозяйственный совет, созданный из профессионалов высочайшего класса, почил в бозе после второго общего сбора.

На другой стороне, наоборот, играли профи. Может, они и были жуликоватыми, но дело свое знали хорошо. К тому же я

изначально не был уверен в том, что руководитель агентства (так и тянет поиграть с его фамилией) пошел на крайние меры, не будучи уверенным, что не получит поддержки свыше. Даже такой авантюрист (к коим по-прежнему отношу А. Крайнего) не мог не понимать, что в случае поражения он стремительно покатится вниз. Со всеми вытекающими в подобных случаях последствиями. Значит, на кого-то рассчитывал?

В рыбацкой среде по этому поводу ходят разные версии. Одна из них о том, что у «главного рыбака» с премьером существуют неформальные отношения через жен. Обе возглавляют какие-то общественные фонды и на этой благотворительной стезе сдружились. Для современного чиновничества звучит весьма правдоподобно. Возможно, поэтому записка, принесенная на встречу, избежав обязательных в таких случаях бюрократических процедур, сразу приобрела «ноги». Возможно, интерес премьера состоял в совершенно других вещах. Связанных, например, с личностью министра. Ни для кого не секрет, что Федоров — не креатура Медведева и в его команде ведет себя достаточно независимо.

Так или иначе, министр первым дистанцировался от «рыбалки» и ее проблем. По крайней мере, мне он еще в январе недвусмысленно дал понять, что рыбная тема его больше «не греет». Однако это не помешало его окружению во главе с взявшим в свои руки управление отраслью И. Маныловым продолжать аппаратную войну. Уже не столь решительно, с оглядкой на самый верх. Создавалось впечатление, что именно оттуда должна была прозвучать команда типа: «Отставить дразги и начать работать!».

Случилось такое или нет, знает только узкий круг лиц, которые предпочитают об этом не распространяться. Скорее всего, да. Поскольку как-то разом замолчали СМИ, очень чувствительные на подобные вещи. Следственный комитет тоже по-тихому закрыл уголовное дело в отношении Крайнего. Между ведомствами наступило дипломатическое перемирие. Продлилось оно ровно год. В январе 2014 года Андрей Крайний был отправлен в отставку. На этот раз он проиграл. Только на вопрос, выиграла ли отрасль, ответить сегодня никто не берется. Наоборот, в рыбацкой среде сейчас нет-нет да звучит

некая ностальгия по Крайнему. Новый назначенец Илья Шестаков не оправдывает появившихся было надежд. Судя по рассказам рыбаков, авторитет его невысок. Да и откуда взяться этому авторитету у человека, прежде не имевшего прямого отношения ни к морю, ни к промыслу. Хотя объективности ради надо отметить, что, работая в качестве заместителя министра, Шестаков занимался вопросами правового регулирования международной деятельности Росрыболовства. Но не помню, чтобы он хотя бы раз выходил в международные воды. Судя по биографии, совсем сухопутный человек, не имеющий никакого практического рыбацкого опыта. Да и где бы он его набрался в свои 36 лет. Не в «Газпроме» же?

Мне пришлось некоторое время поработать с Ильей Васильевичем в министерстве. Впечатление осталось самое благоприятное. Спокойный, вежливый, симпатичный и вполне адекватный молодой человек. Ни с кем не конфликтовал. Но и революционных идей от него не приходилось слышать. Возможно, где-то такие покладистые чиновники очень нужны. Только не в тех отраслях, где требуются решительные перемены. А рыбное хозяйство страны давно взывает к профессиональному, компетентному и комплексному подходу к развитию отрасли. Без крайнего авантюризма, но смелым действиям. Можно ли ожидать их от нового руководства? Рыбаки, мягко говоря, в большом сомнении. И вот почему. В руководящем составе агентства практически ничего не поменялось. Одним из замов, правда, назначен ветеран отрасли мурманчанин Владимир Соколов. Но он оказался, пожалуй, единственным профессиональным кадровым усилением команды нового руководителя. Что касается среднего управленческого звена, то рыбаки отметили появление на разных важных для них направлениях молодой и образованной поросли. Беда только в том, что эта, возможно, талантливая молодежь имеет весьма поверхностное представление о рыбацких проблемах. Сколько лет ей понадобится, чтобы освоиться в многоотраслевом хозяйстве? А складывающаяся вокруг страны санкционная ситуация не оставляют времени на раскачку. Вопрос о продовольственной безопасности государства, пожалуй, еще никогда не вставал так остро, как теперь.

Кстати, о санкциях. В рыбацком сообществе (кроме той части, которая занимается торговлей зарубежной рыбопродукцией) почти с восторгом восприняли запреты на ввоз в Россию норвежской семги и прочих заморских рыб, заполнивших прилавки отечественных магазинов. Многим россиянам неведомо, что доступная по цене и красивая с виду норвежская семга просто вредна для здоровья. Ведь она напичкана различными стимуляторами роста, антибиотиками и красителями. Плюс собственными экскрементами. Да-да-да. Автор вовсе не сгущает краски. Технология выращивания норвежского лосося в садках, грубо говоря, представляющих огромные аквариумы, не предполагает их очистки от отходов жизнедеятельности рыбы. Так что ей волей-неволей приходится питаться тем, что из нее вышло. Примерно так, а то еще и в худших условиях выращиваются некоторые породы рыб в Китае и Вьетнаме, поступающих в наши торговые сети.

Понятна радость российских рыбопромышленников и рыбодоводов, которые с введением ответных санкций почувствовали открывающиеся возможности стать хозяевами на отечественном рыбном рынке. Но, судя по всему, ожидания оказались преждевременными. Ни в агентстве, ни в минсельхозе не последовало каких-либо решительных шагов, поддерживающих оптимистический настрой рыбаков развернуться во всю потенциальную мощь. Что для этого надо? Разумеется, речь идет о помощи государства. Коль скоро мы ведем разговор о продовольственной безопасности страны, стало быть, и все приоритеты государственной поддержки должны сосредотачиваться на этом направлении. В действительности получается нечто противоположное. Миллиарды рублей дотируются в банки, триллион запрашивает Роснефть (и, скорее всего, получит), а дальневосточные рыбаки гонят львиную долю своей добычи за бугор. Их понять можно. Им гораздо выгоднее продать свои уловы в Японию или Китай, чем везти их себе в убыток в далекий Тамбов. Почему государство не может взять на себя часть рыбацких издержек, как, например, у сельхозпроизводителей? Ни правительство, ни минсельхоз не дают на этот вопрос вразумительных ответов. Между тем примеры для подражания рядом, у соседей. Та же Нор-

вегия начинала заниматься искусственным разведением лосося практически с нуля и за короткий период времени достигла лидирующих высот в этой области. У Китая и даже Вьетнама уровень развития аквакультуры на порядки выше, чем в нашей стране. У нас же даже соответствующий закон толком не проработан и валяется в Госдуме. Однако вместо того, чтобы озаботиться этим, некоторые законодатели выступают с весьма сомнительными (прежде всего с политической точки зрения) инициативами. Например, Геннадий Горбунов, глава аграрного комитета Совета Федерации, на 9-м Международном конгрессе рыбаков предложил ввести полный запрет для японцев на дрифтерный промысел рыбы в исключительной экономической зоне России. На первый взгляд — мера полезная для наших промысловиков. Чем меньше конкурентов, тем больше добычи в собственных сетях. Ну и «ответка» соответствующая на односторонние санкции Японии. Только вот проблемы от подобных мер не исчезнут. Даже если дальневосточники станут вдвое больше добывать дикого лосося, вряд ли он появится на российском рынке. По-прежнему будет уходить в ту же Японию. Потому что так рыбакам выгоднее торговать своей продукцией. К тому же рассчитывать на увеличение объемов дрифтерного промысла теперь не приходится. С подачи того же Горбунова и поддерживаемой им группы сенаторов-лоббистов был принят ряд ограничительных мер, которые значительным образом снизили эффективность этого промысла. То есть законодатели сначала ударили по своим, а уж потом решили и соседям погрозить. Думаю, что дальше угрозы дело не пойдет. Не случайно Илья Шестаков очень осторожно отреагировал на горячий призыв сенатора. Сказал, что надо его внимательно изучить совместно с МИДом. Но это пока единственный случай в деятельности главного рыбацкого чиновника, когда проявленную им осторожность можно приветствовать. Действительно, политические последствия поднятого вопроса могут оказаться гораздо значительнее экономических. Зато по другим животрепещущим рыбацким проблемам все как было при прежнем руководителе, так и остается. Кадровый состав территориальных структур агентства практически не изменился. А значит, не изменилась проводимая ими

политика в регионах. Средний и малый бизнес по-прежнему ведет неравную борьбу за выживание с местной властной элитой и рыбными монополиями. Потому и проявляется ностальгия по авантюрному, но уже вписавшемуся в рыбацкую среду А. Крайнему. Тот-де хоть за словом в карман не лез и, когда надо, бился за интересы отрасли до последнего. Про свои, конечно, тоже не забывал, но ведь и рыбакам кое-что перепало. Так зачем было руководителей-то менять?

Как салаги морского волка разводили

По нынешним временам рейдерский захват предприятия или иной собственности — дело настолько обыденное, что подобные случаи уже перестают привлекать общественное внимание. Ну, разве что звучные фамилии окажутся замешанными в грязной истории, тогда резонанс обеспечен. Начинаются они по отработанной технологии, но с различными вариациями, в зависимости от местной специфики. Заканчиваются по-разному. Однако замечено, что благополучный исход тяжбы по отнятию собственности гарантирован тому, на чьей стороне не право, а правоохранители. Так уж сложилось в нашей стране. Даже присловье по этому поводу появилось: знать нужно не закон, а судью. Нет, бывает, конечно, полное совпадение мнения правоохранителей с законом, и тогда торжествует истина. Но если на кону стоят очень большие деньги (например, миллиард) и возникает возможность отщипнуть от них прямо на службе, то вышеназванное совпадение становится практически невозможной редкостью.

Наши герои — люди, по большому счету, неприметные, не узнаваемые. Кроме, разумеется, Анатолия Ивановича Костина — основателя и главного акционера ЗАО «Экарма ЛТД». Да и его известность дальше рыбной отрасли, собственно, и не распространяется. Вел он свой бизнес несуетливо, без излишней рекламной помпы, в основном по старинке: добыл-доставил-продал. Но с ним охотно имели дело всевозможные покупатели, поскольку знали: никогда, ни при каких обстоятельствах не подведет и товар с гнильцой не впарит. Все

у него делается на совесть и по совести. Так уж воспитан был: и семьей, и социальной средой, которую сейчас у многих считается хорошим тоном хаять. Речь, понятно, идет о советском воспитании и его «издержках». Но «дед», как его за глаза звали молодые компаньоны, свои убеждения не менял, к современной морали не приспособливался. Двух молодых парней, которые много лет назад попали к нему, что называется, с улицы, он учил вести бизнес честно, без лукавства и обмана. Наверное, порой был излишне строг и требователен. Так ведь всерьез замену себе готовил.хлопотно уже стало в его возрасте самому разросшимся хозяйством управлять. Все чаще о заслуженном отдыхе стал подумывать. Все к этому шло. И вдруг будто цунами обрушилось на старого морехода...

В один прекрасный день, который дед проводил на подмосковной даче с внуками, раздался телефонный звонок, и приятный женский голос предложил ему незамедлительно встретиться по безотлагательному и жизненно важному для него вопросу. Что делать, сорвался и поехал. Обходительная по манерам дама, оказавшаяся приезжим, аж из Владивостока, адвокатом, чуть с ног не свалила известием о том, что его воспитанники и младшие партнеры (на современно сленге — миноритарии) решили отделиться и уйти в самостоятельное бизнес-плавание. Окрепли, значит, салаги-альбатросы. За горизонты потянуло. Дело, в общем-то, житейское. Он и сам когда-то покинул отчий дом, морем прельстился, самостоятельностью. Но при этом из нажитого родителями добра ничего не прихватывал. А тут адвокат сразу цену развода озвучила: один миллиард 80 миллионов рублей. Почему рублей, а не долларов — объяснить не смогла. Как не смогла сказать, откуда вообще такие цифры возникли. Впрочем, с миллионами картина вскоре прояснилась. Именно такую сумму запросили «решальщики» (адвокаты, посредники и иные участники рейдерского захвата) для «законного» урегулирования вопроса. Что касается миллиарда, то так миноритарии (пора открыть их имена) А. Горшков и К. Крупкин оценили свой вклад в развитие предприятия. На глазок. Видимо, действовали по принципу: проси больше, а там как получится. Действительно, через месяц умерили аппетиты, сбавили цену наполовину. Но

все равно, где взять такие деньги? Продать производственные мощности и выгнать людей на улицу? На такое Костин ни при каких обстоятельствах пойти не мог. Словом, началась затяжная тяжба. Преимущество в таких случаях поначалу всегда у нападающих. Они нанесли свой удар неожиданно, исподтишка. С расчетом на преклонный возраст Костина, уходящие силы и отсутствие какого-либо административного ресурса. Все просчитали младшие партнеры, тайно готовясь к разводу. Создали в Калининграде свою фирму с созвучным названием. Потом еще одну, куда перевели восемь миллионов неприкосновенных страховых взносов. Невесть откуда возник документ, подтверждающий легитимность появления клона, завизированный подписью, очень похожей на подпись главного акционера. Потом оказалось — подделка. Нашлась под столом одного из акционеров и фальшивая печать. Забыл, в спешке увольняясь, свое орудие труда К. Крупкин. Жульничали партнеры, оказывается, и раньше.

Бунт на флагмане поддержали в сахалинском филиале компании. Директор «Экарма-Сахалин» Игорь Корнегруца, перед конфликтом акционеров чудом удержавшийся в своей должности, решил воспользоваться благоприятной для себя ситуацией и тут же примкнул к миноритариям. Правда, в коллективе поддержку он нашел лишь у юриста филиала Фурсина, с которым раньше обтяпывал различные делишки. Все остальные сотрудники (как и в целом сотрудники компании) встали на сторону главного акционера — Костина. Он проверенный, при нем — стабильные заработки, нормальные условия труда, соцпакет... А что будет с приходом новых хозяев — никому не известно. Обещать-то сейчас все горазды. Только выполняют обещанное единицы.

Не поддались сахалинцы ни на уговоры, ни на угрозы. А они были нешуточные. Читаешь официальные письма в правоохранительные органы, и вспоминаются разбойные девяностые годы, когда бандиты уюгами воспитывали упрямцев, а для сговорчивости в землю их закапывали. И здесь двух сотрудниц — бухгалтера и начальника отдела кадров — вывезли в лес и грозили расправой. Женщины не поддались на давление, хотя после такой обработки пару недель на больнич-

ном провели. Неудачной для рейдеров оказалась и попытка получить по подложным документам в Южно-Сахалинском отделении Россельхозбанка более 80 миллионов рублей. Только вот одна из судей сахалинского арбитражного суда, видимо, не удержавшись от соблазна подзаработать, решила сыграть на стороне директора филиала Корнегруцы. Но вскоре следствие нашло основания для возбуждения против него уголовных дел и даже предотвратило его попытку укрыться за границей. Все бы так правоохранители работали.

В московском офисе холдинга разыгрывался иной сценарий захвата, внешне цивилизованный. Но только на первый взгляд. Ибо применялись, по сути, те же грязные методы. Уволенный решением совета директоров с должности генерального директора А. Горшков по формальным признакам был восстановлен в должности Зеленоградским районным судом 21 августа 2013 г. В тот же день судебный вердикт был незамедлительно исполнен. О соответствующем приказе Горшкова уведомили телеграммой. Однако он появился на рабочем месте в конце следующего трудового дня. Пришел в сопровождении многочисленной свиты из охранников и адвокатов. Но главным действующим лицом пресловутой группы захвата оказался пристав Царицынского ОСП В. Чуев, заявивший, что в отношении ЗАО «Экарма ЛТД» возбуждено исполнительное производство.

— Так ведь исполнено уже, — возразили ему и показали приказ с телеграммой.

Однако пристав и слушать ничего не хотел, впал в административный раж, кричал, требовал подтвердить полномочия присутствующих, а также незамедлительно перечислить на счет Царицынского отдела судебных приставов 172 тысячи рублей...

— Помилуйте, это невозможно, — пытался объяснить Костин. — Во-первых, конец рабочего дня и в кассе таких денег нет. Во-вторых, вы часом адресом не ошиблись? Наш юридический адрес в Зеленограде, а офис располагается в Строгино на улице Таллинской, дом 26. У вас же указана ул. Шипиловская, д. 67 корп. 1, кв. 147.

Впоследствии выяснилось, что на улице Шипиловской такого дома вообще не существует. Но подобное, мягко гово-

ря, несоответствие ни в коей мере не привело в чувство г-на пристава. Между тем по закону он при установлении расхождений в адресе места совершения исполнительных действий обязан был отказать в возбуждении исполнительного производства. Но ведь пристав не за тем на чужую территорию залез, он сразу заявил о деньгах. Как говорится, прокололся. Видимо, не без ведома своих непосредственных начальников бесчинствовал, поскольку те не усмотрели ничего крамольного в действиях ретивого подчиненного. И только после вмешательства самого главного российского пристава — директора ФССП РФ А. Парфенчикова решили разобраться, какой морковкой заманили Чуева в соседний район. Не мог он не ведать, что творил. И он, и адвокат уволенного Горшкова некая Темир-Булатова имели на руках судебное решение, в котором указывался точный адрес, но в исполнительный лист вписали фиктивный. Скорее всего, спешили наложить арест на собственность и выбить из колеи оппонента, чтобы свою долю урвать. А ее размер для «решальщиков», как уже говорилось, составлял 80 миллионов рублей. Охотников на них нашлось много: от Сахалина с Владивостоком до Москвы. Воронеж, да и только.

...Вопреки ожиданиям «салаг», эта скандальная история не подкосила закаленного в морских и житейских бурях морехода. Наоборот, мне кажется, для него она стала той встряской, которая заставляет человека внутренне мобилизоваться и сконцентрироваться на определенной цели. Цель у Костина сейчас, понятно, одна — победить в этой тяжбе и сохранить в целости то, на что он положил годы напряженного труда. Когда мы встретились и он рассказал мне о происходящем в его хозяйстве, я не заметил в нем и следа какой-то неуверенности или беспомощности. На мой провокационный вопрос, а не бросить ли ему все это дело к черту, отдать доли партнерам и доживать в свое удовольствие, тем более что и оставшихся средств хватит на далеко не бедную жизнь, Анатолий Иванович сказал примерно следующее: «Да разве в деньгах дело? Ведь я и хотел этих ребят оставить вместо себя. Того же Горшкова уговорил стать генеральным директором. Ну, подождали бы немного, а там, глядишь, все бы в их руках было.

Так нет, они решили ускорить процесс и по-бандитски — нож в спину. А со мной так нельзя. Ни с кем так нельзя поступать. Люди должны отвечать за свои поступки...»

До хэппи-энда в этой истории, по всей видимости, еще далеко. По крайней мере, когда писались эти заметки, конец ее не просматривался. Дела по рейдерским захватам у нас могут тянуться годами. Причин тут много самых разных. С одной стороны, депутаты пишут и выпускают, как на конвейере, огромное количество законов, призванных защищать человека со всех сторон. С другой — эта история, которую можно представить как рутинную тяжбу хозяйствующих субъектов, свидетельствует о том, что не только наемные работники, но и сами работодатели порой попадают в ситуации, когда не могут защититься от мошенников. Вывод напрашивается один — совершенно законодательство. Правоведы тут же возразят: мол, не в законах дело, а в их исполнении. Кто бы спорил? Но в таком случае, прежде чем заниматься бизнесом, следует обзаводиться правовой «крышей», запастись «морковками». Или же объединяться по интересам. Ведь пришел же в свое время к такой мысли независимый рыбопромышленник Костин. Все же лучше, чем одному на льдине дрейфовать.

КУРИЛЬСКИЙ ВАРИАНТ

Из газетных сообщений 90-х годов: «Жители острова Шикотан выступили за присоединение к Японии. Безысходность положения, в которой оказалось население самой дальней островной российской окраины, безразличное отношение к нуждам островитян со стороны властей толкает наиболее радикально настроенную часть курильчан предпринимать шаги, грозящие нарушением территориальной целостности государства».

Сайт «Коммунисты Столицы» от 22.05.2013 г.: «Михаил Прохоров, желающий не выпасть из политического поля... любит делать предложения на "отвлеченные темы"... Это касается... последней инициативы по созданию свободной российско-японской экономической зоны на Курилах. Идея, на самом деле, не нова. О совместном экономическом освоении Курильских островов говорил еще...».

Прежде чем взяться за эти заметки и перебрать свой личный архив по «курильской теме», решил пробежаться по Интернету. Несколько часов без отрыва просидел за компьютером, открывая для себя все новые и новые интерпретации многолетнего территориального спора между двумя соседними государствами, все новых и новых «героев-защитников» территориальной целостности России.

Кого только среди них не увидел! Депутаты и сенаторы, дипломаты и географы, историки и рыбаки — всех не перечислишь и не упомнишь. Таких известных в перестроечное время людей, как Сергей Станкевич и Гавриил Попов, мне пришлось знать лично. Более того, мы в свое время состояли, как говорится, в одной команде — межрегиональной депутатской группе (МДГ). Однако ассоциировались они у меня с

чем угодно, но только не с «курильской проблемой». Вот ведь как оказывается: и они внесли свою лепту в решение территориального спора — в октябре 1990 года предлагали японцам план создания на островах «совместной российско-японской» администрации. Станным было то, что они меня в соавторы не записали. Ведь из всего двухтысячного депутатского корпуса (союзного уровня) я был единственным представителем курильчан. Хотя бы посоветовались для приличия. Все же по одну сторону баррикад стояли.

А вот выступление на сессии Верховного Совета СССР бывшего президента Киргизии А. Акаева хорошо помню. Как тут забудешь, когда он на всю страну призвал М. Горбачева срочно передать острова Японии. Славный был ученый-президент. Правда, бесславно закончил свою политическую карьеру — пришлось ему убежать из Киргизии. Тем не менее в историю вошел. В том числе и знаменитым сюжетом, где его Борис Ельцин публично по лысине погладил.

До сих пор не перестаю (а вроде пора уже) удивляться тому, как некоторым политикам удается «перехватить и оседлать» резонансную тему, не зная о ней ровным счетом ничего. Ну где киргиз Акаев и московские деятели Станкевич и Попов, а где — Курилы? Они там и не бывали-то ни разу! Ни до, ни после описываемых событий. Но «выстрелили» по теме своевременно. Отметились, «засветились», набрали очки. А дальше — трава не расти.

Было много и других деятелей, которые поняли политические перспективы и актуальность территориальной проблемы и стали методически «окучивать» благодатную, с точки зрения политической карьеры, поляну.

Нахожу в Интернете концепцию решения территориального спора в изложении известного российского юриста Олега Румянцева. Бывший народный депутат РСФСР свой исторический след в современной России оставил как автор «альтернативной» Конституции страны. Но «курильская концепция» также заслуживает внимания, прежде всего своей логичностью и выверенностью выводов. Беда ее в том, что при всей ее юридической стройности она нежизнеспособна, поскольку отражает лишь один путь решения проблемы — автор-

ский. А этот путь, к сожалению, далеко не всегда оказывается верным в контексте происходящих как в стране, так и мире, событий.

Жаль, конечно, что когда я впервые познакомился с Олегом Германовичем, то принял его за очередного политика-шарлатана, решившего «навариться» и попиариться на «больной» в то время для моих избирателей теме. Примерно так ему и сказал, когда он неожиданно и негаданно вместе со своим другом-депутатом ввалился в мой кабинет. В то время я был уже представителем президента в Сахалинской области.

Мое некоторое раздражение в связи с появлением московских визитеров было вполне объяснимо. Да и как иначе я мог отреагировать, если они с порога заявили, что приехали спасать Курилы.

— От кого спасать-то собрались? — поинтересовался я. — Вроде бы никто не нападает.

— Москва готовит сдачу островов японцам. Надо предпринимать упреждающие действия. Мы едем на Курилы разговаривать с людьми, — услышал в ответ.

Что тут возразишь? Депутат — лицо неприкосновенное, вольное в своих действиях и мнениях (партийной дисциплины в те времена не существовало), никакой чиновник ему не указ. Вряд ли они поверили бы в то, что я одним из первых (в силу занимаемой должности, разумеется) был бы проинформирован о готовящейся передаче островов. Из Кремля мне обязательно намекнули бы о предпринимаемых решениях по курильскому вопросу. Но оппозиция была в больших «контрах» с властью и не доверяла ей ни в чем.

— Езжайте, — говорю, — полезно будет посмотреть, как там люди живут.

На обратном пути депутаты ко мне уже не зашли. Видимо, торопились дописывать свою концепцию. Заскочили на острова, думаю, только за тем, чтобы зафиксировать свое пребывание на них. Так сказать, для чистоты эксперимента. В итоге и получился теоретический, добротнo выстроенный, но не имеющий отношения к реалиям, экспериментальный труд.

Было еще множество точек зрения и предложений по поводу территориального спора двух соседних государств. Они

и сейчас время от времени появляются, стоит только соответствующему поводу возникнуть. Но накал обсуждений уже не тот, что был в начале 90-х.

...Мое многочасовое «путешествие» по архиву Интернета было связано не только с обновлением в памяти событий, связанных с интересующей меня темой, но и с поиском собственных материалов о ней. Обнаружил упоминание своей фамилии всего несколько раз, да и то как-то вскользь, мимоходом. Одна заметка обнаружилась в «Литературной газете».

Даже любопытно стало, отчего такое умолчание вдруг? Куда подевались мои многочисленные публикации по курильской проблеме, предложения поэтапного (не путать с ельцинскими «пятью этапами») развития отношений двух стран, вызвавшие бурную реакцию коммунистов, которые инициировали сбор подписей избирателей по моему отзыву из числа народных депутатов СССР? Куда, в конце концов, исчезла критика, от которой приходилось отбиваться? Странно все как-то.

Нет, я ни в коей степени не относил себя к публичным первооткрывателям проблемы. Хотя, с другой стороны, если проанализировать ход развития событий, хронологию предания гласности территориального спора, то вполне мог претендовать на роль «колумба» в предании гласности курильской проблемы. Достаточно вспомнить, что Эдуард Шеварднадзе как министр иностранных дел отчитывался по этому вопросу на заседании комитета по международным делам именно по моему депутатскому запросу. Тогда и был выпущен курильский «джинн» из закупоренной на долгие годы бутылки.

К сожалению, в домашнем архиве осталось мало свидетельств, подтверждающих мою причастность к вопросам, касающимся решения территориального спора. В свое время я по ряду причин отошел от этой темы. И даже публично дезавуировал некоторые ранее предлагаемые подходы к решению проблемы. Однако все мои материалы сохранились в Сахалинском областном архиве, куда они были переданы много лет назад по настоянию его директора, моего старого товарища со студенческих времен, а ныне доктора исторических наук А. И. Костанова.

...В моей предвыборной программе «территориальная проблема» не звучала. Да и знал я о ней тогда лишь понаслышке. Ровно столько, насколько считало нужным информировать своих граждан Советское правительство и Политбюро ЦК КПСС. Тема была закрытой и широкому обсуждению не подлежала.

На самих Курилах, несмотря на то, что родился и вырос на Сахалине, к которому они территориально относятся, я был всего однажды в журналистской командировке по жалобе читателя газеты с острова Кунашир. В то время в газетах имелась рубрика «Письмо позвало в дорогу». Вот по такому письму я и оказался на острове.

Кунашир меня буквально поразил. Добирался я до него на теплоходе под названием «Марина Цветаева». Дело было в начале сентября. В это время стоят самые благоприятные погоды. Синее море, яркое солнце, белый теплоход, стая дельфинов кружит рядом. Сочи, да и только (кстати, Южные Курилы и Сочи на одной широте находятся). А впереди по курсу неожиданно возникает, величая по мере приближения, идеальной формы вулкан Тятя.

Где такое еще увидишь? Мне, коренному сахалинцу, на «большой земле» (так называют Сахалин курильчане) подобной красоты встречать не приходилось. Впечатления множились по мере знакомства с курильской землей. Тут я увидел, как за считанные минуты вечернее солнце закатывается за морской горизонт. Явление уникальное, научно объяснимое, но воспринимается, как фантастическое. Экзотическая природа, где благоухают магнолии, а лианы соседствуют с соснами, заставляет всерьез сомневаться, стоит ли эти земли называть «северными». Многочисленные гейзеры и бьющие вокруг изпод земли горячие источники только укрепляют подобные сомнения.

Кстати, об источниках. О них как раз и шла речь в письме, позвавшим меня в дорогу. Здесь термальные источники называли просто — ванночки. Они делились на радоновые, серные и прочие щелочно-кислотные. В них, образно говоря, вся таблица Менделеева уместилась. В каждой ванночке «живая вода» против конкретной болезни: сердечно-сосудистых

заболеваний, дерматологических, гинекологических и так далее. Медики утверждают, что знаменитые швейцарские минеральные воды по своей лечебной эффективности и рядом (в переносном смысле слова) не стояли с курильскими. Вот только на Курилах полечиться могли лишь избранные члены советского общества. В основном высокие армейские и пограничные чины и партийно-советское руководство. Строгий погранично-пропускной режим, действовавший по всей Сахалинской области и ужесточившийся на Курилах, сводил на нет посещение островов рядовыми гражданами.

Существовала, правда, маленькая лазейка для особо нуждающихся в лечении минеральными водами. Называлась она Курильским отделением Сахалинской областной больницы. От одного их «счастливых» пациентов отделения и пришло в редакцию газеты «Советский Сахалин» критическое письмо.

Увидев шаткий барак с протекающей крышей и провалившимися полами, именуемый медицинским учреждением, можно было заканчивать журналистское расследование. Тут хватало фоторепортажа с соответствующими комментариями. Но меня потянуло на сравнения. Этому способствовали поразительные контрасты вокруг. На фоне умопомрачительной флоры и фауны — прямо-таки «пещерная» социальная сфера. Редкие шлакобетонные двухэтажные дома только подчеркивали убогость существования людей.

Словом, получился довольно большой газетный материал об условиях жизни жителей острова Кунашир. Не знаю, повлиял ли он на голосование курильчан, но на выборах они оказали мне очень высокую поддержку от Шикотана и по всей Курильской гряде, где имелись избирательные урны.

После избрания народным депутатом СССР первым делом поехал знакомиться со своими курильскими избирателями. После этих поездок, многочисленных встреч и общения, дискуссий и споров возникло понимание того, что с Курилами происходит что-то неладное.

Государство относилось к островитянам по остаточному принципу. Там действовал двойной коэффициент, «северные набавки» к зарплате, что, на первый взгляд, служило компенсацией за многочисленные житейские неудобства. Дейст-

вительно, послевоенные освоители (к их числу относились и мои родители) сахалинско-курильских территорий ехали сюда в основном по двум причинам: убежать подальше от голода и разрухи и за «длинным рублем». Пришлый народ прижился на суровой, но одновременно благодатной земле и пустил глубокие корни. За послевоенные годы выросло третье поколение сахалинцев и курильчан. Они по праву считают землю, освоенную их родителями, дедушками и бабушками, своей «малой родиной». Точно так же они вправе требовать от «большой родины» — государства соответствующего гражданам великой страны отношения. Ведь «длинный рубль» даже частично не закрывал всех проблем, с которыми сталкивались в повседневной жизни островитяне. Какой тогда смысл в деньгах, если на них нечего купить? Ни тебе свежих овощей, ни свежего мяса, ни той же рыбы, которая вокруг кишмя кишит, а в магазинах пусто.

В Южно-Сахалинском аэропорту курильчан очень легко было определить... по пивным бутылкам. «Мужская радость» на островах отсутствовала и считалась лучшим подарком с «большой земли». Загружались бутылочным пивом так, что самолет потом напоминал летающий фургон со стеклотарой.

Не могу тут не вспомнить историю, рассказанную за «рюмкой чая» знакомым советским чиновником. Японцы очень высоко ценили целебные свойства курильских минеральных источников. На Кунашире остались императорские ванны, построенные японцами для своего микадо. Для его ли нужд или для других целей, соседи предложили советскому правительству своеобразный бартер: менять курильскую воду на японское пиво в соотношении литр минералки за два литра пива. Советские руководители гордо отвергли выгодное предложение. Видимо, усмотрели в нем какую-то империалистическую «подлянку».

Плачевное социальное состояние островных земель объяснялось по-разному, но многие эксперты, с которыми приходилось общаться, главными причинами (не под запись, конечно) называли неурегулированный территориальный спор и отсутствие мирного договора между двумя соседними государствами.

Подобное объяснение казалось логичным. Действительно, зачем вкладываться в земли, которые по каким-либо причинам (например, в результате международного давления) могут со временем отойти к соседу? Есть свидетельства, что о варианте по «сдаче островов» думал и Н. С. Хрущев.

Где же выход? Его подсказали сами люди. Не раз во время моих встреч с избирателями звучал вопрос: «А почему бы на этих островах не жить вместе с японцами?».

— Вы там, «наверху», подумайте, как это сделать, — предлагали курильчане мне как представителю высшей законодательной власти страны.

Вот так и родилась идея разработать вариант (или варианты) решения курильской проблемы. Помимо историков, которые каждый в своей стране очень убедительно доказывают свою правоту, помимо дипломатов, которые также упорно гнут свою линию. А исходя из пожеланий простых людей с той и другой стороны. То есть пойти по третьему пути — пути народной дипломатии.

Поделился этими мыслями со своими коллегами из «Советского Сахалина». Ответственный секретарь газеты Сергей Михайлович Рязанцев, историк по образованию и великолепный журналист, ухватился за идею, будто всегда ее вынашивал. Собственно, его разработки и легли в основу всех моих депутатских предложений. Но прежде было глубокое изучение вопроса с двух сторон пролива Лаперуза: среди ученых, дипломатов, иных чиновников, а главное — среди простых граждан соседних государств.

Люди Айну

Когда мы с коллегой из «Литературной газеты» Валерием Шаровым были на Хоккайдо, то узнали, что примерно за сто двадцать лет до нашего посещения этого японского острова, который без бинокля очень хорошо просматривается с южной части российского Кунашира, он имел другое название: Айну-Мосири, что в переводе с айнского языка означает «земля людей». Так что в заголовке получается повтор: «люди люди». Но это не оговорка.

В истории, как известно, многое повторяется, иногда в виде фарса. Он, на мой взгляд, всегда присутствует в большой политике и часто проявляется, когда ведутся территориальные споры между мощными государствами. Почему-то только их взаимные претензии и притязания становятся предметом внимания и обсуждения мирового сообщества. Так происходит и в российско-японском случае. По понятным, но тем не менее странным причинам из многолетней дискуссии выпало важное звено, а именно коренной народ островов — айны (они себя называют «айну»).

Айны заселяли острова Курильской гряды и Сахалин задолго до появления там с севера — русских авантюристов, с юга — японских захватчиков. Это общепризнанный исторический факт. И, как свидетельствуют историки, жили они очень даже неплохо: край-то богатейший, ни в чьей помощи и защите не нуждались. Но тут с одной стороны приплыли бородастые дядьки (кстати, сами айны тоже бороды носили, в отличие от безбородых азиатов, феномен их происхождения до конца так и не изучен) с пищалями да пушками. С другой — «вадзины», войско самурайское с мечами да в латах. И стали незваные гости между собой выяснять, кто из них настоящий хозяин на благодатных островах. Конечно, я утрирую, но примерно так и происходило.

На Сахалине и Курилах айнов давно не осталось. Мне повезло застать в живых одного из них в Углегорском районе в заброшенном поселке Изильметьево. Поселок располагался сразу за перевалом, через который мы, пацаны, перебирались на велосипедах к одной из горных лососевых речушек браконьерничать горбушу. У дома старика-айна (его почему-то считали японцем, сдавшимся в плен во время войны) останавливались передохнуть. Хозяин был немногословным, из разговоров ничего не запомнилось. Да и о чем пацанам со стариком было говорить? Разве что о рыбинспекторах, которые за нами гонялись? Лишь много лет спустя мне рассказали, что это был «последний из могикан», навсегда оставшийся в земле предков.

С потомками айнов встретиться пришлось на Хоккайдо, где у них находится большая община. Многие из них давно

перемешались с коренными японцами, носят японские имена и фамилии, стали придерживаться японских обычаев и традиций. Но есть и те, кто по-прежнему помнит о своих исторических корнях и прилагает усилия к тому, чтобы сохранить не только память об истории своего народа, но и вернуть принадлежащие по историческому праву земли.

От одного из таких «непокоренных» айнов с японским именем Ямамото Кадзуаки мы получили официальную петицию «Комитета по возвращению автономной земли Айну-Мосири» сахалинскому губернатору. Трудно сейчас сказать, не это ли обращение побудило затем Валентина Федорова выступить с оригинальным предложением: развивать совместно с японцами и Курилы, и остров Хоккайдо? Дипломатов с обеих сторон подобный подход к решению территориального вопроса если не ввел в ступор, то на время загнал в тупик. Впрочем, «Федоров-Сахалинский» (так он любил себя называть) прослыл большим «оригиналом» во многих делах. Однако о совместном управлении айны его не просили. В своем письме они напомнили: «Северные территории — Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан являются все землей Айну-Мосири (земля людей), где раньше жили айну. Название всех этих островов — айнского происхождения. Это является одним из самых важных доказательств тому, что они — Айну-Мосири. Кунашир — “черный остров”, Итуруп — “остров, где много мысов”, Хабомаи — “земля, ставшая матерью”, Шикотан — “земля, где есть большое поселение”. Все эти острова являются землей, на которой много тысяч лет жили Айну, не связанные понятием государственных границ, свободно передвигаясь, мы мирно жили в окружении богатой природы, занимаясь охотой и рыболовством».

В заключение письма-обращения авторы заявляли: «Мы настаиваем на праве владения всеми северными островами, которые исторически являются землей Айну, и объявляем, обращаясь ко всему миру, что мы за возвращение автономии Айну-Мосири и проводим движение за возвращение земли».

Не думаю, что кроме специалистов кто-то знает о существовании такого народа — Айну. Чукчей по численности не намного больше, но их благодаря анекдотам, а также еще недав-

но «главному чукче» — Абрамовичу, знают, пожалуй, во всем мире. К тому же у чукчей есть своя земля, и ее никто отбирать не собирается. Айны были когда-то их соседями, но на чужую территорию не претендуют. Они хотят вернуть только свое, исторически им принадлежавшее. Но их никто в мире не слышит. Когда начинаешь интересоваться у специалистов, почему их не берут в расчет, то на тебя смотрят как на больного. В лучшем случае получаешь объяснение, что так-де возникнет прецедент, после которого придется перекраивать всю карту мира. Но ведь Айну — это же люди.

На другом берегу

В советские времена о проливе Лаперуза многие слышали из популярной песенки: «почта с пересадками летит с материка, до самой дальней гавани Союза...» На другой стороне пролива располагаются «северные территории» собственно Японии — остров Хоккайдо. Это один из крупнейших, но малозаселенных островов архипелага. Климат здесь хотя и благоприятный (по российским меркам), но для большинства японцев некомфортный. Потому и не стремятся они здесь уплотняться, несмотря на великую скученность на своих южных территориях.

В ходе нашего журналистского эксперимента мы с Валерием Шаровым и коллегой из газеты «Хоккайдо симбун» Кенре Ямая встречались с множеством людей, представителей самых различных слоев островного населения, выясняя их отношение к территориальной проблеме. Отчет о командировке был опубликован в «Литературной газете» и «Хоккайдо симбун». Не помню, как освещали наши встречи японские журналисты, но «Литературка» явно поскупилась на подробности. Между тем они весьма любопытны, особенно в той части, где слово берет молодежь.

По прошествии двадцати с лишним лет очень интересно читать, как думали в то время юноши и девушки от пятнадцати до восемнадцати лет, учащиеся высшей средней школы (такие в Японии имеются) г. Обихиро. А еще интереснее было

бы узнать, что они думают по этому поводу сейчас. Насколько противоречивые движения властей обоих государств повлияли на позицию прежних школьников? Тогда большинство из них (в опросе участвовали около шестидесяти человек) не считали обязательным возвращение островов Японии. Протицирую наиболее примечательные ответы:

Юкомото: «СССР и Япония должны совместно занимать эти территории и осуществлять совместный суверенитет. К сожалению, мы раньше не слышали о такой идее — что очень странно».

Козима: «Считаю, что главное препятствие к решению проблемы — государство. На правительственном уровне трудно ее решить. Было бы лучше, если бы любой советский человек мог общаться с любым японцем. Надо обязательно делать демилитаризацию островов. Независимо от того, чьи они будут: СССР или Японии».

Сираиси: «Лично я считаю необязательным возвращение этих островов Японии. Достаточно, если СССР разрешит свободное посещение японцами этих островов и свободное рыболовство. Я знаю, что в Японии немало людей придерживается таких взглядов».

Ниямото: «В первый раз узнала, что на Сахалине создаются зоны свободного предпринимательства. Это очень трогательно. Я хотела бы знать, как живет сахалинская молодежь, что, мы, молодые японцы, можем сделать для развития зоны».

Нарита: «Считаю, что возвращение “северных территорий” обязательно, так нас учили в начальной и средней школах, что перед концом Второй мировой войны советская армия напала на Японию. В нашем городе очень часто информируют, что “северные территории” — японские. Я это вижу и слышу каждый день. Думаю, что можно оставить там советских людей, но я хочу, чтобы японцы, жившие там раньше, могли спокойно жить там и теперь».

Перечитываю коллективное интервью и ловлю себя на мысли: какие же все-таки толковые и здравомыслящие ребята нам попались, а главное, раскрепощенные и свободные в выражении своего мнения. Искренность подкупающая.

Да и взрослые, умудренные жизнью японцы были не менее откровенны. Вот что они говорили.

Г-н Наримото, заместитель руководителя крупного хозяйственного кооператива: «Я лично желаю скорейшего возвращения островов. В нашем маленьком городе есть люди, которые раньше жили на Курилах, и они требуют возвращения островов. Существует концепция поэтапного возвращения, но все равно большинство считает, что в конце концов их надо вернуть Японии. Что касается советских людей, которые родились и выросли на Курилах, то сейчас мне трудно судить о том, как с ними быть».

Асугава, директор водолечебницы: «Откровенно говоря, я отношусь к Советскому Союзу с предубеждением. Мне он кажется страшной страной. Когда мы плыли на пароме вдоль Курильских островов, рядом с нами постоянно находилась советская подводная лодка и военные следили за нами. Хочу, чтобы проблема была решена как можно скорее мирным путем. Сердцем я желаю возвращения островов, но разумом понимаю, что нужен какой-то компромисс. Независимо от решения проблемы у меня большой интерес к островам и их жителям. Про себя я часто подумываю о различных мероприятиях в связи с освоением островов, мечтаю о реализации различных проектов по организации отдыха и лечения людей. Мне кажется, что первым шагом в решении проблемы должно стать разрешение на свободный въезд и выезд. Тогда многие японцы лучше бы познакомились с советскими людьми, могли бы им чем-нибудь помочь».

Г-н Ванибути, мэр г. Кусиро: «Мы хотим укреплять связи с соседями с помощью движения доброжелательства. Несмотря на географическую близость, мы еще далеки друг от друга. Если удастся вывести советские войска с Южных Курил, то мы одновременно должны будем вывести воинские части и с Хоккайдо. Главное — поддерживать дружеские отношения между нашими людьми».

...Для сравнения и полноты картины уместно привести данные опроса, проведенного газетами «Хоккайдо симбун» и «Советский Сахалин» в декабре 1990 года. В опросе приняли участие 1342 человека. Немало по сахалинским меркам. Та-

кое количество людей социологи опрашивают по всей стране, когда хотят получить более точные результаты. О японских требованиях знали 98 процентов опрошенных. Около 70 процентов не считали необходимым возвращение островов для улучшения отношений между странами. «Решение проблем в будущем», «совместное владение», «передачу района под международную опеку» поддержали в общей сложности 16 процентов. Три процента согласились на передачу двух из четырех островов при условии, что Япония построит для переселенцев другое жилье в СССР. Другие ответы составили 13 процентов. На Курилах результаты опроса выглядели несколько по-иному. «Сохранение настоящей ситуации» здесь поддержали 53 процента, «За передачу Шикотана и Хабомаи и совместное управление двумя оставшимися островами» — 5 процентов, «За совместное управление островами» — 18 процентов. А также 40 процентов опрошенных допустили, что острова не будут советскими.

Японских журналистов такие цифры очень удивили: они рассчитывали увидеть более «патриотичное» отношение соседей к территориальному вопросу. Кто бы тогда знал, что подходов будет гораздо больше, чем можно было предположить. Вот только решение вопроса за эти годы заметно не продвинулось от точки, поставленной войной.

Страсти по Курилам

Пока политики переводили килограммы бумаги на свои прожекты и зарабатывали очки по обеим сторонам пролива Лаперуза, народ тоже не бездействовал. Наши в основном митинговали: кто за «белых», кто за «красных». Одни собирали подписи для отзыва «депутата-предателя», другие, наоборот, в поддержку. Третьи требовали приезда «арбитров»: популярных тогда народных депутатов СССР Евдокии Гаер, Андрея Сахарова и Юрия Афанасьева. Двое последних, кстати, предлагали незамедлительно передать острова под эгиду ООН.

Разные происходили события вокруг «спорных территорий». Мне, как представителю президента, приходилось со-

всем непросто. С одной стороны, не было внятных и четких инструкций «центра»: как и какую линию проводить? Чиновник, да еще такого ранга, не может заниматься самодеятельностью. С другой — возникал вопрос: как реагировать на приезды различных московских гостей с непонятными миссиями, будоражившими население?

Как-то появился заместитель министра иностранных дел РСФСР Георгий Кунадзе в сопровождении двух народных депутатов — Калугина и Сироткина. Странная кампания получилась. На какой платформе она образовалась — непонятно до сих пор. На проамериканской, что ли? Олег Калугин, бывший генерал КГБ, в конечном счете осел в США, предварительно «слив» нашу зарубежную агентуру. Кунадзе также не отличался избыточным патриотизмом, предлагал какие-то мутные, замысловатые «многоходовки» в решении территориального спора.

Ни мне, ни председателю Сахалинского облисполкома Валентину Петровичу Федорову (губернатором он назвал себя позже, кстати, первым в современной России) визитеры ничего путного ни о целях приезда, ни о своих полномочиях сказать не смогли. Ну ладно депутаты, с них что взять — они «вольные казаки». А когда на дальнюю окраину страны прибывает один из руководителей внешнеполитического ведомства, то у народа в головах самые невероятные мысли начинают крутиться, которые затем трансформируются в действия. Так и случилось.

У меня сохранилась докладная записка об этом визите в адрес Б. Н. Ельцина и Главного государственного инспектора РСФСР (тогда он был куратором представителей президента) В. А. Махарадзе. В ней я сообщал руководству страны, что подобные «визиты» не снимают сомнений о «тайных сделках» за спиной населения. Более того, они дают основание местным политикам делать заявления о начавшейся «обработке населения к передаче островов».

Так, например, публично объяснял цель приезда москвичей В. П. Федоров. Иногда он тонко чувствовал политическую конъюнктуру и старался использовать ее к своей выгоде. Но удавалось ему это не всегда. В «центре» за ним числился один

«косячок». Когда происходили известные августовские события вокруг российского «Белого дома», один из местных «депутатов-демократов» написал в Москву донос о том, что руководство области заняло выжидательную позицию, не поддерживая ни «красных», ни «белых». На самом деле все обстояло ровным счетом наоборот. Даже В. А. Махарадзе в одном из своих интервью «Комсомольской правде» назвал Сахалин одним из трех (включая Москву и Санкт-Петербург) «центров сопротивления путчистам». Тем не менее, как у нас обычно водится, на В. Федорове поставили «метку». Мне пришлось тогда убеждать и госсекретаря Г. Бурбулиса, и вице-преьера М. Полторанина не торопиться в отношении него с «санкциями». Проводимые им экономические реформы поддерживались населением и соответствовали правительственному курсу. Однако, как и у любого регионального политика тех времен, его рейтинг всегда был непредсказуем и зависел от многих обстоятельств, происходящих в стране. Заколебался он и у сахалинского губернатора. И тут подвернулась возможность его поднять и заодно перевести стрелки с местных проблем на геополитические. Грех для политика не воспользоваться моментом.

Далее по тексту записки: «Значительно усугубил ситуацию председатель Сахоблисполкома В. Федоров. На состоявшейся в облизполкоме пресс-конференции он крайне негативно расценил цель приезда в область Г. Кунадзе и прибывших с ним народных депутатов. Их появление он назвал началом “обработки населения к передаче островов”, продемонстрировал полное неприятие предлагаемых подходов к решению проблемы, определив их как капитулянтские. Финал пресс-конференции получился скандальный. В заключение своего выступления В. Федоров сказал, что человек по имени Георгий Фридрихович Кунадзе не имеет права решать судьбу русских территорий. На что последовало заявление Г. Кунадзе (цитирую): “Если вы действительно вот сейчас, немедленно отказываетесь дезавуировать это, я могу вам заявить также публично и при всех: первое — я считаю вас непорядочным человеком, которому не могу больше подать руки. Второе. Я оставляю за собой право подать на вас в суд...”».

Такой вот произошел обмен «любезностями». Но В. Федоров не счел нужным взять свои слова обратно. После отъезда делегации он выступил по сахалинскому радио, где повторив ранее высказанные оценки, призвал население области к борьбе за Курилы, выражению протеста в форме митингов, заявлений и пятиминутных забастовок. И пошло-поехало. «Центр» по-прежнему молчал, не обозначал свою позицию. Своему «куратору» Госсекретарю Геннадию Бурбулису я не мог дозвониться даже по «ВЧ-связи». Его приемная работала, как говорится, «на отбой»: то на совещании, то на выезде. В конце концов я не выдержал (разница во времени — восемь часов) и сказал его помощнику: «Передайте Геннадию Эдуардовичу, что на Сахалине революция», — и положил трубку. Оделся. Собрался уходить, и тут звонок по правительственной «вертушке». Обеспокоенный Бурбулис отозвался и поручил мне разъяснить сахалинцам и курильчанам официальную позицию российского руководства по курильской проблеме. Что я и сделал, но страсти продолжались еще долго.

Браконьерский налет

Японцы тоже в это время митинговали. Но протестовали они очень дозированно и своих министров не оскорбляли, агрессивно вели себя не на митингах, а... в море. Быстро смекнули, что под развернувшийся шумок можно очень хорошо «навариться» в водах «северных территорий». Им богатство само прямо в руки плыло: несколько не очень рискованных вылазок, и на всю оставшуюся жизнь хватит.

Так называемый «курильский треугольник» считался одним из самых уловистых мест в мире. Здесь водилась в больших количествах самая ценная морская живность: разновидности краба, морской гребешок, трепанг, еж и прочие деликатесы. Плюс, конечно, особо ценные породы рыб. Для ведения браконьерского промысла имелись специальные шхуны — «Токкосэн», что в переводе с японского означает «штурмовые корабли». На них супероснащение: новейшего типа радар, эхолот для обнаружения рыбных косяков, радионавигацион-

ная система «Лоран-С» и прочие современнейшие электронные штучки-дрючки, о которых наши пограничники только мечтали. Плюс — три двухсотсильных двигателями на каждом «штурмовике». Да, еще на борту имелось 3-4 радиостанции для оперативного оповещения о приближении советских пограничных катеров.

Стоила подобная «экипировка» недешево — до 15 миллионов иен. Простому рыбаку не по карману. Залезали в долги, брали кредиты. Игра стоила свеч, даже если в «плен» попадали. Но это случалось редко. Зато при благоприятном стечении обстоятельств за год можно было заработать до 100 миллионов иен.

Игра стоила свеч. Тысячи авантюристов с другой стороны пролива Лаперуза устремились на российский морской «клондайк». Противопоставить им было нечего. Наши защитники морских рубежей только локти кусали от бессилья и в основном лишь фиксировали заходы нарушителей в советские территориальные воды. Как угонишься на «древних» сторожевиках за юркими, много превосходящими в скорости «штурмовиками»? Но, главное, меня поразило то, что военные моряки не могут применять оружие к нарушителям границы.

— Как так? — допытываюсь у капитана второго ранга с прибалтийской фамилией.

Он мнется, но толком ничего объяснить не может, а приказ соответствующий не показывает. Времени перед выходом в море оставалось мало, и я отложил свой «допрос» на потом. К тому же сам-то я был при оружии. В кобуре под мышкой табельный пистолет «ТТ» висел. Его я получил (как и некоторые другие мои коллеги) по приказу министра внутренних дел Ерина. Армейскую службу проходил в Приморье на российско-китайской границе. Не в погранвойсках, но вместе с пограничниками неделю в месяц выходил на боевое дежурство. Поэтому с трудом представлял, что можно сделать с нарушителем, не имея оружия, да еще в открытом море? Как оказалось, вооружился я не зря. После многочасовых скитаний в густом тумане мы неожиданно чуть не столкнулись с японской шхуной, занимающейся браконьерским ловом. Команда катера в боевой готовности выстроилась по борту, командир через ме-

гафон стал кричать браконьерам о том, что они нарушили государственную границу и будут арестованы. А те, как говорится, и в ус не дуют. Они и без мегафона все хорошо слышали (до шхуны буквально несколько метров), скалят зубы и продолжают сеть вытягивать. Не знаю, сколько бы длились увещевания с нашей стороны, но тут один из браконьеров спускает штаны и поворачивается к нам голым задом. Мой «ТТ» будто сам выпрыгнул из кобуры и оказался в руках. Я сделал несколько оглушительных в тумане выстрелов. Стрелял, разумеется, не на поражение, а поверх голов, но и этого хватило, чтобы шхуна, взревев тремя движками, бросив сети, стремглав умчалась прочь. Капитан второго ранга находился в состоянии, близком к шоковому. Мало того, что он не ожидал ничего подобного от народного депутата, так ведь об этом докладывать начальству придется. Как мог, его успокоил, сказал, что всю ответственность беру на себя. Взамен попросил открыть «военную тайну» и показать приказ командования, запрещающего применять оружие в случаях нарушения государственной границы. Каково было мое удивление, когда этим «приказом» оказалась инструкция, исходящая от... ЦК КПСС!

Впрочем, на Курилах удивляться приходилось очень многому. В том числе и целесообразности присутствия там воинских частей. От кого обороняться, как обороняться? На такие вопросы даже сами военные затруднялись отвечать. У меня военная специальность «наводчик пулемета». То есть об огневых сооружениях («дотах и дзотах») знаю не понаслышке. Во время «дембельского аккорда» (было такое понятие в те времена) пришлось доводить до ума свою огневую точку в глухой тайге на границе с Китаем. Когда ротный доставил нас туда на бронетранспортере и показал «объект» строительства (бетонный колпак, установленный на краю обрыва), то у нас, троих «дембелей», возник один и тот же вопрос: «А зачем его здесь поставили, к нему же за пятьдесят метров можно подойти в полный рост и забросать амбразуры гранатами?».

Ротный лишь руками развел: так, мол, получилось. Нечто подобное увидел и на Курилах. Танковые башни, вкопанные по побережью островов, для обороны были, мягко говоря, малопригодны. Да и испугать они никого не могли.

Все эти непонятные вещи я живописал в статье для «Российской газеты», пока восемь часов летел в Москву на внеочередной съезд народных депутатов СССР. Главный редактор газеты, тоже депутат, распорядился опубликовать материал в очередном номере. Утром перед открытием съезда мы показали его «главному чекисту страны» В. А. Крючкову, заострив его внимание на «приказе партии» о запрете применения пограничниками оружия. Погранвойска подчинялись КГБ, возглавлял который Крючков. Надо отдать должное Владимиру Александровичу: он тут же связался по «кремлевке» со своим ведомством и «решил вопрос». Система еще работала, но только в отдельных ее звеньях. Внешнеполитическая составляющая колебалась и не могла выправиться. Курильская проблема наиболее ярко демонстрировала ее шаткость.

Куда ведет «четвертый путь»

От автора. Получив из Сахалинского областного архива переданные более двадцати лет на хранение различные документы, долго не мог выбрать что-нибудь для публикации. Все они мне представляются очень интересными. Но оказывается, как сообщил руководитель архива А. И. Костанов, ими много пользуются исследователи, в том числе и студенты. Остановил свой выбор на интервью, опубликованном под рубрикой «Точка зрения народного депутата СССР» в газете «Советский Сахалин», в котором, на мой взгляд, я наиболее полно, если не исчерпывающе, выражаю позицию по «курильской проблеме», отличную от позиции моего главного оппонента по данному вопросу сахалинского губернатора В. П. Федорова. Справедливости ради надо сказать, что с Валентином Петровичем у нас, несмотря на некоторые рабочие разногласия, сохранились добрые и уважительные отношения.

«Читатели, конечно, помнят выступление в нашей газете народного депутата СССР В. Гулия “Третий путь”. Его предложение урегулировать японо-советский спор по проблеме т. н. “северных территорий” на основе компромисса — совме-

стного владения Южными Курилами, демилитаризации этих островов и части Хоккайдо — вызвало широкий резонанс.

А 6 марта в "Советском Сахалине" была напечатана статья председателя облисполкома, народного депутата РСФСР В. Федорова "Южные Курилы плюс часть Хоккайдо. Четвертый путь". Ее автор сформулировал свою концепцию решения проблемы.

Итак, два подхода — какой предпочтительнее? Наш корреспондент попросил высказать на этот счет свое мнение В. Гулия.

— Виталий Валентинович, как вы относитесь к тому, что вслед за идеей "третьего пути" появился "четвертый путь"?

— Долгие годы монополия на внешнеэкономические концепции была у высшего руководства страны, у МИД. Остальным предлагалось лишь одобрять мудрую внешнюю политику. К этому привыкли. Когда я опубликовал свои предложения по курильской проблеме, отличающиеся от официальных взглядов, многие просто недоумевали. Даже негодовали: да кто он такой, чтобы давать советы Горбачеву и Шеварднадзе?! Дело дошло до предложений лишить меня депутатского мандата.

А сегодня свободное выдвижение идей, в том числе внешнеполитических, воспринимается спокойно. Вот и Валентин Петрович пишет, что "мы не требуем карать тех, чьи private мысли и предложения по поводу дальнейшей судьбы Южных Курил носят антигосударственный характер". Спасибо! Считаю, что человеческая мысль всегда "private", уж носит ли она "антигосударственный характер" или, напротив, полезна государству — покажет время, рассудят люди. И поэтому я приветствую рождение всякой свежей мысли. Буду рад, если появится и пятый, и шестой, и десятый пути. Чем больше идей — тем больше возможностей сделать верный выбор, сверяясь с общественным мнением.

— Но мне кажется, общественное мнение поддержит по вопросу о судьбе Южных Курил скорее В. Федорова, чем вас. Вы предлагаете совместно с японцами владеть островами, хозяйствовать на них. Но опрос показал, что большинство населения за сохранение полного суверенитета СССР. И В. Федо-

ров за это. Он считает, что при совместном хозяйствовании более экономически могущественный сосед станет доминировать там, и это обернется “экономической Цусимой”...

— Однако концепция “четвертого пути” также предполагает совместное хозяйствование на островах в условиях свободной экономической зоны.

— ...при сохранении нашего суверенитета. И при условии, что свободной экономической зоной объявляется и часть Хоккайдо, и вот эту территорию предлагается развивать совместно. Вам не кажется, что такой подход больше отвечает интересам СССР?

— Бесспорно. Гораздо больше, чем интересам Японии. Но именно поэтому он и неприемлем для японцев. Ведь мы получаем немалые выгоды: сохраняем Южные Курилы, привлекаем для их развития японский капитал, да плюс к этому получаем возможность для “экономического десанта” на Хоккайдо. (Правда, чисто гипотетическую: ведь нас никто не просит участвовать в развитии Хоккайдо, там и без нас обойдутся, да и, откровенно говоря, я с трудом представляю себе, как при нашей бедности мы сможем изыскать средства для какой-то экономической деятельности на этом японском острове. Да и не нужен для этого “четвертый путь” — капитал не знает границ. Имея конкурентоспособные товары или твердую валюту, вы можете заняться предпринимательством и на Хоккайдо, и в США, и где пожелаете.)

А что получают японцы? Никаких “северных территорий” они ни в какой форме не возвращают, получают лишь право вкладывать свои иены в развитие Курил. Однако наша область, которую мы объявили свободной экономической зоной, и так открывается для иностранных предпринимателей.

Словом, этот во всех отношениях прекрасный план имеет один “маленький” недостаток: японцы не смогут всерьез рассматривать его как основу для соглашения.

— А может, нам и не стоит искать компромиссов? Пусть их ищет Япония... Почему о статусе своей исконно русской земли нам нужно договариваться с соседом?

— Во-первых, если уж говорить строго, это не исконно русская и не исконно японская земля. Коренным населением Курил, как известно, были айны.

А во-вторых, давайте определим сначала, чего мы хотим: соглашения, мирного договора с Японией или продолжения конфронтации и споров? Если мирного договора — то давайте искать компромисс, баланс интересов. Но тогда признаем, что “четвертый путь” не дойдет к цели. А если хотите проявить твердость — что же, для нас это не ново. Мы десятилетиями проявляли ее. Но в этом случае не стоит говорить о “четвертом пути” — это старый путь.

Я очень уважаю Валентина Петровича Федорова. И когда он пишет о том, что “в Сахалинской области мы создадим неодолимый очаг сопротивления”, разделяю его патриотические чувства. Но только таким “неодолимым очагом сопротивления” всему окружающему миру Советский Союз был долгие годы. И к чему мы пришли? Обескровили свою экономику огромными военными расходами, шли на противоборство повсюду — от Курил до Берлинской стены, от Афганистана до Никарагуа. А сейчас протягиваем руку за “гуманитарной помощью”. Вот подлинная “экономическая Цусима”!

Кстати об этом термине. Из истории мы знаем, что перед русско-японской войной министр финансов С. Витте искал способа добиться баланса интересов с Японией — не нашел там понимания. Не нашел он поддержки и дома: его “ушли” в отставку. И Цусима стала неизбежной.

Не хочу быть превратно понятым. Я — за неодолимое сопротивление, если на страну нападет враг. Для сражающегося солдата компромиссы невозможны. Но для дипломата, политика они необходимы, поскольку политика — это искусство возможного.

— Дипломатия предполагает и искусство аргументированно отстаивать точку зрения своей страны...

— Вот мы и спорим с японцами десятилетиями. Ссылаемся на право первооткрывателей Курил, на Дежнева, на Атласова... А нам напоминают, что уже первый русско-японский договор — Симодский трактат, подписанный в 1855 году Путьяниным, признал за Россией право лишь на острова севернее Урупа. Что по договору 1875 года Россия, включив в состав империи Сахалин, взамен уступила Японии свою часть Курил. Что и по Портсмутскому договору Курилы остались за

Японией. Мы ссылаемся на Сан-Францисский договор — нам говорят, что СССР его не подписал. Зато напоминают о советско-японской декларации 1956 года, в которой СССР согласился на передачу Японии Шикотана и Хабомаи после заключения мирного договора. На каждый аргумент одной стороны находится аргумент другой, это бесплодный спор. Такой же, как спор верующего с атеистом, есть ли бог.

И его можно вести бесконечно. Беда лишь в том, что такое противостояние не в наших интересах. Оно препятствует развитию советско-японских связей, прежде всего экономических. В Токио официально провозглашен принцип “неразрывности политики и экономики”, который сводится к тому, что без возвращения “северных территорий” невозможно и широкомасштабное сотрудничество между Японией и СССР. Японское правительство упорно блокирует любые крупные начинания большого бизнеса на советском направлении, отказывается от подписания долгосрочных экономических соглашений.

— Но потери от этого несет и японская сторона...

— А кто теряет больше? Япония и без крупномасштабных связей с СССР стала ведущей индустриальной державой, страной XXI века. А мы — в глубоком кризисе. У нас не будет никакого рынка (разве что “черный”, спекулянтский) без изобилия товара, а его может дать лишь структурная перестройка экономики. Нам как воздух необходимы передовая технология, долгосрочные кредиты, солидные партнеры. Все это рядом, за проливом. Сахалинцам повезло: буквально под боком — лидер мирового научно-технического прогресса. Страна, которая на 0,3 процента площади земного шара производит 14 процентов всей мировой продукции, причем высшего качества. Рукой подать... Но мы предпочитаем отвергать даже мысль о компромиссе с этим соседом.

— Однако В. Федоров предсказывает, что в ближайшем будущем следует ожидать пересмотра японцами своей позиции в отношении экономического сотрудничества с СССР, что “они не выдержат этого напряжения раньше, чем мы...”

— Мне хотелось бы в это верить. Валентин Петрович большой знаток мировой экономики и, возможно, лучше видит ка-

кие-то предпосылки к этому. Но я был в Японии, встречался с японцами и здесь, на Сахалине, и признаюсь, не заметил признаков такого поворота японского курса. Да, в японском народе, особенно среди молодежи, настроения меняются — в пользу компромисса. Многие мои собеседники — и коллеги-журналисты, и бизнесмены высказывались за более мягкую позицию, за “третий путь”. Но не правительство Японии. На днях на Сахалине гостила делегация правящей либерально-демократической партии во главе с заместителем ее лидера г-ном Сато — он по-прежнему говорил о возвращении “северных территорий”...

Что ж, может быть, японцы и “не выдержат напряжения”. Но пока выдерживают. И мы выдерживаем — с пустыми полками и талонами. Можно и дальше соревноваться в упорстве и выдержке. А может, стоит все-таки поискать путь к взаимовыгодному согласию? Замечу, кстати: надежда на то, что японцы “не выдержат”, сильно подвела нас в 60-е годы. Тогда у Японии были сырьевые проблемы, мы надеялись, что они обострятся, и это сделает ее сговорчивее. Но Япония быстро провела структурную перестройку экономики, внедрила экономические технологии и резко сократила потребности в сырье. А мы упустили свой шанс. Не получится ли так и сейчас, когда мы пытаемся использовать опасения японцев отстать в экономических связях с нами от конкурентов из Южной Кореи, других стран? Пока что южно-корейский “тигр” не сделал прыжка на Сахалин. Как, впрочем, и другие “тигры” и “драконы”. Да и вообще японцы, шагнувшие в технотронно-компьютерную эру, не очень-то нуждаются нынче в нашем лесе, угле, нефти и прочем сырье. Им и “северные территории”, собственно, не нужны — это для них вопрос престижа, самоутверждения в качестве великой державы. Японцев глубоко обижает, что мы можем заключать договоры с США на основе взаимных уступок, скажем, по ракетам — и отказываемся от каких-либо переговоров по спорной проблеме со своим дальневосточным соседом, не имеющим ядерно-ракетной мощи. Выходит, мы утверждаем только силу...

— Вы говорите об уступках. Однако В. Федоров напоминает “Беззубая уступка Советского Союза в виде разрешения

поглотить ГДР имеет, наверное, мало аналогов в мировой истории, но германский капитал отнюдь не спешит нам на помощь". Он приводит пример и с Аляской: ее продажа не обогатила Россию и не улучшила навсегда отношения с Америкой. Вы с этим не согласны?

— Я не понимаю этих аналогий. О какой "беззубой уступке ГДР" идет речь? Ее население высказалось за воссоединение с ФРГ. И как можно было не уступить? Пустить в ход танки? Но это уже было. Непонятен и пример с Аляской. Мы же не собираемся продавать Курилы. А вот если бы Аляску царь не продал, а было бы достигнуто соглашение о ее совместном пользовании с Америкой, мы бы, возможно, сейчас получали бы оттуда и нефть, и другие богатства. Я бы привел другой пример — по Шпицбергену. Можно было бы долго спорить, чья это земля, кто был ее первооткрывателем — русские поморы или норвежские викинги. Но ее судьбу решили иначе — международным соглашением Шпицберген был признан норвежской территорией. А СССР получил здесь право разрабатывать уголь, и на норвежской земле сейчас работают советские люди, в двух поселках мирно живут и сотрудничают с норвежцами.

Я прекрасно понимаю, что ни германский, ни японский капитал не бросится нам помогать. Федоров прав, частный капитал не станет оказывать нам благотворительные услуги. Но речь не о благотворительности. А о том, что раньше Япония проводила политику самоизоляции. Нынче же, по существу, мы оказываемся в позиции самоизоляции от Японии. И нам она не на пользу.

Когда Петр I прорубал окно в Европу, он тоже, полагаю, не ждал, что англичане или голландцы "за так" облагодетельствуют Россию. Но он понимал, что без западной науки, технологии, культуры ее модернизация невозможна. А сегодня без тесных экономических связей с Японией, другими странами Тихоокеанского бассейна невозможна модернизация Дальнего Востока. За имперские амбиции, за нежелание найти консенсус интересов с ближайшим соседом мы уже и так заплатили дорогой ценой — отсталостью всех дальневосточных областей и краев. Убежден, что если бы в 1956 году был ре-

шен вопрос о “северных территориях”, подписан мирный договор с Японией, то жизнь у нас была бы куда лучше.

— А вас не тревожит предупреждение В. Федорова, что смена хозяев на Курилах подорвет и искалечит весь восточный фланг Советского Союза?

— Их уступка — подорвет. Компромисс же, убежден, укрепит наши стратегические позиции. В том числе и с военной точки зрения. Надо разрядить эту последнюю мину, оставшуюся после Второй мировой войны, подписать мирный договор — и наша безопасность от этого только укрепит. Приведу лишь один пример. Я был на морской границе в районе Южных Курил, знаю, в каком напряжении несут службу пограничники. По сути, там и нынче идет “совместное хозяйствование” — мы хозяйничаем на суше, японские браконьеры — в наших водах. На своих быстроходных судах они их буквально гробят — и зачастую безнаказанно. Пограничники проявляют выдержку, не стреляют. Но представьте, что будет, если у кого-то не выдержат нервы и заговорят пушки? Мы вынуждены держать на Южных Курилах войска — со всеми невеселыми последствиями для экологии. Там может произойти не экономическая, а экологическая Цусима. Неужели и эта угроза не побуждает поискать реальные пути к компромиссу?

— А вы верите, что он возможен? Японское-то правительство его не хочет...

— Убежден, что договориться можно. Правящие круги Японии просто недооценивают добрую волю своего народа. Многие японцы, по моим наблюдениям, поддерживают правительственную точку зрения лишь потому, что со стороны советского руководства не слышат конструктивных предложений. Но они чутко реагируют, когда их выдвигают представители нашей общественности, народной дипломатии. Я знаю множество японцев, верящих в идею компромисса.

— Значит, Горбачев должен предложить во время визита в Японию “третий путь”?

— В Японии нашего Президента ждут с нетерпением, ожидают, что он придет — и решит проблему. Я откровенно говорил японцам: уверен, этого не будет. Ни Горбачев, ни Ельцин, ни кто-то иной не отдаст вам “северные территории”,

даже если бы захотел. Это станет для любого советского лидера политическим харакири. А наш народ возмутится.

И предложить “третий путь”, путь взаимных уступок Горбачев сможет лишь в том случае, если его поддержит общественное мнение в СССР.

— Последние опросы подзывают, что до этого далеко...

— Да. Пока у большинства “третий путь” ассоциируется с чем-то вроде измены Родине. Вот и Валентин Петрович в своей статье прозрачно намекнул на “против измены”. И ситуация останется тупиковой, пока и мы, и японцы не поймем: ни одна сторона в этом споре не должна стремиться к 100-процентному выигрышу. Он невозможен. Возможно только взаимовыгодное решение, которое не нанесет ущерба национальному достоинству обеих великих народов.

Я считаю своим долгом это повторять вновь и вновь. И рад, что перемены в общественном мнении ощутимы. По данным опроса, проведенного газетами “Хоккайдо симбун” и “Советский Сахалин”, уже каждый шестой из жителей области — за такой подход.

— Кстати, Валентин Петрович считает, что такие опросы не нужны: проблема ясна...

— Я бы согласился с ним в отношении опросов, проведенных по этой проблеме в Южно-Курильском и Углегорском районах. На мой взгляд, они лишь дезориентируют. Скажем, вопрос в Углегорске сформулирован так: “Считаете ли вы возможным передачу Японии островов Южной части Курильской гряды?”. И 25 процентов жителей ответили “да”. Но ведь это не значит, что 25 процентов углегорцев одобряют передачу Японии этих островов! Видимо, многие, не одобряя этого, допускают, однако, возможность, что правительство поедет на такой шаг. Не случайно, как мне рассказывали, в одном из бюллетеней рядом с “да” было написано: “Не отдавать родной земли японцам!”. Вот так. Просто вопрос поставлен некорректно.

А грамотные социологические исследования, безусловно, необходимы: нельзя говорить от имени народа, не зная достоверно, что же думает народ. Я знаю, сейчас многие считают мою позицию непатриотичной. Но у них несколько стран-

ный патриотизм. Патриотично застроить Курилы бараками, загадить помойками, закрыть глаза на разрушение уникальной природы, разграбление богатств их вод — и при этом кричать: “Не пустим на родную землю самураев!”. Но чуть ли не измена Родине — призывать к согласию с соседней державой, которое может дать процветание этим островам, и для нас, и для японцев. Я не могу понять этого. Не могу понять, какая “Цусима” грозит моей стране, если, скажем, Южные Курилы — пусть с частью Хоккайдо — станут общим заповедником, национальным (точнее, интернациональным) парком СССР и Японии? Если договориться, что на этих островах не будут создаваться новые предприятия. Договориться, чтобы вместо солдат их совместно охраняли советские и японские егеря, инспекторы рыбоохраны, записать в договоре, что уникальные, богатейшие биоресурсы окружающих вод — общее достояние, пользоваться которым можно лишь по взаимно согласованным квотам. Вместе построить там аэропорты, отели для туристов, водолечебницы для граждан обеих стран и гостей со всего мира...

Если эта территория станет не яблоком раздора, а полигоном сотрудничества, прорыва в будущее — кто от этого проиграет?

— И вы не боитесь, что вас посчитают стоящим на берегу залива Измены?

— Нет, пусть кто-то считает так. Я бы для своей позиции назвал другой географический символ — мыс Доброй Надежды».

Беседовал С. Рязанцев.

Еще раз перечитал интервью и пришел к выводу, что и сегодня готов подписаться под своими словами. За событиями вокруг Курил я слежу на протяжении многих лет уже как сторонний наблюдатель. Но наблюдатель внимательный, заинтересованный. Стараюсь не пропускать никаких изменений в наших отношениях с Японией, в развитии Курильских островов. Перемены к лучшему в жизни курильчан, безусловно, имеются. Только за последние шесть лет в развитие Курил вложено более 23 миллиардов рублей. На Итурупе, например,

за прошедшие годы сделан, можно сказать, экономический прорыв. Здесь экономические реформы благодаря частному предпринимательству легли на благодатную почву и дали хорошие всходы. Много позитивных сдвигов привнес рынок на Кунашир, на Шикотан. Но совершаются они медленно, мелкой поступью, в постоянной борьбе с бюрократическими заслонами новой власти. Но, может быть, это и есть тот путь, по которому следует двигаться соседям?

На измене

Многие годы спустя, перечитывая вышеизложенное интервью, вдруг поймал себя на мысли, что где-то здесь находится постоянно ускользающее звено, которое позволило бы в ином свете посмотреть на бурную пропагандистскую кампанию вокруг спорных территорий. Стал размышлять и вспоминать о наиболее значимых событиях того времени, происходящих в стране. Но не о тех, что совершались на глазах у всех, широко обсуждались и яростно оспаривались, а, так сказать, о закулисных, не привлекающих внимания общественности делах тогда еще советского руководства. Неожиданной подсказкой выскочило из интервью название залива Измена. Такое «имечко» залив у южного берега острова Кунашир получил в связи с тем, что здесь почти два века назад был вероломно захвачен в плен японцами русский мореплаватель В. М. Головин. У меня оно ассоциировалось с совершенно иными, более современными фактами. Они же по каким-то причинам застряли на периферии памяти. Видимо, была утрачена связка с происходящим событиями. Впрочем, не стану утомлять читателя рассуждениями, а перейду к версии, в результате их возникшей. Кому-то она может показаться надуманной или, как минимум, конспирологической. Спорить не стану, просто поразмышляю над фактами.

Факт номер один. 1 июня 1990 года министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в Вашингтоне совместно с госсекретарем США Джеймсом Бейкером подписал соглашение о передаче США акватории Берингова моря по раздели-

тельной линии, которую стали именовать «линией Шеварднадзе — Бейкера».

Факт номер два. 20 декабря 1990 года Эдуард Шеварднадзе с трибуны четвертого Съезда народных депутатов СССР заявил о своей отставке «в знак протеста против надвигающейся диктатуры».

Казалось бы, какая связь между этими событиями? Никто ее и не углядел. По моему, и до сих пор никому не приходит в голову связывать уход из большой политики знаковой по тем временам фигуры с каким-то международным договором, очень похожим на заговор. Разве что аналитики отечественных (и не только) спецслужб догадываются, где собака зарыта. Только они будут молчать, как рыба об лед, пока гриф секретности не снимут.

Сказать, что публичный демарш одного из руководителей советского государства оставил общественность равнодушной, было бы неверно. Наоборот, горячая новость вмиг разлетелась по терзаемой сомнениями стране и еще больше ослабила позиции коммунистов (Шеварднадзе к тому же вышел из партии), советской власти и лично Михаила Горбачева. Тот ведь, став президентом страны, хотел ввести должность вице-президента, на которую прочил своего верного соратника Шеварднадзе. И тут такой конфуз произошел. Кому верить после этого, на кого опираться?!

В рядах демократической оппозиции, конечно, обрадовались сенсационному скандалу и поспешили заключить ренегата в дружеские объятия. Чему удивляться? Предательство в те бурные времена и не считалось предательством, коль речь шла о разрыве с коммунизмом. Рвали и жгли партийные документы сплошь и рядом. Одним меньше, одним больше — уже никто не считал.

Никто особо не вникал и в причины измены, заявленные Шеварднадзе. Где и в ком он узрел «надвигающуюся диктатуру»? В своем друге Горбачеве? Даже нам, членам оппозиционной межрегиональной депутатской группы, подобная угроза, мягко говоря, представлялась неубедительной. Горбачева обвиняли и обвиняют в чем угодно. Во многом, на мой взгляд, справедливо. Но в образе диктатора его не представляю. Не

вписывается он в этот образ, как говорится, по определению. Слишком мягкий, пластилиновый он был. И слишком часто поддавался влиянию более сильных личностей в своем окружении. Того же министра иностранных дел, например.

Между тем Шеварднадзе одним из первых руководителей СССР поддержал известные Беловежские соглашения, поставившие точку над распадом великой страны. Впечатление такое, будто один из ключевых советских министров, фактически определявших международную политику государства, был в этом лично заинтересован. Какой же мог быть у него интерес? Ведь, как уже говорилось, министру реально светила должность второго лица в государстве. Не в миниатюрной Грузии, которую он возглавил после ожесточенной борьбы за власть через несколько лет, а в еще великой державе, которую при желании можно было сохранить, как бы ни утверждали обратное.

Мне представляется, что отнюдь не внезапное прозрение и осознание демократических ценностей подвигло матерого коммуниста на решительный разрыв с взрастившими его партией и страной, а осознание собственной ответственности за содеянное. Проще говоря, шкурный интерес. Можно, конечно, выразиться и другими, более деликатными словами, но суть от этого вряд ли изменится, особенно когда начинаешь копать в этом интересе. И тут впору перейти к вышеназванному факту номер один.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что абсолютное большинство моих соотечественников и сейчас не знают, о чем речь. О Беринговом море, наверное, помнят по школьному учебнику географии, а вот о соглашении, разделившем с подачи Горбачева — Шеварднадзе в угоду американцам значительную часть этого моря, хорошо знают лишь дальневосточные рыбаки да различные специалисты. Поэтому здесь уместно совершить небольшой экскурс в историю территориальной проблемы между СССР и США. Она возникла в середине семидесятых годов прошлого века, когда обе страны ввели 200-мильные зоны, кое-где перекрывавшие друг друга. Все бы ничего, да американцы по-тихому, в одностороннем порядке стали расширять свою рыболовную зону. Отодвинули ее границу

с 12 до 200 миль от своего побережья и установили жесткие правила для иностранных рыбаков, традиционно осуществляющих там промысел. Главным образом советских рыбаков. Дурной пример заразителен. За американцами потянулись англичане, французы, норвежцы, канадцы... Так и появились двухсотмильные зоны. Видя такое дело, Советский Союз был вынужден установить свою прибрежную морскую территорию, с суверенным правом на рыбные и иные биоресурсы.

В конце концов встал вопрос о необходимости размежевания морских экономических владений СССР и США в Беринговом и Чукотском морях. Как мне рассказывал один из бывших руководителей министерства рыбного хозяйства СССР, а впоследствии член рыбохозяйственного совета Минсельхоза России В. Зиланов, советское рыбное ведомство предложило установить в спорной зоне срединную линию раздела, что не противоречило нормам международного права и являлось компромиссным решением. Вашингтон воспротивился, надавил на Москву, а та и отдалась без сопротивления, передав американцам важный рыболовный район в Беринговом море. Дальневосточные рыбаки и ахнуть не успели, как лишились уловистого места. В качестве подачки им была выделена ежегодная квота на вылов 150 тысяч тонн рыбы. И на том, как говорится, спасибо.

Так продолжалось до 1981 года. Потом все-таки выяснилось, что американцы замерили и подсчитали неправильно. То ли другой методикой пользовались, то ли не те точки отчета выбрали, но искривили разделительные линии так, что отхватили себе весьма жирный кусок моря размером (по разным данным) 50 или 70 тысяч квадратных километров. Для сравнения: площадь острова Сахалин — 76,4 тыс. кв. км, площадь второго по величине острова Японии Хоккайдо — 83,4 тыс. кв. км.

Годы ушли на выработку взаимоприемлемых условий. Было за что торговаться. Причем позиция Советского Союза в этом территориальном споре опиралась на Конвенцию ООН по морскому праву, которая подтверждала советские приоритеты в экономических зонах и континентальном шельфе акваторий не только Берингова и Чукотского морей, но и Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Но тут в Союзе началась перестройка. К власти пришел молодой и очень энергичный коммунистический лидер, автор «нового мышления» М. С. Горбачев. Международные вопросы он фактически отдал на откуп Э. А. Шеварднадзе. С его помощью рухнула «Берлинская стена» и распозлся соцлагерь, создаваемый как форпост против западных угроз. В мире такая внешняя политика вызывала аплодисменты, но в самой стране к ней отношение складывалось неоднозначное. Однако до серьезных оценок действий внешнеполитического ведомства дело не дошло. Страна столкнулась с такими внутренними проблемами, что «забугорные вопросы» отодвинулись на второй, а то и на третий план. В создавшейся обстановке можно было без особого труда решать всевозможные деликатные вещи, которые в иное время вызвали бы самое пристальное внимание общественности. Революционная (а она, по сути, таковой и была) атмосфера конца восьмидесятых — начала девяностых годов очень благоприятствовала совершению разного рода мутных делишек. Отвлечь от них народ не составляло особого труда. Достаточно, например, организовать кампанию по защите или спасению чего-либо дорогого сердцу россиянина. Скажем, тех же Курил. А что, разве не подходящий отвлекающий манер для прикрытия незаконной сделки? А она, по сути, таковой и была. Главным образом потому, что в ней не были применены необходимые в подобных случаях правовые механизмы и процедуры. Во-первых, Соглашение 1990 года начало действовать в одностороннем порядке до его ратификации законодательными органами обеих стран. Американцы не стали оглядываться на парламенты, а сразу выставили сторожевые посты по новым морским границам. И стоило только какому-нибудь иностранному (чаще всего советскому) рыбаку их нарушить, как он тут же задерживался и оказывался в американской «кутузке». Хорошо, если судно не отбирали. О многотысячных штрафах и говорить не приходится. От них пострадали сотни рыбаков.

И тут невольно приходится вспомнить о Декларации 1956 года, заключенной между СССР и Японией. В ней говорилось о том, что СССР, «идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на

передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

Следует заметить, что данная Декларация была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР и Правительством Японии 8 декабря 1956 года в качестве международного договора и вступила в силу 12 декабря 1956 года, в день обмена ратификационными грамотами. Таким образом, являясь источником международного права, она приобрела юридически обязательный характер для обеих сторон. Что из этого вышло, всем известно. Оговорка «после заключения мирного Договора...» фактически обнулила Декларацию. Но это уже другая тема. Мне же хотелось подчеркнуть тот факт, что, даже имея на руках международное юридическое подтверждение своих прав на часть спорных территорий, японцы официально (браконьерство тут не в счет) не предпринимали действий, направленных на захват этих территорий. Ответ на вопрос: почему? — лежит на поверхности. Думаю, боялись вполне предсказуемой реакции «большого соседа». Американцы же, наоборот, демонстрировали уверенность в собственной силе и безнаказанности.

Вообще (да простят меня правоведаы за неюридический слог), пресловутое Соглашение больше напоминает не международный документ, а «филькину грамоту». Его даже не согласовывали с Россией, которая тогда хотя и называлась по-другому (РСФСР), но являлась суверенным государством, а ее морские границы и экономические владения делились за спиной республики. Как уже говорилось, Верховный Совет СССР не ратифицировал Соглашение. Его ввели в действие в результате обмена соответствующими нотами министра иностранных дел Э. Шеварднадзе и госсекретаря США Дж. Бейкера, что противоречит не только сложившейся международной практике, но даже самому Соглашению в части порядка его вступления в силу. Строго говоря, оно и сейчас находится в юридически подвешенном состоянии. Ни советские законодатели, ни сменившие их российские депутаты не решаются придать Соглашению легитимность. Слишком уж очевиден

колоссальный ущерб национальным интересам. Специалисты сравнивают его с продажей Аляски. Но тогда царская Россия получила за заморские земли хоть какие-никакие деньги и избавилась от огромных затрат по содержанию далеких колоний. Что получили Горбачев и Шеварднадзе в результате несправедливой сделки, остается лишь гадать. Страна же потеряла один из самых уловистых морских «огородов». По оценкам экспертов, «совокупные потери российской рыболовной отрасли составили около 2,8 млн тонн рыбы стоимостью свыше 1,4 млрд долл. США». Замечу, это весьма приблизительные оценки даже по рыболовству. На самом деле потери гораздо масштабнее. Мало кто знает, что речь идет не только и не столько о рыбе. Вместе с ней Россия потеряла возможность разработки ресурсов континентального шельфа (морского дна и его недр), находящихся как в пределах 200-мильных исключительных экономических зон, так и за их пределами. Между тем, по оценкам (опять же предварительным) американских специалистов, здесь располагаются серьезные месторождения нефти (около 200 млн тонн) и газа (около 200 млрд куб. м). Вот где, оказывается, собака (то есть нефть) зарыта! Одно слово «нефть» расставляет все на свои места. Давно известно, что там, где она водится, для американцев не существует никаких законов и правил. Но о них судить-рядить — только воздух сотрясать. Вопросы же к бывшему советскому руководству о том, какие оно цели преследовало, заключая заведомо проигрышную для страны сделку, до сих пор не получили вразумительных ответов. Кое-кто из специалистов деликатно объясняет ее недальновидностью тогдашнего политического руководства великой державы. Не верится, даже при большом желании. Больше верится в измену, в предательство национальных интересов. А также в то, что шумная кампания вокруг защиты Курил стала прикрытием, отвлекающим маневром этого предательства. В большой политике подобные случайности маловероятны. Но это мое мнение. Кстати, сейчас, на мой взгляд, самое время вернуться к этому вопросу. На нашу страну обрушили столько санкций, что завязанный предшественниками «морской узел» так или иначе придется развязывать. А может быть и разрубать.

Спаситель Курил — русский еврей Верховский

Верховский Александр Григорьевич — сенатор, представитель Сахалинской областной думы в Совете Федерации. Родился 23 августа 1956 г. в Ленинграде. После окончания в 1978 году Ленинградского высшего военного инженерно-строительного училища им. А. Н. Комаровского получил диплом по специальности «инженер-строитель». С 1978 по 1990 год проходил службу в Советской армии. После увольнения в запас основал и возглавил ООО «Гидрострой», впоследствии ЗАО «Гидрострой».

Итуруп (курильская «резиденция» Верховского) сегодня, пожалуй, самый благополучный из курильских островов. Градообразующие предприятия ГК «Гидрострой» включают в социальный пакет выплаты на рождение ребенка и к юбилейным датам, расходы, связанные с выездом из районов Крайнего севера, вознаграждение за многолетний труд при увольнении с предприятия, обучение, лечение, беспроцентные ссуды и многое другое, что раньше брало на себя советское государство. То есть вместо «капиталистического оскала» «Гидрострой» демонстрирует человеческое лицо: создает рабочие места, совершенствует инфраструктуру, выплачивает людям достойную заработную плату. Силами и при участии «Гидростроя» возведен комплекс для отдыха на горячих источниках под Курильском, построены новая школа, больница, уникальный спортивный комплекс с крытым теннисным кортом, какие в стране редко увидишь. С 2006 года ЗАО «Гидрострой» в партнерстве с ОАО «РЖД» и Центром Национальной Славы реализуют благотворительный проект — медико-просветительскую экспедицию «Рубежи России». Ежегодно на острова Итуруп, Шикотан и Кунашир высаживается десант из врачей ведущих клиник ОАО «РЖД» и крупных медицинских центров Москвы, Петербурга, Владивостока и Хабаровска, артистов и даже священнослужителей. Каждый житель островов за время работы экспедиции может бесплатно воспользоваться квалифицированной медицинской помощью (8 тысяч

человек за пять лет обратились), принять участие в культурно-просветительских программах и мастер-классах...

А вот что пишут и говорят о спорных островах Курилах японские СМИ и чиновники.

«Из разговора имеющих отношение к компании “Гидрострой” лиц стало понятно, что в ноябре т. г. “Гидрострой”, базирующийся на северных территориях, планирует принять участие в экономическом форуме в г. Токио с целью освоения японского рынка. “Гидрострой” самостоятельно поддерживает экономическое развитие двух островов Шикотан и Итуруп, в основном опираясь на рыбную и строительную промышленность. Развивая международные связи, “Гидрострой” является своего рода символом реальной принадлежности островов России. МИД Японии весьма настороженно относится к выдаче виз лицам, имеющим отношение к данному предприятию». (Сообщения информационного агентства «Санкей», 24 октября 2009 г.)

«Информированные круги Сахалинской области говорят, что рыбопромышленная компания “Гидрострой” была основана русским евреем Верховским в 1991 году на острове Итуруп. Компания “Гидрострой” занималась как ловом, так и переработкой рыбной продукции, ее перевозкой, строительством рыбоводных заводов, финансовыми вопросами, т. е. разными видами деятельности, в итоге превратившись в крупнейшее предприятие в Сахалинской области. Также “Гидрострой” занимался строительством аэропортов, дорог, портов больниц и т. д. на Итурупе и Шикотане. В прошлом году “Гидрострой” заплатил 929 миллионов рублей налогов (примерно 2,9 млрд иен), что составило 70 % от бюджетных поступлений в Курильский район».

«Компания развивается, и улучшающееся экономическое положение дает все предпосылки для формирования общественного мнения об отсутствии необходимости помощи Японии. Особенно эта позиция усиливается на Итурупе».

«МИД Японии говорит о том, что необходимо воздерживаться от действий, которые каким-либо образом указывают на признание принадлежности северных территорий России, и требует от японцев самоконтроля по вопросам по-

сещения северных территорий по русской визе, в предпринимательской деятельности на северных территориях. В ответ на это "Гидрострой" активно развивает сотрудничество с предприятиями из других стран. Компания "Гидрострой" покупает оборудование и технологии из США и Германии, экспортирует свою продукцию в Китай, Корею, страны Европы. По данным компании, японские бизнесмены также участвуют в аукционах по икре, и часть рыбной продукции попадает и в Японию. В поиске "Гидростроя" по расширению бизнеса с Японией усматривается замысел российской стороны отложить проблему северных территорий на дальнюю полку путем разделения политики и экономики».

«Усиливается экономическая деятельность новой русской компании "Гидрострой"... Около 70% населения островов связаны с работой на "Гидрострое"... Для японского правительства в дальнейших переговорах по возвращению территорий это будет фактором, который нельзя проигнорировать... Безусловно, это усложняет процесс переговоров по территориальной проблеме, но страшно то, что благодаря усилению экономического развития население островов будет иметь уверенность в своих силах». (Японская газета «Хоккайдо Симбун» от 30 июня 2000 г.)

Тревога и озабоченность японцев понятна. Сейчас у холдинга имеются собственный флот, 4 рыбоперерабатывающих комплекса, береговые холодильники мощностью 18 000 тонн единовременного хранения, 3 собственных и 2 арендованных рыбоперерабатывающих завода, более 200 строительно-дорожных машин и вспомогательного оборудования. Налоговые отчисления в различные бюджеты уже приблизились к двум миллиардам рублей ежегодно. На Дальнем Востоке таких бюджетоформирующих компаний — на пальцах одной руки пересчитаешь.

Лично меня сообщения японских изданий привлекли, прежде всего, своей откровенностью и вниманием, которое они проявляют ко всему, что происходит на соседних островах. Стало ясно: они обладают об интересующем их предмете такой исчерпывающей информацией, которую и в отечественных источниках не всегда найдешь. В самом «Гидрострое»

не любят распространяться о своей деятельности. Неважно, идет ли речь об успехах или о проблемах. Такова, видимо, внутрикорпоративная политика. Только на двадцатилетие выпустили красивый буклет, рассказывающий о становлении холдинга. Вот что компания поведала о себе.

1991 год. Небольшая строительная компания, из трех учредителей, столкнулась с необходимостью расширения сферы деятельности. Никто на Курилах в то время не мог и не хотел оплачивать строительные услуги. Где взять деньги на развитие, долго искать не надо было. В рыбном краю это связано с рыбным промыслом и переработкой рыбы.

1995 год. В п. Рейдово (о. Итуруп) построен мощный рыбоперерабатывающий завод.

1999 год. Построены аналогичные комплексы в п. Китовом (о. Итуруп) и п. Крабозаводск (о. Шикотан). Оба предприятия оснащены высокотехнологичным на то время оборудованием.

2004 год. Силами «Гидростроя» построен первый на Курильских островах глубоководный причал, способный принимать суда водоизмещением до 3,5 тысяч тонн.

2006 год. Введен в строй рыбоперерабатывающий комплекс в бухте Оля (о. Итуруп) мощностью 400 тонн рыбы-сырца в сутки.

2007 год. В состав холдинга вливается группа компаний «Пиленга» с собственным океанским флотом. К традиционному для «Гидростроя» прибрежному рыболовству добавляется океанский промысел.

2009 год. Компания первой в России получила международный сертификат промысла по стандартам Морского Попечительского Совета (MSC).

2010 год. Введен в строй рыбоперерабатывающий комплекс в п. Озерский Сахалинской области общей мощностью 200 тонн готовой продукции в сутки.

Цифры — впечатляющие, но что они могут сказать о хозяине, о воле его, способностях, о том, сколько пота и крови потрачены им для достижения таких результатов? Почти ничего. Восполним этот пробел.

Для многих остается неразгаданным вопрос, для чего все это делает фактический владелец холдинга Александр Верховский, какие цели преследует? По этому поводу можно строить различные догадки. Но сколь бы ни были они правдоподобными и логичными, все равно вряд ли приведут нас к истине. Его ярые противники (а их очень много) традиционно обвиняют курильского предпринимателя во всех грехах, присущих большинству скороспелых российских нуворишей, главная цель которых — побольше нахапать, обобрав всех вокруг, в том числе государство. Сказать, что Верховский в этом смысле чист, аки ангел, было бы неправдой. Его сторонники (а их много меньше) видят в нем чуть ли не спасителя Курил. Такая позиция тоже имеет под собой основания. Так что истина все же находится где-то посередине, сохраняя при этом весьма неустойчивое положение. Появятся новые факты, произойдут новые события, и она может переместиться в ту или иную сторону.

Верховского считают очень закрытым человеком. Возможно, натура такая, а может быть, просто жизнь научила держать рот на замке. Мне кажется, что за прошедшие годы я достаточно его изучил, чтобы прийти к некоторым заключениям. К тому же так получилось, что я оказался свидетелем событий, когда нарождающемуся холдингу светило если не разорение, то близкая к нему участь...

Познакомились мы более двадцати лет назад. Тогда «фирма» с названием не рыбацкого профиля решила выйти из строительных вагончиков, где создавала первоначальный капитал, и заняться тем, что дает стабильный доход: рыбоводством и рыболовством. Рыбный рынок к тому времени был еще достаточно свободен, но толкотни на нем уже хватало. Несовершенное законодательство, точнее, полное его отсутствие по регулированию взаимоотношений бизнеса и государства, открывало дорогу чиновничьему беспределу. Квоты, лицензии, разрешения были в руках местных бюрократов. Главный из них (губернатор) держал все под личным контролем: мог поддержать молодых предпринимателей, а мог и проигнорировать. У тройки курильчан — учредителей предприятия поначалу никак не получалось «зажечь» своими проектами саха-

линское начальство, хотя местную курильскую власть они сумели заинтересовать. Как? Не станем уточнять. А у губернатора уже имелись рыбные фавориты. И тогда Верховский через общего знакомого обратился за содействием ко мне как представителю президента в области. В свою очередь, я переговорил с сахалинским губернатором Игорем Фархутдиновым, организовал им встречу, и после этого у «Гидростроя» проблем с местной властью, насколько мне известно, не возникало. Более того, на Сахалине многие знают, что губернатора и предпринимателя связывали не только деловые, но и дружеские отношения. Ни те, ни другие у меня с Александром Григорьевичем не сложились. Дружбы не получилось, а бизнесом я никогда не занимался. К тому же работал уже в Москве в президентской администрации. Словом, на многое годы наши жизненные пути разошлись. Однако из виду я его не терял, наблюдал, что называется, со стороны за его подъемом и развитием.

Его «фирма» быстро набирала обороты: расширялась, укрупнялась, модернизировалась и вскоре стала «маяком капиталистического производства». Такое название «Гидрострою» я сам придумал и всегда его употреблял в служебных записках. Без всякой иронии и подтекста. У него действительно стоило многим и многому поучиться. Не случайно каждый сахалинский губернатор непременно возил на Курилах высокопоставленных московских гостей к Верховскому. Некоторые из них (как, например, известный в прошлом пресс-секретарь и помощник президента Сергей Ястржембский) и вовсе подружились с курильским бизнесменом. Польза подобных знакомств известна. Без высоких покровителей у нас в стране редко кто добивается больших успехов. Такие уж традиции. Преференции получают главным образом те, кто ближе к властям предержащим. У Верховского здесь давно все в порядке. Не буду останавливаться на «мелочах», приведу лишь один пример. В 2007 году была принята федеральная целевая программа (ФЦП) по развитию Курильских островов на 2007–2015 годы. Общий объем ее финансирования составлял почти 18 миллиардов рублей. Так вот, ЗАО «Гидрострой» стало практически единственным участником этой программы. Все значимые подряды, так или иначе, замкнулись на нем. Не было конкурен-

тов? На такой лакомый кусок — сколько угодно! Но достойных, способных выполнить поставленные задачи поблизости не оказалось. Разумеется, приобретенные связи и знакомства сыграли свою роль. Но ведь ими глава фирмы обзавелся не в одночасье. Для этого потребовалось много лет напряженного труда, преодоления всевозможных препятствий, создание предприятий, продукцию которых можно было демонстрировать не только узкому кругу высоких гостей, но и взыскательному покупателю, в том числе и международному.

Буквально на подъеме Верховского попытались «подстрелить». Не рыбные конкуренты (это было бы, наверное, не так обидно и болезненно), а друзья-соратники, партнеры по бизнесу. Те, с кем создавался «Гидрострой». История о том, как делили курильское предприятия его собственники, получила большой резонанс. В газетах писали, телепередачи организовывали. Потом включились генпрокуратура, МВД, судебные органы. Инициировал проверки тогдашний сахалинский депутат Госдумы Иван Ждакаев. С ним, как я уже писал, у нас были давние дружеские отношения, и я нередко ему помогал. А поскольку в тот период я уволился с государственной службы и на договорных условиях работал с некоторыми газетами, то подключился к теме. Сработал профессиональный интерес: журналисты мимо таких историй редко проходят. А тут один из учредителей — С. Грязнов — фактически «явку с повинной» преподнес на блюдечке. Вывалил такой компромат на своего партнера, что депутат-коммунист аж загорелся в предвкушении разнести по клочкам «акулу капитализма» и покровительствующих ей «педросов» (так Иван Ждакаев называл членов партии «Единая Россия», сокращенно — ПЕДРОС).

Сдал Грязнов партнера, как говорится, с потрохами, с явками, именами и копиями (а где и оригиналами) документов, свидетельствующих о теневой стороне деятельности «Гидростроя». Тут и нецелевое использование государственных средств, и нелегальная торговля икрой и рыбой с японцами и многие другие «мелочи», заслуживающие пристального внимания правоохранителей. Признаюсь, и я «повелся» на представленные факты. А как не поверить? Подтверждающие документы есть, прямой свидетель (он же соучастник) имеется

и сам дает признательные показания. Словом, стал помогать народному избраннику разбираться в ситуации, в подготовке выступлений по теме.

Сомнения в чистоплотности и порядочности С. Грязнова появились после двух газетных заметок депутата. Ряд фактов, изложенных в них, не подтвердился. Дело дошло до судебного разбирательства, и Верховский (точнее, его адвокаты) вышел из него победителем. Суд признал депутата виновным со всеми вытекающими материальными последствиями. Редкий, надо сказать, случай, когда «слугам народа» пришлось отвечать за «публичный базар». В том числе и материально. Впрочем, Ивану Ждакаеву этого делать не пришлось. Простил его Верховский, не стал раздувать скандал и подрывать депутатский авторитет. А ведь мог. Ему на руку было очиститься от «публичных пороков» и укрепить свой статус в глазах общест-венности. Но не сделал. Почему?

На этот вопрос я долго не мог найти ответа. Даже на себя примеривал ситуацию: как бы сам поступил на его месте? Но после иными глазами стал смотреть на курильского предпринимателя. Нет, никаких иллюзий в отношении его не питал, особенно в части создания первоначального капитала. Некоторые факты теневой деятельности так и остались неопровержимыми. С другой стороны, размышлял, у кого из «новых русских» (и не только) не имеется своего «скелета в шкафу»? Но если многие из них сразу заворачивали свои прибыли в заграничные банки, то Верховский, став единоличным собственником предприятия, вкладывался в его развитие, создавал новые рабочие места для безработных островитян, обеспечил цивилизованные условия жизни людям, которые многие годы были забыты государством. Разумеется, и про себя не забывал. Но я что-то не припомню, чтобы капиталисты-коммунисты (а таких в партии Геннадия Зюганова изрядно) только о благе трудящихся беспокоились и одинаковую зарплату с ними получали, всю прибыль на народные нужды отдавали.

Кстати, о бывших партнерах Верховского. С ними он тоже обошелся вполне цивилизованно. На Грязнова было заведено уголовное дело. Очень даже перспективное. Верховский и тут проявил лояльность: пошел на мировую, выплатил долю быв-

шему партнеру, парализовавшему работу предприятия на целый год. Иные в аналогичных ситуациях просто добивали врагов. Впрочем, Иван Ждакаев также удивлял меня, когда протягивал руку помощи тем, кто его в свое время просто «топил». На мое недоумение отвечал, что они побывали в его «шкуре» и должны понять, каково быть незаслуженно оплеванным. Убежденный коммунист, не расставшийся с партийным билетом старого образца, и поистине христианское великодушие!

Однако и великодушие бывает разное. У одного оно идет от сердца, от внутренней убежденности. У другого в основе лежит элементарный житейский расчет, суть которого — целесообразность момента и ситуации. Думаю, лояльность Верховского в большей степени зиждется на втором варианте. Он очень терпелив в ожиданиях и выдержан в принятии решений. Скоропалительной реакции даже на оскорбления от него ожидать не приходится. Он не отреагировал на многие обидные вещи, прозвучавшие публично. Когда, например, Грязнов распускал слухи о еврейской национальности бывшего своего партнера, о том, что его родители имеют израильское гражданство, шикуют в Израиле на курильские денежки. Не знаю об отце, а о матери Верховского слышал много хорошего от сенатора Алексея Александрова. Оказывается, он был одним из учеников его мамы, и долгие годы всем классом поздравлял ее с днем рождения. Мне, в прошлом учителю, подобное признание педагогических заслуг представляется самой высокой наградой. И случись грязный навет на мою маму — обидчик бы за это ответил. Верховский смолчал, но уверен, запомнил. В его своеобразной памятью пришлось убеждаться не раз. Он может запросто забыть о людях, на которых в определенный период опирался. Они для него — как бы пройденный этап. Он же прагматик. Но не забывает даже мелочей, которые возникали на его пути. На месть силы тратить не станет. Это нерационально. Но и руку помощи не протянет. Отвернется и пройдет мимо. Как его за это осуждать, по критериям какой морали?

Давно уже не секрет, как создавались фантастические состояния «денежных мешков» современной России. Большинство из них возникло просто из воздуха, ничего не произво-

дя, а лишь в результате всевозможных махинаций. Верховский никак не вписывается в команду «биржевых спекулянтов». В советские времена офицер, военный строитель, он прошел обычный для того времени путь, унаследовав при этом генетический код своей нации — способность к предпринимательству, расчетливость. Но ведь эти качества нельзя назвать плохими. Они природой заложены в человеке. И, как говорил один из героев классика русской драматургии А. Островского, «расчет — это не обязательно воровство и жульничество». Тем более если расчет связан не только с личным обогащением, а с улучшением благополучия многих людей. Такой расчет в России всегда понимался. А если ему придать патриотические тона, то и награда за служение Отечеству обеспечена. Патриотизм Верховского подтверждается конкретными делами на островах.

...Мы не общались почти двадцать лет, хотя все эти годы не теряли друг друга из виду: слишком много общих знакомых имели, чтобы потеряться. Однако стремления к личным контактам никто из нас не проявлял, каждый по своим причинам. Встретились в Совете Федерации, где я работал помощником чувашского сенатора, а Верховский был избран представителем законодательного собрания Сахалинской области. Встретились на удивление тепло, будто недавно расстались и будто никаких «кошек» между нами не пробежало. При первой же встрече в лоб задаю ему вопрос: чего его в политику потянуло, бизнес надоел, что ли? Верховский ответил в том духе, что, наоборот, только во вкус начал входить, грандиозные планы и проекты имеются, только устал он с правоохранителями общаться, проверка за проверкой, работать невозможно. Словом, нужен иммунитет, который обеспечивает сенаторский статус. Откровенно сказал, без всякого пафосного словоблудия, присущего многим сенаторам и депутатам. Для российских олигархов давно стало привычным делом «страховать» себя и свой бизнес через парламентскую неприкосновенность. Причины, правда, у всех разные. И способы получения сенаторских либо депутатских мандатов тоже. Верховский и в этом плане отличается от многих коллег по предпринимательскому цеху. Он неоднократно избирал-

ся депутатом муниципального совета, и в верхнюю палату его выдвинули депутаты области, а не губернатор по знакомству. Но вот что интересно. Будучи уже избранным сенатором, Верховский почти год не мог приступить к своим обязанностям. По закону его формально должен был утверждать Совет Федерации, а тот тянул время по непонятным причинам. Возникла курьезная ситуация. Фактически у законодательного собрания Сахалинской области оказалось два представителя в палате регионов. При этом законно избранный не утверждался в должности, а законно освобожденный не освобождался от должности Советом Федерации. Подобные коллизии при спикере палаты Сергее Миронове редко, но случались. Ходили слухи, что в основном это было связано с понуждением состоятельных сенаторов к «добровольным» пожертвованиям на партию, возглавляемую спикером. Сам же он объяснял затянувшееся утверждение необходимостью проверки информации, поступившей из МВД России.

О взаимоотношениях «Гидростроя» с этой правоохранительной структурой можно писать отдельный детективный рассказ. Именно она более десятка лет инициировала всевозможные проверки и возбуждала уголовные дела в отношении успешного предприятия и его руководителей. И всегда безрезультатно. Стоило только очередному «делу» попасть в Генеральную прокуратуру, как оно разваливалось. Прокуроры менялись, а выводы делались одинаковые: не виновны. Так что версия о подкупе здесь не срабатывала, если ею пытались объяснить непотопляемость Верховского. К тому же многим было известно, что он не любит давать мзду чиновникам. Вряд ли из-за скупости, присущей многим богатым. Его пожертвования на благотворительные цели, меценатство широко известны. Скорее всего, у него такая принципиальная установка: не платить, когда вопрос можно решить другим способом. Особенно если убежден в своей правоте.

Мне рассказывали, что высокопоставленные «менты» предлагали прекратить свои «наезды» за отступные в размере годовой прибыли предприятия. Такие цены за «крышевание» частного бизнеса в то время были обычным делом. Причем гарантий на будущее не давалось. Менялись милицей-

ские начальники и вновь заводились уголовные «дела». Редко кому из предпринимателей удавалось выдержать такой пресинг силовиков и сохранить свой бизнес. Верховский устоял, хотя на сделки с правоохранителями не пошел.

...Как и следовало ожидать, С. Миронов не получил подтверждения сведений, компрометирующих нового сахалинского сенатора. Полагаю, и спонсорских взносов от него также не поступило. Утверждение Верховского членом Совета Федерации могло бы состояться раньше, вне зависимости от результатов пресловутой проверки, если бы странным (если не сказать неприличным) образом не повел себя его предшественник, бывший сахалинский сенатор Борис Третьяк. Вместо того чтобы достойно освободить должность, которую несколько сроков занимал с весьма неубедительными (в первую очередь для Сахалина) результатами, он, что называется, зубами вцепился (при поддержке С. Миронова, конечно) в сенаторское кресло. Вначале на заседании заксобрании области выступил против кандидатуры Верховского, а когда депутаты его не послушали, отказался писать заявление в Совет Федерации о снятии полномочий. Несущественная формальность позволила спикеру тянуть время. Увы, но таковы были издержки законодательства, избавились от которых только с приходом в Совет Федерации Валентины Матвиенко.

Как уже говорилось, новый сахалинский сенатор не скрывал, что не был расположен заниматься большой политикой. Однако верным это можно считать лишь отчасти. Политика и экономика — понятия взаимосвязанные, одно без другого существовать не может. А если взять во внимание «курильский фактор», то они и вовсе неразделимы. Полноценно развивать экономику Курильских островов без решения политических проблем очень сложно, так как слишком близко находится экономически продвинутый сосед. Что говорить, японские телеканалы на Курилах принимаются лучше, чем отечественные. Сравнение жизни идет постоянно и, к сожалению, не в нашу пользу.

В этой связи приходят разные мысли о деятельности «Гидростроя». Если взглянуть на нее под углом решения «территориальной проблемы», то некоторые вопросы получают объ-

яснение. Допустим, российская верховная власть, не желая вступать в обостренные споры с экономически сильным и выгодным соседом, выбрала путь, в свое время обозначенный Б. Н. Ельциным. Суть его в том, что окончательную точку в споре поставят «будущие поколения»; или, как считают японцы, в том, чтобы «отложить проблему на дальнюю полку». В начале моих заметок приводились высказывания японской прессы, их опасения в связи с развитием курильского предприятия, его растущим экономическим влиянием не только на островах, но и в регионе. Соседи не скрывают, что им становится «страшно» от такого замысла российской стороны. Их страхи можно было бы понять, когда не знаешь историю «Гидростроя». Разве искал бы «спаситель Курил» депутатский иммунитет в парламентских стенах, если бы его прикрывало государство? Разве посмели бы правоохранители наезжать на его бизнес, если бы за ним стояли долговременные государственные политические интересы? Разумеется, нет. Пальцем бы никто не пошевелил, даже если бы имелись в работе предприятия какие-нибудь нарушения. А тут на протяжении двадцати лет «прессовали». Так что японская версия не имеет под собой достаточных оснований.

Даже не знаю, стоит ли по этому поводу огорчаться: палка ведь о двух концах. Второй конец называется монополией. Известно: где появляется диктат в экономике, там и в политике за ним остается последнее слово. Сахалинские рыбаки (представители малого и среднего бизнеса) всерьез озабочены растущим влиянием холдинга. ЗАО «Гидрострой» теперь только его часть, занимающаяся строительным бизнесом и не имеющая квот на добычу рыбы. Рыбным промыслом занимаются другие компании, входящие в холдинг. Они (что вполне естественно) стремятся к поглощению мелкого и среднего бизнеса, к монополизации рыбного рынка области, не ограничиваясь курильским регионом, перенося свои интересы на Сахалин. В результате тихой, но очевидной экспансии мощного игрока постоянно возникают конфликтные ситуации между мелким и крупным бизнесом. Порой конфликты приобретают политический оттенок, что совсем не способствует улучшению инвестиционного климата в регионе, в том чис-

ле и для самого «Гидростроя», хотя он приобрел весомый международный авторитет. Достаточно сказать, что в сентябре 2009 года международная экологическая организация «Морской попечительский совет (MSC)» впервые присудила экологический сертификат на промысел горбуши и кеты российской компании. Этот документ подтверждает международное признание соблюдения всех экологических требований в процессе добычи рыбных объектов, их переработки и поставки мировому потребителю конечной рыбопродукции.

От себя добавлю. Как постоянный потребитель и любитель дальневосточного лосося и икры, всегда стараюсь покупать продукцию, выпущенную «Гидростроем». По качеству, на мой взгляд, равных ей на Дальнем Востоке пока нет. К сожалению, не балует компания российского покупателя своей деликатесной продукцией. На отечественный рынок ее поступает очень ограниченное количество, в основном все идет на экспорт. Причина сугубо экономическая: невыгодно. Большие расстояния, транспортные расходы, бюрократические барьеры — все это создает для предпринимателей массу дополнительных забот, которые себя не оправдывают. Гораздо легче и выгоднее иметь дело с зарубежными партнерами. В том числе и с японскими. Бизнес всегда находит пути обхода государственных запретов. «Гидрострой», например, два раза в год проводит в Южно-Сахалинске международные аукционы по продаже лососевой икры. Основные покупатели — японские компании. Предприятия малого и среднего бизнеса Южно-Курильского района продают морского ежа, креветку, краба, терпуга, камбалу исключительно в Японию. Ее правительство смотрит на такую торговлю сквозь пальцы.

Так или иначе, нельзя не признать тот факт, что «Гидрострой» значительным образом повлиял на ситуацию вокруг межгосударственного территориального спора. Причем в достаточно короткий срок сделал за государство многое из того, что именно оно обязано делать для своих граждан. Самое главное — это то (сошлюсь опять на японскую печать), что «благодаря усилению экономического развития население островов будет иметь уверенность в своих силах». Вот чего больше всего опасаются соседи. Однако, судя по всему

(и не только по «Гидрострою»), родная власть еще не до конца осознает эффективность новых российских экономических инструментов в решении политических вопросов. Об этом свидетельствуют многочисленные бюрократические засады, которые постоянно приходится преодолевать сахалинским и курильским предпринимателям рыбной отрасли. Чего стоят их постоянные «войны» с Россельхознадзором. О них знаю не понаслышке, не с чьих-то слов.

Будучи советником министра сельского хозяйства, я пропустил через свои руки не одну жалобу от рыбаков на надзорное ведомство. Возникло даже ощущение, что оно создавалось исключительно чтобы мешать развитию рыбного бизнеса, ну и как кормушка для чиновников. В письмах рыбаки, остерегаясь судебных исков, напрямую не говорили о взимаемых с них поборах за каждый выловленный хвост, но в разговорах этого не скрывали: называли конкретные суммы, которые приходилось выкладывать различным инспекторам, чтобы беспрепятственно доставить продукцию потребителю. Лишь «Гидрострой» отказывался платить обязательную «пошлину», хотя при его возможностях мог бы договориться. Но тут, что называется, нашла коса на камень. И пошли одна за другой судебные тяжбы. Министерство заняло какую-то невнятную позицию. Может быть, из-за того, что еще не привыкло становиться на сторону частного бизнеса? Но вот что интересно. Мне ни разу не попадались письма по поводу неправомерных действий Россельхознадзора за подписью сенатора Верховского. Обращались к министру за помощью и требованиями обуздать подконтрольное ему ведомство депутаты Госдумы, сахалинский губернатор, а фактический глава рыбного холдинга, чьи интересы ущемлялись, оставался в стороне от схватки. Внешне создавалось впечатление, что он дистанцируется от прямого участия в рыбных вопросах. Ведь в соответствии с законом большое хозяйство сенатора передано во внешнее управление. Однако соблюдение формальностей мало кого могло ввести в заблуждение. Да и кто из сенаторов и депутатов Госдумы, имеющих свой бизнес, не занимается им в свободное (и не только) от парламентской деятельности время? Могу подтвердить: многие знакомые мне олигархи ни

на день, ни на час не отключаются от управления своими активами. У них все всегда под неослабным контролем. И здесь Верховский не является исключением. Вся его активность так или иначе связана с деятельностью холдинга. Возникает вопрос, насколько правомерно причисление его к олигархическому клану. За доказательствами далеко ходить не надо. Они лежат на поверхности, видны невооруженным глазом.

О покровительстве сахалинского губернатора А. Хорошавина над «Гидростроем» в области не говорит только ленивый. С одной стороны, губернатора понять можно: для реализации поставленных задач ему нужно опираться на проверенные в делах экономические структуры. Но только не за счет ущемления интересов других групп граждан. Постоянные же жалобы и обращения в высокие инстанции представителей малого и среднего бизнеса свидетельствуют о том, что далеко не все правильно делает местная администрация. Скажу больше: она фактически срослась с крупным капиталом. И, чтобы не быть голословным, приведу пример. Специально под рыбную тему была введена должность второго вице-губернатора с пропиской в столице. Расположился он не в сахалинском представительстве на Новом Арбате (там находится официальная резиденция другого вице-губернатора), а аккурат напротив Росрыболовства, в московском офисе «Гидростроя». Примечательно и то, что на эту должность назначен старый курильский друг и соратник Верховского Сергей Подольян — глаза и уши и прочее настоящего хозяина. Тому только бровью стоит повести, как карманный замглавы региона бросается исполнять. За чиновничий оклад, за интересы сахалинских рыбаков? Вопрос, как говорится, риторический.

И ведь не только на губернские посты расставляются нужные люди. Они есть в Минсельхозе, в рыбацком агентстве — там, где присутствуют интересы холдинга. Меня поначалу удивляла исключительная информированность Верховского в министерских делах. Кабинет советника министра располагался на режимном этаже, где кроме секретариата и нескольких помощников никого не было. Тем не менее случилось, что свежая рыбацкая информация каким-то неведомым окольным путем попадала вначале в «Гидрострой», а затем

уже ко мне. Все стало понятно, когда выяснилось, что один из руководителей рыбного департамента (кстати, единственный профессионал в этом подразделении) — фактический ставленник холдинга. Знаю как минимум двух-трех «засланных казачков», отслеживающих ситуацию внутри Росрыболовства и сливающих информацию (разумеется, бескорыстно) в холдинг. Кроме этих источников само статусное положение сенатора дает ему возможность вращаться в высоких кругах, находиться в курсе значимых для бизнеса событий и предпринимать упреждающие действия. А в качестве инструментария используются губернатор, депутаты Госдумы, другие члены неформальной команды. Что же это, как не «власть немногих», то есть олигархия.

Ничего нового, надеюсь, для читателя я не открываю. Похожим образом действует большинство олигархических структур. У самых крупных из них имеются свои аналитические службы, разведки и контрразведки. Словом, работа поставлена системно, по-научному. В холдинге Верховского разведывательно-пропагандистская составляющая явно отстает от производственно-технологических новаций. И как следствие такой отсталости — просчеты и промахи идеологического плана. Слабое звено здесь — человеческий фактор. Точнее, чиновничий. Поскольку чиновник — это особая порода человека. Он в большей степени, чем иной, погружен в атмосферу интриг и обеспокоен проблемами личного выживания, повышения собственной значимости в глазах хозяев (явных и формальных). Отсюда — стремление любым способом повысить свое реноме в глазах хозяев, даже если при этом реальные факты ставятся с ног на голову. Мне рассказали, например, что Верховский убежден, будто я проводил в Минсельхозе линию, направленную против интересов холдинга. Интересно: в чем это выражалось? Оказывается, меня считали главным инициатором и организатором встречи сахалинских рыбаков (представителей малого и среднего бизнеса) с министром Н. Федоровым. Такая встреча действительно была, и на ней прозвучало много критики в адрес сахалинской администрации, в том числе и по поводу различных преференций «Гидрострою». Факт, что называется, имел место быть.

И я действительно был его свидетелем. С одной лишь оговоркой — случайным свидетелем, а вовсе не организатором и инициатором. Меня даже официально на встречу не приглашали. Признаваться в этом даже как-то неловко. Все же советником по рыбным вопросам у министра состоял. Но «источнику», видимо, было выгодно перевести стрелки на меня, выявить главного для «Гидростроя» врага в министерстве и тем самым показать свою осведомленность в «тайнах министерского двора». Мне было странно, что такой практически никому не верящий человек, как Верховский, способен повестись на элементарную «разводку», но разубеждать его не стал.

Свой статус законодателя Верховский использовал в полной мере в одном направлении: иницилируя проекты рыбацких законов и внося поправки в действующие законодательные акты. Конечно же, крен в законотворчестве не остался без внимания его постоянных критиков и «доброжелателей». Верховского обвиняют в лоббизме своих предпринимательских интересов. Поскольку лоббизм в нашей стране не узаконен, то к нему по старинке относятся как к негативному деянию, хотя и депутаты, и сенаторы занимаются им сплошь и рядом. В такой ситуации было бы странным, если бы представитель рыбной отрасли оставался в стороне от рыбацких проблем.

У Верховского есть одна особенность: он практически никогда не реагирует на публичную критику. Порой в адрес «Гидростроя» и его фактического владельца раздаются несправедливые и абсурдные обвинения, опровергнуть которые, а заодно и проучить дезинформаторов, не составляет труда. Верховский, видимо, полагая, что его провоцируют на публичные объяснения, просто игнорирует их. С одной стороны, подобная тактика поведения оправдывает себя. Но, на мой взгляд, ее надолго не хватит. Как там говорил вождь коммунистов В. И. Ленин: «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»? Столько воды утекло с тех пор, но это утверждение не теряет актуальность и сегодня. Дефицит открытости не только создает множество вопросов, но служит почвой для возникновения различных спекуляций. В том числе политических.

Вот и Верховскому пришлось нарушить обет молчания. Как-то осенью 2013 года, просматривая в Интернете один из рыбацких сайтов, наткнулся на заметку о запуске на Сахалине нового консервного завода в поселке Озерский. Раньше там был мощный по советским временам рыболовецкий колхоз имени Кирова. В перестроечные годы передовое хозяйство развалилось. Верховский, когда ему стало тесно на Курилах, его выкупил. В доле с администрацией области (теперь это называется государственно-частным партнерством) модернизировал запущенный завод, оснастил его современным оборудованием и, по сути, дал новую жизнь обреченному на умирание предприятию. Но жители поселка почему-то остались недовольны. Стали предъявлять претензии новым хозяевам, вспоминать советское прошлое, когда и уголь завозили во все дворы, и на работу принимали в первую очередь местных, а не гастарбайтеров из бывших республик и т. д. и т. п. Словом, накатали, как испокон веков на Руси повелось, большую челобитную царю-батюшке, по-нынешнему — президенту. Информационный сайт «SakhalinMedia», получив копию челобитной, разместил публикацию с очень говорящим названием «Спасти их от сенатора-бизнесмена просят Путина жители поселка Озерский на Сахалине». После такого заголовка и саму публикацию читать не стоит, впору сворачивать бизнес и тикать с островов. Верховский, видимо, все же прочитал внимательно и... сделал неожиданный для многих ход: подал в полицию заявление о привлечении журналистов к ответственности за распространение ложных сведений, порочащих его честь и достоинство. Вполне обычная сегодня практика выяснения отношений с недобросовестными СМИ. Но тут вдруг чрезмерное рвение проявила сахалинская полиция. У меня даже возникла мысль, что полицейские решили загладить перед Верховским вину за предыдущие «наезды» своих предшественников из милиции. В головном офисе информационного агентства во Владивостоке и его сахалинском отделении были проведены обыски, изъяты документы, оргтехника, сотрудникам учинялись допросы. Шум поднялся до небес. Разумеется, в «Стране восходящего солнца» на него тотчас отреагировали. У нас же в разборки включились де-

путаты Госдумы, правозащитники, Союз журналистов России и прочие независимые наблюдатели. Все они дружно встали на защиту свободы слова. На самом деле предприятие Верховского если и имеет отношение к озерским проблемам, то лишь по географическому признаку, поскольку расположено на территории поселка. Но за его социальный блок несет всю полноту ответственности второй партнер, а именно государство в лице поселковой и областной власти. Если бы мне пришлось разбираться и описывать эту скандальную историю, то я бы разделил ее на две части. Одну — под условным заголовком «Не делай добро...», другую — «Заставь дурака...». Во второй части расписал бы действия полицейских чинов. Их даже областной прокуратуре пришлось одергивать, указывать на неправомерное усердие. И здесь трудно возразить тем, кто увязывает особое рвение полицейских как с высоким статусным положением заявителя, так и с его тугим кошельком. Какой из этих «аргументов» перевесил — судить не берусь. Могу предположить, что все же последний. Но наверняка знаю другое. Рядовому гражданину в защите своих чести и достоинства полагаться на помощь правоохранителей, в том числе и судов, в нашей стране пока не стоит. Проверено на собственном опыте. Высокопоставленного чинушу, даже в качестве свидетеля, привлечь невозможно. Ну разве что, как в случае с бывшим министром обороны Сердюковым, общественный резонанс за края зашкалит.

...И все же. Если государство выбрало группу компаний, объединенных под брендом «Гидрострой», для решения стратегических вопросов, касающихся территориального спора (во что мало верится), то оно должно всячески способствовать их развитию, хотя бы до уровня соседей. А если не имело к этому никакого отношения, а только рынок сделал свое дело, то не поздно подключиться к нежданному почину и оказать содействие или как минимум не ставить палки в колеса. Глядишь, вырулит экономика из международного спора малыми потерями, а то и выгодой для обеих сторон.

Откровенно говоря, в сказанное я и сам не верю. Для меня это тот случай, когда, не зная ответ на вопрос, хватаешься за любую правдоподобную подсказку. Как-то прочитал

в газете «Московский комсомолец» заметку о любопытном японце, приехавшем в Москву и закатившем пир для мало-знакомых и незнакомых прежде людей по случаю своего дня рождения. Выходка, характерная больше для разгульных русских, чем для сдержанных японцев. Сам именинник (звали его Тадаси Гоино) был не только необычным представителем своей нации, но вообще очень оригинальным человеком. На самом деле он оказался известным ученым, профессором, академиком ряда международных академий и лауреатом многих международных премий. Но имелось у него одно хобби: «справлять свои дни рождения в разных странах и делать счастливыми людей, которые присутствуют в этот день рядом с ним». Да мало ли чудачков на свете, в том числе среди ученых! Этот, кстати, из-за большой любви к России принял православие. Мне же он запомнился своим видением решения территориальной проблемы между нашими странами. Он сказал: «Я считаю, что эти острова должны принадлежать людям. Как русским, так и японцам. На них необходимо открыть школы искусств, на которых будут жить и творить таланты. Как ваши, так и наши. С этим предложением я выступил в вашей Думе, но пока не нашел конструктивного подхода. Но я умею убеждать. В 73-м году я построил у подножия Фудзиямы поселок-колонию. Жизнь людей определялась в ней постижением мировых художественных ценностей, а также нравственным воспитанием человеческой души. При этом все должно быть сделано на добровольной основе. Без раздора и войны».

Кое-кто, наверное, скажет или подумает, что этот чудачковатый профессор не от мира сего, и будет абсолютно прав. Он из нашего будущего, хотя и живет рядом с нами. Будущего, о котором мы все, так или иначе, мечтаем.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ...

Гей, Россия. Почему «голубеет» страна?

Анекдот. Среднестатистический гражданин России никогда в жизни не встречал гомосексуалистов. Об их внешнем виде и поведении он судит в основном по репортажам из Государственной Думы и Совета Федерации.

Газета «Московский комсомолец» от 19–25 июля 2013 г.: «17 июля в Челябинске премьер-министр Дмитрий Медведев провел совещание, на которое никто бы не обратил внимания. Но Медведеву не понравилась аргументация одного из замминистров, и так родилась реплика, которая пахнет вечностью: “Если ничего не предпримем, нас только и будут дрючить...”, — отметил Медведев».

Заметку в «МК» под заголовком «Победила дрючба» предваряла карикатура. На ней был изображены король, стоящий в позе буквы «Г», и шут, поднимающий королевскую мантию, под которой открывалось искомое место, обозначенное для наглядности крестиком. В самой же заметке слово «дрючить» толковалось по Ушакову: бить или воздействовать строго. Кроме карикатуры, ни намек на то, что существует и третье, очень ходовое значение этого слова, подразумевающее половой акт. Но и этого хватило, чтобы возобновились разговоры, как премьера «проткнули», что давно он уже не «ДАМ», а «дама».

Так совпало, что накануне я навестил двух своих сановных приятелей на Старой площади. Дело было в понедельник, и оба они пребывали в легкой прострации после выходных. Решили отметить встречу после работы, заодно и здоровье подправить. Известно, о чем в русские мужики говорят, когда втро-

ем за бутылкой встречаются: в основном про политику да про женщин. И там, и там — все едино к сексу сводится. Традиционному, конечно. А тут то ли коньяк некачественный оказался, то ли лег он неправильно на старые дрожжи, но развернулся разговор на «голубую» тему. Моих собеседников как прорвало на откровения. Видимо, накопилось в душе. Прошлись по всему кабинету министров, где, получалось, педераст на педерасте сидит. Оказывается, никакой не секрет, что один из вице-премьеров предпочитает юных мальчиков, другой в свободное время любит переодеваться в женское платье, третий — дрючит всех напрапалу: снизу до самого верха.

Слишком давно и хорошо знал своих приятелей, их информированность и вхожесть в определенные круги, чтобы принять все услышанное за пьяный треп. Они знали, о чем говорили. Так что ироническая газетная заметка только подтверждала сказанное.

Сразу внесу ясность: я сторонник традиционного секса, хотя «традиционный», по нынешним временам, определение не совсем точное. В ходу уже понятие «традиционная однополая любовь». Однако мне, в отличие от всенародной любимицы, великой советской актрисы Фаины Раневской, совсем не нравится, когда вокруг множатся «ж...ы», постоянно стремящиеся на что-нибудь твердое сесть. Бес с ними, пусть распоряжаются собственными задницами как угодно (это их право), но чтобы никто об этом не знал. К счастью, пока еще большинство нормальных людей, воспитанных как в марксистко-ленинских, так и в православных традициях, считают гомосексуализм явлением противоестественным и мерзким.

Как бы ни хаяли советский строй, но даже у ярых критиков хватает ума признавать его неоспоримые заслуги общечеловеческого характера. Об одной из них, законодательном запрете гомосексуализма, говорится мало. Но разве не помогли безбожники человечеству, наложив суровое табу на распространение богомерзкой заразы на одной шестой части суши нашей планеты? Ведь могли бы сквозь пальцы смотреть на это дело.

Впрочем, надо признать, что на первых порах революционного безобразия, воцарившегося в стране с захватом вла-

сти большевиками, многие из их рядов не особо скрывали свои половые предпочтения. Особо в этом смысле отличалась красногвардейская элита — балтийские моряки. По архивным свидетельствам, на своих пьяных кутежах они такие оргии учиняли, что древним римлянам и не снилось. Потом враз все прекратилось. Не исчезло, конечно, нет. Но затаилось, запряталось, не выставлялось на обозрение, не афишировалось. Потому как стало уголовно наказуемым и обществом презируемым.

Случаи однополой любви, педерастии периодически выявлялись в околовластных структурах: комсомоле и профсоюзах, организациях творческой интеллигенции. В педофилии время от времени изобличались воспитатели и вожатые пионерлагерей. Попадались и прокуроры. На моей памяти был такой случай на Курилах. Но, как правило, подобные вещи огласке не предавались. Однако шила, как говорится, в мешке не утаишь.

Тем не менее почти семьдесят лет наша страна благодаря (повторюсь) безбожникам-коммунистам соблюдала Божью заповедь. Ибо в Писании сказано: «если кто ляжет с женщиной, как с женщиной, то оба они сделали мерзость, да будут преданы смерти, кровь их на них» (Лев. 20:13).

И вот тоталитарный строй сменила демократия. Недемократическое государство или устанавливало монополию на различные пороки (спиртное, табак и др.), или запрещало их. Демократия же, под видом прав и свобод, создала благоприятные условия для всех видов порока. Новые общественные отношения развязали руки для разных безобразий, в т. ч. и для гомосексуализма. Не секрет, что его активная поддержка и пропаганда выгодны прежде всего недругам России, заинтересованным в уменьшении ее населения. Наша огромная территория, а главное, находящиеся на ней природные ископаемые не дают покоя тем, кто во все века на них зарился. Даже признание в том, что Запад победил нас в холодной войне, не может считаться окончательным, пока остаются островки нравственности в виде сопротивления злу, в т. ч. и гомосексуализму. К сожалению, таких островков сопротивления остается все меньше, они тают, потому что сла-

бо поддерживаются властью. По мнению исследователей вопроса, никогда еще в истории России гей-лобби не было так могущественно, как ныне. Заняв ключевые позиции в средствах массовой информации, на телевидении, в шоу-бизнесе и сопутствующих сферах, геи небезуспешно выполняют западный заказ. Причем при явной поддержке власть имущих, демонстрирующих перед тем же Западом якобы свою толерантность к сексуальным меньшинствам. Создается впечатление, что это самое меньшинство если и не стало большинством в коридорах власти, то правит там бал. Чертов бал.

Не знаю ни одного крупного политического деятеля современной России, который бы открыто выступил за запрет гомосексуализма в стране. На сегодняшний день имеет место только законодательный запрет его пропаганды. Хотя и это уже радует и обнадеживает.

Примечательна в данном контексте выдержанная, но по своему смелая позиция председателя Конституционного Суда страны Валерия Зорькина. Он заявил: «Увлеченность современных европейских юристов защитой прав и свобод лиц с нетрадиционной ориентацией приобретает гротескные формы. Иногда этот гротеск может переродиться и в трагедию, как это недавно произошло в Сербии, когда неприятие гей-парада в традиционно православной стране вылилось в массовые беспорядки. Проще всего эти беспорядки списать на экстремизм неких националистических фашистских сил. А что, если это реальное возмущение большинства граждан конкретной страны, которая протестует против действий меньшинства. Действий, которые ломают культурный, нравственный, религиозный код...»

Глава Конституционного Суда не может не быть взвешенным и сдержанным в своих высказываниях. Но и сказанного достаточно, чтобы понять его личное отношение к явлению, приобретающему глобальный характер и расползающемуся по православному миру. Однако поданный одним из авторитетнейших государственников современности сигнал оказался сродни гласу вопиющего в пустыне. Вместо того чтобы поддержать его публично, российские правители, словно страусы, запрятали головы в песок, опасаясь быть обвиненными развратными соседями в соблюдении нравственности.

...О существовании прослойки «голубых» в высших структурах власти я впервые услышал, работая в ельцинской администрации. Говорилось об этом со смешками в курилках или под рюмочку в кабинетах. На Старой площади главным вертепом «голубых» считалось управление внутренней политики. Бывали случаи, что там по пьяному делу даже из окон вываливались люди. Вроде как на почве ревности скандалы происходили. Я к этим разговорам относился ирониче­ски, воспринимал их как обычный треп мужиков. Тем более что те, с кем пришлось работать, в неестественных пристрастиях замечены не были. Скандалы между тем стали происходить все чаще. Их подоплека широко известна. Следовали чередой увольнения в свое время известных молодых и смазливых чиновников. Но вот что удивляло. Утихали разговоры, и эти самые лица возникали уже в правительственных кругах. Выходило, что их не бросали и при первой возможности поднимали на должную высоту.

Откровенно говоря, как журналиста, меня «голубая» тема никогда не привлекала. Противно к ней было к ней даже прикасаться. Хотя к гомофобам себя не отношу. Но есть вещи, которые неприятны сами по себе. Как, например, венерические болезни. Услышишь, что человек триппер когда-то перенес, и невольно руку за спину прячешь. А если вынужден поздороваться, то потом вытираешь ее незаметно об штаны, хотя знаешь, что от этого прикосновения зараза к тебе никак не пристанет.

Какое-то влияние на мое отношение к сексменьшинствам (в большей степени к гомосексуалистам, в меньшей — к лесбиянкам) оказала и среда, в которой я вырос. Не сказать, что совсем криминальная, но со значительным криминальным оттенком. Двор в одном из городов Сахалинской области, где прошли мои юные и отроческие годы, населяла разномастная публика. Бывшие зэки соседствовали с партийными и советскими работниками. Мы, пацаны шестидесятых годов, дружили между собой, не взирая, кто чей отец. В моде была уголовная лексика, блатные манеры, воровской жаргон («феня» мне и сейчас понятна, и при случае могу на ней «ботать»). А за «петуха гамбургского» в молодости просто забивали обидчика. Только так можно было очиститься от оскорбления. С годами

стал относиться к «голубым» явлениям брезгливо-спокойно. Понял, что есть такая на свете беда и есть люди, ей подверженные, как неизлечимой болезни. Вылечить их, обиженных Богом, невозможно. Их можно только купировать в обществе, ограничивая в возможностях умножать себе подобных и претендовать на особое положение. Уже за то, что их терпят, не преследуют по закону, все извращенцы, по моему убеждению, должны сидеть тихо по норам и там заниматься со своими партнерами мерзкими утехами. Вот при таком раскладе готов их не замечать.

Но ведь их это никак не устраивает. Им нужны парады проводить в столице. Не где-нибудь на окраине, а в центре, чтобы звону и треску было как можно больше. Заправляют они уже не только в шоу-бизнесе, но и в политике. В «демократические» годы быстро заняли лидирующие позиции во власти и сейчас их сохраняют. Об этом уже открыто говорится. Известный публицист Станислав Белковский вообще считает, что сегодня о возврате уголовной статьи за мужеложство не может быть и речи, поскольку пришлось бы пересажать значительную часть представителей исполнительной, законодательной, судебной власти, руководства корпораций с государственным участием и элиты страны... Как такое могло произойти?

Существует научное объяснение подобных феноменов. В эпоху распада крупных систем на авансцену выходят различные меньшинства. В силу многолетних гонений на них они всегда более сплоченны, солидарны и мобилизованы для борьбы, в отличие от разобщенного большинства. Проникнув практически во все властные (за силовиков не скажу, там сор из избы трудно вынести) структуры, «голубые» очень продуманно и осторожно, но в то же время настойчиво продвигают свои идеи в массы. То, что они весьма влиятельны в Совете Федерации, убедился лично, когда возглавил аппарат Комитета по конституционному законодательству, судебным и правовым вопросам, развитию гражданского общества. Под прикрытием последней части названия комитета бурно и активно действовал по своей ориентации известный политик и предприниматель Борис Шпигель. В аппарате верхней па-

латы давно и поименно знают многочисленных членов гей-сообщества из числа сенаторов. Практически поименно известны их сподвижники (или партнеры) в коридорах Госдумы, правительства, президентской администрации.

Что любопытно, у женщин чутье на «голубых» особое. Они их влет распознают по признакам, на которые мужчина едва бы обратил внимание. Мне, кстати, открыла глаза на «голубое» окружение сотрудница, ранее работавшая в аппарате комиссии Б. Шпигеля. За несколько лет она наслушалась и насмотрелась такого, что ни во что святое на свете уже не верила. Уж не знаю, что подвигло ее на откровения, но они просто ошеломили меня. Звучали такие фамилии, которые в сочетании со словом «гомосексуализм» и упоминать опасно. Например, Сурков, Володин, Дворкович, Логинов, депутаты Госдумы Резник (не путать с однофамильцем, депутатом-журналистом), Макаров, скандально известный журналист Хинштейн, сенаторы Шпигель, Александров... Когда дело дошло до фамилии премьера, я остановил поток сногшибательной (благо что сидел) информации.

— Стоп, — говорю, — а то так и до президента доберешься — «святое не трогать». Доказательства есть? Не могу поверить в отношении Суркова и Володина. Первого знаю по работе в администрации. От саратовцев про их земляка ничего такого тоже не слышал. Вот об Андрее Логинове (он тоже выходец из администрации президента) действительно поговаривали...

— Тогда отчего же он такой непотопляемый? — резонно спрашивает моя собеседница и тут же делает вывод: — Значит, эта кодла его и поддерживает...

Что возразишь женской логике? В шутливой форме передал этот разговор председателю комитета Н. В. Федорову.

— Нам, — говорю, — в тюрьму никак попадать нельзя.

— Почему? — спрашивает он.

— Места на нарах не будет, — объясняю шефу ситуацию, — «Зашкварились» мы, общаясь с педерастами, а таким в тюрьме место либо под нарами, либо у «параши».

Посмеялись, конечно. Но Федоров отнесся к рассказу как к аппаратным сплетням. Правда, через какое-то время он

подтвердил информацию в отношении одной из упомянутых персон, которая бок о бок с ним трудилась.

Тут и я решил для себя кое-что проверить. Позвонил старым друзьям на родину Володина и такие подробности услышал, будто свечку над ним держали. Весь, говорят, Саратов об этом знает. Вот уж действительно новость не первой свежести.

...В конце мая тринадцатого года, когда писались эти заметки, заскочил по делу к приятелю на Старую площадь. Отъявленный балагур и любитель шуток на грани фола, он встретил меня неожиданным вопросом:

— А ты знаешь, кто у нас здесь (имелась в виду Старая площадь и Кремль) главный гей?

Подыгрывая, я предположил, кивнув на висевший на стене единственный портрет: «Неужели он?».

— Да что ты, в самом деле, в крайности бросаешься! — с неподдельным испугом замахал руками мой собеседник и тут же раскололся: — Володин это. Его так в прямом эфире «Эха Москвы» назвали. Сейчас я тебе распечатку дам.

Вот текст оригинала скандальной беседы.

«Эхо Москвы», 25.05.2013 г. Николай Алексеев, организатор гей-парада в Москве.

В. Роменский: ...во властной элите ходит немало слухов о том, что тоже много людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

Н. Алексеев: Вы хотите, чтоб я их назвал?

В. Роменский: Да, конечно. Давайте, назовите.

Н. Алексеев: Вы хотите, чтоб я их назвал? Я их сейчас назову у вас в прямом эфире.

В. Роменский: Давайте.

Н. Алексеев: Заместитель главы Администрации Президента Путина Володин является лицом гомосексуальной ориентации. Глава Сбербанка России Греф является лицом гомосексуальной ориентации. Глава аэропорта Шереметьево является лицом гомосексуальной ориентации. И еще вам дальше продолжать?»

Тут парня (это по фамилии, по наклонностям он, возможно, относится к другому полу, не знаю) остановили. Что касается нашего разговора на щекотливую тему, то он продолжил-

ся. И всплыли многие наблюдения аппаратных чиновников в отношении своих и других начальников. Вспомнили ушедшего в отставку из правительства бывшего главного идеолога страны Владислава Суркова, его давнего подчиненного, также ушедшего в отставку с поста федерального министра Олега Говоруна. Прошлись по Госдуме и сенату. Зацепились за Счетную палату, где многие годы вершил контроль Сергей Степашин, его смазливых помощников. А тут и в Интернете, как в подтверждение, появилась заметка под названием «"Голубые гусары" Сергея Степашина». По всему видно было, что это «заказуха» накануне утверждения председателя Счетной палаты, но намеки-то более чем откровенные.

Подытожили. Получалось, куда ни кинь, везде геи заправляют. Они связаны друг с другом, заняв ключевые посты, тянут своих за собой, не дают утонуть в случае громких скандалов. В продвижении своей идеологии действуют пока осторожно, с оглядкой общественное мнение. Создается устойчивое впечатление, что выжидают момент, чтобы созрела ситуация для нанесения беспроигрышного удара по общественному сознанию. Да и обстановка в мире играет им на руку.

То, что происходит в некоторых европейских странах, и особенно во Франции (имеются в виду бунты против легализации однополых браков), некоторые исследователи называют контрреволюцией. Контрреволюционеры (в данном контексте — люди, придерживающиеся традиционных семейных ценностей) выступают против ультралибералов — гомосексуалистов. Последних относят к продолжателям революционного троцкистского движения. Известно, что у Троцкого была цель — разрушение семьи и славянской души. У иконы коммунистов Владимира Ленина он находил полное понимание и поддержку своим русофобским планам. Это подтверждается их перепиской.

Сейчас впору говорить о новой троцкистской волне пропаганды гомосексуализма. Она идет с Запада. Там произошла реальная оккупация политических постов. Что ни мэр крупного европейского центра, то педераст. В правительствах они через одного сидят. Гомосексуализм превратился в профессию, а ее носители — в глобальный инструментарий по унич-

тожению христианства в целом и православия в частности. Если рассматривать вопрос шире, то либералы не ограничиваются в своей борьбе с консерваторами только легализацией гомосексуализма. Налицо тенденция к уничтожению человека консервативного, традиционного представителя определенной нации. Не только русского, хотя он сегодня главная мишень. В исламских государствах, какой бы там режим ни господствовал, пропагандировать однополые браки пока еще никому в голову не приходит. Себе дороже. Если не головы, то каких-либо конечностей можно лишиться совершенно определенно. Однако кое-где в арабских странах уже смотрят сквозь пальцы на операции по смене пола и последующие «разнополые» браки.

В России в результате либеральной революции семейные устои также дали серьезную трещину. Молодежь, выросшая в новой общественной формации, берет пример с удачливых политиков, которые отдают предпочтение однополый любви. Невозможно поверить, что президент не знает в лицо (не хочется думать о других частях тела) в своем окружении тех, кто имеет противоестественную ориентацию. Конечно же, знает и даже говорит об этом в зарубежных командировках. Вроде как мы тоже европейцы и о главных критериях уровня демократии помним.

«Достали меня с этими однополыми браками! — не выдержал он на пресс конференции 4 июня 2013 г. в Екатеринбурге. — Куда ни приедешь, в Европу поедешь — там... флагами машут. Сюда приехал — вы спрашиваете. Я уже высказался в целом по этому вопросу. Я считаю, что в целом у нас законодательство весьма либерально в этом плане, никакой дискриминации. Люди любых предпочтений у нас работают, делают карьеру. Мы их признаем на государственном уровне за конкретные дела. Я считаю, что проблем здесь никаких нет. Все мы должны быть более толерантными...».

Возникает вопрос: где он сам видит пределы толерантности? Для себя, православного, и пока еще большинства народа? Допустит ли под давлением Запада гей-парады и однополые браки? По убеждению ультралибералов, это путь к полной раскрепощенности человека, к его полной свободе.

Только куда такая свобода может привести? Как в некоторых американских штатах — к легальной зоофилии и «бракам» с кактусами? Не дай Бог дожить до таких времен.

...Буквально через пару дней после написания этих строк в телевизионных новостях президент с супругой объявили народу о своем намерении расторгнуть свой многолетний брак. Объяснение причин звучало очень неубедительно, да и сами супруги не могли скрыть собственной неловкости, несмотря на взаимные добрые слова. В таких случаях говорится, что пытались сохранить хорошую мину при плохой игре.

Меня эта новость если не шокировала, то поставила в тупик. В вопросах брака и сохранения супружеской верности я не ханжа. Мне ли, троекратному разведенцу, имеющему трех сыновей (одного вне брака) от разных женщин, рассуждать о верности и прочих семейных обязательствах? Я и не берусь. И Путина, своего одногодка, как мужик мужика, понимаю. Только он ведь не простой мужик и отец двух дочерей. Он — «отец нации»! Вот ведь какая (по ставшему крылатым выражению первого российского президента Б. Н. Ельцина) «загогулина получается». Тут же появился первый вопрос: как бы отнесся к такому, мягко говоря, неординарному шагу своего протеже сам Борис Николаевич? Думаю, ответ очевиден: отрицательно. И вовсе не потому, что сам он был высоко нравственным семьянином. Многие русские мужики «ходят на сторону» от своих законных жен, имеют любовниц и внебрачных детей.

Кстати, о детях. Отсутствие в семье сына-наследника тоже является побуждающим фактором для его приобретения вне брака. Мой уже покойный товарищ, сахалинский депутат Госдумы Иван Ждакаев, не имея в браке сына, не скрывал, что обязательно его «родит». И когда он его «родил» на стороне, то открыто в этом признался, дал ребенку свою фамилию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако разводится Иван и не помышлял. Мне он говорил, что законные жена и дочь для него самые дорогие люди.

Секретом Полишинеля как для москвичей, так и для жителей регионов являются внебрачные связи разного уровня руководителей. В путинской администрации на них дав-

но смотрят сквозь пальцы и в голову не берут при аттестации государственных служащих. Да и о самом «гаранте» людская молва разносит много занимательных слухов о его связях на стороне. Что тут скажешь? Каков поп, таков и приход.

Размышляя над этой необычной ситуацией, имеющей, без преувеличения, государственное значение, вспоминаю великого философа и социолога современности, русского мыслителя Александра Александровича Зиновьева. Перед своей кончиной он оценивал общее состояние России как катастрофическое. Он говорил, что мы находимся не в ожидании катастрофы, как это многими исследователями предполагается, а уже давно, после распада Советского Союза, внутри ее. Последовательный критик советского строя (за что и вынужден был в свое время провести долгие годы в эмиграции), Зиновьев всегда объективно оценивал преимущества советского периода. Он называл его «вершиной русской истории». «До него было хуже. И после — наступил спад, и полным ходом идет деградация». Говоря же о катастрофе, в которой мы сейчас находимся, он имел в виду не столько экономическое и социальное положение, сколько падение нравственных устоев, тех самых скрепов, исторически связывающих наше общество, о восстановлении которых говорят сейчас российские правители и главный из них — президент.

Возникает вопрос, о чем он своим экстраординарным поступком просигналил? Сразу появилась тупая «шкурная» версия: мол, хочет тем самым защитить заработанные «на галерах» миллиарды, переписав их на бывшую жену. В ее подтверждение — сонм депутатов-разведенцев и госчиновников, которые таким образом «чищают» свои декларации. Другое предположение связано с примером итальянского друга российского президента — Берлускони. Тот еще старый «ходок», всю жизнь в любовных скандалах. Возможно, и Путин пытался сказать, что надо жить «честно и по правде», а не заниматься ханжеством. Это в его стиле. Он постоянно призывает зарубежных коллег не пользоваться двойными стандартами, жить по совести. Стремление, безусловно, похвальное. Только в большой политике правда (простите за тавтологию) не всегда оправданна. Если вообще ей найдется там место.

Вот интересно, как бы отреагировали американцы, поступи таким образом их президент? Думаю, за импичментом дело бы не стало. Пуританские правила, которых старается внешне придерживаться американский истеблишмент, семейных разладов на высшем уровне не допускают. И еще. Почему президентская чета объявила о своем решении через год после выборов? Могло бы оно повлиять на их итоги? Тут, как говорится, и к гадалке ходить не надо за советом. Значительная часть избирателей женского пола, и не только они, резко отвернулись бы от своего кумира. Он, конечно, бы победил бы. Но уже с другими цифрами, не годящимися для триумфа.

Можно еще долго рассуждать на эту довольно щекотливую и небесспорную тему, на которую трудно найти однозначный ответ. Лично меня, при всей моей греховности в данном вопросе, не покидает ощущение неправильности президентского поступка. Перефразируя известное изречение, приведу его бытовое употребление в советские времена: «Кесарю кесарево, а слесарю слесарево».

Себя я отношу, разумеется, к категории «слесарей» и потому могу позволить себе некоторые грешки. За них отвечаю перед Богом и своими детьми. Всего тремя. А у «отца нации» их миллионы. Как и чем он ответит перед ними?

...В июле 2013 года в Москве был поставлен своеобразный рекорд по разводам. По сравнению с предыдущим годом их число увеличилось на 300. По мнению специалистов, здесь мог сказаться «путинский фактор». Люди подумали: раз глава государства может развестись, почему бы и нам не последовать его примеру?

Однако, похоже, позиция президента в отношении представителей нетрадиционной любви приобретает более определенные черты. На Валдайском форуме международных и российских экспертов он довольно резко высказался на эту тему. Казалось бы, должен быть услышан государственными мужами. Но проходит совсем немного времени, и СМИ преподносят общественности очередной скандал на эту тему. Председатель Госдумы Нарышкин, выступая во Франции на Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) сказал «евродепутатам», что в России «права людей с нетрадиционной

сексуальной ориентацией ровно такие же... как и права тех граждан, которые поддерживают и практикуют традиционные сексуальные отношения». Ладно бы, если бы спикер нижней палаты остановился на этой фразе, так его еще и на подробности потянуло. Он стал рекламу делать российским гей-клубам, отметил (правда, сославшись на свидетелей), что «там очень хорошо. Комфортно чувствуют себя эти люди, хорошо проводят время». Сорвав аплодисменты, Нарышкин пригласил европейских коллег в Москву посетить значные заведения.

С комментариями язвительная пресса не замедлила. Спикера обвинили в пропаганде гомосексуализма. И ведь, строго говоря, основания для этого усматриваются. Несколько телевизионных каналов показали его выступление, растиражировали газеты. Остался неприятный осадок и недоуменный вопрос: кто за язык тянул бывшего руководителя президентской администрации высказываться в подобном духе по болезненной (или как минимум неприятной) для большинства россиян теме? Да еще и гостей на смотрины приглашать. Хорошо, что сопровождать не взялся. Вот бы потешился народ. А вообще эта история оставила неприятное впечатление, ослабила ощущение того, что власть начинает борьбу с гнусным пороком. Виктор Степанович Черномырдин, наверное, сказал бы по этому поводу, что мы опять оказались в жопе.

И, как бы почувствовав прокол своего спикера, 28 октября 2013 года в Госдуме проводят «круглый стол» с антигейской направленностью. На него пригласили американского борца против пропаганды гомосексуализма и известного ученого Пола Кэмерона. У себя на родине в США его называют «самым опасным человеком в Америке», прежде всего за то, что он считает гомосексуализм пороком, губительным для человечества, и прямо связывает его с растлением детей. Что любопытно: никто из действующих депутатов в дискуссию с ученым вступать не стал, не засветился на публике. Но традиционное большинство, надеюсь, запомнило слова неожиданного американского союзника. Вот что он сказал, обращаясь через аудиторию ко всем россиянам: «Вы — свет миру сейчас по вопросу защиты традиционных семейных ценностей, многие американцы высоко оценивают вашу деятельность».

Оценка, конечно, лестная, но, на мой взгляд, завышенная. Ее можно воспринимать скорее как аванс в борьбе с очень подготовленными и коварными засланцами.

Евреи во власти

Уинстон Черчилль, бывший премьер-министр Англии и один из ярчайших мировых политиков XX века, как-то публично назвал себя сионистом. Дело было в начале пятидесятых годов прошлого века во время визита Черчилля в США. Учитывая общую международную ситуацию, когда в мире еще сильно ощущалась гарь Второй мировой войны и уже развязывалась новая, так называемая «холодная» война против одной из главных стран-победителей — Советского Союза, подобное заявление высокопоставленного государственного деятеля у многих вызвало как минимум недоумение. Но Черчилль не стал бы Черчиллем, если бы всегда в своей жизни и деятельности придерживался стандартов и традиций, которым так привержены горячо любимые им соотечественники. Его тонкий и пронизательный ум и великолепное чувство юмора много раз позволяли ему находить выход из сложнейших ситуаций и с серьезнейшим видом выдавать «перлы», истинный смысл которых был сокрыт под словесной эквилибристикой. Конечно же, никаким сионистом Уинстон Черчилль не был. Скорее всего, не был он и антисемитом. Во всяком случае, к притеснению евреев он не призывал. Слишком умный он для этого был. Тем не менее еврейский вопрос его занимал постоянно, и он не раз по нему высказывался. Иногда репликами и замечаниями, а порой и глубокими рассуждениями. Однажды он, например, сказал: «Евреи — народ очень немногочисленный. Их мало на всем свете». И, выдержав паузу, добавил: «Но почему-то в каждый данный момент и в каждом данном месте их всегда больше, чем нужно». Вроде бы безобидное уточнение, но подтекст его просматривается. Или взять другие приписываемые ему слова о том, что «в Англии антисемитизма быть не может, поскольку англичане не считают себя глупее евреев». Однако в полной мере от-

ношение Черчилля к евреям, на мой взгляд, раскрывается в его статье «Сионизм против большевизма: борьба за душу еврейского народа», опубликованной в 1920 году в газете «Санди Геральд». Автор выделил три политических течения, существующих в тот период среди евреев: национальных евреев, живущих по всему миру, которые, оставаясь преданными своей религии, рассматривают себя гражданами государства, где проживают; сионистов — сторонников создания собственного еврейского государства; а также интернациональных евреев — международных бунтовщиков и инициаторов различных заговоров. Два первых направления Черчилль в целом оценивал позитивно. Представителей последнего называл организацией злоумышленников, большинство из которых отошли от веры своих предков и вступили во всемирный заговор по разрушению всей цивилизации и построению общества, проникнутого недоброй завистью, уравниловкой... Нетрудно догадаться, кого имел в виду У. Черчилль. Конечно же, появившееся на карте мира новое государство, которое возглавила «банда невообразимых личностей, мутный осадок больших городов Европы и Америки», который «мертвой хваткой схватил за горло русский народ и стал неограниченным правителем этой огромной империи».

Приведу еще несколько выдержек из подзабытой (скорее всего, специально) статьи. «Никак нельзя, — говорил У. Черчилль, — преувеличить ту роль в создании большевизма и в большевистской революции, которую играли эти интернациональные и большей частью атеистические евреи, безусловно величайшую, которая перевешивает все остальные. За исключением Ленина, все их лидеры евреи. Более того, теоретическое вдохновение и практическое исполнение идет именно от еврейских лидеров. Поэтому Чичерин, чистый русский, был вытеснен Литвиновым. Влияние таких лиц, как Бухарин и Луначарский не может быть сравнимо с влиянием Троцкого, диктатора Петрограда Зиновьева, или Красина, или Радека, евреев. В советских государственных учреждениях подавляющее преобладание евреев потрясает еще более. Руководство ЧК — в руках евреев, а иногда даже евреек... Евреи-революционеры составляли ничтожнейшую горстку от

общего населения, но насколько злокачественной была эта маленькая часть!..»

Уинстона Черчилля принято считать ярким ненавистником коммунистической идеи. Собственно он и сам никогда не скрывал своих убеждений и всячески противился распространению коммунизма в мире и расширению влияния Советского Союза в частности. Он был патриотом своей страны и по-своему защищал ее традиции и интересы. Но его также называют циничным прагматиком, который мог даже с дьяволом пойти на сделку, если шло на благо государству. Так они и «подружились» с «дядюшкой Джо». И в «сионисты», смею предположить, Черчилль записался неспроста. Он не мог не понимать и не видеть все нарастающего влияния евреев в родной Англии. Сначала под ними оказалась банковская система, средства массовой информации. Потом появился еврейский глава правительства страны и лидер консервативной партии — знаменитый Дизраэли. Вряд ли все это было по душе истинному англичанину и потомку древнего рода. Поэтому не вижу ничего необычного и противоречивого в том, что говорил премьер-министр на упомянутой американской встрече.

— Я сионист, — сказал Уинстон Черчилль. — Разрешите мне напомнить о том, что я был одним из тех, кто с самого начала выступал за Декларацию Бальфура и самоотверженно проводил ее в жизнь. По моему мнению, это великолепно, что это государство, так эффективно возникнув, превратило пустыню в цветущий сад, с ухоженными городами и поселками. И то, что это государство смогло дать убежище миллионам своих соотечественников. Жертвам гитлеровских преследований, и не только им. Я думаю, что это прекрасно... *Я счастлив, что есть такая страна, где евреев не просто терпят, где они живут по праву хозяев.*

Лично я не сомневаюсь в искренности сказанных Черчиллем слов. Но, как говорится, каждый видит то, что хочет увидеть, а слышит то, что хочет услышать. У меня тоже свое прочтение и свои выводы по поводу сказанного. Не случайно я выделил последние слова цитаты. Они, как мне представляется, свидетельствуют об истинных помыслах Черчилля в отношении евреев. Суть их, утрируя, можно изложить следующим

образом: «Валите-ка вы, ребята, из старой матушки-Англии и хозяйничайте в своей стране. Всем от этого только лучше станет. А когда вы в кучке, да на ограниченной территории, то и приглядывать за вами легче». Грубовато, конечно, звучит, но, с учетом особенностей личности Черчилля, предположить такое вполне можно.

Однако пришло время обратиться к «родным» отечественным представителям племени израильского. Карл Маркс в одной из своих статей заметил, что все в нашем мире повторяется в виде трагедии либо фарса. В «лихие девяностые» к власти в России вновь прорвались евреи. Как это уже было ранее в смутные периоды нашей истории, они быстрее всех других народностей сориентировались и адаптировались в новой обстановке и заняли ключевые позиции во всех сферах жизни, сулящих получение прибыли. Будь то бизнес, идеология (хотя государство официально от нее отказалось, но что творится в телевизоре) или политика.

«Золотой телец» — главное божество иудаизма — вновь вознесен на пьедестал, на поклонение ему установлен вектор развития общества в обозримом будущем. Это совершенно очевидно, какая бы риторика ни звучала. Ссылки на демократизацию общественной жизни являются не более чем удобным новомодным прикрытием достижения основной цели: обогащения. Не всеобщего обогащения, поскольку оно в принципе невозможно, а обогащения избранного меньшинства. Так получается, что во все исторические времена большую часть этого самого меньшинства составляли и составляют иудеи (как тут не вспомнить Черчилля!). Возможно, так малочисленный и веками гонимый народ получал от небес свои отступные за многие страдания и тяготы.

В советские, постсталинские времена в отношении евреев явных притеснений не было, что бы там по этому поводу ни говорилось и ни писалось. Почему-то забывается: с оккупированных немцами территорий были вывезены и спасены почти половина осевших в Советском Союзе евреев. В науке, искусстве, медицине, образовании, литературе, конечно же, в торговле, а также во многих других областях они присутствовали (если иметь в виду процентное соотношение) далеко

не на последних местах, несмотря на свою малочисленность. Самый высокий удельный вес лиц с высшим образованием, с учеными степенями в СССР — среди евреев.

Недавно в руки попала книга Г. В. Костырченко «Сталин против “космополитов”. Власть и еврейская интеллигенция в СССР». Читателям рекомендуют книгу как результат последних исследований автора, известного специалиста по сталинской «еврейской политике». Однако «научный труд» так и не подтвердил ни фактами, ни сколь-либо убедительными доказательствами личное участие «дядюшки Джо» в гонениях на советских евреев. Его можно подозревать в особой личной «любви» к ним, но только не как руководителя государства. В этом качестве он ни разу ни публично, ни документально в антисемитизме замечен не был. Нет этому подтверждений. Во всяком случае, у специалистов нет. А пересказы слухов — это для невежественной толпы. Какими бы черными красками не рисовали портрет «отца народов» антисталинисты, но и они в наличии здравого смысла ему не отказывают. А он не мог не понимать, в каком мире, в каком окружении живет страна, чтобы развязывать, наподобие гитлеровской, антиеврейскую кампанию. Второй раз такое бы не прошло. Депортации, выселение евреев из СССР не могли происходить и по другой причине: пришлось бы менять коммунистическую идеологию (с ее интернационализмом) на иную, скажем, на нацизм. Подобная замена чревата необратимыми последствиями.

В исследованиях Г. В. Костырченко (кстати, автор отмечался премией и дипломом Федерации еврейских общин России, что свидетельствует о его непредвзятости к этой нации) приводится любопытная статистика. Когда начинаешь ее анализировать, то создается впечатление, будто управляли страной в те годы представители только двух наций: русские и евреи. Жаль, что автор не подсчитал, как это выглядело в процентном отношении к численности населения. Однако можно представить, что если бы евреев не было так мало (всего два миллиона на громадную страну), то они могли занять все руководящие должности. Тем не менее в «научном труде» подтверждается «еврейское засилье» во всех «выгодных» сферах жизни. Какая другая нация могла себе позволить такое?

Куда делись упертые и, как считается, склонные к карьеризму «хохлы»? Или земляки «вождя народов» грузины? Их в то время было на первых ролях раз-два и обчелся.

Не привожу фамилии деятелей прошлого века и современности, людей известных и талантливых, настоящих героев (в том числе и Великой Отечественной войны), которые имеют еврейские корни и которыми гордится страна, по одной причине — их очень много. Одного назовешь, другие обидятся. Да и речь совсем не о них. Хотя надо отметить, что тогда они жили, работали и творили в угоду государству и по его правилам. Разумеется, и среди них были диссиденты (как без этого!), но на амбразуры в основном бросались другие — из титульных наций. Но если следовать классификации евреев по направлениям, сделанной британским премьером, то она вполне актуальна и сегодня. Правда, с небольшими поправками на время. Истинных сионистов, например, с образованием независимого государства Израиль, можно сказать, в нашей стране и не осталось. После того как у них появилась возможность приобщиться к историческим корням, они уехали. Добились своего, выполнили поставленную цель — чего им тут делать? Остались лишь те, кто считает своей родиной Россию и служит честно и праведно, а также так называемые еврей-интернационалисты, которые стали называться либералами. Их цели прежние: проникновение во власть, управление страной во всех сферах. В поздние советские времена подобная задача для «интернационалистов-либералов» представлялась трудно- или вообще невыполнимой. Здесь уместно вспомнить о пресловутой «пятой графе», которая была своеобразным заслоном на пути прохождения евреев во власть. Но мера эта, на мой взгляд, была логичной и оправданной как с точки зрения исторического опыта управления страной еврейским большинством (один Троцкий с его прямо-таки патологической ненавистью ко всему русскому чего стоит), так и с позиций элементарной справедливости. Страна многонациональная, титульный народ — русские, с какой стати ими будут управлять нация, не «родная» для страны? Она в состав России никогда не входила. У нее свое независимое государство имеется. Созданное, между прочим, не без помощи Советско-

го Союза. Так что для обид и обвинений в шовинизме, думаю, здесь нет оснований.

Сразу хочу внести ясность: лично у меня нет предвзятого отношения к евреям. Антисемитом тоже никогда не числился. Более того, до определенной поры «еврейского вопроса» как такового для меня не существовало. Вырос я в такой социальной среде, где слово «национальность» ассоциировалось только со словом «кореец».

В свое время корейцы на Сахалине были третьими по численности. Насильно завезенные сюда японцами, после войны они пустили на острове прочные корни. Большие труженики (я имею в виду исключительно старшее, довоенное поколение), они создали на Сахалине сельское хозяйство, заложили основы производства. Мой отец — агроном, а потом один из сельхозруководителей области, — многому научился именно у корейцев. Жили они обособленно, своими общинами. Поэтому выделялись, сразу привлекали внимание.

Представители же других национальностей воспринимались как свои. Вне зависимости от разреза глаз, цвета волос и кожи. Даже в комсомоле у нас был секретарем одного из шахтных комитетов еврей. Он и не скрывал своей национальности, и никого она абсолютно не волновала. Пил как все, гулял тоже как все, не «стучал». Свой в доску парень. Как и положено в комсомоле.

Впервые об отношении к «еврейскому вопросу» меня спросили на одной из встреч с избирателями, которые я проводил в качестве кандидата в народные депутаты СССР. Из зала поступила записка, автор не отозвался, но отвечать тем не менее пришлось. Я развел в недоумении руками и честно сказал, что о такой проблеме не знаю. Во всяком случае, на Сахалине с ней не сталкивался.

В последующем подобный интерес к теме еврейства стал проявляться все чаще и чаще. Слишком она стала актуальной для некоторых пытливых исследователей. Ее не могли обойти коммунисты, проигравшие на первых президентских выборах. Горячую во все времена тему подхватили псевдопатриоты. Обычное дело: когда чем-то надо объяснить свое поражение и перевести стрелки, то из старых сундуков истории

вытаскиваются и актуализируются лозунги типа: «Бей жидов, спасай Россию!».

Но только ли поэтому? Ведь и непредвзятые наблюдатели не могли не обратить внимания на то обстоятельство, что в «демократической» верхушке власти рулят страной и устанавливают свои правила люди из «пятой графы» в анкете. В какой из начальственных кабинетов дверь не откроешь, везде они.

Про средства массовой информации, банковскую сферу и говорить не стоит. Во всем мире они контролируются евреями. Таким образом, при мощной финансовой подпитке управляется и настраивается на нужные ориентиры общественное сознание.

Если отбросить элементы шизофрении, неизбежно сопутствующей всякому проявлению массовых выражений тех или иных протестов, то озабоченность вторым восхождением представителей не почитаемого во всем мире народа на российский «олимп» имела серьезные основания.

Возникали вполне резонные вопросы. Почему, например, в Израиле нееврей (даже гражданин страны, но арабского происхождения) не может быть министром, а в России они через одного: Чубайс, Авен, Ясин, Лившиц, Немцов, Кириенко и многие другие, так называемые криптоевреи, скрывающие свое происхождение и настоящие фамилии от широкой публики? В узких кругах прекрасно знали их родословные и настоящую национальность. Когда к власти пришла «гайдаро-чубайсовская команда», то скрываться под псевдонимами и фамилиями жен особо не приходилось. Наоборот, быть евреем стало модно и престижно.

Приведу почти анекдотический пример. Неизменный участник жюри всех шоу на ОРТ Надежда Бабкина долгое время при каждом удобном и неудобном случае заявляла, что она коренная казачка. Но на одном из шоу, когда жюри обсуждало выступление певицы Ларисы Долиной (спела что-то еврейское и, надо сказать, спела прекрасно), та же Бабкина, всех перебивая, громко называла имена каких-то своих еврейских тетушек. Нельзя не вспомнить в связи с этим известную фразу М. Горького: с кем вы, мастера культуры?

Знал и я людей, которые «записывались в евреи», ссылаясь на какие-то пра-пра-корни, достоверность которых практически не устанавливалась.

В ельцинской администрации еврейством, правда, не бравировали, но ушлые чиновники всегда исторические корни отслеживали. Любое назначение негласно пробивалось по «пятому пункту». Исходя из этого, выстраивались соответствующие отношения. Но, повторяю, делалось это незаметно, без привлечения внимания.

Иное дело мой любимый дом отдыха «Снегири», которому я посвятил в своих заметках отдельную главу. Здесь демонстрация принадлежности к богом избранному народу происходила в ту пору открыто и в некоторой степени даже агрессивно. Как бывает, например, с продвижением моды на что-нибудь. С моим приятелем, чиновником и успешным бизнесменом Александром Узиловским из Мосэнерго, все было понятно без вопросов. Свое происхождение он никогда не скрывал. Оно и так на лице было написано. Другой приятель по бильярду и иному отдыху адвокат Александр Стецовский, сын заслуженного юриста, тоже сомнений не вызывал.

Но когда о своей «настоящей» национальности во всеуслышание заявил Володя Жураковский, бизнесмен средней руки, по счастливому случаю, называемому приватизацией, ставший одним из учредителей небольшого предприятия, я, не сдержав своего удивления, спросил:

— Вова, ты на себя давно в зеркало смотрел?

— А что, плохо выгляжу? Я сегодня совсем немного принял, — по-своему понял он мой вопрос.

— Нет, — говорю. — Выглядишь ты как обычно. Только чего тебя вдруг, с твоей-то рязанской рожей, в евреи понесло?

— А ты не на рожу смотри, а на фамилию, — резонно заметил он и, хитро прищурившись, добавил: — Понимаешь, бизнес — штука тонкая, в нем все нюансы важны. Сейчас евреи на подъеме. Лучше прослыть среди них своим.

Хотел было ответить, что бьют-то не по паспорту, но понял, что в чем-то он прав. Связи, протекция по-прежнему играли в обществе существенную роль. Деньги деньгами, но немаловажно было, от кого они исходят и на кого будут работать. Предпочтение отдавалось своим.

Что интересно. Несмотря на массовый «переход в иудейство» (в которое мне с кровью трех славянских народов попасть не было никакой возможности), русские привычки «вернувшихся в лоно» ни на капельку не изменились. Может быть, в каком-то своем кругу они и следовали кошерным традициям, но не в «Снегирях». Про спиртное не говорю. Пристрастия тут менялись регулярно. Пили водку, коньяк, ром, виски, вино — все, что имеет градус. Пили много, порой очень много. По настроению и состоянию здоровья. А вот традиционная закуска всегда состояла из сала, соленых огурцов и помидоров, квашеной капусты, грибочков, селедочки, то есть отнюдь не кошерной еды. Все это шло с одинаковым успехом и под водку, и под изысканные напитки. Да и гуляли «евреи» с чисто русским размахом. Только мусульмане в этом плане были сдержаннее. Но и то в основном друг перед другом, а когда оказывались в компании таких вот «отвязанных» евреев или русских, тоже забывали про свои национальные традиции.

Мода на еврейство стала заметно падать с приходом к власти Путина. Не то чтобы евреев резко поубавилось вокруг властной кормушки, но прекратилась явная демонстрация принадлежности к этой нации. В ближайшем окружении президента ее представителей стало заметно меньше. Что, собственно, неудивительно. Вокруг первого лица сгруппировались в основном силовики, а они всегда стремились сохранить чистоту своих рядов. Зато «кучкование» евреев произошло у другого берега — медведевского. Преемник, несмотря на свою показную демонстрацию православной веры, все же чистотой своего происхождения никого в заблуждение ввести не мог. Да и либералы, что составляли костяк его команды, были отнюдь не славянских корней. При Медведеве-президенте и при Медведеве-премьере постоянно вращались и вращаются евреи или криптоевреи. Такие как Дворкович, Кириенко, Ясин, Гонтмахер и другие. Один рулил экономическим блоком в правительстве, другой после провального управления страной возглавил главную стратегическую отрасль — атомную, третий и четвертый советуют, как нам дальше развиваться.

Много евреев на ключевых должностях в обеих палатах российского парламента. О них я уже говорил в предыдущих

заметках, но стоит напомнить о наиболее ярких фигурах. В думе это Андрей Макаров, Владислав Резник. Оба много лет законодательно определяют экономическую политику страны, являются сильными лоббистами. Депутат-журналист Александр Хинштейн прославился на разоблачениях коррупционеров. Правда, разоблачает он их весьма избирательно и в тесной связке с генпрокуратурой, куда вхож, как в дом родной, и даже, рассказывают, влияет на ее кадровую политику. В то же время со Следственным комитетом депутат состоит в «контрах». Впрочем, и генпрокуратура с коллегами из смежного ведомства дружбы не водит. Вездесущий Хинштейн буквально заполонил все телевизионные программы. Порой кажется: включишь утюг — и он тут как тут со своим мнением. Выходит, это кому-то нужно?

Примечательно, что всех трех депутатов причисляют к геем и открыто в парламентских стенах (не с трибуны, конечно) об этом говорят. В сенате активным «голубым» слыл Борис Шпигель, весьма разносторонний «государственный деятель». Все они либералы и очень энергичные проводники своих взглядов, убеждений и пристрастий. Их лица постоянно (уже до тошноты) мелькают на телеэкране. Стоит ли при этом удивляться тому, что в стране насаждается так называемый «либеральный путь развития». Суть его давно известна и формулируется коротко: навязать России экономическую систему, зависящую от Запада, якобы для привлечения зарубежного капитала и современных технологий. Конечная цель подобных усилий — подчинить Россию экономически, финансово, экологически, идеологически, духовно и политически тем, кто хочет править миром.

Исследованию еврейского феномена посвящено немало трудов. Но возникает впечатление, что сегодня современники, как в нашей стране, так и за рубежом, опасаются затрагивать эту щекотливую тему. Речь идет даже не о критических статьях. Любой спокойный научный анализ фактов из жизни евреев тут же вызывает шквал возмущения в СМИ «проявлениями антисемитизма». Будто бы там только и ждут, что появится нечто, ставящее под сомнение «еврейскую правду».

Наиболее показательной в этом смысле является тема «Холокоста». Никто не собирается умалять значимость ее трагедии и драматизма. Но справедливость и объективность требуют не замалчивать страдания других народов, подвергавшихся массовому уничтожению не в меньшей, а может быть, и в большей степени, чем евреи.

Взять, к примеру, цыган, поляков, белорусов. Что, не было у них своих «холокостов»? Были. Но кто о них слышал? Разве что специалисты. Между тем из всех этнических групп Советского Союза в период войны больше всего пострадали русские: великороссы, малороссы, белорусы. Меньше всего — иудеи. В военные годы многие из них имели «броню» в интендантстве, в многочисленных правоохранительных структурах. Например, в окружении Берии и Абакумова было много евреев, исполнявших карательные функции. Причем и своих они не щадили.

Цифры о шести миллионах погибших евреях, наверное, уже каждый школьник вызубрил наизусть. Откуда только они взяты — исследователям, в том числе и еврейского происхождения, не совсем понятно. Однако ставить их под сомнение совершенно невозможно, если не хочешь попасть под жесткий прессинг проеврейских журналистов и политологов, под контролем которых находятся 90 процентов мировых средств массовой информации. В некоторых странах сомнение в холокосте чревато тюремным заключением. Чтобы не быть голословным, приведу открытое письмо. Вот что пишет в нем известный еврейский ученый Рожер Доммерг Полако де Менас еще более известному во всем мире кинорежиссеру Спилбергу:

«Дорогой мистер Спилберг!

Как хотелось бы, чтобы Вы были честны настолько же, насколько талантливы! Выступая по французскому телевидению, вы пообещали развернуть пропаганду холокоста в немецких школах. По вашему мнению, показания свидетелей способны убедить любого слушателя, что в газовых камерах действительно погибло шесть миллионов евреев.

Как еврей, вот уже 20 лет занимающийся историческими проблемами холокоста, я чувствую обязанным привлечь ваше внимание к ряду фактов. Факты — вещь упрямая. И поскольку противоречить им невозможно, наши соплеменники прибегли к отвратительному приему: они заставили принять сталинско-оруэлловские законы, которые попросту запрещают упоминать любые факты относительно шестимиллионных жертв газовых камер.

Таким образом, холокост превратился в догму, которую все должны воспринимать как чистой воды откровение. Тех же, кто не хочет соблюдать молчание и молиться на этот миф, ожидает штраф, тюремное заключение, а порой и то, и другое. Профессор Фориссон, отдавший изучению этой проблемы 20 лет, подвергся преследованиям и потерял практически все.

Такие законы могут показаться смешными, но отдайте полицию и правосудие всех стран в руки мистера Леви, и вам станет не до смеха. Мы живем в XX веке. Эти законы служат как бы абсолютным подтверждением фальшивки, они препятствуют математическому и техническому анализу несоответствий холокоста.

Но, сэр, вы не найдете НИ ОДНОГО очевидца уничтожения 6 млн евреев. Вы не найдете НИ ОДНОГО свидетеля того, что рядом с крематориями стояли газовые камеры, уничтожавшие тысячу, а то и две тысячи человек за раз. Обратите внимание на приложение к моему письму под названием “Холокост глазами Шерлока Холмса”, которое вобрало в себя квинтэссенцию 20-летнего исследования этой темы. Я берусь обосновать как математически, так и технически, что утверждения о смерти шести миллионов евреев в газовых камерах — полнейшая бессмыслица.

Что касается воплей и слюней, испускаемых по поводу холокоста сегодня, спустя полвека после войны, они не могут вызвать ничего другого, кроме чувства отвращения. Это стыд и позор на наши головы. Ни один народ в истории человечества не причитал так громко о своих потерях, какими бы реальными они ни были, по прошествии полусотни лет. Даже если бы в газовых камерах действительно погибло 6 миллионов евреев, то поднимать невообразимый шум по этому по-

воду, продолжать наживаться на событиях давно минувших дней было бы по меньшей мере неприлично.

Да и другой вопрос напрашивается: а кем были ростовщики Веймарской республики? Их национальность вы знаете не хуже меня.

Однако всем нам хорошо известно, что постоянно упоминаемая цифра погибших — это колоссальное преувеличение. Да и газовые камеры на основе “циклона-Б” просто невозможно создать технически (это видно хотя бы из материалов суда над Дегешем в 1949 году).

Действительно, в немецких концлагерях от тифа умерло 150–200 тысяч евреев. Многие погибли в борьбе против Германии, которой мы, евреи, объявили войну еще в 1933 году! (Гитлер испытывал аллергию к гегемонии золота и доллара, а развертывание военного производства дало работу шести миллионам безработных.) Вы слышали об одной из книг того периода, которую написал наш соплеменник Кауфман? Она называлась “ГЕРМАНИЯ ДОЛЖНА ИСЧЕЗНУТЬ”.

Мы знаем о 80 миллионах гоев, уничтоженных в СССР, политический режим которого создавался едва ли не исключительно евреями, начиная с Маркса и Варбургов и кончая Кагановичем, Френкелем, Ягодой и исполнителями их воли.

Мы знаем, что после 1945 года американцы и русские убивали и насиловали немцев по всей Европе от Литвы до Албании.

Мы знаем, что уже после войны полтора миллиона немецких военнопленных умерло от голода (книга на эту тему, написанная несколько лет назад, до сего дня мало кому известна).

Я приложу к своему письму статью иудейского священника под названием “Покаяние раввина”. Ее автор осуждает поведение евреев в Германии за 50 лет до нацистов и доказывает, что именно оно стало причиной прихода к власти Гитлера.

Все это зло, которое мы причинили человечеству, не искупить ни вашими превосходными фильмами, ни виртуозностью Иегуди Менухина, ни нейтронной бомбой С. Т. Коэна.

Я написал книгу на основе статей известных евреев, содержание которых намного горше для нас, чем антисемитские

творения гоев. Вот какой трагический итог подводит, например, Симон Уэйл: “Евреи, горстка пострадавших когда-то людей, стали причиной страданий всего человечества”. Напомню и слова Джорджа Стейнера: “На протяжении пяти тысяч лет мы слишком часто призывали смерть на себя и других”.

Мы знаем, что в ходе последней войны были разрушены все немецкие города с населением более 100 тысяч человек. Но этот истинный холокост, в огне которого сгорело множество женщин и детей, окружен стеной молчания.

Если задуматься о той пропаганде холокоста, которую вы собираетесь обрушить на немецкие головы, то станет ясно, что вы избираете кратчайший путь к небывалому взрыву юдофобии, которую еще не знала история.

Осторожность и умеренность — вот какими должны быть главные черты нашего поведения. Ни “мондиализм”, ни оруэлловские законы “преступления в мыслях” не в силах предотвратить всплеск антисемитизма. Нас спасет только собственное поведение. Ваши же намерения, равно как жалобные причитания и накачка денег, лишь провоцируют юдофобию. Она быстро выйдет за допустимые (если только антисемитизм может быть “допустимым”) пределы.

Я прекрасно понимаю, что наша страсть к биржевым спекуляциям давно уже стала раздражать другие народы, равно как и обрезание младенцев на 8-й день после рождения. Но мы должны, по крайней мере, стараться избегать грубых ошибок наподобие той, что вы собираетесь совершить в Германии. Их последствия могут быть ужасны.

Я страстный поклонник Ваших фильмов (за исключением “Списка Шиндлера”: спросите свою жену и историков, они подтвердят, что вся эта лента основана на исторической ошибке). Надеюсь, что вы задумаетесь надо всем сказанным здесь и сможете избежать глупостей, свойственных большинству наших соплеменников...».

Вряд ли я стал бы писать о еврейской теме, если бы это письмо было опубликовано в широкой прессе и обсуждалось в ней столь же честно и откровенно, как это делает автор. К нему испытываешь подлинное уважение за смелость и

большую мудрость. О таких людях говорят: он настоящий патриот своего народа. Не знаю, как сложилась его судьба (можно предположить, что на лаврах он не почил), но его советы, судя по всему, не попали в почтовые ящики адресатов. Многие евреи предпочитают поддерживаться иной линии поведения. Как откровенно сказал бессменный депутат и сын юриста Владимир Вольфович Жириновский: «Деньги у евреев, информация у евреев — все зажали». Лидер либеральных демократов имел в виду не только Россию, но и весь мир. Еврейский фактор, как и прежде, играет весьма значительную роль в развитии мирового сообщества, и его нельзя недооценивать. Банковская система благодаря ее отцам-основателям из семейств Ротшильдов, Голдсмитов, Оппенгеймеров контролируется во всем мире их потомками и единоверцами. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. Революции, перевороты, войны, смены режима мирным путем — везде отыщется след еврейского капитала. Их излюбленный во все времена прием — разложение общества через деньги. Ведь их бог — золотой телец. И сегодня, надо признать, он побеждает и в нашей стране.

Кое-кто из либералов сравнивает путинское правление со сталинским. На мой взгляд, подобная аналогия сильно хромает, хотя всем известно, что от президента Путина в стране зависит практически все. Но в данном вопросе переоценивать его возможности, думаю, не стоит. Их не сравнить со сталинскими, они весьма ограничены. На самом деле наше государство было на пике независимости только в советский период, когда отгородилось от всего мира высоким забором. Но независимости, опять-таки, условной. Поскольку и тогда зарубежный еврейский капитал вкладывал в экономику страны немалые средства и с выгодой для себя реализовывал разного рода проекты. С распадом сверхдержавы, Советского Союза, авторитет власти страны удерживается только внутри ее самой, для небольшой и убывающей части населения.

Основная причина представляется в том, что советское государство хотя и было закрытым, но в значительной мере было самодостаточным и могло жить по своим правилам. Теперь ситуация коренным образом поменялась. Теперь Рос-

сия не может себя ни прокормить, ни одеть, ни обуть. За примерами никуда и ходить не нужно. Стоит только оглянуться вокруг себя. Просто посмотреть в собственной квартире: откуда мебель, телевизор, где произведена одежда, обувь, чьи продукты в холодильнике? Если и найдется что-то из отечественного, то крайне мало. Страна качает нефть и газ, добывает уголь, другие полезные ископаемые, продает их за рубеж, а на вырученные деньги лишь поддерживает свое существование, практически ничего не производя и не двигаясь вперед.

Сегодня мы, надо признать, делаем только то, что нам дозволяется. Да, президент может сказать что-то в Берлине на безупречном немецком языке по поводу двойных стандартов Запада. Он может выступить против агрессивных выходов американцев на Ближнем Востоке. Может предпринять другие непопулярные среди западных «партнеров» шаги. А вот убрать евреев с ключевых постов во власти, прижать их в бизнесе — вряд ли. Слишком дорого может обойтись. Они ведь весь мир поднимут против России. Так что Путину в данной ситуации можно лишь посочувствовать.

Тем не менее кое-то из его близких соратников пытается поправить положение. На общем фоне это происходит не очень заметно, но наблюдатели фиксируют некоторые изменения в отношении к «еврейскому вопросу» И не где-нибудь, а в Питере. Сменивший Валентину Матвиенко на посту губернатора бывший полпред президента Георгий Полтавченко стал практически сразу вычищать еврейское лобби из коридоров власти «второй столицы». За опасное дело взялся кадровый чекист. Может быть, поэтому и опасаются следовать его примеру коллеги из других регионов?

БАЙКИ ИЗ «СНЕГИРЕЙ»

Где-то прочитал, что во времена великой французской революции яркие политические противники, непримиримые оппоненты вне стен парламента очень дружили между собой и даже общих жен имели. Нечто подобное пришлось наблюдать и в подмосковном доме отдыха «Снегири» Управления делами Президента РФ, обслуживающем новую российскую бюрократию. А создавался он более 75 лет назад для обслуживания зарождавшейся советской бюрократии. Некоторое время считался вотчиной Верховного Совета СССР.

Справка. «Дом отдыха "Снегири" расположен на территории старинной усадьбы "Рождествено". Ансамбль усадьбы композиционно вписывался в большой, разбитый на холмистом рельефе английский парк с множеством функциональных аллей, тропинок, беседок. К главному дому вела широкая липовая аллея. На обрыве глубокого оврага был сооружен романтический грот в итальянском стиле, являвший собой прекрасный образец садово-парковой архитектуры, дошедший до наших дней в полной первозданности.

С начала XVII века усадьба "Рождествено" находилась в дворцовом ведомстве и жаловалась самым приближенным ко двору особам. Первоначально — князю Алексею Михайловичу Львову, затем князю Алексею Алегуковичу Черкасскому. В конце XVIII века усадьба жалуются фавориту императора Павла I — графу Ивану Павловичу Кутайсову, отцу будущего любимца русской армии, генерал-майора артиллерии Александра Кутайсова, геройски погибшего во время Бородинского сражения 1812 года. После смерти четы Кутайсовых усадьба "Рождествено" наследовалась по женской линии: дочерью И. П. Кутайсова Надеждой Ивановной. Последней владелицей усадьбы перед ре-

волюцией была Надежда Илларионовна Толстая. После революции "Рождествено" Кутайсовых разделило участь многих русских поместий. В 1938 году здесь было организовано дачное хозяйство Совнаркома СССР — дом отдыха "Снегири", во все времена имевший статус здравницы для высших эшелонов власти страны.

Несмотря на исторические катаклизмы начала XX века, чудом устоял усадебный храм Рождества Христова, который в последние годы был восстановлен при участии сотрудников дома отдыха...»

В эту справку, лежащую сегодня в каждом номере отдыхающих, следовало бы, ради исторической правды, добавить, что во время войны усадьба была почти полностью разрушена немцами. Они же ее и восстановили. Сотни плененных врагов в течение нескольких лет трудились не покладая рук, под строгим надзором конвоиров, над воссозданием оздоровительного комплекса, а попросту дач, для высших чинов «народной власти». Большая часть же народа-победителя, как известно, еще долгие годы ютилась в землянках.

Очень любил здесь отдыхать Анатолий Иванович Лукьянов. Известный не только по Верховному Совету СССР, но и как неплохой поэт, публиковавший свои стихи под псевдонимом «Осенев». Думается, что своему поэтическому вдохновению он во многом обязан именно «Снегирям».

Природа этого места просто заставляет людей, расположенных к творчеству, браться либо за перо, либо за кисть. Здесь также часто можно было встретить за мольбертом широко известного кинорежиссера и политика Станислава Говорухина. Под красками у него всегда прятался коньячок, которым Станислав Сергеевич периодически подогревал творческий процесс.

Из наиболее ярких и узнаваемых в то время политиков здесь обитал Владимир Лукин. Десяток последних лет он был главным в стране уполномоченным по правам человека. До этого был послом России в США. А еще раньше — членом Верховного Совета РСФСР. Примечательно, как он им стал. Было это так. Как-то ко мне подошел Михаил Никифорович Полто-

ранин и попросил переговорить с сахалинским губернатором В. П. Федоровым, чтобы тот уступил свою квоту в Верховном Совете Лукину. В то время депутаты, избранные от национально-территориальных округов, автоматически попадали в высший законодательный орган республики.

Лукин представлял новую, демократически настроенную часть депутатского корпуса, и его нужно было продвинуть в руководство. Мне эта задача была по плечу, поскольку тогда сахалинский губернатор прислушивался к моим советам, а самому ему это кресло не нужно было: он сосредоточился на работе в области.

Не думаю, что Лукин догадывался о моем участии в своей судьбе. Знакомы мы были шапочно, пересекаясь на официальных мероприятиях. Да и здесь, в «Снегирях», лишь раскланивались при встречах, когда сталкивались друг с другом. Случалось, и взаимно неузнанными оставались по причине состояния, непотребного для общения. Чего таить, в ельцинские времена позволяли себе «расслабляться» на отдыхе по полной программе.

...«Снегирям» посвящены стихи, песни, поэмы. Хорошего, надо заметить, качества. Да и исполнители находились очень высокого уровня. Сюда нередко заезжали Лев Лещенко, Иосиф Кобзон, другие отечественные знаменитости.

Поскольку все, разное ведомственные в советскую эпоху, оздоровительные учреждения были объединены под одной «крышей» управления делами президента, то сотрудникам его администрации полагались некие преференции. В зависимости от чинов и занимаемых должностей можно было иметь по очень льготной цене либо отдельную дачу, либо квартиру на летний сезон или круглогодично.

Когда я ходил в начальниках отдела, то на лето получал семейную путевку в пансионат. Когда поднялся до заместителя начальника управления делами президента, то имел уже для постоянного проживания две комнаты в старом деревянном двухэтажном доме. Но некоторая неустроенность быта с лихвой компенсировалась другими благами, сотворенными в основном матушкой-природой, хотя и с участием человека.

Помню, как меня после жарко-асфальтовой столицы сразил сосново-березовый «снегиревский» воздух. Сразил бук-

важно физически. И часа не пробыл на улице, как закружилась голова, потемнело в глазах, повело, зашатало. Такое со мной было однажды в столице Болгарии на горе Витоша. Тогда мне объяснили: это высокогорье так действует. «Снегиревцы» сказали: у них воздух — чистый кислород, и привыкшие дышать выхлопными газами москвичи здесь в обморок падают, пока легкие не очистятся. Пришлось убедиться, что вымысла в этом немного.

«Маленькие привилегии» касались не только чиновников президентской администрации. Определенное количество квот на златные места отдыха имелось у депутатов, у членов Совета Федерации, в аппарате правительства, судах высших инстанций. Где ютятся другие правоохранители, не знаю. А вот база отдыха генпрокуратуры расположилась аккурат напротив, через речку, и прокурорские чины иногда переправлялись к нам в волейбол поиграть. Словом, народ здесь собирался не простой, а достаточно известный или широкой публике, или в определенных кругах.

Была еще одна прослойка «снегиревцев», так называемые «коммерсы». Те, кто приезжал сюда, покупая путевки или арендуя целые дачи по коммерческой стоимости. Поначалу их было немного. Все-таки рыночные цены в «Снегирях» всегда отличались своей запредельностью. Насколько они были «смешными» для госслужащих, настолько фантастически для иных клиентов. На итальянский курорт дешевле было съездить, чем месяц отдохнуть в средненьком подмосковном доме отдыха. Причем порой небезопасном для представителей бизнеса. Одного известного в те времена банкира убили прямо в арендуемой им даче. Больше, правда, резонансных происшествий не случилось. Скандалы с драками бывали, но редко. Этому удивляться не приходилось. Народ приезжал сюда в основном не отдыхать, а «расслабляться». Пили много, иногда очень много. По этой причине и случались разные эксцессы и злоключения. Но все они быстро забывались, и «снегиревская» жизнь восстанавливалась в пробитом годами русле прежних традиций. Соблюдать их приспособлялись и новички, пожелавшие вписаться в костяк здешних завсегдатаев.

Желающих осесть, закрепиться всегда было в избытке. И по сию пору место остается притягательным для мно-

гих. Главным образом, конечно, привлекала экология. Ее производителем-поставщиком был лес. В основном сосновый, частично — вперемешку с лиственными деревьями. За двадцать последних лет он заметно поредел в результате активного строительства. Директор дома отдыха Михаил Шмойлов, мой дальневосточный земляк, бывший комсомольский функционер (в ЦК ВЛКСМ заведовал отделом) оказался человеком предприимчивым и дальновидным с точки зрения коммерциализации вверенного ему объекта. Государственное финансирование оздоровительных учреждений было скудным. Все директорские задумки, согласованные управделами президента, зачастую из-за внезапного отсутствия средств замораживались на начальной стадии их реализации. Директору нередко приходилось прибегать к административному ресурсу отдыхающих. Многие из постояльцев считали кровным делом посодействовать улучшению места обитания. В конечном счете, ведь для себя старались.

Так был построен крытый бассейн. Мне пришлось в числе почетных гостей участвовать в его открытии. Но ленточку перерезал главный герой торжества Геннадий Зюганов. Он же — самый главный лоббист по финансовой поддержке дома отдыха, осевший здесь на отдельной даче давно, прочно и, судя по всему, навсегда.

Прибыльной статьей являлось строительство и сдача в аренду «доходных домов». Происходило это следующим образом. «Новый русский» строил на территории дома отдыха две современные дачи или приводил в должное состояние одну из оставшихся от советского наследия, а вторую ставил «под ключ». Так вот: одна из них отходила государству, другая сдавалась на максимальный (в соответствии с действующим законодательством) срок вложившему в нее деньги. На первый взгляд, совсем невыгодная сделка. Как можно платить двойную цену за то, что будет твоей условной собственностью, хотя и почти полвека? Тем не менее обе стороны такие сделки устраивали.

Директора и тех, кто над ним стоял, еще понять можно. Но какую выгоду получали бизнесмены? Выбрасывать просто так деньги, даже дурные или наворованные, в этой среде

не принято. Но в современной России всякое можно увидеть. В том числе и «загулявших купчишек», как будто вынырнувших из дореволюционных времен и швыряющих направо и налево заработанное праведным либо неправедным трудом.

В период дикого капитализма подобные типажи не редкость. В «Снегирях» они тоже водились. Имелся здесь свой меценат и благотворитель, «православный банкир» Виктор Иванович Литвяков. Колоритная фигура. Типичный образчик представителя преуспевающего российского купечества. Куражился он иногда с большим размахом. Однажды пришел в бильярдную с кейсом, набитым деньгами, и раздавал их всем нуждающимся с напутствием: отдадите, когда сможете.

«Православным банкиром» его прозвали потому, что он возглавлял совет директоров одного из московских банков, обслуживающих дела церковные. Возможно, и не только церковные, если судить по тому, как легко расставался с деньгами. В историю «Снегирей» он войдет и как бесшабашный транжир, заядлый рыбак и бильярдист, и как благодетель, пожертвовавший значительные средства на строительство православного храма в ближайшем селе. Среди «новых русских» — лицо симпатичное, но редкое.

Других же сюда привлекала возможность выделиться в своем кругу. Вращение среди власть имущих, пресловутой элиты современного общества, позволяло при удобном случае козырнуть знаменитой фамилией, рассказать о бильярдной партии с известным лицом, а то и вовсе завести с ним приватное знакомство. То есть выгода все-таки имелась. Поднимался некий социальный статус коммерсанта, что в бизнесе имеет немалое значение.

Все эти строительные сделки и многочисленные коттеджи-«новоделы» не могли не отразиться как на внешнем облике старинной усадьбы и по-своему привлекательных постсоветских построек, так и в целом на экологии всей территории. Народу стало больше, чем природы. Выхлопы от многочисленных иномарок существенно разбавили пьянящий «снегиревский» озон.

Но это было позже. А тогда жизнь шла достаточно предсказуемо, по традициям, заложенным задолго до нас, но за-

ставившим многих новых жителей к ним приспособливаться и следовать.

Коль скоро зашла речь о традициях, то нельзя не упомянуть и об их носителях. Ведь сами по себе традиции оказываются мертвы, если не материализуются человеком.

Анатолий Иванович Лукьянов в «Снегирях» запомнился не как большой советский начальник и «серый кардинал» эпохи правления Горбачева, а как очень приличный и интеллигентный человек. Эти качества, как известно, далеко не всегда с должностью приобретаются, а проверяются они достаточно легко: народ в повседневной жизни и общении сразу определит, где фальшь, где игра. Так вот, сколько бы я ни беседовал со старыми кадрами из обслуживающего персонала, ни одного худого слова о Лукьянове не услышал. А ведь могли остаться мелкие обиды: там нагрубил, там нахамил. Но он оставил о себе лишь добрую память. Здесь помнят, как Анатолий Иванович организовывал в доме отдыха замечательные, как рассказывают старожилы, поэтические вечера, где по несколько часов сам декламировал стихи, в основном о любви, которых он знал великое множество. Женщины, составляющие абсолютное большинство аудитории поэтических вечеров, были всегда от них в восторге.

Поскольку «Снегири» являлись одним из двух домов отдыха, имеющих у Верховного Совета (в отличие от ЦК КПСС, здравницы которого были разбросаны по всей стране), то престижность его и узнаваемость в советские времена были весьма скромными. Поэтому здесь всегда радовались появлению любой советской знаменитости. Кто-то приглашал в гости легенду отечественного футбола Льва Яшина, и он вынужден был выделять время для общения со «снегиревцами». Приезжал к кому-то известный литератор — и его выводили на публику. Постояльцы обязательно «делились» своими гостями с соседями.

Из высокопоставленных чиновников свой след здесь оставил (в бытность председателем президиума Верховного Совета СССР) Леонид Ильич Брежнев. Долгое время здесь проживал секретарь этого президиума Георгадзе, о котором рассказывали, что на зиму он заготавливал не грибы и капусту, а древес-

ный уголь. Впрочем, все его соседи соревновались друг с другом, у кого на зимние шашлыки больше угля заготовлено.

Времена изменились, поменялась власть в стране. Кто-то поднялся из небытия до самых верхов, а кого-то опустили до тюремной камеры. В ней оказался и А. И. Лукьянов. Его, как участника государственного переворота, «повязали» в «Снегирах».

— Налетели «канарейки», — рассказывал мне свидетель события, — куча автоматчиков, надели на старика наручники и увезли.

Освободившись из тюрьмы и став депутатом Госдумы, Анатолий Иванович уже не появлялся в излюбленном местечке.

Жители «Снегирей» из новой российской номенклатуры по-своему развили старые традиции, в соответствии с духом времени.

Многое исходило от администрации дома отдыха. Точнее, от его директора Михаила Шмойлова. Как бывший заведующий отделом ЦК ВЛКСМ, он сохранил связи не только со старой комсомольской номенклатурой, которая очень своевременно и гармонично вписалась в новые реалии во всех сферах жизни, но и с творческой элитой. К тому же он был заядлым бильярдистом, что, в свою очередь, привлекало сюда любителей старинной игры.

На бильярде

Сразу хочу сказать, что за эти годы я побывал практически во всех подмосковных домах отдыха, относящихся к управлению делами президента, но лучших бильярдных столов, чем в «Снегирах», нигде не встречал. Не случайно здесь собираются по осени на ежегодный турнир широко известные в творческой, и не только, среде любители бильярда. К этой игре здесь относились с уважением издавна, еще с советских времен. Баловством для времяпрепровождения не считали. Предпочтение отдавалось русскому классическому бильярду. Сейчас его по непонятной мне до сих пор причине называют «американкой».

Мне не довелось видеть игру старожилов, но мой тогдашний приятель Евгений Думин, сын одного из ответствен-

ных работников Верховного Совета СССР, утверждал, что старые партийно-советские кадры могли дать фору многим современникам и в этом деле. Жене можно было верить, хотя бы потому, что он был общепризнанным авторитетом среди тех, кто брался за кий. Причем в любом состоянии. Казалось, на ногах едва держится, взгляд плывет, а забивает шары расчетливо и точно, как на показательных соревнованиях. Верно подмечено, что опыт и навык не пропьешь.

Женя Думин вырос в «Снегирях», что называется, с кием и удочкой в руках. Он и был негласным продолжателем и проводником старых традиций. Грузный и рыхловатый внешне, всегда спокойный и рассудительный в любых обстоятельствах, он ненавязчиво, просто своими манерами и поведением заставлял ориентироваться на себя. Даже на пьяного. Пил Женя малыми дозами, но часто и помногу. В конце концов организм фатально не выдержал. Случилось это много лет спустя. Тогда же он показывал мастер-класс. Охотно делился с новичками тонкостями игры. В «думинском» стиле и сейчас многие играют. Мне, правда, не довелось его освоить. Хотя про себя считал, что достиг определенного уровня, через многие годы оказалось, что в бильярде я ничегошеньки не смыслю. Для этого нужно было познакомиться с профессиональным игроком, который популярно разъяснил и показал, что в настоящем бильярде голова играет не меньшую, а даже большую роль, чем меткий глаз и твердая рука, вооруженная палкой. Рассчитывать удары нужно так, чтобы оставить сопернику как можно меньше шансов забить ответный шар.

До той поры, пока директор, воспользовавшись реконструкцией главного корпуса, не соорудил себе отдельный кабинет, куда вход был только для особых персон, все играли в общем зале. Желających погонять шары всегда очередь, а столов всего три. Порой часами приходилось ждать своего черед. Правда, не припомню, чтобы это касалось таких знаменитостей, как Зюганов или Говорухин. Заведомо предупрежденный маркер Захарыч всегда резервировал один из столов на случай их появления. В результате очередь еще больше увеличивалась. Чем зрителям заняться? Накрывались «поляны». Рядом находился бар, но постоянные игроки отлучались туда

редко, предпочитая свою выпивку с домашней закуской и не удаляясь от игры. За красиво забитые шары поднимались тосты. Играли в основном в русский бильярд, парами. Играющие между ударами угощались чем бог послал и прикладывались к рюмке.

Появлялись VIP-персоны: вождь коммунистов Г. А. Зюганов («дядя Зю») в сопровождении телохранителя (время-то было смутное: революционное и бандитское) и Станислав Говорухин, обычно в сопровождении директора. Зюганов, всегда приветливый, с широкой улыбкой обходил все столы и «полянки» и с каждым здоровался за руку. Он и сейчас так делает. Не отказывался и от предложенной рюмки, если очень просили, но никогда на моей памяти не злоупотреблял.

Говорухин, вечно нахмуренный, как будто очередной сценарий обдумывал, сразу направлялся к зарезервированному столу и скупно кивал только тем, кто приветствовал его по имени-отчеству. Эта его манера едва узнавать или вообще не узнавать человека, с которым накануне плотно общался и даже выпивал, многих вводила в недоумение.

Мне такие люди в жизни попадались. Наиболее известный всем — М. Е. Николаев. В советское время он был секретарем Якутского обкома КПСС, затем стал первым президентом Якутии, а перед пенсией несколько сроков проработал заместителем председателя Совета Федерации. С ним я был знаком еще со времен службы в администрации президента и заместителем полпреда в Дальневосточном федеральном округе, в который, как известно, входила и Якутия. После ухода с госслужбы случайно, по просьбе своего старого товарища Валентина Логунова, руководившего секретариатом Николаева, попал к нему помощником на общественных началах. Не раз собирались узким кругом экспертов у Николаева, чтобы обсудить его «гениальные» идеи, автором которых на самом деле являлся Логунов. Естественно, сталкиваясь со своим «шефом» в коридорах палаты, я, как младший по возрасту, здоровался первым. Он покидал кабинет всегда в сопровождении секретарши и шел строго по центру коридора. Небольшого роста, с приподнятым подбородком, смотрел прямо, с каменным

выражением лица. Этаким ходячий монументик самому себе. «Бабай якутский», как его за глаза называли.

Один раз «Бабай» не ответил на мое приветствие, затем — второй (ну, бывает, думаю, озабочен человек государственными мыслями). Но когда он в третий раз прошествовал мимо, неся свое каменное лицо, решил впредь его в упор не замечать. Даже когда он однажды соизволил первым поздороваться, я прошел, никак не отреагировав.

Через некоторое время Логунов рассказывал:

— Спрашивал меня «Бабай», чего это ты не здороваешься с ним, зазнался, что ли?

— Передай ему, — говорю, — пусть по сторонам смотрит. Не в тундре живет.

Примерно так вышло и с Говорухиным. Не раз бывал он у меня в гостях на веранде, уху ели, выпивали, в шахматы сражались с переменным успехом. Но не поздоровался он раз, два — я его и вычеркнул для себя. Думаю, что он этого даже не заметил. Разная у нас степень известности. Его вся страна знает: прославленный режиссер, депутат, кандидатом в президенты успел побывать. Великий человек, без всякой иронии. Он, в отличие от «вождя угнетенных», в популярности и симпатии масс не нуждался, слава и так впереди его бежала.

...Игра в русский бильярд втроем не приветствуется. Обычно играют либо один на один, либо два на два. Поэтому «VIP-тройка» была вынуждена приглашать четвертого игрока из зала. Директор Михаил Шмойлов играл очень прилично. Он несколько раз серьезные чемпионаты выигрывал. Зюганов и Говорухин — примерно на одном уровне. И если один из них становился в паре с директором, то другой старался подобрать себе партнера не менее сильного. От такой «чести» почти никто не отказывался. Даже тот, кто уже был «в игре» за соседним столом, извинялся и переходил в «высокую» компанию. Народ к подобной измене относился с пониманием и даже с завистью. Ведь это был как раз тот «счастливый случай», о котором годами можно будет рассказывать друзьям, детям, внукам. Представляете, как прозвучит среди знакомых небрежно брошенная фраза, типа: «Тут я недавно с Геннадием Зюгановым (или Станиславом Говорухиным) шары

на бильярде гонял. Так вот он сказал...» Кое-кто ради такого «везения» готов в лепешку разбиться.

Врать не буду, не помню, играл ли на бильярде с великим режиссером (о шахматах уже говорил), а вот с «вождем» несколько раз случалось, хотя кто выиграл — в памяти не отложилось. Мог выиграть, а мог и проиграть. Игрок я нестабильный, играю неровно, по настроению. Иногда, когда находил кураж, достойно с мастерами держался. Потому и прослыл непредсказуемым. В бильярде, равно как и в любом виде спорта, нужны постоянные тренировки. А я, бывало, по полгода кий в руки не брал. Не в пример Геннадию Андреевичу, который «прописался» в бильярдной. И, надо заметить, существенно прибавил в игре.

Хотя я и говорил, что в «Снегирях» политические разногласия не мешали людям жить нормальной жизнью, но все же порой серьезные размолвки случались. В том числе между Зюгановым и Говорухиным. Они вдруг рассорились, как известные гоголевские персонажи. Перестали здороваться, разговаривать и даже смотреть друг на друга. С кем общаться? Потянулись к народу. К вящему удовольствию масс, стали больше и демократичнее с ними контактировать: выпивать, играть на общих столах. Бильярдное общество с пониманием отнеслось к ситуации и своим вниманием не обделяло ни того, ни другого. Из деликатности их никто не расспрашивал о причинах ссоры. Но шила, как говорится, в мешке не утаишь, особенно в «Снегирях». Вскоре стало известно: всегда независимый Говорухин вступил в ряды «Единой России» — партии «воров и жуликов», которых он прежде нещадно разоблачал. На этой почве у них с Зюгановым и возникли непримиримые разногласия.

В конце концов Станислав Говорухин съехал со снегиревской дачи и вновь появился там через несколько лет, но уже в статусе руководителя избирательного штаба кандидата в президенты Владимира Путина. Однажды вечером он возник в бильярдной в сопровождении директора. Шмойлов шел первым и по ходу здоровался с игроками за руку. Следом не шел, а шествовал, будто нес сам себя, Станислав Сергеевич. И если он думал, что отвечал на приветствия, то глубоко ошибал-

ся. Никто этого не заметил. Один из подвыпивших игроков, очень обиженный проявленным к его особе пренебрежением, весь вечер пытался вломиться в отдельный кабинет, где укрылись директор и уважаемый гость. По этой причине маркер Захарыч стоял на дверях, как часовой на посту «номер один» у знамени полка.

Вскоре появился и Геннадий Зюганов. По своей неизменной привычке со всеми «поручался» и немного смущенно прошел в «VIP-залу». Едва за ним закрылась дверь, кто-то прокомментировал: будут договариваться о выборах.

Трудно сказать, о чем вели речь высокие договаривающиеся стороны. Судя по снующим туда-сюда с выпивкой и закуской официанткам, разговор шел непростой. Зюганов ушел раньше, как обычно твердо держась на ногах. Говорухин с директором распрощались далеко за полночь, крепко подшофе. Наутро уже было известно, что директору крепко досталось от гостя за то, что девочек не обеспечил. Об этой режиссерской слабости знали многие, в укор не ставили, наоборот, относились с пониманием: не только политика у человека на уме, но чисто мужские проблемы не чужды ему.

Результат «снегиревских договоренностей» все увидели по окончании президентских выборов. Зюганов значительно ухудшил показатель своей партии: на выборах в Госдуму коммунисты набрали намного больше голосов. Впрочем, мало кто сомневался в исходе политической схватки за главную должность в стране. Результат, как говорится, был предопределен. При этом внешне были соблюдены все демократические атрибуты: участие идейной оппозиции, ее протесты по поводу нарушений избирательных процедур, обвинения в фальсификации итогов голосования. Словом, все «по-взрослому».

Что же касается самого Геннадия Андреевича, то возьму на себя смелость утверждать, что он не очень напрягался в эту кампанию. Кружил по агитационно-пропагандистским делам в основном в Подмосковье. Свой режим в «Снегирях» практически не менял: утром — тренажерный зал и бассейн, вечером — бильярд. В промежутке — одна, максимум две встречи с избирателями.

На пруду

«Снегиревский» пруд — явление уникальное. Именно явление, а не место. Он больше похож на озеро, чем на искусственный водоем. Вытянутый в длину, он с одной стороны закрыт стеной высоких стройных сосен, с другой — лиственным разнодеревьем вперемешку с кустарником. Благородная, аккуратная сосна как бы противостоит взлохмаченной и нестройной толпе разномастных пород. Летом в хорошую солнечную погоду сосновая сторона зеркально воспроизводилась на водной глади. Впечатление сюрреалистическое, сказочное. Тут не только Осеневым, Есениным станешь, не режиссером Говорухиным, а художником Репиным.

У пруда было несколько функций. Днем для отдыхающих здесь работала лодочная станция. Желающим выдавались лодки и катамараны. Иногда даже соревнования проводились.

Но больше всего сюда тянулись рыбаки. Мне, дальневосточнику, поначалу было странно смотреть на бесконечное сидение на одном месте взрослых мужиков, безотрывно наблюдавших за поплавками в ожидании поклевки. Казалось пустой и неоправданной тратой времени. То ли дело на родном Сахалине. Там рыбалка в основном на горных речушках и в движении — не застоишься. Если не клюет на одном месте — переходишь на другое и обязательно что-нибудь вытащишь: разновидность форели (по-местному мальма), кунджу, а то, глядишь, и тайменьшенок подцепится на блесну. Правда, тайменя отпускать приходится. С некоторых пор он в Красной книге. Про нерест лосося уже и не говорю. Там больше работа, чем рыбалка для души.

Посидел я пару раз на пруду с удочкой, и все без толку. И тут выиграла моя браконьерская натура. Как-то углядел: местный мужичок какой-то странной снастью ловит. Что-то вроде сетчатой рамки. Сверху деревянная планка — не тонет, плавает. Снизу — металлическая, роль грузила выполняет. Между ними сетка со средней ячейей. В ширину устройство около метра, в высоту вдвое меньше. У рыбаков-браконьеров

оно называется «телевизор», продается на любом рынке, где рыбацкими принадлежностями торгуют.

Я быстро усвоил преимущество «телевизора» перед удочкой и в очередной приезд в «Снегири» был вооружен невиданной доселе снастью. Дело оставалось за малым — обойти охрану. Пришлось поклониться директору. Мой дальневосточный земляк вошел в положение и в виде исключения «легализовал» браконьера в моем лице.

Собственно, ущерб от меня рыбным ресурсам если и был, то весьма незначительный. Снасть была рассчитана только на плотву и окуня, коих тогда в пруду водилось немеренно. Серьезные рыбаки их игнорировали. Они охотились только на крупняка, в основном — карпа. А мне он в приготовленном виде никогда не нравился. Не мог избавиться от ощущения, что тиной пахнет. Зато жареная с хрустящей корочкой плотва ох как хороша. Особенно под водочку.

Но однажды и в мой «телевизор» попался улов из разряда рыбацких баек. Как-то вечером после службы я устремился на «снегиревскую дачу». Дело было в мае, лед на пруду сошел, вода еще мутная, но плотва уже начала икру выбивать об прибрежную траву. В дороге мне позвонил приятель Саша Узилевский и попросил разрешения воспользоваться моими «инструментами».

— Бери, — говорю, — ключ от квартиры знаешь, где лежит. Только чего вы там ловить собрались?

— Ничего, — отвечает, — Просто развлечься решили. Тут ко мне два приятеля-грузина подъехали, рассказал им про твои «телевизоры», вот они и попросили показать, что за штука такая.

Едва машина въехала на территорию, как раздался еще один телефонный звонок. Голос приятеля был прямо-таки истеричный.

— Давай скорее к нам, — раздалось в трубке. — Тут в твой «телевизор» щука попалась, Гиви палец откусила.

«Какая щука? — думаю. — Видать, перепились ребята».

Все же, не заезжая домой, двинулся на пруд. И вижу там следующее. Грузин Гиви баюкает свой перст, замотанный в какую-то кровавую тряпицу. Его земляк, а с ним мой приятель

вдвоем пытаются победить запутавшееся в «телевизоре» и брыкающее чудище. Оно оказалось действительно щукой. Почти пятикилограммовой, как установили после взвешивания. Если быть точным, четыре килограмма восемьсот граммов. И икры в ней — почти поллитра. Таких экземпляров ни до, ни после видеть на здешнем водоеме не приходилось. Попадались крупные карпы, но о них отдельный разговор. В общем, членовредителя, хищницу, которая, погнавшись за плотвой, потеряла бдительность и попала в грузинскую засаду, мы уничтожили как врага, напавшего без предупреждения на представителей дружественного народа. Рыбу закоптили в переносной коптильне, а икру я приготовил как на сахалинской рыбалке: поймал, присолил и съел. Называется «пятиминутка». Грузины были в восторге. Славно она пошла под водочку.

По правде сказать, мои браконьерские вылазки если не осуждались серьезными рыбаками, то авторитета в их глазах мне не прибавляли. Поэтому я особо и не афишировал свое пристрастие. Ставил снасти и забирал улов, когда на пруду было безлюдно. А так потихоньку приобщался к рыбацкому коллективу, познавал тонкости ловли карпа, повадки этой хитровой рыбы, способы ее прикормки, другие секреты, которыми большинство здешних рыбаков делилось. Не всеми, конечно, отдельные тайны никто не раскрывал. Негласное соперничество среди рыбаков никогда не прекращалось. Да и не исчезнет оно никогда, пока рыбная ловля будет существовать. Это уже на генном уровне от первобытного человека идет. От добытчика, так сказать. Причем вне зависимости от его расового происхождения. На пруду собирался чуть ли не полный «интернационал»: ингуши, чеченцы, киргизы, армяне, грузины... Только диву давался, откуда у них тяга к карповой рыбалке. Приобщились, оказывается, в «Снегирях».

Рыбалка — это ведь не только ловля рыбы, это и общение людей. Правда, на утреннюю зорьку только самые заядлые приходили, несмотря на то, что полночи провели в бильярдной и на грудь накануне изрядно приняли. Но таких самоотверженных мало было. Остальные подтягивались к вечернему клеву. И вот тогда я оценил «достоинства» карповой рыбалки. Рыба ведь не сразу на наживку бросается. Порой несколько

часов приходится ждать, пока она клюнет. А в это время можно шашлычком под водочку или коньячок побаловаться, интересные разговоры завести. В основном про политику — первая после «про баб», как известно, у мужиков тема, когда вместе собираются. Женщин на рыбачке, как правило, не обсуждают, считается, что клева не будет. Конечно, разные рыбацкие байки травили. Вроде той, про щуку. Кстати, щук на пруду практически не водилось. На моей памяти всего-то пару кому-то из любителей «поблеснить» выпадала такая удача. А вообще никто толком не знал, что может быть в запущенном водоеме. После некоторых случаев впору было поверить, что там, на глубине, и крокодилы могут в засаде сидеть.

Рыбе было абсолютно наплевать на наши разговоры. Она клевала совершенно неожиданно, без предупреждения. Кто рюмку до рта не успел донести, кто шашлычком подавился — неважно. Но едва чей-нибудь поплавок «поведет», все бросались помогать. Один с подсачником, другие с советами. Если рыба удачно выужена, то каждый ощущал себя соучастником маленькой победы. По этому поводу — соответствующий тост. И так до позднего вечера. Пока поплавки на воде можно различить.

Пруд не чистился с незапамятных времен. Приток свежей воды (кроме естественных осадков) обеспечивали несколько бьющих на дне родниковых ключей да небольшой ручей. Но он больше засорял, чем освежал, поскольку до впадения в пруд протекал по территории дачного поселка, жители которого подчас сливали в него всякие бытовые отходы к вящему негодованию соседей. Имелся очень ограниченный сток в рядом протекавшую речку Истру. За долгие годы на дне пруда образовалась толстая подушка из ила. Так что естественного корма у обитателей водоема было более чем достаточно. Отсюда возникали и трудности рыбалки. Чтобы поймать хороший экземпляр, нужно было очень исхитриться в подборе приманки и наживки, оборудовании удочек. Самым удачным месяцем для здешней рыбалки считался июнь. Осенью тоже случались уловистые дни, но меньше.

Ежегодно для поддержания рыбацкого тонуса пруд «зарыбливался». Инициатором выступала администрация дома

отдыха в лице помощника директора по установлению контактов с отдыхающими с очень подходящей для этих дел фамилией — Карасев — и не менее запоминающимся именем-отчеством — Юрий Владимирович. Для тех, кто позабыл советскую историю, напомним: так звали одного из главных чекистов Советского Союза и генсека его единственной и правящей партии Андропова. Несмотря на говорящую фамилию, Карасев лично к рыбалке не тяготел. Но с точки зрения организации дела проявлял себя профессионально. Он собирал деньги с «заклятых» рыбаков (а их было всегда десятка полтора), выдавал им билеты-разрешения на весь летне-осенний сезон, закупал в соответствующих хозяйствах молодь карася и карпа и запускал их перед сходом льда в загодя подготовленные проруби.

Аккурат к июню молодь, погуляв на естественном пастбище и подкрепившись комбикормами, набирала кондиционный для отлова вес: от пятисот граммов и выше. Конечно, каждый из рыбаков всегда мечтал выловить «ветерана-аборигена». А что такие водились, мы знали наверняка. Дело в том, что узким кругом по договоренности с директором мы проводили, так называемую контрольную проверку водоема. На самом деле браконьерствовали с установкой сетки во всю ширину пруда. Само собой разумеется, незаконный, по сути, промысел не афишировался, а проводился после отъезда основной массы отдыхающих, в межсезонье, в период профилактических работ.

Главным браконьером был все же не я, а другая, очень примечательная в «Снегирях» фигура — Виктор Захарович Хрипливый. Впрочем, фамилию его многие не знали, да и по имени не называли. Он был известен всем от мала до велика просто как Захарыч. Всем — это сказано без преувеличения. Потому что Захарыч, казалось, присутствовал везде и всегда. Владел информацией обо всем и каждом. Должность у него тогда была — помощник директора, а фактически его «глаза и уши». Уже тогда Захарычу за пятьдесят перевалило. Но он хоть и не выдался роста высокого и сложения богатырского, статью и силенкой мог любому молодому фору дать. Иногда демонстрировал, на что способен: делал стойку на голо-

ве и в таком положении отжимался и ходил на руках. Очень охоч был до женского пола. Судя по рассказам, воспринимался ими весьма благосклонно. В немалой степени тому способствовали его музыкальные наклонности. Специального образования он не имел, но пел (отнюдь не хрипливо) и играл на гитаре, с которой практически не расставался, прилично. Особенно удавались ему романсы, которые, как известно, способны растопить сердце любой дамы. Он и пляжем командовал, и лодочной станцией на пруду, и спортом до Карасева руководил и, в конечном счете, осел маркером на бильярде.

Контрольные «замеры», как правило, начинались поздно вечером и заканчивались с рассветом. В основном по причине истощения запасов спиртного. А что делать ночью на берегу? Сеть поставлена, проверять ее надо как минимум через час-полтора. Байки «на сухую» как-то не идут. Вот и считали время рюмками. Оживлялись в предвкушении добычи, когда Захарыч с напарником уходили на лодке в темноту, двигаясь по сети и проверяя улов. По голосам и всплескам было понятно, что не с пустыми руками вернуться. И действительно, каждый заход оборачивался двумя-тремя «аборигенами» — карпами от восьми до двенадцати килограммов. За ночь до десятка вылавливали. Один-два лучших экземпляра затем отправлялись на кухню директора — в знак уважения и благодарности за проявленную к нам лояльность.

Но однажды на такой, с позволения сказать, рыбалке произошел курьезный случай, легший в анналы истории снежиревского пруда. Под утро, когда у расслабленных и утомленных «тяжким трудом» «рыбаков» не осталось уже никаких сил даже залезть в лодку, Захарыч, как лицо персонально ответственное за браконьерскую снасть, вынужден был отправиться в заключительный рейд один. Едва он отплыл от берега и потянул сеть, как на всю округу раздался его истощенный вопль: «Акула!!! Мужики, акула-а-а!».

Протрезвели все, даже те, кто уже крепко прикорнул на скамейках. Первое, что пришло в голову: допился Захарыч, «белочку схватил».

А он между тем вопил благим матом: «Мужики, помогите, один не справлюсь!!!».

Помочь-то тут как? Он на лодке в метрах двадцати от берега. Вплавь к нему грести? Так не лето на дворе, конец октября. Догадались-таки, как выкрутиться. Сбегали на противоположный берег, отвязали закрепленный там конец сетки, а потом вытащили ее на свою сторону. Что вытащили — непонятно. Перепуталась сеть огромным грязным комом, сучья разные во все стороны торчат. Не разглядеть, что внутри. Кое-как разобрали ком, и открылась чудная картина: акула не акула, длиной больше метра, телом гладкая, голова вытянутая, осетриная. Знатоки стали вспоминать, на что похоже это чудо. Так и не придя к общему мнению, решили, что есть ее можно, как бы она ни называлась. Отвезли к старейшему и самому уловистому рыбаку, одному из лучших бильярдистов Виктору Павловичу Вильченко (в обиходе «Палычу»). Бросили добычу на ночь в ванную, а потом несколько дней варили из нее уху, жарили и делали котлеты. Все выжили, не отравились, не заболели. Даже те, кто не выпивал.

Завершить рыбацкую тему я хочу забавным эпизодом про зимнюю рыбалку. Не в пример летней, на нее охотников мало находилось. У меня же любовь к подледному лову — сызмальства: от отца, от друзей сахалинских. Но одно дело на сахалинских водоемах над лункой просиживать и на тампоны из красной икры кунджу да форель потягивать, другое — на подмосковных: окуня на мормышку «тренировать». Ключет, не ключет — бабушка надвое сказала. Собственно улов для меня в рыбалке никогда главным не был. Важен сам процесс. Сборы, приготовления, экипировка — все это является для рыбака своеобразным ритуалом, от которого также испытываешь определенный «кайф».

За несколько дней я начинал вечерами готовиться к выходным: приводил в порядок оставшийся от армии теплый камуфляж, валенки с резиновой подошвой, зимние удочки, бур или коловорот (как угодно) для бурения лунок и отдельно «сухой паек». Он, конечно же, был не совсем «сухим» и состоял из следующих обязательных компонентов: соленого с чесноком сала, черного хлеба, пары вкрутую сваренных яиц, луковицы. Из жидкости — крепкий черный чай или кофе в термосе. Ну и, само собой, на груди согревалась походная фляжка. У ме-

ня — с водочкой. Граммов на двести пятьдесят. Тут главное — не переборщить в процессе. «Догнать» позже можно будет, а так «кайф» поломаешь.

Зимой на пруду больше трех-четыре человек редко можно было увидеть. С годами после очистки пруда и вовсе народ перестал на лед выходить. Пропал зимний окунь. Впрочем, и в описываемые времена самые упорные рыбаки больше десятка, пожалуй, и не вылавливали. У меня, честно признаюсь, и за три хвоста никогда не переваливало. Но вот однажды, зайдя случайно перед отъездом в какой-то рыбный магазин, я увидел свежих и отборнейших, как будто из инкубатора, окуньков. Каждый с добрую ладошку. И сразу возникла шаловливая идея: а почему бы не разыграть снегиревских рыбаков?

Реализовал свой замысел продуманно и очень тщательно. Пришел на место посредине пруда не очень рано. Так, чтобы прогуливающийся после завтрака народ видел, как лунки набуриваю. Вспотел, но насверлил десяток в разбросе, чтобы создавалась видимость поиска «клевого места». Рыбаки ведь народ ушлый. Их на мякине не проведешь. Потом втихаря, когда в пределах видимости никого из людей не было, насадил на крючки и опустил в несколько лунок привезенных с собой окуней. Снег вокруг притоптал, будто толкался тут изрядно. Рядом накидал несколько рыбешек, повредил несильно им головы (вроде как крючок застрявший выдирал, окунь сильно заглатывает наживку, хищник все же). Капельки крови на снег выдавил для пущей достоверности. И принялся за чай, поглядывая по сторонам. Вижу, остановился кто-то и заинтересованно наблюдает за мной (а за кем еще, ведь я один как перст посреди заснеженного пруда?), бросаю стаканчик и хватаюсь за удочку. И вот она — моя добыча, свидетели имеются. Часа два, таким образом, я упражнялся в имитации бурной рыбалки. Уже и фляжка опустела, а у меня все «клюет да клюет». Заигрался, словом. Но не переиграл. Дождался, когда Зюганов, направляясь на бильярд, меня зафиксирует, и стал не спеша собираться. Сначала удочки сложил, затем бур разобрал и напоследок (вдруг кто подойдет) рыбу в отдельный пакет уложил. Нисколько не сомневаясь, что мой обманный

план сработал, сделал заключительный штрих: отдал весь улов (больше двух десятков окуней) дежурной в корпусе, где квартировал. Зная, как работает в доме отдыха «сарафанное радио», вскоре убедился, что эффективнее его пока еще ничего не придумано.

Вечером я уже считался героем дня и, соблюдая притворную скромность, с трудом удерживая рвущийся изнутри смех, делился в бильярдной своим «подвигом» с многочисленными поздравителями.

Нетрудно догадаться, что произошло на следующий день. Пожалуй, ни в одну зиму пруд не принимал столько любителей подледного лова. Где только удочки сумели достать? Не собирались ведь рыбачить. Я специально изолировался, чтобы ненароком не раскрыться: боялся, что не удержусь и расскажу правду. Продержался все же только до следующих выходных, а потом чистосердечно во всем сознался. Мой «прикол» оценили по достоинству, но повторять его никто не стал. Второй раз такое не проходит.

Как «Черномырдин» с «Чубайсом» подрались

Из всех домашних животных я больше тяготел к кошкам. В доме они с детства водились. В основном пушистые, с претензией на сибирскую масть и беспородные. Я к ним привязывался, но, как некоторые владельцы, не сюсюкал с ними. За наглость и безобразия при случае мог пинком отправить за дверь. Коты — бестии хитрющие, все понимали и настроение ловили не хуже собак. Вели себя как хозяева в доме, но меру знали.

Одно время у меня в «Снегирах» в круглогодичном распоряжении была двухкомнатная квартирка на первом этаже восьмиквартирного деревянного дома, ожидавшего лет двадцать капитального ремонта. «Косметику» там периодически наводили, но ветхость, как ее ни пытались замазать, так и перла изо всех щелей. Пол из-за деформации фундамента был наклонный: что-нибудь разольешь — само стекает, подтирать не нужно. Усугубляла картину древняя, советского производства, мебель. Правда, душ и туалет функционировали на удив-

ление исправно. Электропечь на кухне имела, зимой — тепло. Чего более надо, на природе-то?

Словом, в претензии к дирекции за эти «хоромы» я не был. Наоборот, был доволен, ибо имелись некоторые преимущества: отдельный вход через веранду, где дружной компанией укрывались от дождя и от солнца, не удаляясь от «природы», «своя территория» с несколькими яблонями и мангалом, где я готовил фирменную сахалинскую уху и придуманную тут «картошку по-снегиревски».

Коль вспомнил об этих блюдах, то придется открыть и секреты их приготовления. Как уже говорил, местную рыбу, кроме плотвы, я не признавал. Игнорировал и приготовленную из нее уху, цинично критиковал, ссылаясь на свой дальневосточный опыт. Ну, и как говорится, напросился.

— Коль ты такой спец, то покажи, как варят настоящую уху, — сказали мне.

— За базар надо отвечать, — добавил любивший поиграть блатным жаргоном выпускник академии общественных наук при ЦК КПСС, дагестанец по фамилии Жириков.

Пришлось показывать свое умение. Уха для коренного сахалинца — дело привычное и даже обыденное. Главное, чтобы соответствующая рыба была. А это прежде всего лосось, который по известным причинам в подмосковных водоемах не обитает. Но на ближайшем рынке в городе Истре имелись в продаже свежая норвежская семга и судак. Я брал семгу средних размеров, отдельно пару семужьих голов, а к ним в придачу приличного судака. Разделав рыбу на филе и все остальное, вначале в большой емкости варил рыбки головы, хвосты, хребты, плавники. Вся эта смесь кипела на медленном огне более часа. Затем через марлю процеживал бульон и опять ставил его на огонь, предварительно засыпав картошку и пару головок репчатого лука. По мере готовности картошки добавлял филе рыбы, нарезанной небольшими кусками: красной — семги и белой — судака. По ходу процесса добавлялись специи: соль, перец-горошек, лавровый лист. Когда уха была готова, сверху засыпалось много мелко нарезанной зелени: лук, петрушка, укроп. В завершение я бросал в кастрюлю уголек из мангала и выливал граммов пятьдесят водки. Десять минут ожидания — и кушать подано.

Себя нахваливать, конечно, нескромно, но гости на комплименты не скупились. Кавказцы сравнивали мою уху почему-то со своим хашем. Видимо, из-за очень наваристого бульона: наутро в нем ложка могла стоять. В общем, если я не стал выдающимся в «Снегирях» рыбаком, то в части приготовления ухи конкурентов мне не находилось.

Второй кулинарный «изыск» готовился еще проще. Сейчас я его называю «картошка по-снегиревски», хотя поначалу называл картошкой по-сахалински. Но дело в том, что на Сахалине ни я, ни кто-либо из моих знакомых так ее не готовил. Блюдо состояло из двух основных ингредиентов. Сахалинской составляющей была только лососевая икра, которой меня земляки угощали постоянно. В московских магазинах я ее не покупал принципиально, так как знал, что она в основном «паленая». Картошку же мы пекли постоянно на углях в мангале. И мне как-то пришла мысль совместить два продукта в одном. И сделать это не абы как, а изящно. Я отбирал клубни примерно одного размера, не очень крупные, но и не маленькие. Тщательно их мыл, заворачивал в фольгу и помещал в угли мангала (при этом шашлык жарился автономно). После готовности картошка освобождалась от фольги и остывала. Но не до конца. Важно, чтобы она сохраняла внутри тепло. Затем срезалась верхушка клубня, примерно треть его часть. В оставшейся делалось углубление, и в него клался небольшой кусочек сливочного масла, который в тепле таял. И вот теперь в ход шла красная икра. Обычно — чайная ложка с горкой на одну картофелину. Незамысловато, зато оригинально и вкусно. Жалею, что не запатентовал свое изобретение.

...Из «съедобного» отступления видно, что с едой, а значит, и с ее отходами, у меня было все в порядке. Последнее обстоятельство не осталось без внимания местных котов. Вначале появился один. По кошачьим меркам огромный, как небольшая дворняжка. Рыжий и самоуверенный. Чубайс, да и только. Так я его и прозвал из-за масти. Характер у него, как позже выяснилось, больше черномырдинский был. Следом появилась молодая да ранняя (вскоре «обрухатилась») пронырливая кошка, получившая кличку Хакамада. Потом хитроватый Жирик возник.

Кошачьего полку все прибывало и прибывало: почти каждый день по новой морде с хвостом. Как политики во власть, так и зверье на дармовщину. Я уже устал им клички давать. Одного Зюганычем назвал, другого Козырем — по фамилии бывшего министра иностранных дел, известного американского угодника. Но тут смотрю: Чубайс начинает порядок наводить в кошачьей тусовке, очень недемократическими методами, и всех «выстраивать». После очередной разборки кое-кто безвозвратно исчез с моей территории. Однако появился новый персонаж: большой, короткошерстный (видно было, как мускулы играют) черный самец с белой отметиной на груди. Примкнул он к сформировавшейся компашке достаточно скромно, прав не качал. Видимо, чуял, с кем власть придется делить, и присматривался к раскладу сил. Вертлявая Хакамада сразу «пробила ситуацию» и сменила старого вожака на молодого и перспективного котяру, которого я обрек (опять же по масти) прозываться Черномырдиным.

Некоторое время мы все жили достаточно мирно. Порой мне приходилось показывать, кто в доме настоящий хозяин. С наглцами, что по квартире без дозволения шныряли, не церемонился. Под горячую руку доставалось и рыжему любимцу, когда среди ночи обнаруживал рядом на подушке его усато-шерстяную морду. Он улетал напрямик в открытую на веранду дверь. Тем не менее, если через некоторое время место на подушке оказывалось не занятым, процедура повторялась. Наверное, так кот демонстрировал свою преданность мне. Привязался он ко мне крепко, как-то по-собачьи. Вечером, когда я шел в бильярдную, он всякий раз сопровождал меня. Метров двести шел рядом, потом внезапно застывал на месте, будто перед невидимой границей, которую ему никак переступить нельзя, дожидался, когда я пойду дальше, смотрел некоторое время вслед, разворачивался и уходил восвояси. Мои попытки заманить его за пресловутую черту ни разу не увенчались успехом. Видать, кошачья граница держится крепче, чем у людей. А может, просто кот был старой закваски, законопослушный не в пример новому поколению.

Однако более интересное происходило, когда я возвращался домой. Это могло быть и среди ночи, и под утро. Как

игра на бильярде пойдет, как шары будут в лузы ложиться. Предугадать время своего возвращения даже я сам порой не мог. А вот кот откуда-то знал и всегда меня встречал на том же самом месте. То, что он не сидел в ожидании, совершенно точно, поскольку очень колоритный и приметный был, мне бы рассказали. Нет, он появлялся в нужный момент и доводил меня до дверей. Подобная преданность у кошачьих редко встречается, и я гордился рыжим другом.

По некоторым признакам я мог судить о том, что в кошачьей стае назревает конфликт. И вот однажды пришлось выскочить из комнаты от истошных нечеловеческих воплей. Перед крыльцом скакал какой-то рыже-черный мохнатый шар, который представляли собой два сцепившихся между собой озверевших кота. Это подтверждал дикий рев из разномастного клубка. На мои крики подпрыгивающий, как в баскетболе, мяч ничуть не реагировал. Что было делать? Я схватил подвернувшуюся под руку палку и огрел сразу обоих, не заботясь, куда попал. Коты взвизгнули, прыгнули в разные стороны и, сидя поодаль друг от друга, стали очумело вертеть мордами. Видимо, соображали, что это было. Пока рыжий и старый приходил в себя и приводил в порядок, черный и молодой быстро очухался и, крадучись зайдя к противнику со спины, внезапно на него набросился. И снова ревуший клубок поскакал по двору. Мне никогда не нравились в драке подлые приемы, и я взялся за воспитательный инструмент. На этот раз бил расчетливо по черной полосе, а потом гнал палкой до самой кошачьей границы бестию, которая опозорила фамилию любимого журналистами прикольного Виктора Степановича. Больше этот кот на моей территории не появлялся. Но история с кошачьей дракой получила неожиданное продолжение.

Настроение у меня после этой сцены испортилось так, что я даже чуть не забыл угостить традиционной «соткой» заглянувшего с домашними разносолами лодочника Григорьяича. Нас с ним связывали не столько приятельские, сколько коммерческие отношения. Григорьяич, трудяга, каких мало, держал за поселком большой огород, где выращивал широкий ассортимент сельхозпродукции для семьи и на продажу. Растил без применения «химии», на естественных удобрениях

ях. Урожаи получал хорошие, экологически чистые. Однако со сбытом в условиях рыночной конкуренции возникали серьезные проблемы, хотя цены он устанавливал более чем умеренные. Прознав про крестьянские трудности, я предложил скупать у него излишки прямо на корню в нужных мне объемах. При этом оговорил одно условие: храниться моя продукция будет в его погребах, а я буду забирать ее по мере необходимости. Сделка состоялась к общему удовольствию, и я стал для него чуть ли не работодателем. Кроме того, Григорьичу было предоставлено эксклюзивное право: проверять мои «телевизоры» на пруду. Улов делили пополам.

На этот раз он принес что-то из домашних консервированных овощей. Застав меня в расстройстве, поинтересовался: не случилось ли чего? Я без всякой задней мысли брякнул:

— Да вот Чубайс с Черномырдиным подрались, пришло палкой разгонять.

— Напились, что ли? — уточнил лодочник-фермер.

— Хуже, — говорю. — Власть не поделили.

Лодочник принял свои сто граммов и ушел. Далее происходило по Михаилу Задорнову. Вечером у меня по плану был пруд. С рыбалкой и другими прилегающими к ней вещами. Не сразу обратил внимание на застывшие в глазах моих приятелей вопросы. После традиционных тостов за хороший клев, за первый пойманный хвост меня стали ненавязчиво расспрашивать: чем днем занимался, кто в гостях был? Я, как обычно, отшучивался, но, видимо, создавалось впечатление, что темно. Последовал уточняющий вопрос:

— А Анатолий Борисович не заезжал?

Прикалываются, думаю, и отвечаю в том же духе, имея в виду кота:

— Да он и сейчас у меня сидит, раны зализывает.

Повисает какое-то странное молчание. Через затянувшуюся паузу кто-то из «кавказских людей» вежливо спрашивает:

— А правда, что они с Черномырдиным сильно поругались?

Тут до меня кое-что стало доходить, и я решил уточнить:

— Вы о чем, собственно, мужики? Если о моих котах, то они действительно сильно поругались, если так можно вы-

разиться. Пришлось даже палкой разгонять. А настоящие... С какой стати они ко мне приедут?

Хохот поднялся такой, что, наверное, и рыба в пруду от испуга в ил зарылась. Отсмеявшись, рассказали, что приняли за чистую монету байку лодочника. Его знали как человека честного и правдивого, а он, по простоте душевной, на самом деле поверил, что у меня гостили Чубайс и Черномырдин, напились и подрались. Рыбаки (они же все по совместительству «политологи и аналитики хреновы») вспомнили мой послужной список, в котором имели место совместная работа с Чубайсом и знакомство с Черномырдиным, пришли к выводу, что полученная информация соответствует действительности. Говорят, даже «дядя Зю» не подверг сомнению небыллицу, а только осуждающе покачал головой: куда, дескать, страна прикатит с такими правителями.

Про политику

Все события, происходившие в стране, не оставались без внимания «снегиревского сообщества». Либо на пруду, либо в бильярдной политические темы всегда обсуждались открыто и откровенно. Зашоренных и закрытых людей среди местной публики было мало. Так уж у нас заведено, что после рюмки каждый мнит себя политиком. Послушаешь некоторых, и хочется поставить во главе государства. Впрочем, порой можно было услышать много дельных соображений. Мне представляется, что и Геннадий Зюганов, и другие партийно-государственные деятели немало почерпнули для себя из общения со снегиревскими «народными массами». Да и мне самому приходилось обращаться к вождю коммунистов с конкретными предложениями. Одно такое обращение у меня сохранилось. Привожу его полностью.

«Уважаемый Геннадий Андреевич!

Ни на что не претендуя, руководствуясь одним лишь чувством справедливости, которое так цинично топчет ЕР, предлагаю Вам для рассмотрения следующий проект:

– во время выборов в Думу заключить временный тактический союз с эсерами и яблочниками и сосредоточить совместные ресурсы (людские и денежные) на завоевании всех депутатских мест в Питере. В крайнем случае, большинства мест. Собрать для этой цели весь цвет трех партий, пригласить со стороны не спортсменов и балерин, а известных хозяйственников, способных в будущем управлять городом. Выдвигать кандидатов по всем избирательным округам и прямо говорить людям: мы начинаем великую чистку с родного города; мы заверяем, что отсюда будет истекать нравственная, справедливая политика, в которой так нуждается Россия;

– победа оппозиции в Питере на выборах в Думу — это пощечина ЕР, но не только и не столько пощечина. Совместная победа оппозиции на родине нынешней власти, в «логове противника» — это взрыв в их собственном доме. У трех оппозиционных партий в Питере хороший задел, грамотное использование которого при согласованных действиях способно произвести настоящий фурор на предстоящих выборах в Госдуму;

– второй этап — завоевание местного парламента. У КПРФ, «Яблока» и СР есть серьезные люди на ключевые посты в заксобрании. Если удастся вырвать парламент Питера из ЕР, это будет второй взрыв в их собственном доме. Сильнейшее психологическое поражение. Они подвергнутся осмеянию всеми СМИ. Для регионов это станет примером.

Вывод:

- триумфально пройти в Госдуму через Питер;
- завоевать питерский парламент;
- создать прецедент тактического союза политических оппонентов на региональном уровне».

Подписал письмо мой старый товарищ, бывший главный редактор «Российской газеты» Валентин Логунов. Мою подпись решили не ставить из тактических соображений. Зюганов знал меня еще в то время, когда я работал в администрации президента. И, думаю, не забыл, как я над ним куражился, будучи «под мухой». Бывало, зайду в бильярдную, а там вокруг «дяди Зю» народ кучкуется, и с порога кричу: «Опять Зюганов красной пропагандой занимается! Все президенту расскажу».

Народ посмеивался, прикалываться здесь любили, но Зюганова не трогали. Мои шутки, согласен, были на грани фола. Но должен заметить, никакого уважения в ту пору к Зюганову я не испытывал. И отнюдь не потому, что представлял сторону, выигравшую президентские выборы. А потому, что знал: на самом деле выиграл-то он, только духу у него не хватило удержать победу.

Более десятка лет прошло с тех пор. В моей судьбе многое поменялось: в первую очередь взгляды на жизнь, да и с алкоголем тоже «завязал». Но настороженность со стороны Геннадия Андреевича не исчезла. Зато на Валентине Логунове стояла печать страдальца от режима. Неважно, что ельцинского, а не путинского. Он после известного «расстрела Белого дома» не только должности лишился, а вообще в «черный список» до конца своих дней попал. Все об этом знали. Диссидент, одним словом.

Отдал я это письмо Зюганову в бильярдной при свидетелях. Он прочитал и сказал:

— Очень интересное предложение. Покажу товарищам, надо посоветоваться.

Потом добавил с сожалением, что трудно будет договариваться с «небритым социалистом» Мироновым, да и Гриша Явлинский не очень к таким договоренностям расположен. На что я ему ответил, что и Миронову такая бумага ушла, и тут важно, кто сделает первый шаг для объединения в борьбе с общим политическим противником. Проявитесь, говорю, не на словах, а в делах. Чего вы с трибун радеете за Россию? Вам предоставляется реальная возможность победить правящую партию в отдельно взятом регионе. Во все времена подобные тактические союзы заключались. Покажите, наконец, людям, что их интересы для вас выше, чем партийные разногласия. Что же касается Явлинского, то не только он «Яблоко» создавал. Есть еще один «отец-основатель» — Юрий Болдырев. Он, хотя давно и вышел из партии, но в Питере имеет большой авторитет, в том числе и среди бывших однопартийцев.

— Да, это так, — подтвердил Зюганов и заключил: — Все же мне надо посоветоваться с товарищами.

Не знаю, как они там советовались, но публично по этому поводу ни мионовцы, ни зюгановцы не высказались. Между тем у них был действительно был уникальный шанс «поставить к стенке» своих заклятых оппонентов. И это не мое личное мнение. Все знакомые политологи, узнав об этом проекте, соглашались, что он реальный. Правда, при этом добавляли, что ни Миронов, ни Зюганов на такой рискованный шаг никогда не пойдут: им это не нужно.

Справедливости ради надо отметить, что одно из моих предложений не осталось без внимания коммунистов. Уже на президентских выборах доверенным лицом Зюганова стал Юрий Болдырев. Свою роль он выполнил блестяще. Даже оппоненты публично признавали силу его спокойных аргументов и всегда проигрывали ему в полемике. После выборов у меня появилась еще одна идея: я предложил вечному кандидату в президенты посмотреть на Болдырева как на своего преемника. Принять его в партию, а через год-другой избрать «генсеком». А самому Зюганову в качестве «духовного лидера» коммунистов присматривать за молодежью.

Геннадий Андреевич ответил, как будто уже думал над этим.

— У нас этот вопрос на контроле, — сказал он.

А я, в свою очередь, подумал, что если где и контролируют этот вопрос, так это в Кремле. Как, впрочем, и все другие, касающиеся деятельности коммунистов и других партий. В кремлевские планы личности типа Болдырева не вписываются, несмотря на питерское происхождение. Слишком умен, талантлив и независим. Такие люди нынешней власти, видимо, не нужны.

Об авторе

Виталий Гулий в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века волей судьбы оказался в коридорах власти. В значительной мере это следствие горбачевских реформ. Реформ, которые нынче многие проклинают, но которые выдвинули на политический небосклон новых неординарных политиков, сыгравших впоследствии важную — и положительную, и отрицательную — роль в жизни страны.

Виталий Гулий, сахалинский журналист, в 1989 году выиграл выборы в народные депутаты СССР у первого секретаря обкома КПСС, некоторое время работал в «Российской газете», в 1991 году назначен представителем Президента России на Сахалине, затем многие годы служил в Администрации Президента РФ в качестве заместителя начальника управления, поработал заместителем полпреда президента по Дальнему Востоку, помощником сенаторов, руководил аппаратом Комитета по конституционному законодательству Совета Федерации, был советником министра сельского хозяйства.

Но, как видим, журналистика в конечном итоге вышла на первое место в его предпочтениях. Предлагаемая читателю книга — это штриховые портреты известных и малоизвестных людей, с которыми соприкасался автор в течение чуть ли не четверти века. В целом же эти зарисовки с натуры воссоздают объемную картину нынешнего чиновничества, показывают истинные его устремления и действия, которые движут людьми на российском Олимпе. Картина нашего мира, в котором живем мы и в котором крутился автор, увы, оставляет тяжелое впечатление. Что ж, мы должны знать, кто и с какими побуждениями управляет нами.

*Валентин Логунов, главный редактор
«Российской газеты» в 1990–1993 гг.*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
На Старой площади	7
Время «Ч». Кое-что о Чубайсе и его команде	7
Путин. Мимолетное знакомство	27
Самураи на службе сюзерена	36
В Палате регионов	55
От «Мируныча» до «Иваныча»	55
Прокурорские игры	68
Полпреды от Совфеда	72
Мои работодатели	76
Шпигель как зеркало	118
«Народные» мстители	132
Менты в законе	136
«Генеральский» прокурор	142
Олигархи-законотворцы	149
Мои «косяки» в Минсельхозе	159
Вместо предисловия	159
«Косяк» № 1. Рыбсовет без министра	161
«Косяк» № 2. Палата предъявляет счет	166
«Косяк» № 3. Работодатели, объединяйтесь!	173
«Косяк» № 4. Утерянная записка, или Концы в воду	177
«Косяк» № 5. Непризнанная концепция	180
Послесловие. Персона нон грата	182
Не последний	186
Актер второго плана	186
Свои и чужие	191
Нефтерыбопорт	195
Новогодний привет Минсельхозу	200
Как салаги морского волка разводили	208

Курильский вариант	214
Люди Аину	221
На другом берегу	224
Страсти по Курилам	227
Браконьерский налет	230
Куда ведет «четвертый путь»	233
На измене	243
Спаситель Курил — русский еврей Верховский	250
Размышления на тему...	271
Гей, Россия. Почему «голубеет» страна?	271
Евреи во власти	285
Байки из «Снегирей»	302
На бильярде	309
На пруду	315
Как «Черномырдин» с «Чубайсом» подрались	323
Про политику	329
Об авторе	333

Общественно-популярное издание

Гулий Виталий Валентинович

**ПОДНОЖИЕ
РОССИЙСКОГО ОЛИМПА**

**Штрихи к портрету
современного чиновника**

Редактор О. И. Григорьева

Художник Ю. Р. Пономарева

ООО «Издательство Алгоритм»
Лицензия ЛР № 063845 от 04.01.95

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 16.09.14. Подписано в печать 17.10.14.

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. Заказ № .